

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 15

ВОЙНА И МИР

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Лев Николаевич Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 15. Война и мир.
Черновые редакции и
варианты. Часть третья**
(Толстой, Лев Николаевич. Полное собрание
сочинений в 90 томах (1928-1958) #15)

Содержание

#1	0004
Предисловие к электронному изданию0005
#1	0005
Лев Николаевич Толстой Полное собрание сочинений Том 15 Война и мир. Черновые редакции и варианты. Часть третья	0007
#1	0007
ВОЙНА И МИР ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ0008
#1	0009
ПРЕДИСЛОВИЕ	0009
ВОЙНА И МИР ВАРИАНТЫ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ	0010
ВАРИАНТЫ К ЭПИЛОГУ0352
ДОБАВЛЕНИЯ0644
СОДЕРЖАНИЕ	0649
ИЛЛЮСТРАЦИИ	0650

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта «Весь Толстой в один клик»

Организаторы:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АВВУУ

Подготовлено на основе электронной копии 15-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной Российской государственной библиотекой

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, сообщите нам на report.tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером — компанией АВВУУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту

присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца — второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой
в один клик»
Фекла Толстая*

Лев Николаевич Толстой
Полное собрание сочинений
Том 15
Война и мир. Черновые
редакции и варианты. Часть
третья

Государственное издательство
«Художественная литература»

Москва — 1955

Перепечатка разрешается безвозмездно

Л. Н. Т О Л С Т О Й

П О Л Н О Е С О Б Р А Н И Е С О Ч И Н Е Н И Й

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

15

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1955

ВОЙНА И МИР

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Г. Н. ВОЛКОВОЙ и Н. С. РОДИОНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В томе 15 публикуется 113 рукописных вариантов к четвертому тому «Войны и мира». Из них 84 варианта печатаются по черновым автографам Л. Н. Толстого и по переработанным им копиям, 14 — по наборным рукописям и 15 — по корректурам. В разделе «Дополнения» напечатаны по автографам два варианта, относящиеся к первому тому «Войны и мира».

Всего в томах 13, 14 и 15 опубликовано 432 рукописных варианта.

Редакционные пояснения, касающиеся порядка публикуемого текста и правил его вос-

произведения, остаются в данном томе те же, что и в предшествующем (см. т. 14, стр. 5–7).

ВОЙНА И МИР

ВАРИАНТЫ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

I. ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ И КОПИЙ

* № 252 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. V).[1]

Губернаторша подошла к ним.

— А тут есть одна дама, которая тебя очень хочет видеть. Ведь ты позволил мне так называть тебя, Nicolas?

— О да, ma tante.[2] Кто же это?

— Это одна Малвинцева. Она рассказывала про твое геройство, как ты спас там где-то одну девицу.

— Вот как!

— Да, она[3] здесь в Воронеже, с княжной Марьей Болконской. Ого! как покраснел. Что, или?..

— И не думал, полноте, ma tante.

— А знаешь, вот это бы тебе точно партия. Я тебя истинно люблю. Хочешь, я тебя живо сосватаю?

Губернаторша подводила его в это время к старушке. Это была тетка княжны Марьи, с которой княжна жила теперь в Воронеже.

— Я, ma tante, как следует солдату, ни от чего не отказываюсь, никуда не напрашиваюсь.

— Ну, помни же.

Они подошли к рябой старушке. Старушка, тетка княжны Марьи, стала благодарить Nicolas за спасение ее племянницы. Княжна Марья никуда не ездила. Она вся была в своем горе — потере отца, в заботах о племяннице.[4]

— О, это такой ангел! Надеюсь, вы посетите нас, граф?

Nicolas обещал, и, странное дело, он чувствовал, как он краснел, говоря о княжне Марье. Не то, чтобы он был влюблен в нее. Нельзя было быть влюбленну в княжну Марью, но отчасти как будто совесть его мучала в чем-то по отношению к княжне Марье и отчасти что-то странное,[5] не такое, какое было с дру-

гими, чувствовалось ему в его отношениях к княжне Марье.

— Потом что ужасно, — говорила старушка, — это то, что мы ничего не знаем о князе Андрее. Мы знали, что он был в Бородинском сражении. — Старушка вздохнула, — но что и как.

Nicolas ничего не мог сказать и обещал побывать и, стараясь избавиться от повторения благодарения и рассказа о том, как необыкновенно вел себя Nicolas при спасении княжны Марьи, он отошел от своей названной тетушки.

Маленькая губернаторша положила свою пухленькую ручку на рукав Nicolas и повела его в диванную, из которой бывшие тотчас же ушли, чтобы не мешать губернаторше.

— Нет, право, mon cher,[6] — сказала губернаторша с серьезным выражением маленького доброго лица, — право, дай я тебе устрою это. Я уверена, твоя татап меня благодарить будет. Право, какая девушка — прелесть. И она совсем не так дурна.

— Совсем нет, — как бы обидевшись, сказал Nicolas.

— Да, да, — как бы сама с собой говоря, сказала губернаторша, — а вот что, *mon cher, entre autre. Vous êtes trop assidu auprès de l'autre, la blonde.*[7] Муж уж жалок, право.

— Ах нет, мы с ним друзья, — в простоте душевной наивно сказал *Nicolas*.

— Нет, право, он похудел даже, — и губернаторша засмеялась старушечьим мелким смехом. — А вот княжна. Рок головы ищет, — прибавила она. — Для меня сделай это: поезжай, а я свое дело сделаю....[8]

Усталость ли от поездки нынешнего дня, мрачное и огорченное лицо мужа, которое теперь, после слов губернаторши, заметил *Nicolas*, или вообще усталость от всей этой губернской жизни, потерявшей теперь новизну, только вдруг *Nicolas* сделалось скучно и, когда он лег в постель, совсем не те мысли, которые он вызывал, шли ему в голову.

* № 253 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. V, VI).[9]

[10] — Вы знаете Софи? Мы были влюблены — то есть,[11] ну да, дело в том, что я, по правде,[12] я обещал жениться и женюсь на

ней.[13]

— Mon cher, mon cher![14] Как же ты судишь. А твоя татама? Это убьет ее — раз. Потом Софи, ежели она девушка с сердцем, какая жизнь для нее будет — мать в отчаянии, дела расстроены, — нет, mon cher.

Nicolas молчал. Ему приятно было слышать эти доводы, но говорить нечего.

— Напиши ей.

— Нет, ma tante, я обещал, и[15] это убить Софи. Ужасное положение!

— Ах, mon cher, mon cher.[16] Как ты еще молод.

— Но что вы мне посоветуете?

— Ты женишься на княжне Марье, ежели Софи откажет тебе?

— Да еще[17] пойдет ли за меня княжна Марья?

— Нет, ты женишься?

— Обещать не хочу, а....

— Ну, хорошо.

[18] На[19] следующий же день губернаторша, с тем особенным жаром, с которым бездетные добрые женщины увлекаются сватовством, занялась своим делом. Она написала

письмо графине о своих планах и намерениях и в графинином письме вложила другое — Соне.

[20] В письме этом она, [21] объясняя Соне положение Nicolas и всего его семейства, обращалась к ее великодушию. И на другой же день губернаторша съездила к княжне Марье и [22] сделала такой план общественных увеселений, при котором Nicolas и княжна Марья каждый день должны были быть вместе. [23]

В этот же день Nicolas, по обещанию своему, поехал к княжне Болконской. Княжна Марья сидела в низенькой гостиной за пальями. M-lle Bourienne и тетушка сидели за круглым столом. [24] 7-летний Николушка сидел на скамеечке у ее ног.

Первое чувство, возбужденное в Николае княжной Марьей, было чувство жалости. Она, видимо, тщетно боролась с своим волнением и с желанием не показать его в то время, как ожидала входа гостя. Она опустила глаза, когда он вошел. И увы! Он должен был признаться, что она дурна. Но как только она взглянула на него своим глубоким, страдавшим взглядом, сознание это тотчас же исчез-

ло. В лице ее, некрасивом, как некрасивы бывают транспаранты без освещения, был зажжен[25] огонь, и[26] огонь этот освещал и играл на всем, что окружало ее. Свет этот не был ярк и светел, но чувствовалось его сильное и прочное освещение.[27]

Лицо княжны Марьи изменилось совершенно в ту минуту, как вошел Nicolas, не только на его глаза, но и на глаза V[ourienne] и M[альвинцевой]. В лице ее, в глазах (глаза были всё ее лицо) не было того ясного, невинного, простого света, который бывает у людей не страдавших, не думавших, не изучавших себя и потому довольных собою, той светлости, которая в высшей степени была в Nicolas; но в ней был глубокий свет, застилаемый внутренней, вечно недовольной собой работой.

Nicolas видел ее[28] некрасивою, но привлекательною, жалкою и значительною. Как только он увидал ее, он почувствовал, что как будто вступил в новый[29] и стройный и простой мир.

[Далее от слов: Разговор был самый простой и незначительный. Они говорили о

Москве, невольно, как и все, <притворяясь> преувеличивая свою печаль об этом событии, *кончая словами:* и добродушно-весело стал целовать мальчика *близко к печатному тексту.* Т. IV, ч. 1, гл. VI.]

— Славный, славный, княжна.

Когда Nicolas уходил и целовал [ее руку], княжна[30] поразила Nicolas своим важным и холодным тоном. Она спасалась от обхватившей[31] ее душу радости в этом холодном тоне.

[32] Nicolas и княжна Марья почти каждый день бывали вместе, и, очевидно для всех, их умышленно оставляли наедине.

В первое время это[33] возмущало Nicolas. Бессознательно он чувствовал, что тут что-то нехорошо, но потом вдруг он рассердился на себя и на всех и, как в Тильзите, не позволил себе усумниться в том, хорошо ли то, что признано всеми хорошим, точно так же и здесь не позволил себе мудровать, а предоставил себя той власти, которая его, он чувствовал, непреодолимо влекла куда-то. Он знал, что, обещав Соне, сделать предложение княжне

Марье — есть то, что он называл подлость. И он знал, что подлости он никогда не сделает.

Но он знал тоже, не знал, а в глубине души чувствовал, что как-то сделается то, что он без подлости женится на княжне Марье и что бороться против этого напрасно.[34]

* № 254 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. VI–VIII).

[35] Николай чувствовал, то[36] его сватают и женят и, вспоминая свое прежнее презрение к бракам, составляемым таким образом, свои насмешки над[37] теми, которые поддавались свахам, он удивлялся самому себе, он не противодействовал тому, что с ним делали. Как в Тильзите, он не позволил себе усумниться в том, хорошо ли то, что признано всеми хорошим, точно так же и[38] теперь он после короткой, но искренней борьбы между[39] попыткой устроить свою жизнь по своему разуму и смиренным подчинением обычному и принятому всеми людьми, он выбрал последнее и предоставил себя той власти, которая его, он это чувствовал, непреодолимо влекла куда-то. Он знал, что, обещав Соне, — сделать предложение княжне Марье —

есть то, что он называл подлость. И он знал, что подлости он никогда не сделает. И он знал,[40] и не то, что знал, а в глубине души чувствовал,[41] что, отдаваясь теперь во власть обстоятельств, людей, руководивших им, он не только не делает ничего дурного, но делает что-то очень, очень[42] важное — такое важное, чего он еще никогда не делал в жизни.

В отношениях его с княжной Марьей ему постоянно чувствовалось что-то совершенно особенное от всех прежних отношений с другими женщинами. И особенность эта заключалась в каком-то грозном, таинственном и привлекательном ужасе, который он испытывал в ее присутствии. Образ жизни его в Воронеже и во время поездок его на заводы был такой же, как и прежде: он ухаживал за хорошенькими дамами, танцевал необыкновенным губернским образом,[43] с значительной улыбкой беседовал с хорошенькими барышнями и совсем или очень редко думал о княжне Марье. Даже ежели и когда он думал о ней, он никогда не думал так, как он без исключения думал о всех барышнях, встречавшихся

ему в свете, не так, как он долго и когда-то с восторгом думал о Соне. О всех барышнях, как и почти всякий честный молодой человек, он думал, как о будущей жене, примеривая в своем воображении к ним все условия супружеской жизни: белый капот, жена за самоваром, женина карета, ребятишки, тапан и рара, их отношение с ней и т. д. и т. д. Но когда он думал о княжне Марье, на которой его сватали, он никогда не мог ничего представить из будущей супружеской жизни. Ежели он и пытался, то всё выходило нескладно и фальшиво. Он только думал о ней, о ее свойствах, наклонностях, обдумывал и вспоминал ее выражения и, с несвойственной ему пронизательностью, делал общие, всегда самые лучшие, выводы о ее характере. В ее присутствии Nicolas тоже испытывал совершенно особенное чувство. С другими дамами и девицами, которые занимали его, он часто сам с собою наедине придумывал то, что он скажет с тою или другою дамою, когда увидится с ней: так с блондинкой он говорил ей те самые мифологические комплименты, которые он говорил другим прежде и не для нее пригото-

вил, но с княжной Марьей было совсем другое. Что бы он ни думал о ней, ни приготавливался ей сказать — как только он был с нею, он не мог говорить того, что хотел, а говорил и делал то, что хотел кто-то другой. И всё это делалось и говорилось в ее присутствии как-то нечаянно, как будто помимо его воли. И всегда что-то не именно тяжелое, но трудное — не игрушечное — было в их свиданиях.

Княжна Марья испытывала то же самое в отношении Nicolas. Также она никогда не мечтала о нем, также она при нем подчинялась какой-то невидимой силе, которая руководила ею, и также она до подробностей изучала его и не в том смысле, хорошо ли он танцует, не играет ли он в карты и нет ли у него долгов, постится ли он и ходит ли к обедне, а в изучении его задавала себе относительно его самые странные — общие вопросы. Она по словам и выражениям его добиралась, есть ли у него снисходительность к слабостям других, есть ли привязанность к месту, есть ли любовь к детям (эту последнюю она нашла в нем), как будто ей нужно было знать всё это.

(Новая глава)

Письмо губернаторши к графине и Соне было получено Ростовыми в Москве в последних числах августа.[44] Графиня, несмотря на суету и волнение, в которых находились в то время все московские жители, отвечала тогда же и губернаторше, изъявляя полное сочувствие ее планам, и писала Николаю, описывая ему теперь уже определившееся, верное разорение всего семейства по случаю невозможности продать дом и подмосковную и ни слова не говоря о княжне Марье. Она знала его[45] еще отроческую привычку всегда, как будто выказывая свою возмужалость, не слушаться ее советов.

[46] Получив письмо из Воронежа от почти неизвестной ей особы, Соня быстро пробежала его глазами до подписи, вспомнила имя губернаторши и опять с радостной тревогой, — не читая, пробежала глазами мелкие французские строки, в которых встречались слова: *Nicolas* и *votre cousin*. [47] Ей представилось, что какое-то неожиданное большое счастье [48] объявляется этим письмом. Но, начав читать то ласковое, льстивое вступление, которое губернаторша предпосылала своему пред-

ложению: *connaissant votre générosité et la noblesse de votre coeur*,[49] Соня опять просмотрела вперед, увидала слова: *la charmante princesse Marie Volkonsky*,[50] Соня вдруг багрово покраснела и зарыдала. Она всё поняла. И, читая[51] письмо от слова до слова, она находила уже в нем всё знакомое. Вмешательство постороннего человека, подтверждение этим посторонним человеком того же, что говорила до сих пор одна графиня, и оскорбило Соню, и убедило ее, что они были правы, а она была неправа. Надо было пожертвовать собой для счастья его и для счастья всей семьи, которая вскормила и воспитала ее. Жертвовать собой для счастья других было привычкой Сони. Ее положение в доме было таково, что только на пути жертвования она могла выказывать свои достоинства и она привыкла и любила жертвовать собой. Но прежде во всех действиях самопожертвования она с радостью сознавала, что она, жертвуя собой, этим самым возвышает свою цену в глазах себя и других и становится более достойной *Nicolas*, которого она любила больше всего в жизни. Но теперь жертва ее должна

была состоять в том, чтобы отказаться от того, что для нее составляло всю награду жертвы, весь смысл жизни. И этого она не могла. И в первый раз в жизни она почувствовала <досаду, злобу ко всем, в особенности> к этой, вмешивающейся не в свое дело чужой женщине, почувствовала горечь к тем людям, которые облагодетельствовали ее для того, чтобы больнее замучить, почувствовала зависть к Наташе, никогда не испытывавшей ничего подобного, никогда не нуждавшейся в жертвах и заставлявшей других жертвовать себе и все-таки всеми любимой. И в первый раз почувствовала, как из ее тихой,[52] чистой любви к Nicolas вдруг начинало вырастать страстное чувство, которое стояло выше и правил, и добродетели, и религии. Под влиянием этих чувств Соня перестала плакать, и, невольно выученная своей зависимой жизнью скрытности, она на вопрос графини, от кого было письмо, сказала, что оно было от ее дяди. Соня решила не отвечать ничего и ждать свидания с Nicolas, в котором она решила не освободить, но, напротив, навсегда связать себя с ним.

Хлопоты и ужас последних дней в Москве заглушили в Соне тяготившие ее мрачные и сухие мысли. Она рада была находить спасение от них в практической деятельности. Но когда она узнала о присутствии в их доме князя Андрея, несмотря на всю искреннюю жалость, которую она испытала к нему и к Наташе, радостное и суеверное чувство того, что бог не хочет[53] того, чтобы она была разлучена с Nicolas, охватило ее. Она знала, что Наташа любила одного князя Андрея и не переставала любить его. Она знала, что теперь, сведенные вместе в таких страшных условиях, они снова полюбят друг друга и что тогда Nicolas нельзя будет жениться на княжне Марье. Несмотря на весь ужас всего происходившего в последние дни и во время первых дней путешествия, это чувство радости и сознание вмешательства провидения в дела ее, преобладало в Соне и странно поражало иногда чуткую Наташу.

В Троицкой Лавре Ростовы сделали первый привал на своем путешествии.[54] В этот день князю Андрею было гораздо лучше и между им [и] Наташей было объяснение,

вследствие которого Наташа объявила отцу и матери, что она невеста князя Андрея,[55] и просила, чтоб их образовали. Монах прочел им молитву и сказал короткое слово над постелью, на которой лежал князь Андрей, заставил их поцеловаться и, пожелав исцеления от недугов телесных и душевных, благословив их, ушел.

Из Троицы граф и графиня писали [1 неразобр.] сыну, объявляя ему о всем том, что случилось со времени их отъезда из Москвы, и Наташа, по уходе монаха, под диктовку князя Андрея, писала княжне Марье, уведомляя ее о своем положении и приглашая ее вместе с Никулушкой переехать в Ярославль, где они могли быть все вместе.

На гостинице Лавры, в больших комнатах, отведенных настоятелем своим давнишним посетителям и вкладчикам Ростовым, в этот день происходила смешанная — тревожная, горестная и радостная, трогательная суматоха.[56] Соня с Наташей после обеда, когда князь Андрей задремал, пошли служить молебен угоднику и обе одинаково усердно благодарили за одно и то же и молились об од-

ном и том же: о сохранении жизни князя Андрея. Возвращаясь из[57] собора, Наташа, робкая и умиленно счастливая, шла подле Сони.

— Соня! Да, он будет жив? — сказала Наташа. — Соня! Как я счастлива и как я несчастна. Соня, голубчик! — и Наташа расплакалась.

[58] Вернувшись[59] на гостиницу, Наташа, узнав, что князь Андрей проснулся, взглянула в зеркало, не видя себя, но только для того, чтобы узнать, не красны ли ее глаза.

— Пойдем вместе к нему, Соня, — сказала она, — он любит тебя.

Они вошли к князю Андрею, к жениху, который высоко лежал на подушках,[60] покрытый синим одеялом. Лицо его было строго и недовольно, когда барышни вошли в комнату. Увидав их, он поспешно и притворно изменил выражение своего лица.

— А, вы были у угодника? — сказал он. — Я рад, что вы были.[61]

Наташа взяла его за руку и села подле него.

— Ах! — вдруг почти вскрикнула Соня.

И князь Андрей и Наташа оглянулись на

нее.

— Что ты? — спросила Наташа.

Соня взволнованно покраснела.

— Знаешь, что я вспомнила, Наташа? Я вспомнила наше гаданье на святках, помнишь, когда мы ездили к Мелюковым.

— Ах да, ты в зеркало смотрела, ты видела его? — сказала Наташа, широко раскрывая глаза. Но[62] в ту же секунду Наташа как будто вспомнила, что теперь она не может отдаваться одним своим чувствам. Даже в мелочи она не смела теперь удивляться, радоваться или волноваться, не узнав прежде,[63] как ее господин и обладатель смотрит на это. Она вдруг остановилась в выражении своего удивления и на князя Андрея посмотрела вопросительно и искательно, как умная собака смотрит на хозяина.

— Вы, может быть, не верите этому, князь? — сказала Соня, обращаясь к князю Андрею, заметив[64] взгляд Наташи, — но это необыкновенно. Я видела, видела в зеркало вот это самое. Я видела, что вы лежите, покрыты чем-то синим и подле вас сидит Наташа, — рассказывала Соня то, что она тогда

придумала, глядя в зеркало, и то, что потом, отпечатавшись в ее воспоминании,[65] представлялось ей столь же действительным, как и всякое воспоминание, основанием которого была не выдумка, но действительность. Она только прибавила теперь, что синим был покрыт князь Андрей, и прибавка эта не поразила Наташу, напротив, ей именно поразительным казалось то, что еще тогда Соня сказала, что князь Андрей был покрыт чем-то синим.

Когда Соня и Наташа рассказали подробно, как это всё было, Соня еще раз обратилась к князю Андрею с вопросом, верит ли он в это. Наташа не спрашивала, она знала по выражению лица своего[66] хозяина, что он скажет, что верит, но что в этих словах будет другое значение, значение, которое она чувствует, но не понимает. Действительно, князь Андрей так и отвечал, как она предполагала.

— Отчего же вы думаете, что я не поверю? Нет, я теперь во всё верю после того, что она (он взглянул на Наташу) сделала со мной, захотела связать себя с у..... Я во всё верю, — прибавил он, пожав руку Наташи.

— Что ж, послали письмо сестре? — сказал

он, естественным путем мысли наведенный на воспоминание о том, что в этом письме он писал, чему не верил, что его рана идет очень хорошо.

— Нынче вечером пошлют, — сказала Соня и, желая уйти, чтобы оставить их одних, вспомнив, что ей самой надо было написать письмо, вышла из комнаты. Соня была[67] размягчена и взволнована всем, что происходило в этот день, в особенности тем таинственным совершением гадания, которое она сейчас видела, и ей чувствовалась потребность личного умиления. Она вспомнила о письме губернаторши и сейчас решилась ответить на него. Теперь, когда она знала, что по случаю возобновления помолвки Наташи с князем Андреем Nicolas не мог жениться на княжне Марье, она с радостью почувствовала возвращение того настроения, полного и трогательного настроения самопожертвования, в котором она привыкла и любила жить. Она знала, что теперь ей не нужно отказывать Nicolas, потому что его женитьба на княжне Марье невозможна, но она ни разу не подумала об этом и со слезами на глазах и с радо-

стью сознания совершения великодушного поступка она, несколько раз прерываясь от слез, которые отуманивали ее бархатно черные глаза, она написала одно трогательное французское письмо губернаторше, <другое такое же Nicolas>.

(Новая глава)

Страшные известия о Бородинском сражении, о наших потерях убитыми и ранеными родных и знакомых и, наконец, известие о потере Москвы были получены в Воронеже в начале сентября. Княжна Марья, узнав из газет о ране брата, была в горести, близкой к отчаянию, и собиралась ехать отыскивать его, как слышал Николай от губернаторши. Сам Nicolas[68] не видал в последнюю неделю княжну Марью, и мысли его были[69] далеки от этого затеянного сватовства.

Получив первое письмо от матери с известием об окончательном разорении по случаю непродажи дома и подмосковной и об оставлении Москвы, он не то чтобы испытывал отчаяние, злобу или месть к врагам и т. п., но ему стало всё скучно, досадно в Воронеже и всё как-то совестно и неловко. Он по-

чти грубо отвечал на заискивания губернаторши о сватовстве, торопился окончанием покупок и часто несправедливо приходил в горячность с своим слугой и вахмистром. 9 сентября,[70] накануне дня, в который он собирался ехать, курьер из армии привез ему в Воронеж письма Ростовых.[71]

Получив письмо отца и матери, писанное в Лавре, в котором описывался отъезд из Москвы, странная случайность,[72] приведшая раненого князя Андрея в их дом, и примирение и[73] образование Наташи с князем Андреем в Троице, Nicolas в ту же минуту поехал с этим письмом к княжне Марье.

В письме два раза повторялись, что по мнению доктора рана не так опасна. Кроме того, ежели произошло обручение, то надо было предполагать, что рана была незначительна.

Nicolas был очень счастлив получением этого письма. Он радовался за счастье Наташи, радовался за княжну Марью, которая, как он слышал, считала рану своего брата смертельною, радовался за то, что он объявит ей это и что между ним и ею уничтожатся эти

неприятные, натянутые, произведенные сватовством — отношения.

Nicolas ехал к княжне Марье с убеждением, что он первый привезет ей известие о ее брате. Но с тем же курьером, с которым Nicolas получил свое письмо, княжна Марья получила из Троицы же письмо от брата, который писал ей[74] о том, что рана его не опасна, о том, с кем и где он находился, но ни слова не писал о возобновлении прежних отношений с Наташей (он просил Наташу отложить это до приезда сестры).

С этим же курьером губернаторша получила свое письмо от Сони и, как ни чувствовала добрая старушка несвоевременность сватовства в такое время, соображая то, что Nicolas завтра уедет и для нее навсегда исчезнет возможность принять участие в этом, составлявшем главную радость ее жизни, особенно в этом случае, она поехала к княжне Марье и, сначала приняв участие в ее радости о хороших известиях о брате, сделала ей формальное предложение от имени Ростова.

Княжна Марья побледнела, как полотно, и, широко раскрыв глаза, долго молча смотрела

на губернаторшу, потом вдруг зарыдала и [75] хотела уйти от нее.

— Не говорите мне про это! Никогда не говорите, — рыдая проговорила княжна Марья удерживавшей ее губернаторше. — Я не могу, не могу думать о себе теперь. Не могу, не могу, я чувствую, что я дурная женщина. Ах, не говорите мне, не говорите ему, — и княжна Марья убежала от губернаторши.

Когда ей доложили, что приехал Nicolas, княжна Марья тотчас же с сухими, злобно блестящими глазами и красным лицом вышла к нему. Ее возмутила мысль о том, что он, которого она любила, мог быть так груб, так неделикатен, чтобы в такое для нее время говорить ей о замужестве. До сих пор ни разу не приходившая ей страшная мысль в отношении Nicolas, мысль о его корыстолюбии, о желании его, не любя, жениться на ней, на богатой невесте, теперь пришла ей, и она поверила ей. С выражением холодного презрения и гордости она, ступая твердо на свои мягкие пятки, вышла к Nicolas, близко подошла к нему, не приглашая его садиться и не

[76] подавая ему руки.

— Что вам уго.... — начала она, еще не видя его своими близорукими глазами. Но вдруг она увидала его лицо и остановилась. Лицо его, добродушно ласковое и дружески нежное и тихое, поразило ее.

Nicolas, как и всегда в присутствии княжны, почувствовал себя во власти той силы, которая управляла им, и вместо того, что он приготовился сказать ей, он сказал совсем другое.

— Princesse, — сказал он, — je vous apporte de bonnes nouvelles. Autrement je n'aurais pas osé. Voilà.[77] — Он достал письмо. — Мои пишут мне.

— Мой брат с ними, ему лучше.

— Как я рад, и они с Наташей опять жених с невестой.

Княжна Марья захлипала, пошатнулась и, рыдая, упала на руки Nicolas.

— Mon cher ami, mon cher,[78] — говорила она. — Как я виновата перед вами, как я счастлива, как я люблю вас. Oh, comme je vous aime, que excellent homme vous êtes. Comme je suis heureuse,[79] — говорила она, и[80] лучи-

стые глаза ее сияли восторженным счастьем. — Est ce vrai?[81] Она взяла письмо, которое ей подал Nicolas, отерла слезы и стала читать. Nicolas сидел подле нее и сам не знал, отчего у него слезы стояли в горле.

Читая, княжна Марья (руководимая тоже той властью, управлявшей ее волей в присутствии Nicolas) отрывалась от письма,жимала руку Nicolas и говорила: merci, merci, mon cher Nicolas, comme je suis heureuse.[82]

— Oui,[83] Princesse, — сказал Nicolas, отвечая на то слово Nicolas, к[оторого] она, сказав, тотчас же испугалась, — à présent nous sommes frère et soeur et j'ai le droit de vous appeler Marie, de vous protéger, de vous aimer, chère Marie. Ce que je fais depuis longtemps,[84] — велел кто-то прибавить Николаю.

Они несколько раз перечли письмо, обсуживали вместе значение каждого слова по отношению к опасности или неопасности положения князя Андрея. Они вместе обдумывали планы отъезда княжны Марьи в Ярославль.

Мальвинцевой и M-lle Bourienne, которые скоро вошли в комнату, сообщили всё, что было в письме, и Nicolas остался обедать и, ис-

пытывая радость интимных, родственных отношений с милым по сердцу человеком и отсутствие стеснения, которое он испытывал прежде в присутствии княжны Марьи, провел у нее остальную часть дня. Перед отъездом его вечером княжна удержала его и отозвала в темную залу.

— Отчего же вы не спросите меня, — сказала она, чувствуя жар в лице, — отчего я была так странна и говорила такие странные вещи, когда вы только вошли с письмом?[85]

— Я не знаю. Я думал так, вы взволнованы, — сказал Nicolas.

— Нет. Настасья Павловна (губернаторша) была у меня утром, и она сделала мне от вас предложение. Я не могу сказать, как это меня взволновало, рассердило.

— О, это ужасная Настасья Павловна, — сказал Nicolas. — Но я рад, что это теперь не будет мешать нашей дружбе.

— Но это правда? — сказала княжна Марья после молчания.

— Oui, chère Marie, je vous ai aimé du moment que je vous ai vu. Mais il y a un obstacle et je suis heureux de ce que cela c'est arrangé

comme cela est. Tant mieux, tant mieux...[86]

— Adieu, Nicolas,[87] — только сказала княжна Марья, протянув руку, но она была так счастлива сказать эти слова.

— Adieu, chère Marie, au revoir à la noce de Nathalie,[88] — и, поцеловав ее руку, он ушел.

На другой день, делая прощальные визиты, Nicolas попрекнул губернаторшу за то, что она наделала с княжной Марьей, и за то, что она не сдержала слова.

— Нет, mon cher,[89] вот письмо от Софи, — сказала губернаторша, и не только показала письмо, но и растолковала Nicolas ту хитрость (которую губернаторша считала умышленною) и которую Nicolas не заметил бы, с которой Соня[90] разрешала Nicolas жениться на княжне Марье тогда, когда уже этого нельзя было сделать.

— Нет, полноте, ma tante, она добрая и славная, — сказал Nicolas, так же, как и его отец, словами: «славный, славный» разрешая затруднение.

— Ну все-таки, mon cher, ты теперь свободен: не на ней, то другая. Ну прощай, Христос

с тобой. Я тебя от души полюбила.

На другой день Nicolas выехал из Воронежа и вернулся к своему полку уже в Тарутинском лагере.

* № 255 (рук. № 96, Т. IV, ч. 1, гл. IX–XII, и ч. 2, гл. XII).[91]

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ **(Новая глава)**

Прошло[92] четыре недели с тех пор, как Пьер был в плену. Он знал, что Москва вся сгорела и разграблена,[93] он слышал по разговорам присоединяемых пленных и французских караульных солдат, что положение французов нехорошо, но общий ход дел не интересовал и не радовал его. В эти[94] четыре недели плена, лишений, унижений, страданий и главное — страха Пьер пережил больше, чем во всю свою жизнь.[95]

В разоренной и сожженной Москве, в дурную и холодную погоду, начавшуюся в сентябре,[96] он испытал почти крайние пределы физических лишений и страданий и ужасов, которые может переносить человек. Но, благодаря своему сильному сложению и здо-

ровью, <которого он не знал до сих пор,[97] он переносил все эти страдания лучше многих из своих товарищей по плену>. И эти-то страдания и в особенности тот ужас смерти, который он испытал в плену, и заставили его в это короткое время пережить столь многое [98] и дали ему то спокойствие и довольство собой, к которым он тщетно стремился прежде.

Он долго[99] в своей жизни искал с разных сторон этого успокоения, согласия с самим собою, того, что так поразило его в солдатах в Бородинском сражении, он искал этого в филантропии, в масонстве, в рассеянии светской жизни, в вине, в геройском подвиге самопожертвования, он искал этого путем мысли и все эти искания и попытки обманули его. И он, сам не думая о том, получил это успокоение и это согласие с самим собою только через страдания физические и нравственные, через ужасные полчаса, которые он провел с мнимыми поджигателями на Девичьем поле.

Вот как это было.

В первый день офицер и солдаты, взявшие

Пьера, обращались с ним на гауптвахте сомнительно, почтительно и враждебно. Еще чувствовалось в их отношениях к нему и сомнение о том, кто он такой — не очень ли важный человек — и враждебность вследствие их личной борьбы с ним.

Но в тот же вечер, как слышал Пьер от солдат и пленных, и офицер и караульные увлеклись грабежом дома гр. Каменского, на который, как и вообще в то время в Москве, стоило одному человеку наложить руку, чтобы стая других французов же увлеклась тем же. Вероятно, под влиянием этого увлечения грабежом перед утром к Пьеру в отдельную комнату, где он содержался эту ночь, вошли два поляка-улана и перед сменой своего караула сняли с него кольцо, жилет и сапоги.

[*Далее от слов:* Когда в утро другого дня пришла смена, *кончая:* — Запишите. Это нехорошо, очень нехорошо, — строго сказал ему один из членов *близко к печатному тексту.* Т. IV, ч. 1, гл. IX.]

На четвертый день пожары начались на Зубовском валу и не караульный, а другой офицер вошел в комнату, где содержались

пленные, с списком в руках, сделал перекличку, назвав Пьера celui qui n'avoue pas son nom, [100] и распределил всех по разным местам.

Пьера с 13 другими, опять босиком, как он был, повели на Девичье поле и поместили там в балагане, выстроенном посередине поля. Проходя по улицам, Пьер с любопытством оглядывался и везде видел обгорелые стены каменных и торчащие печи деревянных домов. По всей Москве дымилось и кое-где еще горело. Пьер тогда еще решительно не понимал радостного значения сожженной Москвы и с ужасом смотрел на эти пожарища. Он видел над разрушением русского порядка установ[ление] ф[ранцузского] п[орядка].

На Девичьем поле Пьер пробыл еще 4 дня и во время этих дней из разговора французских солдат узнал, что все содержащиеся здесь были судимы за поджигательство и что ожидают только решения маршала.

Эти первые дни до 8-го сентября, дня, в который Пьера повели на вторичный допрос, были самые тяжелые для Пьера. Но 8-го сентября был тот день, в который он в час пережил больше, чем во всю свою жизнь. Это был

кризис, после которого он получил то успокоение, в котором он с тех пор и находился.

[Далее от слов: 8-го сентября Пьера с другими под конвоем 20 пехотных солдат повели через поле к дому с огромным садом на правой стороне Девичьего поля, кончая: Не договорив начатого, он махнул рукой и пошел прочь близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 1, гл. X–XI.][101]

Новая глава

Только когда Пьер был приведен назад в балаган и оставлен один, он понял ясно всё то, что угрожало ему и от чего он спасся, и он понял, как мало значения имела его жизнь. [102]

Он с этого дня так равнодушен стал к жизни, что как будто в этой казни был казнен и он — прежний Пьер, а теперь жил в нем новый, другой человек.

С этого дня совершился в Пьере тот переворот, который дал ему [103] то успокоение, к которому он так давно стремился. И успокоение это пришло ему не путем мысли. Он вовсе не думал о себе во всё это время, не думал о том, лучше ли, покойнее ли он стал. И именно от

этого-то он был лучше и покойнее. Первые дни после преступного убийства, которое он видел, он не мог закрыть глаза без того, что[бы] не видеть перед собою всё те же страшные лица невольных убийц и невинных жертв, и по ночам на него находил суеверный страх чего-то, и в сновидениях ему представлялось всё то же. Но зато всякое пробуждение и радостное сознание того, что это было только во сне, доставляло ему неизвестное прежде наслаждение. — [104]

<С первого же дня после казни — сейчас, как только пленных ввели назад в балаган, Пьер почувствовал в первый раз, что все те условные преграды — рождения, воспитания, нравственных привычек, которые до тех пор отчуждали его от товарищей — были уничтожены. Пьер с этого дня сблизился с своими товарищами — солдатами, крепостными и колодниками. И в этом сближении нашел новое, еще не испытанные [105] им [106] интерес, спокойствие и наслаждение. С этого же дня только вполне оценил Пьер наслаждение обеда из соленых огурцов, которых не ели французы, требухи вареной и хлеба, наслаждение

тепла, когда он укладывался рядом с старым солдатом, укрыв[аясь] с головой кафтаном в углу балагана, наслаждение ясного дня и вида солнца и Воробьевых гор, видневшихся из двери балагана. Всё это было точно новое, никогда не испытанное, но все эти неоценимые, вдруг открытые наслаждения были ничто в сравнении с теми бесчисленными нравственными наслаждениями, открывшимися ему с того же дня.[107]

На душе у него было ясно и чисто. Те страшные минуты, которые он пережил, как будто смыли навсегда из его воображения и воспоминания те мысли и чувства, которые прежде представлялись ему важными. Ему не приходило и мысли ни о России и войне, ни о Наполеоне и геройском намерении убить его, ни о своем великодушном пожертвовании именем и спасении ребенка, ни о звере Апокалипсиса и о спасении человечества, ни даже о своей страстной любви к Наташе. В душе его, как сквозь сито просеянные, остались только самые дорогие зерна человеческих стремлений.

Пьер в своей жизни имел избыток всего,

что только могут желать люди. Теперь же он испытывал лишения, которых не испытывают самые несчастные из людей, и потому он мог желать всего. И из этого всего он так ясно видел теперь то, что было существенное благо, и то, что было ложь. Как ему странно было вспоминать теперь, как он, теплый, сытый, безопасный, лежал в своем кабинете и чувствовал себя несчастным. Теперь он понимал, что для счастья жизни нужно только <жить> без лишений, страданий, без участия в зле, которое делают люди, и без зрелища этих страданий.[108] Тихий уголок где-нибудь, ясное солнце, садик, занятие, первое, которое встретится, свободное занятие, думал он, еще приятнее [?], больше ничего мне не нужно. Наташа! Когда она вспоминалась ему, ему было совестно. Чего ему нужно было от себя и от нее? — спрашивал он себя, не понимая. Теперь, ежели бы он встретил ее, он бы рад был, посидел бы с ними, поговорил, послушал, как она поет, и поехал опять бы к себе в свой маленький домик с садиком. Пообедал, выспался бы, согрелся бы и занялся бы чем-нибудь, как теперь.

Все эти непонятные для самого Пьера в другое время мечтания теперь доставляли ему огромное наслаждение. Все мечтания его стремились к тому времени, когда он будет свободен. Ему казалось, что он был очень несчастлив теперь, но он заблуждался. Это ограничение свободы и мечтаний, эти лишения и страдания, эти надежды и ужасы были лучшее счастье, которое испытывал Пьер до того времени. Теперь он считал себя несчастным, но впоследствии и всю свою жизнь Пьер с восторгом думал и говорил об этом месяце плена и с слезами в душе думал о том, что никогда не возвратятся те сильные и радостные ощущения и то спокойствие душевное, которое он испытывал в этот месяц плена.>

* № 256 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII, XIII, и ч. 2, гл. XI–XII).[109]

С первого же дня после казни,[110] поступив в новое товарищество пленных, Пьер почувствовал, что прежде бывшие между им и его товарищами условные преграды рождения, воспитания, нравственных привычек — теперь не существовали более. Прежде Пьер

[111] старался сблизиться с народом, теперь же вовсе не думал о нем, сближение это сделалось само собою и доставило Пьеру тоже [?] новые, не испытанные им до сих пор наслаждения.

Из числа 23 человек самых разнообразных характеров и званий: офицеров, солдат, чиновников, которые потом как в тумане представлялись Пьеру, в памяти его остался навсегда [112] унтер-офицер Томского полка, взятый французами [113] в госпитале, с которым он особенно сблизился. Унтер-офицера этого звали Платон Каратаев. Он был тамбовец и говорил тамошним говором, выговаривая ц вместо ч. [114] В воспоминании Пьера этот человек остался олицетворением всего русского, доброго, счастливого и круглого. [115] Голова у него была совершенно круглая, как большой мяч. Глаза, очень приятные, большие, карие, были [116] круглые, усы и борода, отрасли вокруг рта, составляли круг, рот [117] раскрывался овалом, близким к кругу, волосы вокруг лба всегда имели вид круга, руки [118] пухлые были почти круглые, плечи округлялись в спине, [119] грудь была высокая, округ-

ленная, руки он всегда носил в округленном положении, как будто готовился обнять что-то.[120] Все морщины на его лице — около глаз и рта были круглые. Он был невысок ростом. Зубы, ярко белые, крепкие, которые все выкатывались своими двумя полукругами, когда он смеялся (что он часто делал), были все крепки, ни одного седого волоса не было в его волосах и бороде, но по рассказам его о [121] походах, в которых он участвовал 10-летним солдатом, ему должно было <быть>[122] гораздо за 50 лет.

Всё лицо было весьма приятно, голос у него был тихий и почти нежный. Говорил он очень складно и кругло, всегда заканчивая свою речь[123] и беспрестанно украшая ее поговорками, пословицами и ласкательными мужицкими словами, из которых в особенности он часто употреблял «соколик».[124] Он говорил с теми русскими старыми приемами ласки и вежества, с которыми говорят в дальних деревнях. Попав в плен и обросши бородою, он, видимо, отбросил в несчастии всё напущенное на него солдатское и[125] с удовольствием возвратился к старым мужицким

приемам и речи. Он неохотно говорил про свое солдатское время, и когда рассказывал, то преимущественно из старых и, видимо, дорогих ему воспоминаний крестьянского быта. Поговорки, которые он говорил очень часто, не были те солдатские, большей частью неприличные и бессмысленные присказки, но это были большей частью изречения того свода глубокой житейской мудрости, которой живет народ.[126] Платон Каратаев[127] не знал ничего[128] наизусть, кроме тех солдатских ответов, которые он в рекрутстве выучил из-за сильных побоев, и он не знал ни одной поговорки и пословицы. Когда Пьер, иногда пораженный смыслом его речи, просил повторять сказанное, Платон Каратаев не мог вспомнить того, что он сказал минуту тому назад, и, когда он говорил свои речи и начинал их, казалось, не знал, чем он кончит. Он был как бы живой сосуд, наполненный чистой народной мудростью, сам не зная этого. На всё всегда он был согласен, всем всегда доволен, на всё у него было словечко, иногда шуточное, иногда поразительно глубокое и тем более поразительное, что он говорил

иногда совершенно противоположное тому, что он говорил[129] прежде, но и то, и другое было справедливо. Одно, что он не любил, это было драки, ссоры, брань, которые случались в балагане. В этих случаях он, видимо, приходил в беспокойство и до тех пор не успокаивался, пока ему не удавалось помирить ссорящихся. Физические силы и поворотливость его были таковы[130] первое время плена, что, казалось, он не понимал, что такое усталость и болезнь. Каждый день утром и вечером он молился на восток, быстро крестя свой лоб и грудь и шопотом приговаривая: «Господи помилуй. Богородица, помилуй, Никола угодник, помилуй и спаси нас» и потом, ложась, говорил вслух: «положи, господи, камушком, подыми калациком». И поутру вставал, подпрыгивая, и тоже вслух говорил: «лег — свернулся, встал — встряхнулся». Он никогда не бывал без работы и всё умел делать, он шил рубашки и сапоги, пёк, варил, тесал, строгал, и[131] всегда находил себе дело. Он любил говорить и говорил хорошо; но любил тоже слушать.[132] Он любил слушать сказки, которые был в балагане один мастер

рассказывать, но более всего любил слушать рассказы о настоящей жизни и так ласково и внимательно умел слушать, так кстати вставить словцо, что Пьер никому с таким удовольствием и подробностями не рассказывал свою жизнь, как этому солдату.

Когда Пьера в первый раз ввели в новый балаган, все знали уже всё, что с ним было. Все оглянулись на него с любопытством, но первое время никто не подошел. Первый[133] приветствовал его Платон Каратаев, сидевший в углу за тачанием сапогов.

— Здравствуйте, барин, соколик, — сказал он.[134] — Милости просим в наши хоромы.[135] В тесноте, да не в обиде. У нас житье [136] хорошее — обиды нету.[137] Вот тут и садись,[138] — проговорил Каратаев, опрастая ему место.

Пьер оглянулся на голос, и в круглом лице и глазах этого человека он почувствовал успокоение и подошел к нему.

Платон Каратаев, взглянув на Пьера, покачал головой.

Его огорчило, видимо, выражение отчаяния, бывшее на лице Пьера, и он тотчас же

обратился к нему с веселой дружеской речью, рассказывая, как они живут тут, и не спрашивая. Другие пленные, офицеры и чиновники, перебив Платона Каратаева, стали спрашивать Пьера о том, откуда он и что с ним было. Пьер рассказывал. Каратаев молча слушал, шевеля скулами (это была его привычка), и только[139] когда Пьер рассказывал о том, как их судили,[140] прибавил: «Где суд, там и неправда, соколик», — вздохнув, встал и, достав картофелю печеного и черного хлеба, принес Пьеру.

— Покушай, соколик, с голоду Малашки и Алашки всласть. Вот так-то, — прибавил он, когда Пьер улыбнулся и[141] взял картофель.

Из всех людей, бывших в балагане, Платон Каратаев более всех привлекал к себе Пьера (из офицеров в особенности один, который говорил по-французски, отталкивал от себя Пьера), и он не[142] перешел по приглашению господ на их сторону, а остался на том месте, куда сел рядом с Каратаевым. Когда офицеры ушли и Пьер поел, Платон Каратаев стал спрашивать Пьера, каким образом он попался. Пьер рассказал ему, как он бросился на

фр[анцузов], чтобы отнять женщину.

— Да что же ты, соколик, в ее вклепался-то? Ты это напрасно сделал. По моему разуму.

— Я рассердился, — отвечал Пьер, — и не думал, что будет.

— Своему гневу господин, всему господин — так-то. А то жил бы ты себе на воле, пил бы, ел всласть, а то какую нужду увидал. Ноготь увяз, всей птичке пропасть. Да ты, милый человек, не тужи. От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся. Они дадут ума. А у бога милости много. Думаешь, пропал, а глядишь — лучше прежнего поднимешься. Несчастье на костылях, а счастье на крылах. Не успеешь глянуть — прилетит. Так-то, друг мой любезный, — начал он, видимо, длинный рассказ, — жил я еще дома. Вотчина у нас богатая, земли много.[143] Хорошо живут мужики. И наш дом слава богу, сам сём батюшка косить выходил. Жили, как у Христа за пазухой. Случись...[144] — и Платон Каратаев рассказал длинную историю о том, как он[145] попался в воровстве леса и был забрит в солдаты, вследствие чего избавил от ставки стар-

шего семейного брата.

Было уже темно в балагане, когда Платон Каратаев[146] кончил свой рассказ.

— Так я сужу: у бога всего много. Ты что, женат, соколик? — спросил он, — дети есть? Дом есть? — расспрашивал он, видимо наслаждаясь вперед благообразным счастьем, в котором он представлял себе житье Пьера.

— Так-то, не тужи. Покорись беде, и беда покорится, старички говаривали. — И он встал, начал креститься, приговаривая шопотом, потом быстро лег, проговорив: «Положи, б[оже], камушком, подними калацником».

С этого дня между Пьером и Платоном Каратаевым установилась тесная дружба.

Первое время пленных содержали хорошо, но с половины месяца у них стали отнимать их платье, заставляли их работать и кормили очень плохо.

Пьер, благодаря своему знанию французского и немецкого я[зыков] (бывали караульные немцы), особенно ясно чувствовал те видоизменения, которые происходили в положении французских войск в Москве и отра-

жались на них, пленных, и на караульных солдатах, которые были для Пьера представителями положения всего французского войска.

Пьер невольно следил за тем порядком, который чуть не погубил его, и замечал, как этот порядок понемногу ослабевал и исчезал, вероятно под влиянием каких-нибудь внешних причин. В одно и то же время, вероятно увлеченные общим примером и уничтожением награбленного, даже караульные солдаты стали отнимать у пленных одежду (и с Пьера сняли сапоги и штаны, заменив только последние арестантскими), [147] стали хуже гораздо кормить, давали кроме хлеба только огурцы и изредка требуху (под конец и ее заменили кониной) и в то же время слышались пушечные выстрелы где-то недалеко. Но главный признак для Пьера состоял в том, что прежде словоохотливые караульные рассказывали Пьеру кое-что об общем ходе дел, говорили о завоевании Петербурга, о зимовке в Москве, о богатствах, которые найдены, а теперь или молчали, или сердились, когда Пьер спрашивал их об общем ходе дел.

В последних числах сентября приходил в балаган француз, спрашивая, здесь ли Пьер Безухов, но на вопрос Пьера, для чего ему это нужно было, ничего не мог ответить. Это посещение француза тревожило Пьера; то ему казалось, что это означала хорошее, то — дурное.

Было 1-ое октября, Покров. Утро было ясное. В Новодевичьем монастыре звонили к обедне. Пьер стоял у двери балагана и смотрел вокруг себя. Одевание Пьера состояло теперь из грязной, продранной рубашки,[148] единственном остатке его прежнего платья, солдатских порток, завязанных веревочками на щиколотках босых ног[149] по совету Платона Каратаева, кафтана и старой мужицкой шапки.[150] Пьер физически[151] очень изменился. Он похудел значительно, особенно в лице, и не казался уже толстым, но в плечах его и во всем стане была видна та сила, которая была наследственна в их породе. Волоса его, которые он носил всегда прежде под гребенку, за месяц плена отросли и курчавились шапкой так же, как волоса его отца. Борода и

усы обросли нижнюю часть лица, и в глазах, хотя и ввалившихся, был блеск и ясность, которых никогда не было прежде.[152]

Пьер думал о том, что значило это осведомление о нем француза, и различные мечтания о том, как его отпустят и как он уедет из Москвы и заживет по-новому, — представлялись ему. Все мечтания его стремились к тому времени, когда он будет свободен. Ему казалось, что он был очень несчастлив.[153] А между тем впоследствии и во всю свою жизнь Пьер с восторгом думал и говорил об этом месяце плена и со слезами в душе думал о том, что никогда не возвратятся те сильные и радостные ощущения и то спокойствие душевное, которое он испытывал в[154] это время.[155]

Думая всё о том счастливом времени, когда он будет свободен, Пьер поставил ровно свои босые ноги и задумчиво стал смотреть на их грязные и толстые, большие пальцы. Казалось, что созерцание этих босых ног доставляло Пьеру большое удовольствие. Он несколько раз сам с собою улыбался, глядя на них.[156] Это непривычное[157] зрелище сво-

их босых ног связывалось в его душе с сознанием простоты и ясности душевной, которые он испытывал в это время.

Радостное созерцание это было прервано приходом двух французских солдат с свертками полотна. Они прошли в балаган и направились к углу, в котором жил Пьер рядом с Платоном Каратаевым. Платон Каратаев лежал, укрывшись головой в[158] французскую изорванную шинель, которая была дана ему. Платон Каратаев уже[159] 5 день был болен лихорадкой, страшно измучавшей его. Платон Каратаев получил репутацию швеи, и французские солдаты носили ему шить рубашки. Но, мучимый лихорадкой, он работал не споро и у него было еще[160] много несшитого прежнего полотна. Французы растолкали его и требовали, чтобы он в три дня сделал им из полотна рубахи.

— Эх, соколики, всё бы сделал, кабы не трясла меня, — говорил он посиневшими, трясущимися губами. Пьер, уже неоднократно отстаивавший, благодаря знанию языка, своего друга, и теперь заступился за него и объяснил французам, что у него так много ра-

боты и он так болен, что не может взять их рубашки. Французы ушли.

— Эх, соколик, язык — телу якорь, — сказал Платон Каратаев и завернулся опять в свою шинель.

Пьер прикрыл его[161] своим кафтаном и сел подле него, взялся за свою работу. Это была сломанная деревянная ложка, которую он хотел починить шилом и дратвой.

Не dokonчив еще свое[162] дело, Пьер,[163] не спавший прошлую ночь от шума на поле, лег[164] на свою солому и задремал. Только что он задремал, как за дверью послышался голос:

— Un grand gaillard, nous l'appelons grand chevelu. Ça doit être votre homme, capitaine. [165]

— Voyons, faites voir, caporal[166] — сказал [167] знакомый Пьеру голос. И, нагибаясь, вошел капрал и[168] бравый, прихрамывающий французский офицер.[169] Он оглядел пленных и остановился глазами на Пьере.

— Enfin je vous retrouve, mon cher Pilade, [170] — сказал он[171], подходя к нему.

— Bravo! — закричал Пьер, вскакивая, и,

взяв под руку[172] Рамбаля с тем самоуверенным пренебрежением, с которым он хаживал по балам,[173] вывел его за балаган.

— Ну как не дать мне знать, — упрекал Рамбаль,[174] — это ужасно, положение, в котором вы находитесь. Я потерял вас из виду, я искал. Где и что вы делали?

Пьер весело рассказал свои похождения, свое свидание с Даву и расстреляние, на котором он присутствовал.[175] Рамбаль пожимал плечами и хмурился, слушая его. Когда Пьер кончил, Рамбаль обнял и поцеловал его.

— Mais il faut finir tout ça, — говорил он. — C'est terrible.[176] — Рамбаль посмотрел на босые ноги Пьера. Пьер улыбнулся.[177]

— Le diable n'est pas aussi noir qu'on le fait. Et j'ai eu des moments bien doux, dans cet espace de temps,[178] — сказал Пьер.

— Et savez vous que j'ai de la peine à vous reconnaître, mon cher ami,[179] — сказал Рамбаль, улыбаясь и всё поглядывая на босые ноги и на узел, который он,[180] входя в балаган, сложил.

— Tôt ou tard ça doit finir, — сказал Пьер. — La guerre finira un jour et deux mois de

souffrance en comparaison de toute la vie...[181]
— сказал Пьер, вспоминая слова Платона Каратаева: «час терпеть, век жить». — Pouvez vous me dire quelque chose de ce que se fait dans le monde des armes? Aurons nous encore la guerre ou la paix?[182]

Даже Рамбаль, считавший себя другом, и тот рассердился при этом вопросе.

— On a fait des sottises et des horreurs! — сердито вскрикнул он. — Je crois que l'Empereur a perdu la tête. Et que tout ça ira au diable — c'est tout ce que je puis vous dire.[183]

И как будто сердясь на себя за то, что он сказал это, он поспешно переменял разговор.

— Mais savez vous, — сказал он, опять улыбаясь, — vous avez très bonne mine. Vous êtes un homme superbe! Et je voudrai que vous puissiez être vu dans cet état par celle...[184] vous savez. Ah malheureusement, mon temps ne m'appartient pas,[185] — сказал Рамбаль, оглядываясь — в к[оляске] сидели ф[ранцузские] о[фицеры]. — De ce pas je vai chez le commandant et je fais mon possible pour vous faire mettre en liberté, en attendant voilà, — он указал на мешок, — vous trouverez la un

choube, bottes habillement d'hiver complet et différentes petites choses.[186]

Рамбаль поспешил переменить разговор, чтобы Пьер не благодарил его. Пьер благодарил его и был тронут тем, что сделал для него Рамбаль, но он знал, что завтра всё это отнимут у него, но он не сказал этого.

Переменяя разговор, Рамбаль сказал:

— Eh bien, j'ai vu votre palais à la porte, comment l'appellez vous. Il était intact il y a une semaine. Et vous voir, vous, le possesseur de toutes ces richesses, ici, dans cet état. Oh! nous vivons dans un temps terrible. Et il y a quelqu'un qui repondra à la France de tout le mal qui a été fait. Adieu, mon cher ami, au revoir dans des circonstances plus heureuses,[187] — сказал Рамбаль[188] и, обняв Пьера, побежал к коляске.[189]

[190] На другой день у Пьера отняли и новые сапоги, и ле шуба, и les petites choses, [191] которые были хлеба белые и сыр, а на третий день пришел новый конвой, пленных вывели по Смоленской дороге.[192]

* № 257 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII).[193]

(Новая глава)

Пьера в этот день не отвели назад в сарай, а одного, отделив от других, оставили на новой гауптвахте на Девичьем поле. О нем ожидали какого-то особенного распоряжения. И когда это распоряжение пришло, его повели [194] куда-то. Солдат, ведший его, поздравил его с тем, что он так хорошо отделался, и объявил ему, что он теперь поступает в разряд военнопленных. Пьер не понимал того, что ему говорили. Его способность соображать и мыслить, потерянная им с ударами барабанов, еще не возвращалась к нему. Балаган, в который привели Пьера вечером [195] в день казни, был один из десятка таких балаганов, построенных французами из обгорелых бревен, досок и тесу на левой стороне Девичьего поля. На [196] каждый такой балаган была своя кухня и при всех балаганах были сменявшиеся караулы французских солдат. Тот балаган, в который ввели Пьера, разделялся на два отделения: одно для офицеров, другое для солдат. Отделения ничем матерьяльным не были разграничены между собой, но отделения эти существовали. У офицеров были

лавки, два стола и койки, у солдат спали на соломе на земле, и только одна дверь на кольях служила им вместо стола. Офицеров, в том числе два штатские чиновника, было восемь, солдат было 15 человек.[197]

Когда Пьера ввели в единственную дверь балагана, офицеры и солдаты окружили нового товарища, расспрашивая его, кто он, где взят и что с ним было. Офицеры, в особенности один старый поручик с подвязанной щекой и желтым лицом, очевидно первенствующий здесь в балагане, узнав в Пьере человека высшего сословия, повел его в свое отделение. Солдаты, хотя и в плену, оказывали офицерам должное уважение и только позволили себе подойти и молча слушать то, что рассказывал Пьер подвязанному поручику, посадившему Пьера подле себя. Пьер, радостно оглядываясь на участливые глаза, глядевшие на него со всех сторон, рассказал всё, что с ним было, умолчав о своем намерении убить Наполеона и о спасении девочки. Он сказал, что он был московский житель, имел дом свой[198] в Москве.

— Фамилия ваша? — спросил поручик.

— Безухий! — сказал Пьер.

— А то граф Безухой есть, — сказал офицер. — Почему ж они вас сюда прислали?

— Я сказал перед тем, как нас вели, что я ополченный офицер.

— Какой чин? — строго спросил поручик.

Пьер, помолчав, сказал, что он был переименован [?] в полковники. Ему одинаково не хотелось сказать неправду и не хотелось сказать свой чин, боясь, что это заставит его товарищей расспрашивать его дальше. Но известие, что Пьер был полковник, было принято поручиком и всеми очень просто. Ему не поверили.

— Что ж, надо вас поместить, — сказал поручик. — Мусье! — крикнул он часовому, глядевшему в дверь. — Ла ли пур мусье офисье.

— *C'est bon, c'est bon. Le caporal va venir,* [199] — отвечал часовой.

— Платон! Соколик! — крикнул поручик, обращаясь к одному из солдат, окруживших их. — Ты барину устрой переночевать где. А уж у них вытребую кровать и сонник. Ведь не собаки же.

— Что ж, мы барина у себя пригородим, —

отвечал приятно-ласковый голос. — В тесноте, да не в обиде.

Пьер оглянулся на голос и увидел среднего роста человека в солдатской шинели и лаптях, круглыми, добрыми глазами смотревшего на Пьера.

— Милости просим, соколик, милости просим, — проговорил этот человек и легким, быстрым шагом пошел в солдатское отделение. Через несколько минут, в продолжение которых Пьер продолжал рассказывать свои похождения и в особенности казнь, поразившую[200] всех слушателей, солдат с круглыми глазами вернулся и поставил перед Пьером деревянную чашку с похлебкой и ложкой. Пьер рассказывал казнь и все молча слушали. Солдат с круглыми глазами тоже остановился против Пьера.

* № 258 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII).[201]

<— Да за что их расстреляли? — спросил один молодой офицер.

— Они прочли конфирмацию, — отвечал Пьер, сам взволнованный своим рассказом. — Комиссия судила.

— Судили? — вдруг сказал солдат с круглыми глазами. — Кто судил-то, где суд, там и неправда, старички говаривали, а вот покушай-ко наших щец: с голоду Малашке и Алашки всласть, — сказал он, и круглая улыбка просияла на его лице, и полукруги ярких, белых зубов выкатились из-за его губ.

Все засмеялись.

— Куфарка-то наша какова! Ай да Соколик! — слышались голоса.

Пьер тоже засмеялся, глядя на доброе лицо солдата, и взялся за ложку.

Он был голоден и с наслаждением стал есть похлебку, во время еды глядя на солдата с веселым лицом, стоявшего над ним.>

* № 259 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII, XIII).

[202] После казни Пьера по приказанию французского офицера отделили от других подсудимых и оставили одного[203] в прихожей небольшого дома Девичьего поля. О нем ожидали какого-то особенного распоряжения, и когда это распоряжение пришло, караульный офицер поздравил его с тем, что он прощен и поступает теперь в разряд военно-

пленных. Пьер не понимал того, что ему говорили, потерянная им в то время, как ударили в барабаны, способность мыслить и соображать еще не возвратилась к нему. Молча и неподвижно сидя на[204] лавке, куда его посадили, Пьер[205] то открывал, то закрывал глаза. Он закрывал их с тем, чтобы заснуть и забыть то, что он видел. Но только что он закрывал глаза, как опять он слышал треск ружей и видел перед собой[206] страшные[207] лица невинных жертв и еще более страшные [208] лица невольных убийц.[209]

На него находил ужас, и он опять открывал глаза.

Караульные солдаты предлагали ему есть, заговаривали с ним, но он только отрицательно качал головой.

Перед вечером[210] два солдата повели Пьера в балаганы пленных. Балаганы эти были построены рядами из обгорелых досок, бревен и тесу вверху поля против месторасположения двух французских полков.

Пьер шел в том же состоянии убитости и непонимания. Он ничего не видел и не слышал вокруг себя.

Солдаты с Пьером остановились у крайнего балагана, пока встретивший их унтер-офицер пошел распорядиться, куда поместить нового пленного. Пока Пьер стоял тут, он слышал из-за досчатой стены говор многих русских голосов и ругательства[211] и за ругательствами вдруг послышался дружный хохот.[212]

«Ах, мне только быть с ними». В то же время несколько человек русских, увидав нового товарища, высунулись к нему из балагана, и унтер-офицер, указав конвойным на третий балаган с края, ввел туда Пьера. Человек 20 русских офицеров и солдат, все с радостными добрыми лицами, как казалось Пьеру, окружили его.[213] Его спрашивали, ему рассказывали, ему предлагали поесть. Пьер не успевал слушать и рассказывать и с благодарной улыбкой оглядывался вокруг себя.[214]

Пьер отвечал, как умел, на все вопросы. Ему так просто и радостно было со всеми этими людьми,[215] но он не мог складно рассказывать, потому что челюсти его дрожали и он с страхом стыда чувствовал, что вот-вот он расплачется.

Пьер[216] ничего не рассказывал о том, что было до 3-го сентября,[217] он[218] как будто не верил тому, что было прежде. Все его воспоминания как будто начинались с пленения Москвы, как будто он начал жить только с 3-го сентября.[219] И все спрашивали его преимущественно о том, как он остался в Москве, как попался, как и за что его судили?[220] А главное о казни.

На вопрос о том, как его фамилия, он отвечал: Безухий, не говоря граф, и никто не обратил на это внимания. Многие офицеры знали [221] фамилию графа Безухого, но поняли, что это был только однофамилец; когда он на вопрос о том, какого он чина, отвечал, что он зачислен полковником в ополчении, никто не обратил на это внимания, все поняли, что он говорит неправду, потому что может говорить, что хочет, но это не помешало общему к нему участию.[222] Когда ему принесли картофельную похлебку с большим куском говядины, Пьер, испытывая неиспытанное наслаждение еды, прекратив разговор, весь погрузился в еду, только благодарными и радостными глазами оглядываясь вокруг себя.

После еды Пьер почувствовал еще более дружеское чувство ко всем окружавшим его людям и, укрепившись нервами, не чувствуя более дрожания челюсти, рассказал все подробности казни, которые он видел. Но, не докончив еще рассказа, который теперь больше волновал его слушателей, чем его самого, Пьер начал зевать и тянуться. Один из офицеров, говоривший по-французски, пошел к караульным [сказать] о том, чтобы Пьеру дали койку, которые были у всех офицеров; но Пьер, прося офицера не беспокоиться, сказал, что ему очень хорошо будет на земле, на соломе, так, как спали солдаты.[223] Он, зевая, встал и в сумерках балагана пошел на другой конец, отыскивая себе место для ночлега. Один из офицеров, молоденький мальчик с выдавшимися скулами, пошел с ним, чтобы помочь ему устроиться.[224]

— Завтра мы от них вытребуем вам всё, — говорил офицер. — Ужасные сукины дети, я вам скажу. Ежели не просить... они ничего не сделают, ну да Иван Федор[ович] майор им задаст — он сейчас жалобу. Он умный и славный человек.

— Вы все так добры, — отвечал Пьер. — Я как в рай попал к вам.

— Ну, не очень-то рай, а порядочно, да, говорят, размен скоро. Это — наш сказочник — пресмешной.

Разговаривая, Пьер разглядывал в сумерках группы и отдельные фигуры солдат. В одном месте сидели, стояли и лежали человек 10 около сказочника, который громким, книжным голосом говорил:

— И вот, братцы мои... тот самый принц, *который* — (он особенно протянул и ударил слово *который*) и, остановившись, поглядел на Пьера, помолчал и продолжал: «вот, братцы мои, тот самый принц, *который*...» В другом месте солдаты играли в какую-то игру, в третьем — два о чем-то доверчиво разговаривали. Многие по одиночке сидели на соломе, что-то работая, некоторые спали. Все эти лица, фигуры, позы, звуки голосов — всё это было такое знакомое, родственное, любезное Пьеру, [225] что ему вдруг всех хотелось и слышать и видеть.

— Да вот здесь, — сказал офицер, указывая на пустое место на соломе у стены. — Ребята,

тут местечко барину дайте.

— Что ж, можно, — откликнулся голос.

— Да, вишь, ловок[226], я и так Миронова [227] вчерась задавил, — сказал другой.

— Ну, вздор, вздор! — сказал офицер.

— Или в углу, там у Платона просторно, — сказал опять тот, который[228] не соглашался пустить.

— Какого Платона? — спросил офицер.

— Каратаева, в углу-то. Да вот он сам.[229]

Среднего роста, несколько сутуловатый [230] в груди и плечах человек в лаптях и солдатской шинели, слегка раскачиваясь и кругло неся руки, как бы собираясь обнять ими что-то, легким шагом подошел к ним.

— Дравиц порубил, — сказал этот человек с тем веселым оживлением, которое бывает у людей после физического труда, и тотчас же он прибавил:

— Что ж, положим у себя. Места много. Солома нынче свежая. Пойдем, барин, пойдем, соколик, — обратился он к Пьеру. Солдат этот говорил[231] не то чтоб быстро, но споро, не то чтобы он торопился говорить, но слова его вылетали из него, как будто они были тут уж

во рту, как будто они нечаянно, переполняя его, выскакивали из него. И голос у него был поющий и приятный. Звук его голоса и манера говорить поразили Пьера.[232] Он, следуя за ним, ближе пригляделся к нему, и фигура, и приемы, и походка этого солдата подтвердили в Пьере его первое впечатление чего-то особенно приятного, успокоительного, и естественного, и круглого в этом человеке. Его движения были точно так же, как и его слова, не быстры, но споры: за одним движением как-то кругло следовало сейчас другое, и ни в одном движении не было заметно ни усилия, ни задержки, ни медлительности, ни торопливости. Подойдя к углу балагана, он нагнулся, взбил солому, подвинул, передвинул рожки, подложил соломы в голова, прихлопнул рукою и встал.

— Ну вот и милости просим, соколик. В тесноте, да не в обиде, — сказал он, садясь на солому и указывая Пьеру подле себя. Пьер сел, не спуская глаз, рассматривая в[233] сумерках своего соседа, в котором он видел что-то особенно значительное и знакомое.

Первое впечатление, полученное Пьером

от этого человека, было впечатление чего-то естественного, доброго и круглого. Всё, что он мог видеть из фигуры и лица этого солдата, было круглое. Голова, с которой он снял шапку, была совершенно круглая, большие глаза — круглые, рот, улыбка — круглые, усы и борода, обраставшие[234] вокруг рта, составляли круг,[235] грудь была высокая, округленная, спина округлялась в плечах, кисти рук были круглые.[236] Еще прежде замеченный Пьером запах пота при приближении этого человека теперь усилился, когда Пьер лег с ним рядом, но запах этот был не неприятен Пьеру, а имел в себе что-то тоже значительное, естественное и круглое.

Солдат, как только сел на место, с той особенной споростью движений, которая так поражала Пьера, оглянул соседа и, вероятно предположив, что он хочет спать, тотчас же принялся за различные дела. Он аккуратно размотал бичевочки, которыми были завязаны его лапти, разулся, развесил свою обувь на колушки, вбитые у него над головами, достал ножик и кусок дерева из-под изголовья и начал[237] резать что-то, то поглядывая на Пье-

ра, то прислушиваясь к сказочнику, то сам с собой чуть слышно посвистывая и покачивая головой. Пьер думал сначала, что он заснет, но вид этого человека с его устроенным в углу хозяйством, с его спорыми, спокойными движениями привлекали всё его внимание, и он, не спуская глаз, смотрел на него.[238] Порезав свою палочку, — это была ложка, которую делал солдат, — когда в балагане всё стало стихать, он так же уверенно, как будто до известного часа и минуты было назначено работать, вдруг[239] перевернулся,[240] положил на место ложку и ножик, встал и пошел к выходу.

— Ишь, шельма, пришла, — услышал Пьер опять его ласковый голос, — пришла, шельма, помнит. Ну, ну, буде. — И солдат, отталкивая от себя шавку, прыгавшую к нему, вернулся к своему месту, сел. Собака легла у его ног.[241] Солдат взглянул на Пьера и что-то хотел опять сделать.

— Ты давно здесь? — спросил Пьер.

— А, не спите, барин, — сказал солдат со своей[242] споростью речи. — Я-то? В то воскресенье меня взяли. Из гошпиталя в Москве.

Вот вторая неделя пошла.

— Что ж, тебе скучно тут? — спросил Пьер, приподнимаясь.

— Как не скучно, соколик! Меня Платоном Каратаевым звать, — прибавил он, видимо с тем, чтобы облегчить Пьеру обращение к нему. — Соколик прозвание. Как не скучать. Москва — она городам мать.[243] Как не скучно на это смотреть. Москву заполонили, всю. Расею забрали. Как не скучно.

— Что ж ты думаешь, что уж конец России? — сказал Пьер.

— Расеи конца сделать не можно, — спокойно и споро отвечал Платон, — потому Расеи да лету союзу нету. А по грехам. Покорись беде, и беда покорится. Терпеть надо. Да наше дело такое.[244]

[Далее от слов: Как же вы, барин, попали-то к нам. А? кончая: прислушиваясь к мерному храпению тотчас же заснувшего Платона, лежавшего подле него близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 1, гл. XII.]

Новая глава

В балагане, в который поступил Пьер, было 23 человека пленных солдат, офицеров, чи-

новников. В замкнутой жизни этого небольшого общества людей, несмотря на исключительное положение — неволи, бедности, лишений, в к[оторых] они находились, сложились также резко и определенно все те формы жизни,[245] в которых всегда и везде выражается человечество. Сделалось само собой разделение труда: одни солдаты занимались грубой работой, другие — устройством, третьи — высшими соображениями. Образовались классы высших (майор, чиновник и Пьер), средних — офицеров, фельдфебеля и[246] еврея и низших — солдат. Отделился не класс — разряд людей: художников, поэтов, мыслителей (сказочник, шутник-солдат, Пьер, Каратаев), разряд людей, доставлявших духовную пищу. Выразилось вечное свойство человеческой природы: тщеславие. Люди гордились и тщеславились, выдумывая себе предлоги тщеславия: кто своим знанием французского языка, кто своим платьем и знакомствами. Чувство собственности, — хотя и, казалось бы, нечего было этим людям иметь собственного — точно так же связывало и разделяло людей. Играли в шашки и карты на деньги,

которые некуда было употребить, и на платье и сапоги. Солдаты играли в бабки на бабки, которые не имели, казалось бы, никакой ценности, но которым придана была общим согласием искусственная ценность и можно было радоваться приобретению и печалиться потере их.

Точно так же, как и в каждом человеческом обществе, каждый человек, входивший в это общество, стремился занять высшее положение и от этого приходил в столкновение с другими и после ссор, иногда — драк, узнав свои и чужие силы, занимал то место, которое по его относительной силе подобало ему. То, что совершается и во всяком другом обществе, в каждом государстве — совершалось здесь, только гораздо очевиднее — совершалось то непостижимое сближение людей вследствие близости друг к другу. Совершалось то, что испытывает каждый человек, просидев в одной комнате несколько часов с другими людьми, когда входит новый человек. Новый человек — чужой, а те, с которыми пробыл три часа — [свои], и новый человек чувствует это и робеет в словах и поход-

ке. Совершалось то, совершенно тождественное притяжению атомов и отталкиванию атомов. После недели пребывания[247] Пьер почувствовал, что это все свои — совершенно свои, а остальные, даже русские — совсем чужие, такие же чужие, как французы, и более чужие, чем французы, ходившие в караул.

* № 260 (рук. № 96. Т. IV, ч. I, гл. XII, XIII, ч. 2, гл. XII).[248]

III

Когда Пьера ввели к новым товарищам в балаган на Девичьем поле, на лице его еще были признаки испуга, страданья, покоренности — было общее выражение преступности, которое, независимо от виновности или невиновности, бывает на лицах людей, поставленных в положение преступников.[249]

Пьер, остановившись посередине балагана, оглядывал вокруг себя.

— Милости просим в наши хоромы. У нас житье хорошее. Милости просим, соколик, — вдруг послышался Пьеру из угла балагана приятно-ласковый и спокойно-веселый голос, очевидно к нему обращавшегося человека.

Пьер оглянулся на голос и в углу балагана увидал[250] среднего роста человека[251] в солдатской шинели и лаптях. Человек этот сидел, подвернув ноги калачиком, за тачани-ем сапогов.[252] В глазах, в звуке голоса этого человека было выражение спокойствия, добродушия и ласки. Пьер[253] подошел к нему.

— Вот тут и садись, соколик, — проговорил [254] этот человек, опрастывая подле себя место. — В тесноте, да не в обиде.

Первое впечатление Пьера[255] при первом обращении этого человека еще более подтвердилось, когда он подошел к нему. Человек этот — чрезвычайно спокойный, добрый и твердый. Голова у него была совершенно круглая, как большой мяч. Глаза, очень приятные, были большие, карие и круглые. Рот раскрывался почти кругом, когда он говорил, [256] усы и борода, обраставшие вокруг рта, составляли круг, морщины на лице все были круглые, грудь была высокая, округленная, спина округлялась в плечах, и кисти рук были круглые, и руки он держал в округленном положении, как будто собирался обнять что-то.

— Откуда бог принес? — сказал он, когда Пьер подошел к нему, и, привстав, протянул ему свою[257] небольшую круглую руку. Это было не то пожатие руки,[258] которое принято в высших классах, но то народное пожатие руки, которое означает особенную ласку, вызываемую только исключительным случаем встречи или прощанья. Пьер понял это.[259] Круглый человек, взглянув поближе на Пьера, видимо огорчился выражением страдания и ужаса, еще бывших на лице Пьера, и хотел помочь ему, утешить или хоть развеселить его. Не дожидаясь ответа на свой вопрос, он тотчас же стал рассказывать про себя, как он остался раненым в Москве и как французы взяли его.

— Звать меня Платоном, соколик,[260] Соколиком прозваны.

Несколько человек пленных, в том числе один офицер, теперь, когда Пьер уселся подле Платона, подошли к ним и[261] стали спрашивать Пьера, кто он, откуда он и что с ним было. Пьер отвечал на все вопросы и рассказывал им о казни, о том, как его[262] судили. Платон молча слушал, шевеля скулами.

— Э! Э! соколик, соколик, — сказал он, вставая. — Судили? За что тебя судили? Да и кто судил-то? Где суд, там и неправда. Так-то старички говаривали, соколик. — И со вздохом сказав эти слова, он пошел в другую сторону балагана и принес Пьеру печеного картофеля и черного хлеба.

— Покушай, соколик, — сказал он. — С голоду Алашки и Малашки всласть.

Пьер, поблагодарив его, взял картофель и, чувствуя голод, начал есть, кусая его. Платон осторожно взял у него из рук картофель, достал из-за спины тупик и, положив на свою черную ладонь картошку, правильно разрезал, посолил и поднес Пьеру. Несмотря на сильный особенный запах сапожного товара и еще чего-то особенного, который распространял вокруг себя Платон и который остался на картофеле и хлебе, Пьер с удовольствием поел то и другое.

— Вот так-то, соколик, — прибавил он.

Вступив неожиданно в самые простые и почти дружеские отношения с своими товарищами, Пьер поместился рядом с Каратаевым.

Когда Пьер поел[263] и другие пленные отошли от них, Платон стал спрашивать Пьера о том, что ему в рассказе Пьера, очевидно, было непонятно, именно то, зачем он стал драться с мародером. То, что Пьер бежал за ребенком, это Платон понимал и не то что одобрил, но видел в этом настоящее дело, но зачем он подрался с мародером, этого он не мог, видимо, уяснить себе.

— Да что ж ты, соколик, в ее вклепался? Что ж она тебе родничная?

— Нет, я рассердился, — отвечал Пьер. — Мне гадко видеть было, что он обижает ее.

— Эх, соколик, своему гневу господин, всему господин, так-то. А пожил бы ты себе на воле, ел, пил бы всласть, а то какую нужду увидал. Ноготок увяз, всей птичке пропасть. Да ты, милый человек, не тужи. От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся.

Он помолчал. — Думаешь пропал, а глядишь, лучше прежнего поднимешься. Несчастье на костылях, а счастье на крылах, старички говаривали. Не успеешь глянуть — прилетит. Так-то, друг мой любезный, — начал он, видимо, длинный рассказ, — жил я

еще дома. Вотчина у нас богатая, земли много, хорошо живут мужики, а наш дом, слава богу, сам-сём батюшка косить выходил. Жили, как у Христа за пазухой. Случись.... — и Платон Каратаев рассказал длинную историю о том, как он поехал в чужую рощу за лесом и попался сторожу. Как его секли, судили и отдали в солдаты.

— Что ж, соколик, — говорил он, сияя круглой улыбкой, — думаешь горе, а не радость. Брату бы идти, кабы не мой грех. А у брата меньшого сам-сём ребят, а у меня, гляди, одна солдатка осталась. Была девочка, да еще до солдатства бог прибрал... Пришел я на побывку, гляжу — лучше прежнего живут. Животов полон двор, бабы дома, два брата на заработках. Один Михайло меньшей дома. Батюшка и говорит: Платон, поди сюда, становись в красный угол. Я стал. Михайла, — говорит меньшому, — поди сюда и Матрешка, кланяйтесь ему в ножки, внучата кланяйтесь. Вот так почитайте его. Он вам заступа.

Так-то, милый человек, роковую овцу волк ловит, старички говаривали, соколик.[264]

Было уже темно в балагане, когда Платон

кончил <свой рассказ. Особенный запах Платона слышался сильнее. В балагане было тихо; но наружи[265] слышались буйные крики драки и жалобный плач.

— Так я сужу, у бога всего много, — продолжал почти шопотом Платон. — Ты что, женат, соколик? — спросил он. — Дети есть, дом есть? — спрашивал он, видимо наслаждаясь вперед благообразным житьем, в котором он представлял себе житье Пьера. — Стало, дом полный и хозяйка молодая осталась, — сказал он, — а всё не тужи, покорись беде, и беда покорится, — старички говаривали. — И он встал, начал креститься, приговаривая шопотом: «Господи Иисус Христос, Никола угодник, Фрола и Лавра, господи помилуй и спаси нас», несколько торжественно заключил он, и заметив, что Пьер не умел, как пристроиться на ночь, он ему, акуратно сложив ее, подложил рогожку под голова и расстелил ему одну сторону кафтана, другою дал покрыться.

— Вот так-то, — проговорил Платон, когда Пьер улегся. Пьер долго не спал, а с открытыми глазами лежал в темноте на своем ложе, счастливо улыбаясь и прислушиваясь к мер-

ному храпению тотчас же заснувшего Платона, лежавшего подле него, и принюхиваясь к его странному запаху.>

Со всеми товарищами по плену Пьер находился в дружеских и простых отношениях. Его любили, ценили за его знание французского языка, которое часто б[ывало] нужно, обращались с ним просто, но не почтительно, называя его Петр Кирилыч, и все как будто не знали или забыли о том, что он был богатый дворянин, как он рассказал им. <(На их расспросы в первый день он сказал им, что он был офицер, дворянин и имел дом, но не сказал про свое богатство и графское звание)>.

В том бедственном положении, в котором они все находились, все, и сам Пьер забывал, чем он был прежде.

[266] Пьер в своих разговорах с караульными офицерами и солдатами чувствовал, что теперь уже никто не мог поверить ему, что он, оборванный пленный, был богатый, ни в чем не виноватый человек. Когда ему и случалось рассказывать про свое положение французам, он видел, что ему уже не могли верить, как поверил ему Рамбаль. И что ве-

ритель в то, что он, богатый, невинный человек, находился в таком положении, было им неприятно и трудно.

Пьер сам как будто не верил тому, что он был прежде. Ему казалось, что всё, что было до дня казни, было очень, очень давно, десятки лет тому назад.[267]

Пьер не перешел на другой день ночевать на сторону офицеров, но остался рядом с Платоном, который произвел на него в первую ночь такое сильное и успокоительное впечатление. День он проводил с офицерами, но вечер[ом] он [с] наслаждением возвращался в пропитанный его запахом угол Платона Каратаева.[268]

Словоохотливые караульные, прежде охотно рассказывавшие Пьеру об общем ходе дел, о завоевании Петербурга, о зимовке в Москве, о богатствах, которые найдены, теперь[269] или молчали, или сердились, когда Пьер спрашивал их о том, что слышно. Между пленными распространилось убеждение о том, что французам плохо приходится и что на днях они уходят из Москвы. То, что французы отнимали сапоги, шили себе рубашки,

то, что везде на поле выдвигали повозки и укладывали их, то, что чаще двигались войска — всё подтверждало эти предположения.

* № 261 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XII).[270]

Со всеми товарищами по плену Пьер вступил сразу в самые дружеские и простые отношения,[271] но он не сблизился[272] ни с кем, кроме Платона[273].

Его звали Петр Кирилыч, обращались с ним просто и дружелюбно. Все как будто не знали или забыли о том, что он был богатый дворянин, как он рассказал им. В том бедственном положении, в котором они все находились последнее время, все, и сам Пьер, забывал, чем он был прежде. Пьер в своих разговорах с караульными офицерами и солдатами чувствовал, что теперь уже никто не мог поверить ему, что он — оборванный пленный — был богатый, ни в чем не виноватый человек. Когда ему и случалось рассказывать про свое положение французам, он видел, что ему уже не могли верить, как поверил ему Рамбаль. И что верить в то, что он, богатый и невинный человек, находился в таком поло-

жении — было им неприятно и трудно. Пьер сам как будто не верил тому, что он был прежде. Ему казалось, что всё, что было до дня казни, было очень, очень давно, десятки лет тому назад.[274]

Жизнь его началась — ему казалось — четыре недели тому назад. И эти 4 недели казались ему чрезвычайно длинны, несмотря на то, что он ничего не делал во всё это время. Он вставал рано. До обеда смотрел на двери балагана, на солнце, на небо, на пожарища Москвы, на чуждое ему вокруг балагана движение жизни французского лагеря, изредка переговариваясь с товарищами или караульными французами о самых ничтожных, неинтересных предметах. Потом обедал, слушал толки товарищей, потом подходил то к кружку игроков в шашки, то к сказочнику. Потом ходил взад и вперед по балагану и думал. Это было его любимое время в сумерках. В темноте вечером большей частью он разговаривал с Платоном, засыпал, и на другой день было то же самое.

Русское войско по тем естественным причинам, по которым всякое животное стремится туда, где оно может найти себе лучшее пропитание, передвинулось с Рязанской на Калужскую дорогу, французское войско, по столь же естественным причинам, добравшись последними усилиями до Москвы, остановилось в обильном, разрушенном городе, грабя его и, как стадо, топча под ногами, вырывая друг у друга тот корм, который бы мог пропитать,[275] ожидало только того[276] толчка, который бы выгнал его.

Вся французская армия[277] находилась в сожженной Москве не в конце кампании, а неожиданно в самой середине ее. Каждый [278] солдат чувствовал себя в положении человека, который, собрав последние усилия, взбежал на 20-ю ступеньку лестницы, полагая найти там убежище и отдых, и вдруг, уже взбежав наверх, убедился, что 20-я ступенька была только начало лестницы, бесконечно поднимавшейся вверх. Надо было идти выше или спускаться вниз, но выше идти не было сил, а спускаться было и трудно, и совестно, и страшно. Наполеон — этот гениальнейший из

гениев, как утверждают историки, не мог, казалось бы, не видеть этого. И для того, чтобы собрать свое войско, уберечь продовольствие, которого было в Москве на год всему его войску, и идти назад или за русской армией для того, чтобы разбить ее, не нужно было особенной гениальности,[279] нужно было гораздо меньше[280] ума, внимания и распорядительности, чем на то, чтобы довести свои 500 тысяч не только до Москвы, но и до Немана, но он не сделал этого.

Историки его, однако, и тут описывают нам его гениальность, и изумительную деятельность. Они описывают нам,[281] какой он составил гениальный план будущей кампании. Тьер доказывает[282] фактами, что гениальный план этот был составлен не 9, как говорит Fain, а ровно 17. Хотя план этот и весьма гениален может быть, он никогда не был исполнен, потому что не мог быть исполнен, и потому [на] вопрос о том, почему Наполеон не сделал того, что казалось очень легко: не остановил грабеж, не собрал провианта и не вывел войска, мы не получаем ответа.

Из историков же, полагающих, что весь

интерес события сосредоточивался в особе Наполеона, мы узнаем, что он действительно был очень деятелен, но деятельность его была направлена не к тому, на что указывал не только гений, но простой здравый смысл. Мы узна[ем], что он писал из Москвы в Париж приказания о тамошнем театре, что он беседовал подолгу с Тутолминым и Яковлевым, поручая этим совершенно частным людям дипломатические поручения в Петербурге, что он обласкал детей воспитательного дома, что он приказал надписать Maison de ma Mère [283] на богоугодных заведениях, что он приказал раздавать привезенные фальшивые рубли солдатам[284] и погоревшим русским, что он приказал расстрелять несколько невинных людей, что он вместе с своим войском грабил серебро из церквей, почитая это собственностью своей армии, и вместе с тем отдавал приказания о собрании в каждую часть излишка провианта и о прекращении грабежа — приказание, которое он, бывший солдатом, мог знать за неисполнимое. Он озабочен был весьма тем, чтобы были сожжены дома Растопчина и Разумовского и в особен-

ности чтобы был взорван Кремль...

Это все мы видим из показаний тех историков, но не видим ничего такого, что бы клонилось к той цели спасения армии, которую предписывал здравый смысл. Мы видим, напротив, что, несмотря на то, что ему казалось, что он командует всем миром и своей армией, он так же, как и последний солдат его армии, оставался в Москве до тех пор, пока нужда, осень и перехваты обозов по Смоленской дороге не заставили его[285] повернуться на этой 20-й ступеньке лестницы и пойти назад, не зная хорошенько (что видно из его противуречащих приказаний и из его, ничем не объяснимого, движения на Малоярославец и отступления после победы), не зная,[286] как бежать вниз по той же лестнице, по которой он взобрался.

Всё это совершилось только потому, что это должно было так совершиться.

[287] Между тем и в войсках русской армии не переставая шла та сложная[288] игра мнимой власти, представляющей только отражение действительных событий.

В русской армии преобразовывался весь

штаб. Замещались места убитого Багратиона и обиженного, удалившегося Барклая.[289] Весьма серьезно обдумывали, что будет лучше: А поместить на место Б, а Б на место Д, или, напротив, Д на место А и т. д., как будто что-нибудь, кроме удовольствия А и Б, могло зависеть от этого. В штабе армии, по случаю этих перемещений, шла более чем обыкновенно сложная игра партий.[290] А подкапывался под[291] Б,[292] Б под[293] Д,[294] под [295] С и т. д. во всех возможных перемещениях и сочетаниях. При всех этих[296] подкапываниях, кроме личных доносов друг на друга, как доносы[297] Б государю о том, что Кутузов возит с собой казаком переодетую девку, предметом интриг большей частью было то военное дело, которым думали руководить все эти люди.

В Петербурге[298] шла та же работа, изредка через посланных от государя, Чернышева, Волконского, отражаясь на армии. В Петербурге был составлен подробный и без сомнения более заслуживающий названия гениального, чем фланговое движение, план всей войны, присланный для руководства Кутузо-

ву. И с каждым почти курьером присылались Кутузову новые наставления.[299] Но, кроме наставлений Кутузову, в Тарутино каждый день подвозили провиант и подходили войска. У Наполеона же с каждым днем убывали войска и уменьшался провиант.

И соответственно увеличению и уменьшению поднимался дух одной и падал дух другой армии, т. е. люди армии смутно сознавали то, что по неизвестным им, но существующим законам войны перевес должен быть отныне на стороне русских.

* № 263 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. IV–X).[300]

[301] О, какое счастье было бы описать Тарутинское сражение в духе певца во стане русских воинов. Как легко было бы такое описание и как успокоительно действовало бы оно на душу. Но Тарутинское сражение и приготовления к нему,[302] благодаря случайному обилию и скрещиванию матерьялов, я вижу, вижу перед глазами совсем в другом свете.

Но для чего же описывать его в этом другом свете, для чего разрушать возвышающее

душу впечатление Певца во стане русских воинов? «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Какое приложение той низкой истины, что все люди — люди, а не герои?

Действительно, приятно думать, как летают перед полками и т. д., и пускай они бы оставались героями в смысле Гракхов и т. д. Это приятно для тех, которые[303] отслужили свою службу, для тех, которые никогда не будут служить эту тяжелую службу войны, для дам в особенности, но этот, нас возвышающий обман, служит источником тяжелых, мучительных сомнений и страданий для всех тех, которым приходится или придется служить эту тяжелую службу войны. Кто из искренних, простых и честных военных, не тех, которые прямо поступают на службу с тем, чтобы ловить рыбу — денег, крестов и чинов в мутной воде службы, но тех, которые,[304] молодыми людьми поступив на службу, любя отечество, славу,[305] готовы к жертве, не испытывали мучительного сомнения, разочарования, не находя тех героев Греции между своими сослуживцами и начальниками и не

находя, главно, в себе того, что им описывали в других. «Или люди стали другие, или я не гожусь ни на что», думали мы все, и, не находя в себе той военной доблести, которую нам описывал певец во стане русских воинов, мы все переставали верить во всякую военную доблесть.

Одно это практическое применение низкой истины уже доказывает то, что одна низкая истина дороже для нас тьмы возвышающих обманов.[306]

[Далее от слов: 4-го числа утром против воли Кутузов подписал диспозицию, кончая: различные перемещения были сделаны в штабе близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 2, гл. IV–VII.]

[307] И Бенигсен совсем рассорился с К[утузовым] и[308] написал государю донос на Кутузова, не забыв упомянуть[309] о том, что Кутузов с собой возит девку, переодетую казачком.

Историки Наполеона рассказывают нам про его гениальные планы, изумительную деятельность, распоряжения в Москве, рассказывают, как учреждено было правительство в

Москве, как les ropes furent,[310] как сам император, чтобы развеселить армию, учредил театр, сам посещал его, и какие меры он принимал к обеспечению армии жизненными припасами.[311]

Итак, для нас личность Наполеона и все подводимые потом под его случайную деятельность историками мнимые разумные причины не могут иметь интереса, потому что, допустив, что один человек мог иметь власть на других, мы не можем объяснить себе, почему этот человек не употребил свою власть на то, чтобы сделать самое простое и легкое — вывести армию из Москвы или обеспечить в Москве, а употребил свою власть на то, чтобы сделать из бесчисленных путей, предстоявших ему, то, что было глупее и пагубнее всего, как то показали последствия. Из всего, что бы ни придумать, что мог сделать Наполеон — зимовать в Москве, идти на Петербург, идти в Нижний, идти на русских, идти назад — севернее или южнее, тем путем, которым пошел Кутузов — ну что бы ни придумать, глупее и пагубнее того, что сделал Наполеон, — т. е., колеблясь оставить или не

оставить гарнизон, выдти из Москвы, подойти к Кутузову, не начать сраженья, пойти влево, дойти до М[алого] Я[рославца], опять, не испытав случайности, пробиться, пойти не по той дороге, по которой пошел Кутузов, а пойти назад на Можайск и по разоренной Смоленской дороге — глупее этого ничего нельзя придумать. <Ежели он был> гениален и имел власть, как же он сделал всё это? Он, тот Наполеон, который через несколько месяцев после делал[312] Бауциновский и Люценковский походы.[313]

Поэтому-то им не может быть интересно то, что происходило в голове и душе этого человека, а мы видим, что он, не имея ни больше власти, ни ума, чем последний солдат его войска, составлял часть всего огромного целого — французского войска. Состояние этого войска только имеет для нас значение.

[314] Положение, в котором находилась эта армия, можно видеть из следующих документов. В конце сентября написано было и распространено след. воззвание (М[ихайловский]-Д[анилевский], 141 и 142).[315]

Никто не отозвался на этот призыв. Гене-

рал-интендант пишет следующее: М[ихайловский]-Д[анилевский], выноска, стр. 137.

Император, решив, что надо потворствовать суеверию,[316] <велел> fitamenez les pores,[317] но на это последовало только следующее донесение (М[ихайловский]-Д[анилевский], выноска 1, 140 стр.) Император несколько раз приказывал остановить грабеж. На это отвечали донесения, говорившие о том, что невозможно остановить грабеж (М[ихайловский]-Д[анилевский], выноски 3, 2, стр. 140).[318]

Дисциплина в армии падала, по гвардии отдавались беспрестанно приказы то о том, что часовые не окликают, то о том, что не делают даже чести императору, то о том, что М[ихайловский]-Д[анилевский] (стр. 15, французское).[319]

[Далее от слов: Положение всего войска было подобно положению раненого[320] животного, кончая: бежит назад, по самому невыгодному, опасному пути, по старому следу совпадает с предпоследним абзацем гл. X, ч. 2, т. IV окончательного текста.]

Кто не только из старых, опытных генера-

лов, не говоря уже о самом Наполеоне, кто из солдат, взглянув на этот в 20 верст длины обоз, в 8 рядов, с украденным добром, блядьми,[321] не видел, что в таком положении армия не может двигаться по чужому краю, по которому везде рассыпаны враги и нет провианту, но они шли.

* № 264 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XI, XIII).
[322]

<В[323] это же время после того, как пленных солдат два дня посылали работать какие-то паромы на Москве-реке, Каратаев заболел опять лихорадкой, от которой он лежал в московском госпитале, когда его взяли, и жизнь Пьера изменилась[324] тем, что он был лишен привычного общества Каратаева.

Пьер, благодаря своему знанию языка, находился в самых дружеских отношениях с занимавшими караулы у пленных французами. Приходя в караул, большинство солдат и офицеров с ласковой улыбкой, как с старым знакомым, здоровались с Пьером. За ним установилось прозвище *le grand chevelu*[325] между французами. Караульные солдаты, особенно

ласковые с Пьером, и ко всем остальным пленным <были> дружелюбно, оказывая им услуги, которые были в их власти.

6-го октября в караул заступил один из самых добродушных[326] офицеров, старых знакомых Пьера.[327] Офицер этот, не скрываясь, сообщил Пьеру, что дела французов плохи и что, как слышно, завтра всё выступает и пленных поведут с собою.

— Но что же сделают с больными? — сказал Пьер. — У нас в балагане один солдат совсем умирает, а другой тоже[328] болен лихорадкой и едва ли будет в состоянии идти.[329]

Француз отвечал, что, вероятно, больных оставят в гошпитале или возьмут с собою в гошпитальных повозках.[330]

Этот другой больной, про которого спрашивал Пьер, был Платон Каратаев.>

Около полудня Каратаев начинал бледнеть, синеть, дрожать, шел в свой угол, ложился под шинель и лежал таким образом, не шевелясь, и тихо стонал до другого утра. Признаки его болезни, как и все проявления[331] его жизни,[332] были так просты и естественны, что[333] они были почти незаметны.[334]

— Платоша-то наш, Соколик, опять умирает, — говорили, посмеиваясь, его товарищи, глядя на кучкой свернутое и укрытое шинелью его неподвижное тело.[335]

6 октября весь[336] день[337] было заметно особенное движение между французами: двигались войска, ездили посланные и[338] фуры и даже ломались балаганы французов и кухни. Всю ночь слышалось движение войск, но о пленных всё еще не было никакого распоряжения. На другой день, 7-го октября,[339] в карауле при пленных стоял молодой человек итальянец,[340] один из самых старых знакомых офицеров Пьера. Офицер этот, красивый,[341] молодой человек, всякий раз как был в карауле,[342] приходил к Пьеру и[343] подолгу разговаривал с ним.[344] Офицер этот, учтивый, хорошо воспитанный и скромный молодой человек, был[345] приятен Пьеру в особенности по тому странному сходству, которое было в верхней части его лица с лицом Наташи. Сходство это было совершенно — в глазах, в линии носа, во лбу, но сходство это продолжалось только до тех пор, пока лицо было спокойно, не улыбалось. При улыбке

что-то короткое, мелкое чувствовалось в этом лице. И Пьер не любил его улыбку.[346] В первый раз, как итальянец, разгово[ри]вшись с Пьером и, пораженный его речью и манерами, расспросил его, кто он, офицер[347] обещал непременно[348] освободить его. Но, придя в другой раз, он не возобновил об этом разговора. И Пьер, поняв из его молчания неудачу его попытки, не спрашивал об этом.[349] На вопросы Пьера о Рамбале и о том, где может находиться теперь его полк (Пьер запомнил название полка), офицер ничего не мог ответить.[350] Он не только не знал Рамбаль, <но не знал даже и про существование такого полка — не знал даже, где находился теперь корпус Мюрата, к которому принадлежал Рамбаль. Из слов его и суждений о французской армии Пьер в первый раз очевидно ясно понял всю громадность этого целого французской армии, о которой он привык делать такие быстрые заключения. Пончини, очевидно, был самый[351] обыкновенный офицер, разделявший взгляд большинства армии.> [352] Офицер этот, имевший знакомства с людьми высших чинов армии, ничего не

знал об общих целях и движениях армии. Он не обсуждал никогда общего положения, а только верил. Наполеон, которого он никогда не видал, был для него отдаленная,[353] великая сила, которой покоряться и служить было несомненно хорошо,[354] но анализировать которую было не только невозможно и бесполезно, но и вредно. Их разговоры с Пьером поэтому бывали всегда самые интимные и состояли преимущественно из рассказов Пончини о своей родине и о своем тихом и счастливом житье-бытье в Генуе, где у его деда был дом, сад и где была его родина.

7-го числа утром Пьер[355] сидел с ним у двери балагана.[356] Пончини, не скрываясь, рассказывал Пьеру, что[357] войска выступали ночью и что забирают всё с собою, но что выступают ли все, или только часть, он не знал. Точно так же он ничего не мог сказать про пленных. В их дивизии, которая держала караулы, было приказано быть готовыми к походу, но приказания о выступлении еще не было. Пьер <расп>росил о том, что будут делать с больными, ежели пленных поведут с собой, и сказал, что один солдат у них был по-

чти умирающий, и другой (Каратаев) тоже был так болен, что едва ли мо[жет] идти.

— О! на это есть гошпитали и здесь, и подвижные, — отвечал Пончини. — Потом у нас будут повозки, на кот[орые] мы всегда можем посадить слабых. Вы согласитесь, что что бы ни было на войне,[358] мы вам не делали зла и делали, что могли, — сказал он с доброй улыбкой, к[оторую] не любил Пьер. Пьер не мог не согласиться, что пленные не могли жаловаться.[359]

Погода была волшебно прекрасная.[360] Тот хрустальный, ясно неподвижный блеск был на всем, который бывает только осенью — бабьим летом. Было тепло на солнце, и тепло это имело особенную прелесть теперь. [361] Из двери балагана виднелся дом на Воробьевых горах и в синей дали Мамоновский дом и белые облака на лазурном небе. Вблизи виднелся дом Алсуфьева, занимаемый французами, и на дворе кусты сирени с еще не обсыпавшимися листьями. Везде были развалины, нечистоты, во время пасмурной погоды безобразно отталкивающие, но теперь эти самые нечистоты и развалины были величе-

ственно прекрасны и успокоительны в этом чудном солнце. Воробьи стаями перелетали на сиреневых кустах, и паутины даже и здесь, между людьми, блестели мокрые на нижних ветвях кустов.[362]

Одеяние Пьера.....[363]

Ноги его были босые. Он держал в своих толстых руках соломинку и перегибал ее, изредка взглядывая то на Пончини, то на воробьев, то на свои босые ноги. И всякий раз, как он взглядывал на свои расставленные под углом ноги с толстыми большими пальцами, на лице его пробегало чуть заметное выражение удовольствия. Вид этих босых ног его напоминал ему всё то, что он пережил в это время, всё то, что он понял: воспоминание это было [364] успокоительно.

Вдалеке слышно было движение, но вокруг балаганов было тихо и голоса слышались особенно резко. В погоде было что-[то] заковывающее, неподвижное, и люди невольно подчинялись этому. Они говорили тихо и задумчиво.

— Это правда, — говорил Пончини, — в Москве много было сделано грабежей и зло-

действ — я ездил прошлое воскресенье — но это не войска, а мародеры, их невозможно удержать, и русские.

— А какая удивительная погода, — сказал Пьер.

— Да, это мне напоминает виноградные сборы, — сказал Пончини, и он начал рассказывать, какой у них сад был в Италии и как они собирали виноград. В то время, как он рассказывал, Пьер глядел на него, удивляясь и радуясь странному сходству и невольно мечтая о том, что могло бы быть.

«Князь Андрей умер, думал он. Ежели бы умерла моя жена, я бы мог жениться на Наташе. Я уверен, что она пошла бы за меня».

Солдат подбежал к офицеру, призывая его к приехавшему начальнику. Пончини встал, ласково улыбнулся Пьеру.

— До свиданья, — сказал он и, отвечая на прежний вопрос, прибавил: — Во всяком случае, что от нас будет зависеть, вы знаете, что мы сделаем для вас всё, что можно.

Когда Пончини ушел, Пьер продолжал думать о той, на кого он был похож.[365]

«Да, стоит умереть этим двум, думал он, и

тогда было бы очень хорошо. Каратаев говорит (Пьер рассказывал Каратаеву свои отношения к жене), что надо ее побить, поучить и что она смирится, но он не понимает, с ней мне невозможно счастье. А при ней я не могу быть спокоен. Как бы хорошо ей умереть. И, верно, она умрет. Это так нужно мне. Как это Каратаев болен в эту погоду. Впрочем, именно в эту погоду или очень здоров, как я (он взглянул на босые ноги), или болен».

— Что, Петр Кирилыч, что говорил офицер? — спросил чиновник пленный.

— Да неизвестно, — отвечал Пьер.

— А идут все, вон видно за балаганами. Погода-то хороша.

Чиновник прошел. Пьер продолжал задумчиво глядеть на воробьев.

Офицера позвали к[366] французу офицеру, который приехал узнать, почему до сих пор не выступили пленные, и велел, чтобы поправить ошибку или недоразумение, выступать как можно скорее.

Пьер не помнил, кто первый и как ему объявил о выступлении. Когда он очнулся, мимо него взад и вперед бегал народ, подхо-

дили батальоны, выдвигали повозки на двор Алсуфьевского дома, и он почувствовал сообщившуюся ему общую поспешность и радость. Он пошел обуваться в сапоги, которые сшил ему Каратаев. В балагане гудело веселыми голосами собиравшихся. Лежали только горячечный и Платон.

— Что ж, Платон, идти, идти, — сказал Пьер.

Платон поднял голову,[367] оглянулся и, поняв в чем дело, сел и стал обуваться. Лицо его было <так> бледно-сине, что Пьер[368] поспешно вышел из балагана с тем, чтобы переговорить с офицером о больных. Два француза солдата стояли у двери, торопя пленных.

— *Voyons vite*,[369] *dépêchez-vous*. [370]

Пьер обратился к одному из них, спрашивая, где офицер. Солдат этот, прежде ласковый (Пьер его знал), сердито крикнул на Пьера, чтоб он не смел выходить.

— Я приду, вы меня знаете.

— *A vos place, sacré nom, voilà la consigne*, [371] — крикнул он.

— *Le lieutenant me demande*, [372] — сказал Пьер.

— Eh bien, faites vite,[373] — крикнул сердито солдат.

Грубо строгое это, так противуположно прежнему, обращение солдата поразило Пьера, но ему некогда было думать. Он побежал к воротам дома, у которого Пончини с другими возился у повозок, укладывая что-то.

— Eh bien qu'est ce qu'il y a?[374] — холодно оглянувшись, как бы не узнав, сказал Пончини. Пьер сказал про[375] больных.

— Ils pourront marcher que diable,[376] — сказал Пончини, отворачиваясь, и принялся за укладку.

— Да нет, они не могут идти, — сказал [Пьер], — один, верно, нынче, завтра умрет.

— Eh bien on le laissera où il est, voilà tout,[377] — сказал другой. Пьер начал было говорить, как вдруг Пончини крикнул на него и велел солдату отвести его на место.

— Allez à ce qui vous regarde, faites vite vos raquets et marchez, voilà tout.[378]

Пьер пошел в балаган. Каратаев, собравшись, возился с французом, примеривая ему рубаху, и сам торопился, как и все. Через 5 минут всё было готово. Солдаты строго про-

пускали мимо себя, считая, пленных.

— Filez, filez,[379] — сердито приговаривал Пончини.

* № 265 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XI, XIII).
[380]

6 октября весь день двигались войска, ездили посланные и фуры и ломались балаганы французов и кухни; но о пленных всё еще не было никакого распоряжения. На другой день, 7 октября, все пленные солдаты[381] были на работе — таская и укладывая кули муки для французов; в балагане оставались только два больных солдата, офицеры и четыре человека, шившие рубашки для французов. В том числе был и Каратаев, распевавший песню своим тонким голосом. Пьер стоял у двери балагана.

Погода стояла ясная, тихая, теплая, так называемое бабье лето. Лист уже обвалился с деревьев, летняя трава засохла, всё, казалось, приготовилось к зиме, но[382] новая трава легла отовсюду и почки надувались на кустах и деревьях.

Тот хрустальный, ясно неподвижный

блеск, который бывает только осенью, волшебной красотой освещал и голубое небо и землю.

Было тепло на солнце, и тепло это с кристальной свежестью утреннего заморозка, еще чувствовавшегося в воздухе, имело особенную прелесть.

Из двери балагана виднелся далеко на Воробьевых горах белый дом Мамонова, далеко, но отчетливо определено своими линиями и углами [на] лазурном небе с пухлыми белыми облачками. Вблизи виднелся дом Алсуфьева, занимаемый французами, и на дворе кусты сирени с еще темнозелеными старыми листьями. Везде были развалины, нечистоты, во время пасмурной погоды безобразно отталкивающие, но теперь, в этом прозрачном, неподвижном воздухе и ярком свете, эти самые нечистоты и развалины были величественно прекрасны и успокоительны. Стайки воробьев, весело чирикавая, то взад, то вперед перелетали по ограде сиреневых кустов.

[Далее от слов: Одевание Пьера теперь состояло кончая: и воспоминание это было ему приятно близко к печатному тексту. Т. IV, ч.

Из балагана слышалось пение Каратаева, со всех сторон слышны были резко[383] голоса переговаривающихся. Но в погоде было что-то заковывающее, неподвижное, и голоса эти не нарушали блестящее спокойствие, лежавшее на всем.[384]

[385] — Eh bien, comment allez vous, mon cher monsieur?[386] — сказал[387] Пьеру, подходя к нему, коренастый, румяный офицер, — il fait bien beau, n'est ce pas?

Офицер этот был один из самых старых знакомых караульных[388] офицеров, который всегда, бывая в карауле, подолгу беседовал с Пьером. В первый раз, как, разговорившись с Пьером, этот офицер узнал, каким образом Пьер попал сюда, он[389] обещался непременно довести о том до сведения высшего начальства.[390] Но, прийдя в другой раз,[391] не возобновлял об этом разговор. [392] Офицер этот был неглуп, имел некоторое образование и,[393] строго исполняя долг службы, любил отдыхать от забот службы в разговорах,[394] не касающихся службы, которые он и заводил всегда с Пьером. Он был

одним из самых рядовых офицеров французской армии. Он не имел знакомств в высших сферах армии и ничего не знал и не хотел знать об общих целях и соображениях.[395]

Из его суждений о французской армии Пьер в первый раз очевидно ясно понял всю громадность этого целого, о котором он привык делать такие быстрые соображения.[396] Пьер спросил его однажды о том, где может находиться теперь полк Рамбаля, и[397] офицер не только не знал полка Рамбаля, но не знал даже, где находился корпус Мюрата, к которому принадлежал Рамбаль. Их разговоры с Пьером бывали самые интимные и состояли преимущественно из рассказов[398] о своих домашних интересах, о влиянии революции, о духовенстве, о домашнем житье-бытье в[399] Гренаде, где была его родина. Он расстегнулся и сел на лавочку подле Пьера.[400] Пьер спросил об том, что слышно о выступлении.[401] Офицер, не скрываясь, рассказал всё, что он знал.

Он сказал, что часть войск выступила куда-то ночью, но что выступают ли все и поведут ли пленных, он не знал. В их дивизии, ко-

горя держала караулы, только велено быть готовым, к выступлению.[402]

[403] Офицер достал и набил трубку и предложил ее Пьеру.

— Какая погода, точно юг...

— Но как же сделают с больными?[404] — перебил его Пьер, отказываясь от трубки, — ежели нам придется выступать, у нас в балагане один солдат не может идти.

[405] Офицер поморщился. Он не любил говорить про дела службы. Однако он ответил. Он сказал, что об этом позаботятся, что в Москве остаются гошпитали и с собой, вероятно, как и всегда, возьмут подвижной гошпиталь.

— У нас и повозки будут, — прибавил он. — И во всяком случае, если мы пойдем вместе, я вас прошу рассчитывать на меня, у меня два экипажа, и они к вашим услугам.

Пьер поблагодарил.

— Много сделано зла, это правда, — сказал [406] офицер, — но вы согласитесь, что мы не были жестоки и делали всё, что от нас зависело, чтоб облегчить ваше положение, — сказал он.

—[407] Правда, — сказал Пьер.[408]

— Ça me rappelle les vendanger chez nous. Oh c'est beau. Mon, grand père qui est fermier a deux vignes,[409] — и офицер, покуривая трубку, рассказывал Пьеру о своих дорогих домашних, деревенских воспоминаниях. Через полчаса, около полдня, офицер ушел обедать. Солдаты, бывшие на работе, вернулись и пленным велено сейчас же готовиться к выступлению.[410]

В балагане гудело веселыми голосами собиравшихся.

Платон своими спорыми движениями обматывал свои онучи бечевочками и давал советы Пьеру, как обвернуть портянками, приобретенными Платоном,[411] свои ноги.

— Что ж, Соколова-то куда денут? — сказал Платон, глядя на одного, не шевелившегося и свернувшегося под шинелью солдата.

Пьер подошел к солдату и спросил, может ли он идти. Лицо солдата было бледно, и глаза налиты кровью. Он не понял, что у него спрашивали, и ничего не ответил.[412]

Пьер поспешно вышел из балагана с тем, чтобы переговорить с офицером о больных.

Два французских солдата стояли у дверей, торопя пленных.

— *Voyons, vite dépêchez-vous.*[413]

Пьер обратился к одному из них, спрашивая, где офицер. Солдат этот, прежде ласковый (Пьер его знал), сердито крикнул на Пьера, чтобы он не смел выходить.

— Я приду, вы меня знаете.

— ... *ггг*, — обругался солдат, выставляя ружье.

— *Le lieutenant me demande,*[414] — сказал Пьер и пошел с такою решительностью на солдата, что солдат принял ружье.

— *Eh bien, faite vite, sacré... ггг...*[415] — крикнул с ругательством солдат.

Грубо строгое это, так противоположное прежнему, обращение солдата удивило Пьера.

Выбежав к воротам дома, у которого его знакомый румяный офицер с другими возился у повозки, укладывая что-то, Пьер подошел к нему и начал говорить.

— *Eh bien qu'est ce qu'il y a?*[416] — холодно оглянувшись, как бы не узнав, сказал офицер.

Пьер сказал про больных.

— Ils pourront marcher, que diable,[417] — сказал он, отворачиваясь.

— Mais non, il est à l'agonie,[418] — сказал Пьер.

— Eh bien, on le laissera là où il est,[419] — сказал офицер.

— Il faudrait au moins...[420] — начал было говорить [Пьер], как вдруг офицер, грубо обругавшись, крикнул на него и велел солдату отвести его на место.

— Allez à ce qui vous regarde, faites vos paquets et marchez, voilà tout.[421]

<Пьер вошел в балаган. Каратаев, собравшись, прощался с больным солдатом. Все уже были готовы и прощались с остававшимися солдатами.>

* № 266 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XII–XIV). [422]

Одно последовательное занятие Пьера за это время, кроме внутренней работы мысли, состояло в наблюдении признаков общего положения французов — той таинственной силы[423] порядка, которая его водила из места в место, привела на казнь, спасла от смерти и

бросила в балаган пленных.[424] Не отдавая себе в том отчета, Пьер непрестанно внимательно следил за этим порядком — за этой силой, управлявшей его судьбой, и в последние дни сентября заметил, что[425] эта сила стала ослабевать, в ней проявилось колебание, нерешительность, и Пьер стал верить в то, что время разрушения этой силы порядка — и вследствие того его освобождения — близко. [426]

В конце сентября слышно было про передвижения французских войск — в одно утро слышались выстрелы недалеко, в это же время стали пленным кормить хуже, и французы караульные обирали сапоги с пленных. И с Пьера сняли его тонкие, прорванные сапоги. Заболевшего пленного солдата не взяли в госпиталь, а он умер тут же. Прежде охотно рассказывавшие Пьеру караульные об общем ходе дел — о завоевании Петербурга, о богатствах, найденных в Москве, о зимовке в России, теперь или молчали, или сердились, когда Пьер спрашивал их о том, что слышно было. — 1-го октября все караульные пришли с сапожным товаром и[427] холстом, который

они получили накануне, и пленные солдаты, [428] умевшие шить и тачать, были засажены за работу. Везде на поле видны были выдвигаемые повозки и передвижения войск, и никто ничего не[429] говорил им, но все пленные были убеждены, что французы выходят на днях из Москвы[430] и что их *погонят*[431] тоже.

Все стали собираться к выходу — т. е. прилаживали себе, как могли, платье и обувь. Пьер, служивший переводчиком перед французскими офицерами за всех своих товарищей, 2-го октября от имени товарищей объявил французскому офицеру, что пленные просят, чтобы им возвратили их отобранное платье и обувь, что они слышали, что их везут с армией, а что в таком положении они идти не могут. При этом Пьер указал на свои босые ноги.

Караульный офицер, немец (последнее время караул держали вестфальцы), полагая, что пленным объявлено выступление,[432] принял участие в пленных и обещал донести об этом начальству. Заинтерес[ованный] знанием немецкого языка Пьером, он расспросил

его, кто он и как попался, и обещал донести и о нем особенно. Но тут Пьер заметил, что прежнего порядка не существовало. Добросовестный немец, взявшись за дело, исполнил обещание. Вечером, придя к Пьеру в балаган, он сообщил ему о нем лично, что нельзя было по спискам добиться того, кто он и где, как взят и что о всех пленных ничего не известно. При этом немец[433] дал Пьеру три рубля ассигнациями, которые Пьер с благодарностью принял.

Несмотря на то, пленные готовились к выступлению, и Каратаев, умевший шить сапоги и платье, работал по ночам со свечой, которую давали ему. Из цибикового ящика, который ему принес француз для подшивки подметок к своим сапогам, Каратаев сшил обувь вроде башмаков Пьеру.

Погода стояла ясная, теплая, тихая — так называемое бабье лето. Весь лист уже обвалился с деревьев, трава засохла, всё приготовилось к зиме, а небо[434] было теплое, голубое и солнце грело, как летом[435]. Трава и почки деревьев и вся природа как будто не знали, что им делать, ждать или распускать-

ся. То чувство ожидания и страха, которое было в душе Пьера, усиливалось этой погодой, которая выражала то же чувство нерешительности и ожидания.

«Хоть что-нибудь поскорее», думал он в полдень 2-го октября, стоя у двери балагана и ожидая обеда, глядя на кухни и на двигавшиеся войска по полю.

Долгое время Пьер ничего не видел вокруг себя, кроме тех новых лиц русских пленных, которые шли впереди, сзади, подле него. Это все были такие же лица, как те, которые были с ним в балагане, такие же одеяния, те же выражения лиц.

Видимо, про пленных было забыто при выступлении армии и потом послано за ними и назначено им место.

Поэтому первое время пленные с конвоем шли одни и очень быстро, очевидно догоняя колонну, чтобы попасть в свое место.

При выходе из заставы пленные попали в самую середину движущихся бесконечных обозов. Издалека, подходя к заставе, слышались звуки движения экипажей, топота лошадей и криков бесчисленных голосов. Подойдя

со стороны к заставе, мимо которой, теснясь, тянулись бесконечные ряды повозок, фур, телег, карет, дрожек, нагруженных до верху вещами, некоторые с женщинами и детьми, пленные остановили. Все пленные затеснились вперед, чтобы увидеть это красивое, оживленное[436] зрелище поезда.

Пьер протеснился вперед. В ярких лучах вечернего солнца блестели мундиры, наряды женщин, лак экипажей, сбруи лошадей. Это напомнило ему разъезд с майского гулянья в Сокольниках. Только что теперешнее движение было оживленнее и веселее. Веселые крики французских голосов погонщиков, веселые лица, бойкие речи, улыбки, смех проезжавших — всё это сливалось в воздухе в один веселый звук. В числе ехавших карет между повозками Пьер узнал свою карету и своих серых лошадей. В карете в красной шали сидела красивая женщина, нарумяненная и насурмленная. На козлах сидел французский гусар и другой, арап.

— Франсуа, Франсуа, — кричала девка, высовываясь из окна кареты. — Экий чорт, не слышит, — прибавила она в то самое время,

как проезжала мимо пленных.[437] Карета проехала, за ней толпилось стадо волов,[438] зеленых фур, на одной из которых сидела женщина с ребенком, и взади в дрожках в русской упряжи с бубенцами ехало два французских офицера, шапки набекрень, с красными лицами.

— Une bonne farce, Roussel![439] — прокричал один из них, и они, цепляя за повозки, проехали и опять остановились за быками. За ними двигались с огромными, как горбатые, мешками за плечами[440] высокие люди в ботфортах и синих доломанах и касках и говорили на каком-то непонятном Пьеру языке. Это были спешенные кавалеристы. Потом опять повозки, опять кареты, опять команды. Пьер думал, что пленные должны примкнуть к самому хвосту колонны, и боялся, что конца не будет этому движенью, но немец офицер, ведущий их,[441] выехал вперед в толпу и, спросив что-то у денщиков, ведущих в пополах лошадей, скомандовал своим, и пленных вывели на дорогу впереди этих лошадей в пополах и длинного в несколько рядов обоза, ведомого людьми в одинаких[442] мундирах

и имевшего одни и те же буквы на крышках фур и вензеля с герцогской короной на покрывалах и каретах. Это был обоз Жюно, состоявший из 107 повозок, наполненных ризами, крестами, утварью, картинами. Пленным велено было идти впереди обоза маршала с тем, чтобы обоз был безопаснее.

Вступив в ряды, Пьер опять не мог видеть ничего, кроме окружающих его лиц пленных, и потом весьма скоро всё внимание его обратилось на землю и на свои ноги. Как ни хороша была обувь, сшитая Каратаевым, она была широка и жестка, и непривычные ноги без чулок скоро потерлись. Сзади, с боков, спереди Пьер слышал ропот этого текущего моря [443], слышал чаще и чаще повторяемые с разных сторон ругательства и крики. Но Пьер не наблюдал этого: всё внимание его было поглощено его ногами и неровностями земли, на которую он ступал.[444]

Шли очень скоро, не отдыхая, до вечера. И только когда стало темно, оказалось, что передние остановились и задние надвинулись так, что кареты Жюно въехали в пленных и дышлом пробили повозку, которую вез с со-

бой немецкий офицер, ведший пленных. Долго в темноте слышались ругательства, отчаянно злобные крики и драки. Но как бы сами собой между тем, несмотря на путаницу, крики и драки, — с разных сторон разгорались огни, становились козлы для котлов и варились и жарилось мясо. На этом переходе в первый раз Пьер узнал, что он ел лошадиное мясо тогда, когда уже он поужинал.

Его теперь занимали три вещи — лихорадка Каратаева, который ничего не ел и, дрожа, лежал у костра, его собственные ноги, — особенно левая, сильно потершшаяся, и несомненные признаки разрушения того французского порядка, который владел им. Этот порядок мог погубить его и чуть не погубил его. Но он же его и спас, и от него теперь, от этого порядка, зависело всё существование Пьера. А порядок этот, видимо, разрушался. Последний признак этого разрушения Пьер увидал в двух немцах, подошедших к их костру и громко говоривших между собой.

Они видимо только что подрались (Пьер слышал эту драку издалека) с людьми Жюно, и подрались не одними руками, а оружием. У

одного немца был разрублен лоб в кровь. И он хвастался тем, что его врагу еще хуже досталось. Он ругал и начальника обоза, и Наполеона, и, главное, Жюно, который наградил себе целый город и теперь мучает народ, заставляя караулить и давя других.

* № 267 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).[445]

Как всегда бывает при смотреии на большое количество однообразно двигающихся людей, впечатление личностей, людей уничтожалось и заменялось общим впечатлением характера движения. Это испытывал теперь Пьер, глядя на двигавшихся французов. Он не видал людей отдельно, а видел движение их. И характер[446] этого движения был такой однообразно-стремительный и поспешный,[447] что Пьер так же, как и все те, которые дожидались, испытывал одно непреодолимое[448] желание поскорее принять участие в этом движении. Все эти[449] люди, лошади как будто гнались какой-то невидимой силой туда вперед по Калужской дороге, помимо их воли. Все они в продолжение часа, во время которого их наблюдал Пьер, выплы-

вали в горло воронки из разных улиц с одним и тем [же] стремлением скорее пройти, все они одинаково, сталкиваясь с другими, начинали сердиться, драться и не успокаивались до тех пор, пока не[450] вступали в широкую Калужскую улицу.

* № 268 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).[451]

Казалось, все эти люди испытывали теперь ввечеру, когда[452] они остановились посередине поля в холодных сумерках осеннего вечера, одно и то же чувство неприятного пробуждения от охватившей всех при выходе радостной поспешности стремительного куда-то движения. Остановившись, все как будто поняли, что не всегда будет так весело идти и идти куда-то, что[453] неизвестно еще, куда идут, и что на этом движении много будет тяжелого и трудного. Пьер[454] несколько устал, был голоден[455] и неприятное зрелище мертвеца, женщин[456] и всего разорения, которое он видел, было у него перед глазами. [457]

Воспоминание об оставленном солдате и слова капитана тоже неприятно подействова-

ли на него. Но невольно вследствие того, что становилось трудно, он чувствовал себя особенно[458] готовым и мужественным.

Поужинав похлебкой из ржаной муки с лошадиным мясом и поговорив с новыми товарищами-офицерами — предметом разговора было то же самое, что поразило и Пьера: виденное разорение Москвы и перемена обращения конвойных — Пьер[459] встал и пошел ходить между кострами пленных. Было уж совсем темно. Начинало свежеть, обещая к утру мороз. Яркие звезды высыпали на небе. Справа от дороги поднималось зарево полного месяца. Вблизи, вдалеке,[460] сколько мог видеть глаз и слышать ухо, виднелись костры и слышался[461] гул огромного лагеря.

Полный месяц[462] поднялся выше,[463] и [464] красные огни костров стали бледнеть и как будто тухнуть. Как ни[465] шумно было это огромное сборище людей, тишина ночи, несмотря на их шум,[466] стояла над ними и поглощала их. Как ни странно было это сборище людей, как ни странно[467] враждебны были эти люди между собой, тихая[468] красота этой ночи поглощала их странность и

злобу и любовно[469] соединяла их.

Месяц взошел выше, серебром обливая далекие поля и леса, выступившие в его свете. [470] За далекими полями и лесами открывалась всё дальше и дальше светлая мгла.

— Благодарю тебя, господи, помилуй меня, [471] — сказал себе Пьер, вернувшись к костру, лег и заснул.[472]

* № 269 (рук. 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).[473]

<Лиловая шавка,[474] привыкшая к Пьеру во время его соседства с Каратаевым,[475] радостно визжа, подбежала к Пьеру.[476] Пьер приласкал ее[477] и пошел за нею.[478] У крайнего костра сидело и лежало человек 20 пленных, и между ними Пьер узнал Каратаева по его круглой фигуре и по звуку его добродушно веселого, спорого голоса. Каратаев, видимо, и не думал о своем прежнем товарище, ему было так же хорошо с новыми.

Между солдатами шел оживленный говор. [479]

— А что ж <ты> говоришь, конина поганая. Она поганая, да она сладкая.

— Вишь, кобылятина полюбилась. Чистый

француз, ребята... Хранцузам она гожається, потому — нехристи.

— Ведь что сделали, идола — мишень из икон поставили. Стало черти. А как они, братец ты мой, на это скверны, что чистоты никакой. Ему всё одно... — слышались голоса.

— [480] Стадо большая, соколик, и дурные и хорошие есть, — сказал голос Каратаева. — [481] А вот говорили, что он соборы пожег. Все целы. Глянул я с мосту. Вся краса божья целехонька стоит, потому нельзя ему божьего дома разорить, так-то. [482] А, Петр Кирилыч, что, как бахилочки мои служат? — спросил он, увидав Пьера.

— Ничего, хорошо. Вы как шли?

— Да тоже ничего. [483] Петров-то ведь обманул их... (Это был убежавший солдат.)

— Да, да, — сказал Пьер. Сесть со всеми вместе ему не хотелось; а одинокие беседы его с Платоном теперь кончились. Он сказал еще несколько слов и, [484] отойдя от костра, сел на траве>.

* № 270 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XIII, XIV).
[485]

Новая глава

Про пленных, видимо, было забыто при общих распоряжениях о выступлении и теперь, когда вспомнили о них в половине дня, им велено было как можно скорее догонять выступившие уж колонны и поступить в назначенное место. Конвойные торопили пленных, пленные сами радостно торопились:[486] им предстояла большая радость движения и перемены места, которой они были лишены столько времени. Когда отворили двери всех балаганов, то пленные, как стадо баранов, дав друг друга, бросились к выходу с громким говором, заглушавшим крики конвойных солдат.

Когда все пленные вышли на поле, конвойные отделили пленных офицеров от солдат (Пьер, разлученный с Каратаевым, попал в число офицеров) и, строго подгоняя отстающих, быстро повели их вверх через поле..... к Калужской заставе.

Окруженный новыми лицами русских офицеров пленных, Пьер рассматривал их, прислушивался к их говору, сам разговаривал с ними и, проходя по незнакомым ему пожа-

рищам, ни разу не подумал о том, что эти пожарища были Москва. Человек 50 офицеров пленных быстро и весело двигались с громким говором. Спереди шли французы солдаты, тоже весело болтавшие, сзади на расстоянии ста шагов шла большая толпа человек 300 солдат пленных, в числе которых был Каратаев. Пьер знал это, но в огромной толпе не видел своего друга. И без Каратаева Пьер чувствовал себя одиноким.

[Далее от слов: Пленные офицеры, выпущенные из других балаганов, кончая словами: «Да ведь знаете, что сторело, ну о чем толковать», — говорил майор близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 2, гл. XIII.]

Подходя к Калужской заставе, внимание пленных перенеслось невольно от вида пожара Москвы к виду скрывающегося из глаз обоза и артиллерии, движущихся по Калужской дороге и по улицам предместья, подходившим к заставе. Подойдя со стороны к заставе, пленные остановили на площади,[487] и вся толпа их, теснясь, бросилась к дороге,[488] чтобы увидеть красивое, оживленное зрелище в несколько рядов с веселым грохотом ко-

лес и говором нерусских голосов тянувшегося поезда. Пьер в числе других теснился к дороге. Конвойные строго крикнули на пленных, заграждая им дорогу штыками, и унтер-офицер, знавший Пьера, крикнул ему, чтобы он передал товарищам, чтобы они не сходили с места, ежели не хотят, чтобы их перевязали.

Пьер вернулся с другими назад и сел на дом [?] подле майора, закуривавшего трубку. Майор обратился к Пьеру, расспрашивая его, кто он и почему знает язык. Пьер отвечал майору и вместе с тем прислушивался к неумолкаемому веселому звуку вседвигающегося поезда, к говору пленных, влезших на фундамент обгорелого дома и оттуда смотревших на дорогу.

— Эка народу-то, народу-то, смотрите, ведь это самого Наполеона обоз... — говорили пленные со стены. — И на пушках-то, и на фурах сидят. Это — больные. Вишь, стервецы, награбили, ведь это церковное. Вон у того-то на телеге, сзади за каретой-то. Эка добра-то! Батюшки мои, смотрите, с ребеночком! — Чудеса. А народ красивый. Это французские лошади... дрянь... И наш мужик, ей-богу! Ах,

подлецы!

Пьер встал и пошел к стене; с помощью тех, которые были наверху, он влез, и ему открылось красивое, веселое зрелище.

В ярких лучах вечернего солнца он увидел впереди, по извивающейся Калужской дороге бесконечную вереницу, в несколько рядов двигавшиеся блестящие на солнце пушки и в красивых мундирах кишевших между ними солдат. Немного впереди заставы артиллерия кончалась и виднелось стадо быков, окруженное солдатами и повозками, и за быками начинался обоз самых разнообразных экипажей, наполненных и окруженных самым разнообразным народом во всю ширину дороги. И этот обоз тянулся перед ним и позади его по длинной прямой улице, ведущей к Калужской заставе. Это было красивое, веселое, возбуждающее зрелище.[489] Много было красивых экипажей и лошадей. Блестящие, красивые мундиры, даже были нарядные женщины, но то, что в особенности придавало веселое, возбуждающее впечатление в этом зрелище — это были лица. Все эти южные, энергически оживленные лица были радостны,

веселы и ласковы. Улыбки, смех, ласковые, бойкие речи, как пар над рекою, стояли в воздухе, несмотря на перемену проходивших и проезжавших людей и несмотря на различие наций и положений. Были пьяные, но не грубо, а весело и добродушно пьяные люди.

— Dites donc, l'ami,[490] — кричал француз с козел фуры, обращаясь к Пьеру. — Adieu, l'ami, que je vous dis. Au plaisir de jamais vous revoir.[491] — И тотчас же он поворачивался назад к другому французу, шедшему за повозкой и, видимо, просившего положить в фуры огромный мешок, который нес француз. Француз на повозке перегнулся и, видимо, отказывался сначала и, наконец, готов был согласиться.

Рядом с этой повозкой ехали русские дрожки на[492] французских лошадях и на них привязан огромный узел, на котором сидел солдат, весело поглядывая кругом и доедая булку. Дальше какие-то с огромными — как горбатые — мешками за плечами высокие люди в ботфортах, синих доломанах и касках что-то громко, весело кричали на каком-то непонятном Пьеру языке. Потом опять повоз-

ки, опять кареты, опять пешие люди, еще небольшое стадо волов и коляска на прекрасных серых лошадях.[493] В карете в красной шали сидела красивая женщина, нарумяненная и насурмленная, на козлах сидел французский гусар и другой, арап.

— Франсуа, Франсуа, — кричала девка, высовываясь из кареты. — Экий чорт, не слышит, — прибавила она, и карета проехала. За каретой ехали повозки, нагруженные какими-то досками и картонами, и люди, шедшие подле, хохотали, что-то вырывая друг у друга. Потом ехала на двухколесной тележке женщина в черной юбке и красном шпензере и человек 10 солдат шли вокруг нее, и непрерывно и быстро трещали их голоса. Потом длинный ряд мешков ехал на телегах и за ними в дрожках с русской упряжью с бубенцами ехали два французских офицера.

— Une bonne farce, Roussel,[494] — прокричал один из них.

Потом шли денщики, ведя в пополах прекрасных лошадей, и за ними шел длинный в несколько рядов обоз. Люди на повозках были все в одинаковых мундирах, на крышах фур и

на чепраках лошадей были одни и те же буквы Д. К. и та же корона. Между этими обозами замешалась тележка на русской мужицкой лошадке. В тележке сидела на мешках и сундуках женщина с ребенком и старый солдат в штиблетах шел, быстро семеня ногами у колеса, и что-то, нагибаясь, ласково говорил женщине.

— Oh vous serez bien, Madame, on vous fera pas,[495] — услышал Пьер.

Пьер более часа стоял на стене, и обоз всё тянулся, всё тянулся, и чем дальше, тем гуще, казалось, вытекала эта струя поезда из Москвы. Казалось, не будет конца этому обозу. Но именно в то время, как показались обозы с вензелем и лошадьми в пополах, конвойный офицер собрал свою команду и, пропустив обоз, вступил с ними в ряды.

Вступив в общее движение, Пьер не мог видеть ничего, кроме окружающих его лиц пленных, майора и других лиц. Сзади, спереди, с боков Пьер слышал этот ропот текущего моря, слышал изредка хохот, иногда ругательства, отрывки фраз, но так [как] он не мог понимать, не видя, значения этих отрывков, он

слышал их, как привычный звук, и всё внимание его обратилось, в особенности когда их провели верст 10, на неровности земли, на которую он ступал, и на свои ноги, которые без привычки скоро потерлись без чулок в жесткой обуви, которую сделал ему Каратаев. Кроме того, Пьера занимала теперь мысль о Каратаеве. Когда их вывели, Каратаев был в самом пароксизме лихорадки. Как он идет? Не останется ли он? «Неужели так навсегда мне придется разлучиться с ним», думал Пьер.

Шли очень скоро, не отдыхая, до вечера. Остановились на дороге, когда стало уже смеркаться. Передние остановились в деревне, задние расположились на дороге. Кареты беспорядочно надвинулись одни на других. То веселое расположение духа, которое одушевляло всех при выступлении из Москвы, теперь, вечером, совершенно изменилось. Все казались сердиты и недовольны, в темноте слышались ругательства, злобные крики. Карета, ехавшая сзади конвойных, наехала и пробила дышлом повозку конвойных. Несколько солдат с разных сторон сбежались к повозке; одни били по головам лошадей, за-

пряженных в карете, сворачивая их, другие дрались между собой, и Пьер, вместе с другими пленными подвинувшийся смотреть на драку, видел, что одного немца тяжело ранили тесаком в голову.[496]

Пленных разместили, как вели, — офицеров и солдат отдельно. Пьер, поужинав хлебкой из ржаной муки с мясом, которую дали пленным, обратился с просьбой к конвойному, прося позволения сходить к пленным солдатам, стоявшим шагов за 200 на другой стороне дороги. Он объяснил офицеру свое желание тем, что у пленных солдат у него был приятель, который вышел больной из Москвы. Офицер согласился и послал солдата проводить Пьера. На вопрос Пьера о том, что сделают с пленным, который окажется болен, офицер отвечал, что гошпитальных повозок для пленных нет и что тем хуже для того, кто болен, сказал он с значительным видом.

— *Vilaine affaire s'il est veritablement malade. Il faut marcher, mon cher Monsieur, il faut marcher.*[497]

Каратаев, укрывшись шинелью, лежал у костра, у которого ужинали еще его товари-

щи. Лиловая кривоногая шавка лежала подле него. Пленные солдаты радостно встретили товарища, громко приветствуя его, и Каратаев поднял голову.

— Проведать пришел, соколик? — сказал он с своей обычной споростью речи, — что бахилочки (обувь) мои, как служат? — спросил [он].

— Да ничего, хорошо, ты как? — спросил Пьер.

— Да что, соколик, всё держит.

— Что же ты не ел?

— И видеть не могу. То же тело, да клубком свертело. — Каратаев пересел получше, посмотрел на огонь. — Скучно что-то, Петр Кирилыч, так скучно, что ни болит — всё к сердцу валит. Оттого и скучно.

Пьер молчал. Он думал о том значительном виде, с которым французский офицер сказал ему: *il faut marcher, il faut marcher*.

— Да что же, силы-то у тебя есть? — спросил он у Каратаева. — Идти-то можешь?

Каратаев, видимо, не понимая вопроса, смотрел на Пьера.

— Ну, я говорю в день верст 20 пройдешь

ты?

Каратаев покачал головой, слегка улыбаясь странности вопроса.

— Да разве я знаю, сколько пройду. Сколько бог пронесет. Так-то, соколик.[498]

* № 271 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XV–XIX).
[499]

В то время, как растерянное французское войско двигалось таким образом, само не зная куда и зачем, сначала по старой Калужской дороге, прямо с фронта [?], Кутузовское войско стояло спокойно в Тарутинском лагере.[500] Кутузов, разделившись с Бенигсеном, уехавшим из армии, чувствовал себя обеспеченнее от необходимости наступления, которого[501] вред понимал он один во всей русской армии[502]. В этот промежуток времени к Кутузову приехал еще парламентар с письмом от Наполеона, означенным из Москвы, хотя Наполеон уже был недалеко впереди Кутузова на старой Калужской дороге. Кутузов ответил так же, как на первое письмо.

Молодежь генералов и офицеров между

тем требовала деятельности — хотела скорее бежать и добить зверя, не соображая того, что кроме потери зарядов это добивание могло быть опасно и [503] вредно. Но эта часть армии требовала деятельности. [504] И применение этой деятельности было найдено в партизанских отрядах, которые с каждым днем увеличивались. Каждому генералу и офицеру хотелось отличиться, и Кутузов, хотя употреблял все свои силы на то, чтобы уменьшать количество людей, употребляемых в эти отряды, должен был соглашаться на требования этих людей. Несколько дней из отряда Дорохова, ходившего налево от Кутузова, приходили донесения [505] о том, что в Фоминском слабо стоит дивизия Брусье и что ежели бы дать ему несколько подкреплений, он истребит эту дивизию. Опять, как перед Тарутинским сражением, обстоятельства в русской армии сложились так, что необходимо было атаковать. Казаки ходили близко около французов, узнавали, что они стоят плохо, солдаты и офицеры скучали бездействием.

[Далее от слов: Штабные генералы, возбужденные воспоминанием о легкости побе-

ды под Тарутиным, настаивали у Кутузова об исполнении требования Дорохова, *кончая*: Казаки из отряда Дорохова доносили, что они видели гвардию французов, шедшую по дороге в Боровск *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 2, гл. XV.]

Был 12-й час ночи.[506] Генералы и партизаны, собравшись у Дохтурова, <с волнением обсуживали> дело. Было несомненно, что вся армия французов шла из Москвы по неожиданному направлению. Писали донесение Кутузову. Молодой, бравый офицер был призван к генералам, маленький, толстенный, аккуратненький Дохтуров[507] долго ничего другого не хотел слышать, как исполнение данного ему приказания — атаки Фоминского. Он согласился только отложить, послав, как можно скорее, донесение в штаб.

— Скажи, что есть мочи, и подай в штаб, — сказал он офицеру, подавая ему конверт.

— Такого важного известия не было во всю войну, — вставил Дорохов.

— Прямо в Главный штаб. Дежурному генералу. Разбуди всех.

— Слушаю-с, — отвечал офицер, уж вперед

обдумывая, как он возьмет по-казацки запасных лошадей с тем, чтобы сделать эти 27 верст до штаба.

Ночь была темная, теплая, осенняя. Шел дождик уж 4-й день. Везде была грязь. Болховитинов верхом на своей лошади, сопровождаемый казаком, в поводу[508] державшим двух других, скакал, не переводя духа, нагнувшись вперед и работая нагайкой.

Проскакав верст 7, он пересел на казачью лошадь, пересел еще, забыв пароль в Тарутине, пролетел мимо часовых один — казаки его задержали — и ко вторым петухам, весь мокрый, грязный и запыхавшийся, был в Лешашевке у избы, на плетневом заборе которой была вывеска: «Главный штаб».

Он бросил лошадь, вошел в сени.

— Дежурного генерала скорее, очень важное, — проговорил он денщику и вошел в растворенную дверь.

<Дверь Коновницына никогда не затворялась с тем, чтобы ночью не было задержки, и всем адъютантам посланным велено было будить его самого и сейчас же. Болховитинов знал это и пошел прямо к переднему углу, в

котором, накрывшись головой, спал генерал».

— С вечера нездоровы очень, третью ночь не спят, — заступнически прошептал денщик. — Уж вы капитана разбудите сначала. [509]

Но Болховитинов не слушал.[510]

— Очень важное, от генерала Дохтурова.

— Ну, постойте, постойте, он[511] больнешенек, — сказал, поднявши голову, офицер, указывая на спящего человека.

Спавший[512] человек был П. П. Коновницын — «человек, отличавшийся весьма небольшими умственными способностями и еще меньшими сведениями», как говорят нам его современники. П. П. Коновницын без сомнения имел полное право сказать то же самое и про[513] тех, кто говорил это, и тогда бы мы не знали, кому верить, но П. П. Коновницын не говорил этого, потому что он так же, как Дохтуров, был человек[514] скромный. Из деятельности же этого человека мы не видим ни огран[иченности] умственных способностей,[515] мы видим, напротив, в этом человеке, как и Дохтурове, тихое, незаметное, мужественное исполнение своего дела и вслед-

ствие этого наваливание самого тяжелого и нужного дела на его плечи. С тех пор, как Коновницын сделан был дежурным генералом, он спал *не иначе, как одетый* и с раскрытой дверью, в которую без доклада мог входить каждый и каждую минуту будить его. И это он сделал не один раз, чтобы удивить кого-нибудь, но, сочтя это раз своим долгом, он делал это постоянно[516] в продолжение месяцев. Только человек, понимающий устройство военной машины, поймет значение[517] этого[518] распоряжения и поймет, что дежурный генерал, спящий всегда с открытой дверью и в сражении всегда стоящий под огнем, что всегда делал Коновницын, есть шестерня машины, гораздо более существенная, чем та шумиха, которая выскакивает вперед с знаменем или крестами или пишет проекты и диспозиции.[519] А между тем и Коновницын, и Дохтуров только как бы из приличия внесены в список так называемых героев 12-го года: Барклаев, Ермоловых, Раевских, Милорадовичей, Платовых.

Щербинин,[520] имея на то разрешение своего генерала,[521] взял конверт. Ему не хо-

телось будить Коновницына, на которого было страшно смотреть с вечера, так он был болен. Он только что заснул и спал крепко. В комнате было темно.

— Да в чем дело? — спросил Щербинин шопотом.

Болховитинов запыхавшимся голосом рассказал, как по всем донесениям очевидно, что Наполеон вышел из Москвы и уже прошел Фоминское, направляясь к Малому Ярославцу. Щербинин, не отвечая,[522] встал,[523] бо-сиком подошел к печурке, где у него были сернички. Денщик вырубил огня.

— Ах, проклятые! Как я этих прусаков терпеть не могу, — сказал Щербинин.

При свете искор Болховитинов видел в переднем углу спящего человека в ночном колпаке. Когда сернички загорелись о трут, Щербинин зажег сальную свечку, с подсвечника которой побежали облеплявшие [?] ее прусаки, и осмотрел вестника. Болховитинов был весь в грязи, и рукавом, обтираясь, размазывал себе лицо.

— Да кто доносит? Дохтуров. Кажется, Дохтуров. Нечего делать, надо будить. — Щерби-

нин подошел и тронул рукой Коновницына. Красивое, твердое, но бледное лицо поднялось тотчас же.

— Ну что такое? Вы от кого? — неторопливо, [524] но тотчас же спросил он, мигая глазами от света.

Слушая донесение офицера, Коновницын распечатал и прочел. Едва прочтя, он опустил ноги в шерстяных чулках и стал одеваться, снял колпак и, причесав виски, надел фуражку.

— Ты скоро доехал? Пойдем к Толю, и лошадь к Светлейшему.

Коновницын видел то, что дело это большой важности и что нельзя медлить. Хорошо ли или дурно это было, он не думал и не спрашивал себя. Его это не интересовало. На всё дело войны он смотрел не умом, не рассуждениями, а чем-то другим. В душе его глубоко невысказанное было убеждение, что всё будет хорошо; но что этому верить не надо и тем более говорить, а надо делать свое дело. И это свое дело всегда стояло ему перед глазами.

Выходя из избы в сырую, темную ночь, он

нахмурился частью от головной усилившейся боли, частью от неприятной мысли, пришедшей ему, о том, как теперь взволнуется всё это гнездо штабных, влиятельных людей при этом известии, как будут предлагать, спорить, приказывать, отменять. И это предчувствие неприятно ему было, хотя он и знал, что без этого нельзя было.

Действительно, Ермолов и Толь, к[оторым] он сообщил известие, тотчас же заспорили, каждый иначе понимая значение известия, и Коновницын, молча и устало слушавший их, напомнил, что надо идти к Светлейшему.

Кутузов, как и все старые люди, мало спал по ночам. Он днем часто неожиданно задремывал; но ночи он[525] лежал, как и всегда, в сюртуке, не раздеваясь, на своей постели и думал. Так он[526] лежал теперь на своей кровати, облокотив тяжелую, большую,[527] изуродованную голову на пухлую руку, и думал, открытым одним глазом присматриваясь к темноте.

С тех пор как Бенигсен, переписывавшийся с государем и имевший более всех силы

принуждать главнокомандующего к бесполезным наступательным действиям, уехал, Кутузов был спокойнее в том отношении, что его не заставят участвовать в наступательных действиях. Урок Тарутинского сражения и кануна его, болезненно памятный Кутузову, тоже должен был подействовать.

«Они должны понять, что мы только можем проиграть, действуя наступательно. Терпенье и время — вот мои воины-богатыри». Кутузов[528] знал, что не надо срывать яблоко, пока оно не созреет. Оно само упадет, когда будет зрело, а сорвешь зелено, не будет ни яблока, ни еды. Он, как опытный охотник, знал, что зверь ранен смертельно в Бородинском сражении. Молодежи хочется бежать, посмотреть, как они его убили. «Подождите. Он изойдет кровью. Всё маневры, всё наступления», думал он. «К чему? Всё отличиться, точно что-то веселое есть в том, чтоб драться. Счастливо победить, а не драться. А они точно дети, от которых не добиться толку, как было дело, оттого, что все хотят доказать, что они умеют драться. Да не в том дело.[529] Всё отличиться. — Когда нужно было драться — в

Бородине, кто убедил их в том, что сражение не проиграно, а выиграно. Они хотели бежать, когда надо было стрелять, а теперь наступление. И какие искусные маневры предлагали мне. Им кажется, что, когда они выдумали две, три случайности (он вспомнил об общем плане из Петербурга), они выдумали их все. А их всех — нет числа».

Теперь Кутузов знал, что Наполеон погиб, и он ждал[530] очевидных доказательств этой гибели, ждал их уж месяц, и чем дольше проходило время, тем нетерпеливее он становился. Лежа на своей постели, в свои бессонные ночи он[531] делал то самое, что делала эта молодежь — генералы, за что он упрекал. Он придумывал всевозможные случайности, в которых выразится эта верная, уже совершившаяся гибель Наполеона. Он придумывал эти случайности, так же как и молодежь, но только с той разницей, что он ничего не основывал на этих предположениях и что он видел их не две, три, а тысячи. Чем дольше он думал, тем больше их представлялось. Он придумывал всякого рода[532] движения Наполеоновской армии, всей или частей ее к Пе-

тербургу, на него, в обход его, придумывал — одно, чего он больше всего боялся — чтобы Наполеон не стал бороться против него его же оружием, чтобы он остался в Москве выжидая; придумывал даже движение назад по дороге, параллельной той, по которой он шел; но одного, чего он не мог предвидеть, это того, что совершилось, того безумного, судорожного метания войска Наполеона в продолжение первых 11 дней его выступления из Москвы, метания, которое погубило его, которое сделало возможным то, о чем, зная, что Наполеон погиб, — никогда не смел думать Кутузов. Но все-таки он знал, что Наполеон погиб, и чем дальше шло время, тем с большим нетерпением ждал выражения этой гибели. Донесения Дорохова о дивизии Брусье, [533] известия от партизанов о бедствиях армии Наполеона, слухи о сборах к выступлению — всё это могло казаться важным для молодежи, но не для Кутузова. Он с своей 60-летней опытностью знал, какой вес надо приписывать слухам, знал, как способны люди, желающие чего-нибудь, группировать все известия так, что они как будто подтверждают

желаемое, и упускать всё противуречащее. И чем больше желал этого Кутузов, тем меньше он позволял себе этому верить.

Но он желал этого страстно, единственно [534] желая этого душою. Это была его одна цель, одна надежда. Всё остальное было для него привычное исполнение жизни. Как он ни казался иногда занятым, тронутым — это была привычка, о которой он не думал теперь, по бессонным, уединенным ночам. Такими привычками были для него женщины, они в его [1 неразобр.] физическое проявление, радость его при известии о Тарутинской победе. Он поздравлял и благодарил войска, как будто с чувством, но это всё было только привычное отражение окружающих их предметов. Но гибель французов, предвиденная, постигнутая вперед, было его душевное, единственное желание.

Когда он думал о том, как совершится это, он приходил в беспокойство, [535] вставал и ходил по избе и опять ложился. В ночь 11 октября он лежал, облокотившись на руку, и думал об этом.

«Опять, опять!» подумал он, чувствуя охва-

тывавшее его волнение. И, приподняв голову, он окликнул в соседнюю комнату.

— Казачок! Катя! — проговорил он.

— Что прикажете?

— Дай лимонаду, коли не спишь.

В соседней комнате зашевелилось, но в то же время и в сенях послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Войди, войди, голубчик. Что новенького? — окликнул их фельдмаршал.

Пока лакей зажигал свечу, Толь быстро, взволнованно рассказывал содержание известий. Несмотря на волнение страха предаться напрасной радости, которое испытывал Кутузов, слушая Толя, в голове его мелькнула та же мысль, как и в голове Коновницына. «Ну, теперь держись, подумал он, замучают проэкт-тами».

— Кто привез? — спросил Кутузов с лицом, поразившим Толя, когда загорелась свеча, своей холодной строгостью. Кутузов употреблял все душевные силы, чтобы удержать выражение охватившей его восторженной радости.

— Не может быть сомнения, Ваша Свет-

лость.

— Позови, позови его сюда.

Кутузов сидел, опустив одну ногу с кровати и навалившись большим животом на другую, согнутую ногу. Он прищуривал свой глаз, чтобы рассмотреть посланного.

— Скажи, скажи, дружок, — сказал он, всё нагибаясь ближе к Болховитинову,[536] как будто на лице его он хотел прочесть то, что мучило и радовало его. — Какие ты привез мне весточки. — А? Наполеон из Москвы ушел? Воистину так?

Болховитинов[537] начал подробно доносить, сначала не то, что ему было приказано.

— Говори, говори скорее, — не томи душу, — перебил его Кутузов.

Болховитинов[538] рассказал всё, ожидая приказа.

Толь начал было говорить что-то, но Кутузов перебил его. Он хотел сказать что-то; но вдруг лицо его сщурилось, сморщилось, он захлопал от слез и, оставив то, что он хотел говорить Толю, повернулся в противную сторону к красному углу избы, черневшему от образов. Он сложил руки и сквозь слезы сказал:

— Господи! Создатель мой! Внял ты молитве нашей... Спасена Россия. Благодарю тебя, господи.

Так думал и говорил[539] хитрый, развратный царедворец Кутузов.

[540] Мелькнувшая и Коновницыну и Кутузову одна и та же мысль о том, что известие о движении французов будет источником бесконечного количества проэктв, предположений, интриг, вполне оправдалась. Со времени этого известия и до конца кампании вся деятельность Кутузова заключается только в том, чтобы властью, хитростью, просьбами удержать свои войска от бесполезного наступления. Дохтуров идет к М[алому] Я[рославцу], но Кутузов медлит и отдает приказание об очищении Калуги, отступление за которую представляется ему весьма возможным. Кутузов один во всей армии понимает то, что добивать мертвого зверя бесполезно [541] и вредно.

И действительно, несмотря на то, что Кутузов везде отступает, неприятель везде отступает точно так же.

Но что бы было, ежели бы Дохтуров не поспел вовремя в Малый Ярославец? — спросят те, которые читали описания историков, доказывавших какой-то *маневр*, искусный маневр Кутузова, противудействовавший другому искусному маневру Наполеона.[542]

Что бы было, ежели бы я не поддержал падающего солнца?

Отвечать на этот вопрос нельзя, потому что того, о чем спрашивается, никогда не было, а придумано после. Кутузов никогда не останавливал Наполеона в М[алом] Я[рославце], Дохтуровские войска, столкнувшись в Малом Ярославце, вступили в бой, но тотчас же отступили после небольшого дела, и вся армия отступила, предоставляя Наполеону идти, куда ему угодно.[543] Но Наполеон не пошел вперед.

Но что бы было, если бы и не было совсем Дохтурова в М[алом] Я[рославце]?[544] Вероятно, то же самое, что было при движении Наполеона по Смоленской дороге. Ничто не могло спасти его, потому что армия его несла в самой себе неизбежные условия гибели. Армия эта обсыпалась, как лист с засохшего

дерева, и точно так же обсыпалась бы, трясли ли бы или не трясли его. Армия, при которой берут партии в 200 человек — 1000 человек пленных, в которой обоз имущества солдат больше обоза артиллерии, в которой главнокомандующий и император не во время сражения, а в середине своего войска, как это было на другой день сражения под М[алым] Я[рославцем], попадает в руки сотне казаков, — уже не армия. Люди этой бывшей армии бежали, сами не зная куда, желая только одного — выпутаться как можно скорее из безвыходного положения. Все ожидали только более или менее приличных предложений для того, чтобы положить оружие и сдаться казакам, но и это было невозможно, потому что существует известная сила массы войска, обратно пропорциональная, вследствие которой 1000 человек не могут положить оружие перед одним.

Они разбредались для того, чтобы отдаваться в руки казакам, Наполеон испытывал то же самое. Ему одного хотелось: поскорее уйти отсюда, и поэтому на совете в Малоярославце, когда, притворяясь, что они, генера-

лы, совещаются, подав[али] разные мнения, которых никто не слушал, последнее мнение простодушного солдата Мутона, сказавшего то, что все думали, *что надо* только уйти как можно скорее, закрыло все рты, и никто, даже Наполеон, ничего не мог сказать против этой всеми сознаваемой истины. Но как будто мало еще было этого — опять оставался стыд сознания, что надо бежать.

На другой день после совета случилось то нападение казаков на Наполеона в середине его армии, которое дало последний толчок. Когда вот-вот могли поймать на аркан самого великого человека, когда уже до такого беспорядка дошла вся армия (ежели казаки не поймали в этот раз Наполеона, то спасло его то же, что губило французов — добыча, на которую и в Тарутине и здесь, оставляя людей, бросались казаки), то делать было нечего, как только бежать по ближайшей знакомой дороге. Больше всех это понял Наполеон, который теперь, с своим 40-летним брюшком, уже ясно чувствовал, что это было не то, как в Арколе, где он хотя и попал в канаву — выбрался из нее, но теперь уже не было той поворотли-

вности и смелости.[545] Под влиянием страха, которого он набрался от казаков, он тотчас же согласился с Мутоном, и все охотно пошли назад, умышленно разбегаясь, чтобы попадаться казакам, которые все-таки давали и платье и хлеба и не вели еще за 1000 верст. Остальные бежали. Положение их становилось хуже и хуже, и, наконец, вождь их, всё быстрее и быстрее желавший бежать, достал шубу и, сев в сани, поскакал один, оставив умирать своих товарищей.

Но не так думают историки. Глубокомысленные маневры Наполеона описываются наиболее подробно. И даже отступление от М[алого] Я[рославца] тогда, когда ему дают дорогу в обильный край и когда ему открыта была та параллельная дорога, по которой прошел, преследуя его, Кутузов, по разоренной дороге — объясняется нам по разным глубокомысленным соображениям.[546]

Потом описывают нам величие душ маршалов и Наполеона во время отступления и, наконец, последний отъезд Великого Императора от геройской армии.

Даже этот последний поступок бегства, на

языке человеческого называемый последней степенью подлости, которой учится стыдиться каждый ребенок, и этот поступок на языке историков получает оправдание.[547]

Тогда, когда уже невозможно дольше натянуть столь эластичные нити исторических рассуждений, где действие уже явно противится тому, что всё человечество называет дурным и хорошим, является у историков спасительное понятие о величии. Но величие Ивана Великого не *grandeur*.

[548] Великое как будто исключает возможность меры хорошего и дурного. Для великого нет дурного: убить сына — велико, нет ужаса, который бы мог быть по-человечески [поставлен] в вину тому, кто велик.

А что такое величие? Величие есть мера нашего умственного роста. Для маленького существа 10 сажень не имеют меры, для большого 1000 подлежат измерению. Для нашего века, с данной нам Христом мерой, нет неизмеримого величия. Всё подлежит его законам, а историки, еще пользуясь старым мифологическим приемом,[549] говорят нам о величии.

[Далее от слов: C'est grand! — говорят историки совпадает с концом гл. XVIII, ч. 3, т. IV.]

* № 272 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIX, ч. 3, гл. III).[550]

Кусок льда невозможно растаять мгновенно.[551]

В таком положении шли французы, морозов еще не было, но кусок этот,[552] хотя и быстро, но равномерно таял. От Москвы до Малоярославца и назад до Вязьмы французы сделали меньше трети всего пути, а между тем из войск главной колонны, составлявшей 73 тысячи при выходе из Москвы, под Вязьмой оставалось 37 тысяч.[553]

В русской армии положение французов в это время было неизвестно, преимущественно потому, что партизанские и другие отряды, преследовавшие французов и бравшие отдававшихся пленных, пушки, обозы по заведенному порядку на войне, описывали свои действия так, как будто неприятель отчаянно сопротивлялся и только [благодаря] мужеству вверенного отряда, из которого каждый представлялся к чину или кресту, удалось побе-

дить.

То, что предвидели Кутузов и Коновницын, теперь сбывалось в высшей степени. Все хотели отличиться, отрезать, истребить, перехватить, полонить, опрокинуть французов. —

<Кутузов по донесениям не мог знать того, что происходило в французской армии. Все без исключения влиятельные лица армии срамили старого фельдмаршала за его бездеятельность, догадывались, что он нейдет из Полотняных Заводов, потому что ему там удобно покоить свое старое тело, прожектов, как он говорил, ему представляли тысячи, но он говорил только одно и только он один из всей армии, что ничего нет лучше золотого моста, и все силы свои употреблял на то (силы эти очень невелики у каждого главнокомандующего), чтобы мешать этому бессмысленному разрыванию на куски гниющего тела.[554]

Он не мог им сказать то, что мы говорим теперь: зачем сражение и загораживанье дороги, и потеря своих людей, и бесчеловечное добивание несчастных, зачем всё это, когда от Москвы до Вязьмы растаяла половина. И

он говорил им вывод своей старческой мудрости, то, что они могли бы понять — он говорил им про золотой мост, но они смеялись над ним, клеветали его, и рвали, и метали, и куражились над убитым зверем.[555]

Но они жили, увлекались, страдали в то время, и можно понять, как люди настоящего не видят из-за своих страстей настоящего величия — не того величия, которое состоит в том, чтобы надеть на себя шапку, корону или с навязанной ветошкой на палке сказать какие-нибудь слова, а того величия, которое познает законы будущего и одиноко созерцает неизменные законы эти, подчиняет им свою волю.[556] Люди того времени могли не понимать этого величия. Но в последней истории 12 года, написанной по Высочайшему повелению, в книге, по которой будут учиться наши дети, сказано, что хитрый Кутузов[557] виновен в[558] чем-то перед потомством.> В книге, написанной по Высочайшему повелению, подробно описаны ошибки хитрого и слабого Кутузова. Там сказано, что Кутузов должен был так-то и так-то поступить,[559] а что он ничего этого не сделал и что (стр. 145, т. III)

нравственное влияние русских войск ослабилось тем, что французы могли говорить, что всё сделали и что не взят в плен ни один маршал и т. д.

Армия французов пришла в Россию в числе 600 тысяч. Та, которая делала главную кампанию с самим Наполеоном, в числе 300 тысяч. Один раз было большое сражение, данное под начальством Кутузова — Бородино. После Бородина армия не вернулась и сражений больше не было. Из 300 тысяч перешли границу 6 тысяч. Кутузов командовал этим русским войском.

И книга, писанная по Высочайшему повелению, учит нас, что это нехорошо, а что следовало Кутузову сделать то и то и что нравственное влияние потеряно. Что следовало бы сделать Кутузову, ежели бы что, спрашивается невольно. И ответ ясен: ежели бы он поучился в академиях, в которых учат несуществующим наукам, и спросился бы у нас, учителей этих наук.[560]

Но ведь даже ежели бы все эти учителя научили Кутузова, что ему делать, все-таки нельзя сделать ничего лучше, славнее для

России того, что сделано. Что же можно еще сделать, чему еще научиться в академии; нашествие истреблено, стало быть кто-нибудь победил.

Нет, по учителям академии это не выходит так. Этого в книжках не написано.

В книжках сказано, что сражение выигрывает тот, кто занял поле. Ну, а ежели после Бородина французы заняли поле, а все-таки были побеждены, потому что без сражения уничтожились? Нет, этого в книжках не написано.

В книжке написано у Bernhardi слово в слово то, что сказано о потере нравственного влияния, потому что не пойманы маршалы и т. п. (Bernhardi, стр.) — вот это мы переписываем слово в слово.[561] Слово в слово это[562] странное место переписано из Bernhardi, но, к несчастью, как тот человек, которого научили сказать — носить, не сносить — и он сказал это покойнику, так и здесь то же, да некстати. У Bernhardi это сказано для того, чтобы показать, что французское войско еще было в тех же кадрах, так же могущественно в 13, как и в 12 году, и что слава покорения

Наполеона принадлежит немцам. И странная натяжка эта у Bernhardi понятна, но в книге, по Высочайшему повелению написанной, не узнаешь другой причины этой переписки, как то, что хорошо в умной книге написано, дай и я напишу. Да еще то, что меня учили, что надо быть спокойно беспристрастным, — дай я буду [бес]пристрастным и понемногу соберу всё и против нас, не очень много, а немножечко. Запятую, но маленькую.

Беспристрастным нельзя быть потому, что сказано в книжке, что военная история должна быть беспристрастна. Для того, чтобы быть беспристрастным, надо иметь мысль, которая стояла бы выше других мыслей историков.

А в позорной книге, заместившей по времени даровитое произведение Михайловского-Данилевского, нет ни одной мысли, кроме того, что стратегия и тактика — очень полезные науки, так как их учат в большом доме и за большие деньги, и ни одной страницы, к[оторую] бы нельзя было заменить выпиской — смотри Тьера, Михайловского-Данилевского, Bernhardi и т. д.

<Под Вязьмой Ермолов, Милорадович, Платов и другие,[563] находясь в близости от французов, не могли воздержаться от желания[564] отрезать и опрокинуть два французских корпуса. Кутузову, извещая его об их намерении, вместо донесения был прислан конверт с лис[том] белой бумаги. И сколько ни старался Кутузов удержать войска, войска наши атаковали, стараясь загородить дорогу, пехотные полки с музыкой и барабанным боем ходили в атаку; но льдина французского войска еще далеко не растаяла — отрезать никого не отрезали, но побили и потеряли тысячи три людей. И французское войско, [565] стянувшись крепче от опасности, продолжало всё тот же свой гибельный путь к [566] Смоленску.

<С> 21-го числа августа был учрежден первый партизанский отряд Давыдова.[567] После были учреждены еще другие, и[568] чем дальше подвигалась кампания, тем более образовывалось этих отрядов. Отряды эти были самое приятное, самое безопасное употребление войск и потому самое полезное. Приятно

оно было потому, что нигде так блестяще нельзя было отличиться; безопасное потому, что каждый отдельный начальник берег своих — маленькие партии никогда не стояли под выстрелами, и самое полезное потому, что эти отряды давали сведения о положении армии (не всегда верные, потому что чем лучше представлялось положение неприятеля, тем больше было заслуги) и подбирали те отпадавшие листья, которые сами собой сыпались с иссохшего французского войска.

В октябре месяце, когда французы бежали к Смоленску, этих партий> различных величин и характеров были десятки. Были партии,[569] перенимавшие все приемы армии с штабами и удобствами жизни, с пехотой, артиллерией; были одни казачьи кавалерийские; были мелкие, сборные пешие и конные; были мужицкие и помещичьи. Был один дьячок начальником партии, взявший в месяц несколько сот пленных. По характеру своему были партии чопорные, были веселые, разливные, были великодушные, были мрачные и жестокие.[570]

Сборная партия в 300 человек под началь-

ством Долохова принадлежала к <этим> мрачным и жестоким.[571]

* № 273 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. I).[572]

Бородинское сражение с последовавшими за ним занятием Москвы и бегством французов без новых сражений есть одно из самых поучительных явлений истории, само собою разумеется не для тех историков, которые [573] переписывают в одну книжку то, что написано в разных книжках, но для тех, которые изучают законы исторических событий.

Период кампании 12 года от Бородинского сражения до бегства французов из Москвы включительно[574] ответил на[575] вопрос [576] о том, где и в чем лежит та сила, которая решает судьбы народов. Кто из мыслящих людей в юности своей в то время, когда посвящался в исторические таинства, не[577] приходил в недоумение, читая исторические описания о том, как Аннибал поссорился с Римом, собрал войско, одержал победу — убил одну десятитысячную людей Рима и вследствие того Рим был покорен. Кто не задавал себе вопроса, почему поражение одной армии

заставило покориться народ? Отчего же? Разве они так уговорились, или не было у них больше народа? спрашивает наивный и ужасный (terrible, как говорят французы) ребяческий ум. Ну да, оттого, что все силы истощены, оттого что.... ну, оттого, что всегда так было, отвечает история. Всегда народы завоевывают один другой посредством победоносно[го] сражения.[578] Народы сталкиваются в последнем усилии, один побеждает, и война кончена, побежденный покоряется. Да что такое значит побеждает? Убивает, удерживает поле сражения, берет пленных. Что такое значит — берет пленных, спрашивает l'enfant terrible?[579] Ежели они пошли, чтобы убивать и быть убитыми, зачем же они сдаются? Так надо, отвечает история, так всегда было. И победа войска есть причина завоеванья — так всегда было. Действительно, проверяя этот факт по истории, оказывается, что всегда приблизительно так было, и, не в силах доискаться[580] другой причины, пытливый ум примиряется с объяснением истории.

Действительно: одержана победа Фридрихом II — Саксония перестает существовать,

одержана победа под Иеной — Пруссия перестает существовать, одержана победа под Венной — Австрия перестает существовать.

Но вдруг в 1812 одержана победа под Москвой (со всеми признаками победы), Москва взята — и не Россия перестала существовать, а перестала существовать 600-тысячная армия. Натянуть факты на правило истории — сказать, что поле сражения в Бородине осталось за нами, что после Москвы были сражения, уничтожившие армию Наполеона, — невозможно.

После Бородина — победы французов — не было ни одного сражения, и французская армия перестала существовать. Что это значит? Ежели бы это был пример из истории Китая, мы бы могли сказать, что это явление неисторическое (лазейка историков, когда что не подходит под их мерку); ежели бы дело касалось столкновения непродолжительного и в котором участвовали малые количества войск, мы бы могли принять это явление за исключение, но событие это произошло между нашими отцами, для которых решался вопрос жизни и смерти отечества, и всей Евро-

пой, и война эта была самая огромная и продолжительная и гибельная из всех известных войн.[581]

<Все историки фр[анцузы], описывая положение французского войска перед выходом из Москвы, утверждают, что всё в армии было хорошо, исключая кавалерии и артиллерии и обозов и мясной порции, т. е.[582] не было фуража для корма лошадей и скота.> Этому бедствию не могло помочь ничто, потому что окрестные мужики жгли свое сено и не давали его французам.[583]

Почему мужик Карп и Влас, который после выступления французов приехал в Москву с подводами грабить город и вообще не выказывал лично геройских чувств, почему этот мужик и всё бесчисленное количество таких мужиков не везли сена в Москву за хорошие деньги, нельзя себе объяснить, но и без объяснения чувствительна одна и та же сила в этих бесчисленных бесконечно малых, та же сила, которая была и в Б[ородинских] умиравших солдатах и в солдатах, стоявших под Тарутиным, и в шайках, ловивших и бивших французов по окрестностям.

* № 274 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. I, II).[584]

Представим себе двух людей, вышедших на поединок с шпагами и по всем правилам фехтовального искусства. Фехтование продолжалось довольно долгое время с различными переворотами успеха то к той, то к другой стороне и, наконец, один из противников, почувствовав себя раненым, поняв, что дело это не шутка, а касается его жизни, бросил свою шпагу[585] и, взяв первую попавшуюся дубину,[586] начал ворочать ею, вследствие чего естественно очень скоро одержал победу.

Но представим себе[587] вместе с тем, что противник, так разумно[588] употребивший лучшее и простейшее средство для достижения цели, вдруг бы, воодушевленный преданиями рыцарства, захотел бы скрыть сущность дела и настаивал бы на том, что он по всем правилам искусства победил на шпагах.

Можете себе представить, какая путаница и неясность произошла бы от такого описания происшедшего поединка.

[Далее от слов: Фехтовальщик, требующий борьбы по правилам искусства кончая: объяс-

нили ее значение *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 3, гл. I, II.]

Между прочим, такого рода война (всегда, как показывает история, успешная) не только не подходит ни под какие правила, но прямо противоположна тем мнимым наукам, которые называются стратегией и тактикой. В этих глубокомысленных соображениях было найдено, что для атакующего выгоднее нападать в массе, то есть не раздробляясь.[589] (Это правило не может иметь никакого смысла для человека, пользующегося здравым рассудком, потому что, ежели я,[590] нападая двумя человеками или корпусами против одного,[591] имею две случайности против одной[592] в числе, я этим самым даю противнику такие две случайности против одной во времени, то есть что мои два корпуса или человека могут быть разбиты сразу, а его один корпус наверное еще не разбит, и история показывает бесчисленные примеры противного (Бенедек и пруссаки),[593] но, несмотря на то, это правило признано несомненным).[594] А между тем партизанская война прямо противоположна этому правилу и всегда успешна.

Противоречие это, как и бесчисленное количество бессмыслиц, составляющих так называемую науку, происходит от того простого факта, что[596] войска, составляющие субъект мнимой науки — существа живые и что не только успех сражения или войны, но все распоряжения в военное время зависят от неопределимого дифференциала, который называется духом войска. Чем[597] ниже дух войска,[598] т. е. чем меньше желание драться каждого отдельного человека, тем больше должны быть массы, своей притягательной силой действующие на единицы. Чем выше дух войска, тем более войска могут быть раздроблены. В народных войнах, какими были войны Кавказа, Испании, России, войска могут быть раздроблены до[599] последней степени.[600]

[601] Выгода всегда на стороне действующего раздробленно против массы в прямой пропорции деления. Тогда [кто] разбился на 2 единицы против 2-х имеет 2 шанса, кто на 10 — десять и т. д.

[Далее от слов: Но тактическое правило о

делимости *кончая*: подвергать себя трудам и опасностям[602] *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 3, гл. II.]

И это раздробленное действие русских войск было одним из самых страшных ударов дубины, отвечавших на эволюции шпаги французов.

И благо тому народу, который не как французы в 1813 [году], по всем правилам искусства, перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передают ее[603] русскому императору, а благо тому народу, который в минуту испытания не спрашивается о том, как велено поступать в этих случаях, а с поразительной простотой и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину, не жалея себя, гвоздит ею до тех пор, пока не чувствует восстановленной свою самостоятельность и силы, и до тех пор, пока в душе его чувство ненависти не заменяет другое — презрение и жалость.

* № 275 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIX, и ч. 3, гл. XVI, XVII, XVIII).

Новая глава

[604] 4-го октября французы выступили из

Москвы. Яковлев, Туттолмин не привезли от-
вета. Лористон.[605]

Куда они идут и зачем, никто не знал, еще
менее сам великий гений Наполеона, так как
никто ему не приказывал.[606] Он и его окру-
жающие по привычке соблюдали раз заведен-
ный порядок, писались приказы, письма, ра-
порты, *ordre du jour*, называли еще друг дру-
га «Sire, mon cousin Prince d'Ekmuhl и roi de
Naples», но все чувствовали, что они бедные,
гадкие люди, нажившие себе горя, упреков со-
вести и безвыходное несчастье. Приказы и ра-
порты были только на бумаге, в сущности
[607] <каждый делал то, что хотел и мог.

И чем же был занят Н[аполеон]? Тем, что-
бы побить тот пол, о который он зашибся, и
непреренно взорвать Кремль и сжечь дом
Раст[опчина] и Разум[овского].[608]

Он ничего не понимает, не приказывает;
казал[ось], шкнули на него, подгоняя [?], и он
бежит с армией, наконец бежит один в теп-
лой шубе и оставляет на погибель сотни ты-
сяч. Но и тут историки не забывают находить
объяснения и, когда по-русски, по-человече-
ски — что мерзавец и подлец, они говорят

grand.

Так уходили войска Наполеона. Думали только об одном, как бы поскорее уйти и спастись.>[609]

* № 276 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. III–VII, XII–XIV).[610]

Денисов был[611] тоже партизаном.[612] Довольно большая партия Денисова принадлежала к разряду веселых и великодушных. У Денисова, теперь полковника, в партии находился Петруша Ростов, непременно желавший служить с Денисовым, к которому он получил страстное обожание еще со времени приезда его в 1806-м году в Москву.[613]

6 октября Денисов ночью сидел[614] в избе на барабане перед доской, положенной одним концом на окно, другим на вьюки, и писал. На доске стояла сальная свеча, чернильница и стакан с пуншем. Денисов был в одной рубашке и широких плисовых штанах, засунутых в[615] сапоги. Вся нижняя часть его лица обросла густой, уже курчавившейся бородой.

Агатовые глаза его особенно ярко блесте-

ли, и он, быстро треща пером,[616] изредка останавливался, попивая из стакана, и взглядывал на Петрушу Ростова, лежавшего на [617] разостланном на полу ковре.[618]

Петруша с своим широким и добрым лицом и худыми, отроческими членами, лежа на животе и болтая ногами, поглядывал на писавшего Денисова и тоже пил чай, который стоял подле него. Петя был одет в серый мужицкий армяк с нашитыми на груди патронами и синие кавалерийские рейтузы,[619] и поднятые ноги были в одних чулках.

Они только что воротились из розыска, который они делали всей партией по Смоленской дороге.[620] Розыск был удачен: они привели с собой 16 человек отдавшихся французских солдат и две французские фуры, отбившиеся дорогой, нагруженные французскими седлами.[621]

В числе пленных был один 15-летний мальчик барабанщик. Денисов подозвал к себе этого мальчика.[622] Денисов показался Пете тронутым; он, обласкав мальчика, велел его оставить при себе. Петя знал, что его герой — Денисов был храбрее и благороднее

всех людей, но эта новая замеченная в нем черта чувствительности в высшей степени тронула Петю. Он теперь смотрел на Денисова, вспоминая этот трогательный эпизод.

«Кабы все знали только, какой это человек!» думал Петя. «Ему бы, а не этому старому Кутузову (Петя имел очень низкое мнение о Кутузове) быть главнокомандующим. Однако куда его дели?» подумал Петя о молодом барабанщике. Когда они вернулись, Петя озабочился о том, чтобы мальчика[623] покормили, но куда его положили спать и не обидели бы его, подумал Петя. «Это — мое дело», и он встал с тем, чтобы спросить у Денисова, можно ли позвать сюда мальчика и напоить его чаем. Но в то время, как он подходил к Денисову, Денисов кончил бумагу и обратился к нему, подавая ему:

— Запечатай пожалуйста, Ростов.

Петя взял.

— Прочти, прочти, как я этих сукиных детей отделяваю, — сказал Денисов.[624]

Бумаги, которые писал Денисов, были ответами на требования двух командиров отрядов, дипломатически приглашавших Денисо-

ва соединиться с ними, то есть, так как Денисов был моложе чином, поступить под их начальство для атаки большого кавалерийского депо Бланкара, на которое точили зубы все начальники партий, желая приобрести славу этой добычи.

Денисов, чтобы отделаться от них обоим и самому взять это депо, о котором он нынче в ночь послал разведать, отвечал одному генералу, что он поступил уже к другому под начальство; а другому писал, что он уже поступил к первому, каждому подпуская в тоне подчиненности шпильки, на которые он считал себя великим мастером.[625]

— А я хотел тебя спросить, — сказал Петя (Денисов был на «ты» и с Петей). — Можно позвать сюда Босса? — Vincent Bosse — так звали 15-летнего барабанщика. — Его надо одеть как-нибудь. Да и чаю....

— Позови, позови, напои его чаем с ромом, — сказал Денисов, продолжая скрипеть пером свою другую ядовитую бумагу.

Петя надел сапоги и вышел на улицу. Была темная, ветренная, осенняя ночь; костры казаков и партизанов виднелись вблизи. —

— Bosse! Vincent! — крикнул Петя.

Ближайшие казаки услышали Петю.

— Кого ему?

— Он сказал, что того мальчика француза, которого взяли утром.

— А, Висеню, — сказал казак. Уж они переделали его имя Vincent в Висеню, подходящее[626] по напоминанию о весне к их представлению о молоденьком, хорошеньком мальчишке, которого все полюбили и жалели.

— Он тут у кухни грелся. Эй! Висеня! Висеня! — слышались ласковые голоса. — Господа кличут.

Тонкая фигурка барабанщика в коротком мундирчике и босиком — Петя слышал, как он быстро шлепал ногами по грязи —[627] подошла к Пете. Петя ввел его в комнату.[628]

Висеня, хорошенький, худощавый мальчик с большими[629] черными глазами, испуганно взглядывал на черного, растерзанного Денисова, продолжавшего писать, и шепотом отказывался от чая, указывая глазами на commandant,[630] как он называл Денисова.

Молоденькому барабанщику не нужно было говорить о та раувге mère;[631] его несло-

жившееся, растущее тело, его без пушку на губе, но истощенное красивое лицо, его нетвердый голос, его, видимо напушенная, солдатская хватка, из-за которой еще резче выказывалась детская незаглушимая невинность, сами собою напоминали о матери, которая еще так недавно должна была носить его. Это чувствовали все, и не только Денисов и Петя, но все в отряде тотчас же полюбили его. Денисов, заметив его робкий шепот, поднял голову от писанья, ласково улыбнувшись, кивнул ему и сказал, чтоб он ничего не боялся, сядил бы и пил чай.

— Oui, mon commandant, [632] — отвечал на всё Висеня, вскидывая глаза, приставляя опухшую руку к козырьку кивера. Когда он уселся, Петя заметил, что он дрожал от холода или от страха и беспрестанно краснел. Когда Петя у него что-нибудь спрашивал, он, видимо, благодарен был, но боялся не уронить достоинства своего народа и не сделать как-нибудь, чего-нибудь недостойного солдата.

Когда Денисов кончил свою бумагу и встал, Висеня вскочил тоже.

— Знаешь что, — сказал Денисов Пете по-

русски, — что его отсылать с пленными — по-мрет ведь половина, оставим его. Он нам при-служивать будет — он ловкий мальчик.

И тотчас же Денисов, подойдя к Висене, потрепал его по плечу, сказал ему, что он намерен для него сделать.

— Oui, mon commandant, merci, mon commandant,[633] — говорил Висеня, и яркая краска набежала на его лицо.

Денисов понял, что его[634] смущало, и успокоил, что ничего не будет недостойного его солдатского звания.[635]

У двери послышался топот[636] мягких шагов и топтание человека, который, видимо, хотел дать знать о себе.[637]

— Посмотр'и[638], кто там, — сказал Денисов Пете.[639]

В домашней жизни он был на «ты» с Денисовым, как и все, но как дело касалось до службы, так он был адъютант.[640]

— Слушаю-с, — сказал Петя, вставая. — Это Тихон, — сказал он.[641]

— А, Шестипалый! — весело сказал Денисов.[642]

Тихон Шестипалый был мужик из Покров-

ского. Когда при начале своих действий Денисов прибыл в Покровское, ему жаловались на двух мужиков, принимавших французов, Прокофия Рыжего и Тихона Шестипалова. Денисов,[643] выслушав эти жалобы, считая своим долгом показать пример наказания изменников, посоветовавшись с своими товарищами, присудил расстрелять обоих; но Тихон упал в ноги, обещая, что будет служить верно, что он только по глупости, и Денисов,[644] наказав розгами обоих мужиков, простил их и взял[645] по выраженному им[и] желанию в свою партию. Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров и доставления воды, скоро оказал необыкновенные способности в партизанской войне. Он раз, идя за дровами, наткнулся на миродеров, как он называл их, и убил двух, а одного привел.

Денисов, шутя, взял Тихона с собой верхом, и оказалось, что не было человека, способного больше перенести трудов, дальше видеть, неслышнее подлезть и менее понимать, что такое опасность, как Тихон Шестипалый, и Тихон был зачислен в казаки, в урядники и получил крест. Тихон был мужик длинный,

худой, с низко опущенными, мотавшимися, как будто бессильными руками, но которые в своем мотаньи ударяли крепче самых сильных, и такими же длинными, мотавшимися ногами, но которые, мотаясь, огромными шагами проходили по 70-ти верст в сутки, не уставая. Шестипалый он был потому, что действительно у него были на руках и ногах приросточки около пятого пальца, образовавшие как бы шестой маленький палец.[646]

[647] Длинное лицо его с повисшим набок носом и с редкими, кое-где выбивавшимися на бороде длинными волосами было всё изрыто оспой. Он улыбался редко, но очень странно; так странно, что, когда он улыбался, то все смеялись. Он несколько раз был ранен, но все раны скоро заживали, и он не ходил в лазарет. Ему только нужно было остановить кровь, которую он не любил видеть. А боли он не понимал так же, как не понимал страха.

На голове он носил казанскую пуховую шляпу. Одет он был в красный французский гусарский мундир[648], в мужицкие портки и лапти. Эту обувь он предпочитал всем дру-

гим. У него был огромный мушкетон, короткое ружье с воронкой расходившимся дулом, которое он один умел заряжать, насыпая туда сразу три заряда. Кроме того, при нем были всегда топор и пика.

— Что, Тишка? — спросил Денисов.

— Да привел двух, — недовольным, обиженным голосом сказал Тихон.

Денисов понял, что двух пленных. Он посылал его[649] к лакомому куску — депо Бланкара, разведать, что там делалось.

— А, — сказал Денисов, этим междометием выражая то, что он и не ожидал меньше этого. — Из Шамшева? — прибавил он.

— Из Шамшева. Вот тут, у крыльца.

— Что ж, много наг'ода?

— Много, да плохой, всех побить можно разом, — так же грустно сказал Тихон. — Я сразу трех взял за околицей.

— Что ж только двух пг'ивел? Где тг'етий?

— Да так, ваше высокоблагородие.[650] Он... Ваше высокоблагородие. — Тихон стал чесать одной рукой спину, другой голову и улыбнулся. Денисов и Петя, и даже Vincent, сами еще не зная чему[651], засмеялись.

— Третий, тгетий-то где?[652] — напрасно стараясь удержать свой смех, спросил Денисов.

— Да так, ты, ваше высокоблагородие, не серчай, так... — Он опять улыбнулся, и опять Петя, и Денисов, и Vincent покатались со смеха.

— Да что так?

— Да так, плохенькая такая на нем одежонка...[653] — Тихон, как красная девушка, опустил глаза и замолчал.

— Ну так что ж? — строго уже сказал Денисов.

— Ну, да что же его водить-то так... босой... весь...

— Ох, не годится, — строго покачивая головой, сказал Денисов. — Больно выдеру... Ну ладно, ступай, я сейчас выйду к ним, — прибавил он, помолчав немного и сжалившись над убитым и испуганным лицом Тихона. [654]

Когда Тихон ушел, Денисов послал за своими товарищами офицерами, и они, составив [655] военный совет, обсуждали предполагаемое[656] нападение на депо. После непродол-

жительных совещаний решено было[657] перейти на другой день ближе к Шамшеву в лес и в ночь сделать нападение.

Но когда на другой день Денисов с своей партией подошел к Шамшеву, он узнал, что ввечеру депо это уже было отбито и уведено другим партизаном, Долоховым, обманувшим всех других и забравшим лакомый кусок.[658]

№ 277 (рук. № 97, Т. IV, ч. 3, гл. III–XI, XV).

(Новая глава)

II

[659] Так называемая партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск. Уж тысячи людей неприятельской армии, отсталых, мародеров, фуражиров, были побиты казаками и мужиками,[660] которые побивали этих[661] людей так же бессознательно, как собаки загрызают забеглую собаку, сами не зная, хорошо ли это, или дурно они это делают, когда партизанство было узаконено.

[662] Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение той страшной дубины, которая уничтожила французов, и ему принадлежит слава того, что он сделал первый шаг для узаконения, оформления этого [663] приема войны. [664]

24-го числа августа был учрежден первый партизанский отряд Давыдова. После были учреждены еще другие, и чем дальше подвигалась кампания, тем больше образовывалось этих отрядов. Отряды эти были — самое [665] веселое, самое безопасное, хотя и трудное употребление войск, и потому самое полезное.

[666] Веселое оно было потому, что нигде так блестяще нельзя было отличиться; [667] безопасное потому, что каждый отдельный начальник берет своих — маленькая партия никогда не стояла под выстрелами; и самое полезное, потому что эти отряды давали сведения о положении армии (не всегда верные, потому что чем лучше представлялось положение неприятеля, тем больше была заслуга), но все-таки [668] руководили большую армию, и в особенности полезное потому, что парти-

заны уничтожали по мелочам большую наполеоновскую армию. Партизаны подбирали те отпадавшие листья, которые сами собою сыпались с иссохшего французского войска, и иногда трясли это дерево.

В октябре месяце, когда французы бежали к Смоленску, этих партий различных величин и характеров были [669] сотни. Были партии, перенимавшие все приемы армии, с пехотой, артиллерией, штабами, с удобствами жизни; были одни казачьи, кавалерийские, были мелкие, сборные, пешие и конные, были мужицкие и помещичьи, никому не известные. Был один дьячок начальником партии, взявший в месяц несколько сот пленных. [670]

[671] Петя Ростов, покинув при выезде из Москвы своих родных и присоединившись к своему полку, скоро после этого из полка перешел в ординарцы к генералу, командовавшему важной частью. Поступив в действующую армию, [672] Петя испытывал то тяжелое чувство не столько разочарования, сколько недовольства собой, которое испытывают все искренние и пылкие молодые люди, испыты-

вая на деле войну, о которой, благодаря ложному ходячему мнению, у них составилось совершенно противоположное понятие. Это разочарование и недовольство собой бывает всегда тем сильнее, чем способнее молодой человек к военному делу. Петя был одарен огромным самолюбием, здоровыми нервами и способностью крови вступать ему в голову так, что он ничего не понимал и не видел, когда разгорячался. Кроме того, он был почти ребенок. И поэтому он был то, что называется безумно храбр, и поэтому тоже он, вступив в действующие войска и участвовав два раза в деле под Тарутиным и под Вязьмой, испытывал тяжелое чувство разочарованья и недовольства собой.

Вместо торжественных с знаменами, музыкой[673] сражений Петя видел[674] какую-то кутерьму. Вместо героя полководца он видел дряхлого старика, про которого рассказывали неприличные анекдоты, вместо[675] сынов отечества, жертвующих собой, были генералы, игравшие в бостон и ссорившиеся между собой, вместо общего мужества большая часть людей боялись смерти и ран. Петя не

знал тогда, что все эти генералы и даже его начальник, который почти всякий день был пьян и очень не любил быть под огнем, что все эти генералы будут описаны в шлемах и бронях летающими перед полками. Петя не отдавал себе тогда отчета о том, как всё это было, и не позволял себе судить о том, что он видел, но он испытывал недовольство собой, считал, что он виноват в том, что с ним не случается ничего геройского. Он всё время был, как в тумане. Ему всё казалось, что там, где его теперь нет, там-то совершается самое хорошее, геройское, и он всё торопился поспеть туда, где его не было. Когда в[676] 20-х числах октября его генерал, командовавший отдельным отрядом, пожелал послать кого-нибудь к Денисову, бывшему одним из партизанов в то время, Петя просил, чтобы послали его. Может быть, партизаны, в особенности Денисов, которого он помнил еще с 1806 года, был самым героем. И, боясь пропустить что-нибудь геройское в то время, как он будет в отлучке, и надеясь, что там-то у Денисова он найдет случай отличиться вполне, он поехал к партизанскому отряду Денисова.

[677]

Петя нашел[678] место помещения Денисова в 15 верстах от большой дороги. Но в тот день, как он приехал к нему, Денисова не было дома. Он с своей партией был в разъезде, и его ждали к вечеру. Перед вечером, стоя у ворот маленького помещичьего дома, Петя увидел[679] возвращающуюся партию.[680]

Впереди на вороном донце ехал Денисов.
[681]

Денисов был одет в папаху[682] и мужицкий кафтан с большим образом Н[иколая] Ч[удотворца] на груди и высокие сапоги. За кушаком у него был пистолет, через плечо шашка. Он сидел бочком, подкорчив свои короткие мускулистые ножки, и, громко смеясь, оборотив назад голову, кричал что-то[683] офицеру, ехавшему сзади. Лицо его было худее и желтее обыкновенного. Черная, густая борода обросла нижнюю часть его лица, и глаза казались еще чернее и блестящее, чем обыкновенно.

— Тогда поделите, только бы толк был. Да п'ходите обедать, у нас ба'ан нынче, — кричал он, заворачивая с Петей в ворота, тогда

как[684] остальные проезжали дальше.[685] Офицер был одет так же,[686] как и его командир, только без образа, и на кафтане у него нашиты были патроны, но[687] офицер казался наряженным, тогда как Васька Денисов, казалось, родился в этом кафтане и с этим образом на груди. Ехавшие сзади[688] были одеты, кто фантастически, кто в кавалерийской, кто в казачьей форме. Рядовые состояли из казаков, улан и людей, одетых в французские мундиры и русские кафтаны и полушубки с французскими ружьями и саблями. Под некоторыми были казачьи и кавалерийские лошади, но большинство было на мужицких короткошейных, приземистых лошадаках.[689]

Один из этих кавалеристов[690] позади себя вез босоногого, худенького мальчика француза в барабанщичьем мундире.

Несмотря на то, что Денисов — командир — остановился у ворот, пропуская мимо себя свою партию, люди эти, не стесняясь присутствием начальства, не выпуская изо рта трубок, громко болтая и смеясь, проезжали мимо него.[691]

Партия, выехав с полдня, захватила, кроме

мальчика, 30 человек пленных и две фуры с седлами. Трофеи эти позади кавалерии вела пехота партии, и назади на подъеме горы к деревне слышались дружные уханья на лошадей, везших по грязи тяжелые фуры.

Удача нынешнего дня,[692] не очень важная, но зато и труда было мало, и все люди партии испытывали приятное чувство охотника, возвращающегося с неожиданно удачного, без труда добытого, поля.

Денисов,[693] прислушавшись к крикам из-под горы, остановил урядника и послал его [694] посмотреть за фурами.[695]

Когда мальчика провозили мимо его, он крикнул партизанам:

— Одеть и ко мне привести! *On ne vous fera pas de mal, Vincent.*[696]

Мальчик отпустил руку от казака, за которого он держался, и сказал:

— *Ouï, mon commandant.*[697]

Тут только Денисов, въехав на двор, увидел Петю и, приглядевшись, громко, радостно закричал.

За обедом, к которому пришли три офицера из отряда Денисова, шел оживленный раз-

говор о подробностях нынешнего поиска, о предположениях на важную экспедицию завтрашнего дня. Несмотря на то, что Денисов любил Петю, в особенности по дружбе с братом, [698] он невольно видел в нем представителя враждебных ему штабов и в лице его подпускал шпильки штабным и фронтовым генералам.

Присылка Пети от своего генерала была в связи с предприятием завтрашнего дня — нападения на [699] французское депо, шедшее в это время по дороге к Смоленску. Генерал, при котором состоял Петя, имел намерение напасть на это депо с своим отрядом, но не знал верно положения депо и, считая свои силы недостаточными, [решил] послать Петю разведать и пригласить Денисова соединиться с ним.

— Нет, д'ужок, меня не надуешь, — говорил на это Денисов. — Мы тоже знаем, где 'аки зимуют. Соединиться с гене'а л-лейтенантом мне, полковнику, значит поступить под его начальство. Охотники эти господа чужими 'уками жа' заг'ебать. Он бы попробовал, как я, два месяца походить, не 'асседывая и

не 'аздеваясь. Тепе'ь-то легко. Да мы сам с усам.

И Денисов, видимо счастливый той мыслью, которая пришла ему, громко крича, рассказал товарищам, как он отделается от этого приглашения.[700]

За день перед присылкой Пети другой начальник отряда, генерал-немец, приглашал также Денисова присоединиться к нему. И Денисов одновременно хотел послать два рапорта: начальнику Пети он напишет, что, несмотря на сильное желание служить под начальством столь знаменитого и доблестного генерала, он лишен этого счастья, потому что он уже поступил под начальство генерала-немца. Генералу же немцу он напишет, что, несмотря и т. д.... он лишен этого счастья, потому что поступил уже под начальство Петиного генерала.

— А мы этот транспорт сами обо'удуем, — сказал Денисов, привыкший теперь невольно употреблять мужицкие слова. — А я вот Долохову послал, если он с своей партией[701] подойдет, мы заграбим всю штуку.

— Как пить дадим — заберем,[702] — ска-

зал казачий офицер.

— Какой это Долохов? — спросил Петя.

— Тот ваш, что на твоей кухне жениться хотел, ты еще в рубашечках ходил, шельма страшная, но молодчина, нечего сказать. Так-то, Петруша, ты оставайся еще денек, завтра тебя так угощу, что чудо. Увидишь нашу войну.[703] И сведения генералу привезешь уж самые верные, когда они в наших руках будут, — сказал Денисов.[704]

Несмотря на то, что Петя боялся, как бы ему не пропустить там,[705] у своего генерала, какого-нибудь геройского случая, ему хотелось остаться здесь и испытать завтра эту войну.[706]

Вид этих возвращающихся молодцов с трофеями и пленными очень полюбился ему.

В особенности поразил его вид черноглазого босого барабанщика, которого так ласково велел одеть Денисов.

Теперь, во время обеда, Пете беспрестанно приходила мысль о барабанщике. Куда его дели? Покормили ли его? Не обидели ли? И ему хотелось[707] напомнить Денисову о мальчике, но то обстоятельство, что им обоим было

шестнадцать лет, останавливало его.[708]

«Что, очень стыдно будет, если я спрошу?» думал Петя. И вдруг, вперед покраснев и[709] испуганно и злобно глядя на офицеров — не будет ли в их лице насмешки — он сказал:

— А что[710] этот мальчик, что вы взяли в плен?

— Ах да! — весело вскрикнул Денисов, видимо не найдя ничего стыдного в этом напоминании, — позвать его сюда. Его покормить [711] надо. Позвать Босса,[712] [так] кажется его зовут. Такой жалкий мальчик.[713]

— Я[714] позову, — сказал Петя.[715]

— Ну ладно, да вели одеть его. Эй, Лихачев, дай чекмень мой, да там из летних штанов что, оденьте этого мальчугана. Его надо с собой оставить.

Петя вышел на улицу.[716]

Была темная, ветреная, осенняя ночь, костры казаков и солдат виднелись за плетнем.

— Bosse! Vincent! — крикнул Петя.

Ближайшие казаки, услышав Петю, спросили, кого ему? Он отвечал, что того мальчика-француза, которого взяли нынче.

— А, Весеннего, — сказал казак. Имя его

Vincent уже переделали казаки в Весеннего, а мужики и солдаты в Висеню. В обеих переделках это напоминание о весне сходилось в их представлении о молоденьком, хорошеньком мальчике.

— Он тут у кухни грелся. Эй, Висеня! Весенний! Висеня! — слышались ласковые голоса. — Господа кличут.

— Его покормили там, одевали, голодный какой. А мальчонок шустрый, — сказал Лихачев.

Легкие босые ноги зашлепали по грязи, и в свете двери показалась тонкая детская фигурка барабанщика в[717] коротеньком мундирчике.

Петя ввел его в комнату. Vincent, хорошенький худощавый мальчик с большими, черными глазами, испуганно взглядывал на черного, растрепанного Денисова, продолжавшего, крича, рассказывать что-то офицерам.

— Поко'ми, поко'ми его, — сказал он <Пете>.

Петя подал к окну баранину, но барабанщик отказывался, указывая глазами на

commandant, как он называл Денисова.[718]

Денисов, кончив свой разговор и встретив вопросительный взгляд мальчика, ласково улыбнувшись, кивнул ему и сказал, чтоб он [719] ничего не боялся, что он его оставит при себе.

— Oui, mon commandant, — отвечал мальчик, дрожа от холода и страха и приставляя свою опухшую руку ко лбу в знак военного поклона.

— Водки дай ему, — сказал Денисов.

— Пей, ничего, — говорил Лихачев. — Или не потребляешь?[720]

— Знаете что, — сказал Денисов.[721]

Слова эти обращались к Долохову, который [722] в это время вошел в комнату. Долохов, командовавший небольшой партией и ходивший недалеко от Денисова, получив его уведомление о французском депо и намерении взять его, сам приехал, чтобы переговорить об этом деле.

Новая глава

Денисов одевался в чекмень, носил бороду и на груди образ Николая Чудотворца и в манере говорить, во всех приемах выказывал

особенность своего положения.[723] Долохов, напротив, прежде в Москве щеголявший в персидском костюме, теперь, бывши начальником партии, имел вид самого чопорного гвардейского офицера. Он был в гвардейском сюртуке, застегнутом на все пуговицы, в больших лаковых сапогах, с чисто обритым лицом и в прямо надетой простой фуражке. Он медленно снял чистую перчатку и молча подал руку Денисову, его офицерам и Пете, которого он не узнал и присутствию которого удивился. Взгляд его, остановившись на барабанщице, вдруг вспыхнул, глаза раскрылись, и он, слегка нахмурившись, отвернулся.

— Ну, спасибо, что приехал. Садись, хочешь поесть, водки? рому?[724]

— Ты знаешь, что я не пью ничего, — ровным голосом сказал Долохов. — Лимонады, ежели есть, или клюквы. — А вот переговорить — это дело. Мешкать нечего. — Ну, в чем дело?

Денисов и его офицеры рассказывали Долохову всё, что они видели и знали. Депо ночевало нынче в деревне Шамшеве, туда послан был человек, который сейчас должен

был вернуться и донести, сколько и где и как стоят французы, и взять языка, если можно. Нападать надо было скорее и потому, что французы могли уйти, могла подойти еще колонна сзади и, главное, другие партизаны могли захватить лакомый кусок. Долохов слушал молча. Он знал всё, что рассказывали ему.

— Это ничего. Дело только в том, что в версте от Шамшева Кукуево деревня, знаешь? Там стоят поляки. Много ли их там?

— Я велел своему посланному везде вылазить, — сказал Денисов. — Он узнает.

— Тишка уж везде вылазает, — сказал казачий офицер, — долго нету.

— Не зная того, что есть в Кукуеве, пускаться в дело нельзя, — сказал Долохов. — Я люблю акуратно дело делать, подождем Тишку вашего. А что моя партия [—] готова. У меня 70 человек таких молодцов, что с ними куда хочешь. И мы с тобой это дельце обделаем, а этим господам, — он взглянул на Петю (разумея его генерала) — и понюхать не дадим.

И, окончив деловой разговор, Долохов растегнулся (под сюртуком был белый жилет),

попросил чаю и стал разговаривать, беспрестанно отводя разговор от партизанского дела, на которое наводил Денисов, рассказывал свои похождения, и Петю своими расспросами.[725] Как настоящий страстный охотник не любит говорить без цели про охоту, так Долохов не любил говорить про свою партизанскую службу. Он расспрашивал Петю про его родных, знакомых, про штабных и[726] [рассказывал] анекдоты о разных генералах. Петя, наслышавшись прежде о необыкновенной храбрости Долохова, заезжавшего в самую середину французов и выхватывавшего оттуда людей, и про жестокость его с французами: он убивал всех пленных, — с любопытством, усиливаемым еще тем невольным уважением, с которым[727] обращался с ним Денисов и его офицеры, смотрел на эту акуратно, чисто одетую, медлительную, сколоченную как из железа, фигуру, и на холодное, неподвижное лицо с ямочками в губах.

— А этот давно у тебя мальчик? — сказал Долохов, указывая на барабанщика, который присел у двери.

— Нынче взяли, да я оставил его при себе.

Куда его посылать, ведь умрет дорогой.

— А ты их куда посылаешь? — спросил Долохов с чуть заметной улыбкой.

В это время Лихачев пришел доложить, что Тихон пришел.

— Подождать, — сказал Денисов, видимо увлеченный разговором.

— Посылаю под 'осписки, — возвысив голос, сказал Денисов. — Мне там дела нет, а я на свою душу не беру и полагаю, что это... — Денисов вперед горячился, ожидая возражений от Долохова. Но Долохов, видимо, не хотел вступать с ним в спор. Он перебил его.

— У меня такой один живет тоже — повар Ожеро. Да какой повар, брат. Из лошадиного филе такие котлетки делает, что пальчики оближешь. В первый день, как его взяли, — Долохов улыбнулся одним ртом, — я его хотел уж отправить — я тоже отправляю их, только в другое место и без расписок, — нахмурившись, вставил он, — так он мне из мерзлого картофеля 7 разных кушаний сделал. Хороший повар.

Но Денисов не улыбнулся даже истории о котлетках, он нахмурился и хлопнул кулаком

по столу.

— Этого, [728] братец мой, я не понимаю, — начал он, — как ты, человек такой х'аб'ости, можешь унижать себя до этой жестокости.

Долохов улыбался молча, покачивая головой с выражением снисходительного презрения, которое еще больше рассердило Денисова.

— Ну разве тебе трудно отослать 30 ли, 300 ли человек под конвоем в город, чем марать, я п'ямо скажу, честь солдата.

Холодный блеск вспыхнул на мгновение в глазах Долохова, но он заговорил тихим голосом, обращаясь к Пете.

— Вот молоденькому графчику в 16 лет говорить эти любезности — прилично, а тебе стыдно, право, говорить этот вздор.

— Убивать безоружных пленных подло и низко, — закричал Петя, вскакивая со стула, — и мне будет 116 лет, я скажу всё то же.

Долохов как будто и не заметил слов Пети и тем же тихим, слышным голосом продолжал, обращаясь к Денисову.

— Как тебе не совестно говорить вздор. Пора нам-то с тобой оставить эти любезности.

Ну нынче вы захватили этого птенца, что ж, он славный мальчик. Dites donc, venez, voilà pour vous.[729] — Он из жилетного кармана вынул золотой и бросил удивленному Боссу. — Ну вы его захватили и еще там десяток. Что ж мы с тобой разве не знали, что их там десятка два покололи. Ну, а этого ты зачем взял к себе, затем, что тебе его жалко. Ведь мы знаем эти расписки. Ты пошлешь их 100 человек, а придут 20: половина помрет с голоду или побьют.

Казачий офицер, прислушиваясь, поддакивал Долохову.

— Это всё равно, — тут рассуждать нечего, я на свою душу взять не хочу. Ты говорил — помрут. Ну, хорошо,[730] только бы я не знал.

Долохов засмеялся.[731]

— Э, вздор. Ведь ты знаешь и господа эти знают, что тут дело охоты. Что, мне нужна что ли медвежья шкура, а я лезу в снег и дрожу, замираю, как он хрустит, на меня лезет. А тут, кроме того, медведь-то больно кусается. Кто же им не велел меня 20 раз поймать? А ведь поймают меня и тебя с твоим рыцарством — всё равно на осинку. Это-то и весело.

И, взглянув на Петю, он светло и нагло блеснул глазами.

— Ну, вели же позвать твоего Тихона что ли, — сказал он. — Надо дело делать.[732]

Тихон[733] был мужик из Покровского[734] под Гжатью. Когда при начале своих действий Денисов пришел в Покровское и,[735] как всегда, призвав старосту, спросил о том, что им известно про французов,[736] староста отвечал, как и отвечали все старосты, как бы защищаясь, что они знать не знают, ведать не ведают.[737] Но когда Денисов объяснил им, что его цель — бить французов, и когда он спросил, не забредали ли к ним французы, то староста, смеясь, сказал, что у них в деревне только один Тишка Щербатый занимался этими делами, но что Тишка мужичонка дрянной. Однако Денисов велел позвать к себе Тихона, узнал от него, что он, Тихон, уже 3-ю неделю с ребятами баловался за французами, как он выражался.[738]

Когда Денисов похвалил его, сказав при старосте несколько слов о той верности царю и отечеству и ненависти [к] французам, которую должны блюсти[739] сыны отечества, Ти-

хон, видимо, заработал и стал отказываться от того, что он объявил прежде.

— Мы хранцузам худого не делали, — говорил Тихон, предполагая, что и Денисов был француз, — мы только так, значит, по охоте баловались с ребятами. Вот этих миродеров десятка два побили.

Денисов взял с собой Тишку Щербатого.

Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров и доставления воды, обдиранья лошадей и т. п., скоро оказал необыкновенные способности в партизанской войне. Он в свободное от занятий время, по ночам, уходил на добычу и всякий раз приносил с собой платье и оружие французское и, когда ему приказывали, приводил и пленных. Денисов отставил Тихона от работ, стал брать его с собою в разъезды и зачислил в казаки.

Тихон был мужик длинный, худой, точно развинченный, с низко опущенными, мотавшимися руками и <такими> же длинными, мотавшимися, вывернутыми ногами.[740]

Никто из товарищей его не говорил, что он силен. Тихон никогда не пробовал и не пока-

зывал свою силу; но все, смеясь, говорили про него: здоров, чорт. Что ему делается. Меренина здоровый[741] и т. п. И действительно: подпереть плечом и выдрать из грязи завязшую фуру, за хвост своротить упавшую лошадь, стащить на себе куль муки или 6 пудов мяса или пройти 70 верст в сутки — ничего не значило для Тихона.

Длинное лицо его с повисшим набок носом, которым он беспрестанно[742] втягивал в себя дух с особенным звуком, и с редкой, бурого цвета бородой, было всё изрыто оспой. Один зуб в верхней челюсти у него был выбит, и оттого его звали Щарбатый. Он один раз был ранен[743] в спину из пистолета французом, которого он взял. Рана эта, очень опасная, как говорил доктор, доставила много смеха всем товарищам Тихона.

— Что, брат, скрючило! А, не будешь ходить по ночам, — смеялись ему. Тихон, морщась и нарочно делая чудные рожи, покряхтывал с неделю, лечил одной водкой, внутренне и наружно, свою рану и скоро выздоровел.

Что такое боль физическая, он, казалось,

не понимал также, как, казалось, не понимал, что такое усталость и страх. Верхом он ездить не любил и ходил везде пешком, редко отставая от кавалерии. На голове он носил казанскую пуховую шляпу. Одет он был в красный французский гусарский мундир, в мужицкие портки и лапти. Эту обувь он предпочитал всем другим. Оружие его состояло из огромного мушкетона — короткое ружье с воронкой расходившимся дулом, — который он заряжал по-своему, насыпая туда сразу три заряда, и носил больше для потехи товарищей, и из топора, который он носил за поясом и которым он владел, вырезая самые тонкие штуки и раскалывая бревна и головы, как птица владеет своим клювом или когтями.[744]

В одеянии и вооружении своем он был странен и смешон, и, казалось, ему самому это доставляло удовольствие. Он нарочно старался одеться почуднее, и насмешки над ним всех людей партии доставляли ему удовольствие.[745]

Услуги, оказанные Тихоном в первое время, когда партия скрывалась по лесам и еще не определилось, что было можно и что нель-

зя, были неоценимы. Тихон не признавал, чтобы что-нибудь было нельзя, и ходил везде, как по своей пашне, и знал всё, что делалось на 20 верст кругом. Одно, за что не любил его Денисов, это то, что [746] после этой пули, которая ему попала в спину, весьма трудно было уговорить Тихона, чтобы он живыми приводил французов. [747]

— Ну что? — спросил Денисов.

— Привел одного, — грустным голосом сказал Тихон.

— А, — сказал Денисов. — Из Шамшева?

— Из Шамшева. Вот тут у крыльца.

— Что ж, много наг'ода? войска?

— Много, да плохой, всех побить можно разом, — так же грустно сказал Тихон.

— Где ты его взял?

— <Я их> двоих. Они за водой шли. Я присел за кустом. Как ухну, сразу оба повинились.

— Двух? Где же другой? — спросил Долохов, улыбаясь, глядя на Денисова.

— А? — подтвердил Денисов вопрос Долохова.

Тихон стал чесать одной рукой спину, дру-

гой голову: его уже несколько раз бранили за это. Он почесал спину и улыбнулся. Лицо Тихона, казалось, было лишено способности улыбки, и потому неожиданная улыбка с недостававшим зубом всегда неотразимо заразительно сообщалась другим. Денисов, Долохов, Петя и даже Vincent, сами еще не зная чему, засмеялись.

— Другой где, другой где? — напрасно стараясь удержать свой смех, спросил Денисов.

— Да так; ты, ваше высокоблагородие, не серчай...

— Да что так?

— Да так, плохенькая такая на нем одежонка... — Тихон опустил глаза. — Да и грубиян, ваше благородие, — сказал он вдруг, видимо довольный найденной отговоркой.

— Чем же он грубиянил? — спросил Долохов.

— Как же, говорит, я сам анеральский сын, не пойду, говорит... [748]

— Ну, [749] а в Кукуевке был?

— В Кукуевке, это за горкой-то? Не догадался. Да что ж, я сбегаяю, — прибавил Тихон, стараясь задобрить начальника.

— Пойдем, поговорим с пленным, — сказал Долохов и вместе с Денисовым пошел на крыльцо.

— Лихачев, водки стакан Тихону, — сказал Денисов.

Петя, удивленный видом этого странного человека, оставался в горнице, глядя на Тихона. Тихон выпил стакан водки и, оглянувшись и увидав барабанщика, подмигнул ему и улыбнулся.[750]

— А ты разве его знаешь? — сказал Петя. [751]

— Как же, при мне поймали, — сказал Тихон. — Их там пара была. Другой еще пофигуристее был.[752] Из-за сапог что-то у казаков вышло. Вздор какой-то. А тот еще ловчее был.

— Я тебе говорил, надо прежде знать, что в Кукуевке, — сказал Долохов, входя в комнату с Денисовым. — Я поеду. Вот вы, молодой человек, судите о деле, — сказал Долохов, обращаясь к Пете. — Вот не хотите ли, наденем мундиры французские да и поедем сейчас к ним в[753] Кукуевку, поговорим, расспросим.

Петя тотчас же понял, что предложение

Долохова был вызов, и, поняв это, никакие просьбы Денисова не могли остановить Петю. Одевшись в французский уланский мундир, который был у Денисова, Петя с Долоховым, переодетым в такой же мундир, который он всегда возил с собою, в ту же ночь, сопровождаемые двумя казаками, поехали в Кукуевку. Оставив казаков и дав пароль и отзыв, которые Долохов узнал от взятых пленных, проехали за цепь французов.[754]

Петя был храбрый мальчик, но он никогда, во всю свою жизнь не забыл тот ужас и болезненное замирание сердца, кот[орые] он пережил в те полтора часа, во время которых Долохов[755] проводил его по французскому лагерю. Подъехав к первому солдатскому костру, Долохов кликнул солдата и, когда солдат не скоро встал, он строго разбил его, спрашивая, где командир и офицеры.[756]

Петя помнил[757] то замирание сердца, которое он испытал, когда слез с лошади, следуя примеру Долохова, и отдал лошадь французскому солдату, и это, всё усиливавшееся замирание, по мере продолжения разговора Долохова с офицерами и ошибок, которые делал

<Долохов> и в которых его поправлял офицер, в назывании частей войск, к которым он будто принадлежал, и вопросов офицера, высокого худого немца, поднявшегося от костра и спрашивавшего, кто товарищ.

«Ну, теперь он уедет», думал Петя. Но нет, Долохов, поглядывая на Петю, продолжал разговор и расспрашивал всё, что ему нужно было: сколько их войск, сколько пленных. Петя помнил, как, спрашивая про пленных русских, которые были при их отряде, Долохов сказал: «*La vilaine affaire de trainer ces cadavres après soi. Vaudrait mieux fusiller cette canaille*», [758] — и громко, ненатурально засмеялся. И как никто не ответил на его смех, и офицер француз, которого не видно было, — он лежал, укутавшись шинелью, — приподнялся и прошептал что-то товарищу. Петя помнил после эту минуту сомнения, когда Долохов встал и сказал: «*Bonjour, messieurs*», [759] и кликнул солдата с лошадьми: «Подадут или нет лошадей?» Он помнил потом, как Долохов долго садился и вернулся еще к костру и закурил трубку. Петя радостно вздохнул, когда они стали отъезжать от костра, и шопо-

том проговорил:

— Они, кажется, догадались.

— Они? — сказал громко Долохов и, повернув лошадь, поехал назад не в поле, а по дороге, по которой с обеих сторон были костры. Он остановился опять. И Петя слышал русские голоса и по темным фигурам у костров узнал русских пленных.

— Ребята! Эй! Нынче на заре вас отобьют, — крикнул Долохов.

У костров зашевелились, и Долохов поскакал по дороге и в поле. Несколько выстрелов и пуль послышалось в темноте. Петя помнил всю свою жизнь эти страшные, пережитые им минуты. Но зато и на рассвете этого дня те минуты, когда он вскакал с казаками в деревню и те самые французы, которые так страшны были вчера, бросали оружие, и те русские пленные, оборванные, босые, [760] распухшие, которых он вчера мельком видел у огня, вязали своих конвойных и с слезно-радостными криками приветствовали своих спасителей, [761] были одними из самых радостных в его жизни. [762]

Петя стоял подле этой смешавшейся толпы

освобожденных пленных и солдат партии Денисова и Долохова и не чувствовал, как слезы текли по его щекам. Когда он заметил свою слабость, он, устыдившись ее, обтер рукавом глаза и пошел к другому концу деревни, где слышался громкий говор сдавшихся французов.[763]

Долохов стоял у ворот разваленного дома, пропуская туда мимо себя толпу обезоруженных, разутых французов. Французы, взволнованные всем происшедшим, громко говорили между собой, но, проходя мимо Долохова, который[764] слегка хлестал себя по сапогу нагайкой, взглядывал на них своим нагло-холодным, стеклянным, ничего доброго не обещающим взглядом,[765] говор их замолкал.[766]

С другой стороны стоял казак Долохова и считал их, отмечая сотни чертой мела на воротах.

— Сколько? — спросил Долохов у казака, считавшего пленных с другой стороны.

— На 2-ю сотню 20, — отвечал казак.

— Filez, filez, — приговаривал Долохов, и взгляд его вспыхивал самодовольным и же-

стоки́м блеском.

* № 278 (рук. № 98. Т. IV, ч. 3, гл. III–VII).[767]

III

Петя Ростов, покинув при выезде из Москвы своих родных и присоединившись к своему казачьему полку, скоро после этого из полка перешел в ординарцы к генералу, командовавшему важной частью.

Поступив в действующую армию и увидав на деле войну, Петя[768] всё это время находился в состоянии восторга и поспешности, в котором находится ребенок, придя в игрушечную лавку.[769]

Он всё время был, как в тумане. Ему всё казалось, что там, где его теперь нет, там-то совершается самое хорошее, геройское, и он всё торопился поспеть туда, где его теперь не было,[770] и сделать что-нибудь необыкновенное.

[771] Первый раз, когда под Вязьмой Петя был в сраженьи, его генерал послал Петю передать приказание в авангард. Петя, стремглав поскакав в цепь, выскакал за нее под выстрелы французов, выпалил два раза из пи-

столета и, несмотря на выговор своего генерала, был очень счастлив своим поступком.[772]

21-го октября его генерал, желая захватить большой транспорт кавалерийских вещей и русских пленных, шедший по большой Смоленской дороге, послал Петю к партизану Денисову, ходившему с своей партией в тех же краях.[773] Петя должен был получить от Денисова верные сведения о транспорте и предложить Денисову для нападения соединиться с генералом. Счастливый данным ему поручением, Петя в ночь с 21 на 22 с казаком поехал отыскивать памятного ему еще с детства и представлявшегося героем — Денисова.[774]

Несколько раз рискуя попасться французам, расспрашивая у встречавшихся казаков, у мужиков, Петя[775] 22-го нашел Денисова с его партией не на стоянке, а на ходу в 2-х верстах от большой дороги[776] и присоединился к нему.

Последние числа октября было время самого разгара партизанской войны. Тот первый период этой войны, во время которой партизаны,[777] сами удивляясь своей дерзости, боялись всякую минуту быть пойманны-

ми и окруженными французами и, не расседывая и почти не слезая с лошадей, прятались по лесам, ожидая всякую минуту погони, уже прошел. Теперь уже война эта определилась — вошла в известные[778] формы. Было уже ясно, что было можно предпринять с французами и чего нельзя было. Теперь уже только те начальники отрядов, которые робко ходили вдали от французов, считали еще многое[779] невозможным. Те же партизаны, как Денисов, давно уже начавшие свое дело и близко высматривающие французов, считали возможным то, о чем не смели и думать начальники больших отрядов. Казаки же и мужики, лазившие между французами, считали, что всё уже было возможно.

Кроме того, в эту пору партизанской войны, с увеличением числа партизанов, между ними разгоралось соревнование: один прежде другого хотел захватить такую-то и такую-то часть французов и один перед другим доказывал свою смелость и ближе и ближе ходил около французов, высматривая и выхватывая то, что было по силам. По мере увеличения успеха для рядовых партизанов

увеличивалась и награда за этот успех — добыча.

Прежде лестная добыча для партизанов (казаков, солдат, мужиков): платье, обувь, оружие с убитых французов — теперь уже пренебрегалась, а фуры, повозки, кареты, наложенные награбленными вещами в Москве, составляли лакомый кусок для рядовых партизанов. Но, кроме славы, наград[780] для начальников партии и добычи для рядовых партизанов, и для тех и других теперь в высшей степени разгара было одно странное,[781] бессмысленное чувство наслаждения в трудах, в опасностях, в высматривании, в выслушивании, в нападении, в захвате людей, в пленении и в убивании их.

Это было странное чувство, не только подобное, но совершенно тождественное чувству охоты — не на зверя, а на людей. То же было, как на охоте,[782] поглощение всех человеческих способностей в бессмысленном[783] желании *взять* убитым или живым, но *взять*. То же заглушение[784] человеческого чувства жалости к своей дичи и то же внутреннее сознание невинности в жестокости вслед-

ствие трудов и опасностей, переносимых охотником.

Как человек, содрогающийся от ужаса и готовый плакать при виде зарезанного цыпленка, спокойно, не видя его страданий, добивает волка или прирезает зайца или стреляет бекаса, так точно в числе 10 000 партизанов, действовавших в то время,[785] добивавших французов, большая часть были люди, не могущие видеть человеческих страданий. Для совершения тогда необходимого и неизбежного дела, уничтожения нашествия, нужно было, чтобы на[786] людей, исполнявших это дело, была напущена слепота, и слепота[787] эта была напущена на них[788] этим чувством охоты на людей.[789]

Петя застал Денисова в самом разгаре партизанской страсти. В тот день, как[790] Петя [791] нашел его, Денисов с утра со всей партией следил за тем самым транспортом, узнать о котором[792] был послан Петя, и на рассвете другого дня вместе с другим партизаном, Долоховым, намеревался без[793] донесения о том высшим начальникам атаковать и взять этот транспорт.

Транспорт шел в этот день от деревни Микулиной к деревне Шамшеву — 19 верст. С левой стороны дороги от Микулиной к Шамшеву шли большие леса, местами подходившие к самой дороге, местами отдалявшиеся от дороги на версту и больше. По этим-то лесам целый день, то углубляясь в середину, то выезжая на опушку, целый день ехала партия Денисова, не выпуская из виду широкой, извиравшейся лентой по Смоленскому большаку колонны французов с их тощими командами, обозами и отсталыми. С утра недалеко от Микулиной, там, где лес близко подходил к дороге, партия захватила две ставшие в грязи фуры с кавалерийскими седлами и, второпях захвата перебив французов, которые были при фурах, увезла фуры в лес. С тех пор и до самого вечера партия, не нападая, следила за движением французов.[794] Местами, когда лес подходил близко к дороге и видны были без осторожности шедшие, растянувшиеся французы, казаки умоляли Денисова ударить. Несмотря на жалостные просьбы,[795] несмотря на желание Денисова угостить Петю зрелищем молодецкой войны, Денисов не

позволял людям своей партии нападать. Надо было не испугать[796] их. Надо было им дать спокойно дойти до Шамшева и там установиться и тогда, соединившись с Долоховым, который должен был к вечеру[797] приехать на совещание к караулке в лесу в версте от Шамшева, на рассвете пасть с двух сторон, как снег на голову, и побить, забрать всех разом.[798]

Позади, в 2-х верстах от Микулиной, там, где лес подходил к самой дороге, было оставлено[799] 6 казаков, которые должны были стоять тут и донести сейчас же, ежели покажутся новые колонны французов. Впереди Шамшева точно так же Долохов должен был исследовать дорогу, чтобы знать, на каком расстоянии есть французские войска. Так что Денисов знал, что он будет иметь завтра дело только с той колонной, которая шла от Микулиной. Колонна эта казалась очень большою — казаки оценили ее в 1000 человек. Видны были обозы и кавалеристы и кучками шедшие люди с штыками. У Денисова было 200 человек, у Долохова могло быть столько же. Но превосходство числа не останавливало

Денисова. Одно только, что еще нужно было знать ему, это то, какие именно были эти войска, и для этой цели Денисову нужно было взять языка (то есть человека из неприятельской[800] колонны). В утреннее нападение на фуры в самой середине колонны французов дело сделалось с такою поспешностью, что бывших при фурах французов всех перебили и захватили живым только одного больного мародера, ничего не знавшего о шедшей колонне, и мальчишку 15 лет, барабанщика, который тоже ничего не мог сказать положительного о том, какие были войска в колонне. Нападать другой раз Денисов считал опасным, чтобы не встревожить всей колонны, и потому он послал вперед в Шамшево бывшего при его партии мужика Тихона Щарбатова захватить, ежели можно, хоть одного [из] бывших там фр[анцузских] передовых квартириеров. Т[ихон] Щ[арбатов] был мужик, взятый Денисовым из деревни под Гжатью, где этот мужик, составив команду из робят [?], с топорами и вилами охотился за *миродерами*, как называли мародеров. Никто во всей партии не умел так, как этот Т[ихон] Щ[ар-

батов], пройти по самым опасным местам, неслышно подлезть в самую середину французов и выхватить человека или двух, и потому Тихон был неоцененный человек для партии, и теперь Денисов ожидал наверное успеха от данного ему поручения.[801]

День был темный, мокрый, осенний. День драгоценный для охотников. Оттого-то и все люди партии были довольны выбранным днем. Неба не видно было никакого.[802] Та же жижа, которая была на платьях, в сапогах, на земле, тоже цвета мутной воды, стояла и над головами. То моросил мелкий дождичек, [803] то вдруг припускали крупные капли с ветром, хлеща в лицо людям. Точно сыпались капли с веток от порыва ветра, но эти капли, обещавшие пройти сейчас, хлестали так иногда по целому часу. Партия Денисова шла по лесной дороге, по которой вел их маленький, мокрый мужичок, шлепавший впереди их своими лаптями по мокрым листьям. Впереди ехали втроем Денисов, Петя и казачий эсаул, главный сотрудник Денисова.[804]

Все они были мокры насквозь, лошади их

были глянцевиты, поджимали уши и набок сворачивали головы от дождя, и седла лоснились и чмокали на езде.

Денисов, одетый в папаху с висящим на его лице вымытым дождем курпеем, в бурку, которую он беспрестанно распахивал, выказывая большой образ, висевший у него на груди, делая жесты руками, и в больших, порывшевших от дождя сапогах,[805] сидел бочком, подкорчив мускулистые ножки, на худом, избитом и ширококостом вороном донце и, смеясь, громко говорил. Похудевшее его теперь лицо с обросшей черной бородой и блестящими более обыкновенного глазами светилося [806] возбужденным выражением.[807]

Эсаул Ловайский, 3 сотрудник Денисова, был[808] молчалив, спокоен и светел. Эсаул был длинный, плоский, как доска, белокурый, обстриженный в кружок человек с[809] узкими светлыми глазками и франтовски самодовольным выражением и в лице и в посадке. Несмотря на то, что [он] был второе лицо в партии, что он был ниже чином и беднее Денисова, под ним лошадь была гораздо лучше, сытее, сам он был гораздо лучше одет. На нем

была тоже папаха, но не с таким длинным курпеем, как у Денисова, чекмень его был, вероятно, сух, потому что он был укрыт весь буркой, аккуратно завязанной спереди, и на голове у него, как бабий платок, была надета попона. Руки, которые чуть высывались из-под бурки, были в кожаных перчатках, длинные ноги, около одной из которых висела в чехле длинная шашка, были в натянутых новых сапогах. Все движения его были сдержанны и точны, рука, которая правила лошадью, <не> шевелилась, ноги чуть покачивались, чтобы <управляя> притронуться. Лошадь была золотистый, круглый, с породистой головой и небольшим кадыком крупный мерин, с кованными, тонкими и на коротких бабках ногами. Седло и сбруя — новые с серебряным набором. За седлом был маленький вьючек. Нельзя было сказать, в чем была особенность убора лошади и седока, но чувствовалось при первом взгляде на эсаула, что это не человек, который сел на лошадь, а что этот человек вместе с лошадью — одно увеличенное двойной силою существо.

Петя восхищался одинаково и[810] разма-

шистыми манерами Денисова с его спустившимися мокрыми сапогами и мотавшимся мокрым образом, и растерзанной шеей, за которую заливала вода с боков, и этой подобранной степенностью казака с тихим, как будто насмешливым блеском в узких глазах. Позади их ехали по узкой лесной дороге в шинелях гусары и казаки в бурках, прикрытые также с головой, кто рогожкой, кто мешком, кто попоной. Между ними ехал казак, везя сзади себя 15-летнего босоногого мальчика в французском барабанщичьем мундире. Мальчик, подняв брови, держась за спину казака, беспрестанно оглядывался.

Петя, одетый в форменную шинель, фуражку и обыкновенные сапоги, был мокрее всех, но этот хлещущий ему в лицо и наполняющий его сапоги и все платье дождик, казалось, доставлял ему большое удовольствие. Ему всё время хотелось смеяться от радости.

Дождик шел всё сильнее и сильнее, и в высоком лесу становилось уже темно. Выйдя на торную дорогу, перерезавшую лесную дорожку, по которой шла партия, проводник остановился и снял шапку, обращаясь к Денисову.

— Ну что, борода?

Мужик объяснил, что влево дорога шла к Шамшеву, не больше 100 шагов до опушки леса, откуда видно всё. А вправо в лес, где был предполагаемый ночлег и место соединения с Долоховым.

— Так, — сказал Денисов. — Поедем, посмотрим на них еще разик.

— Ах, пожалуйста, поедemте, — сказал Петя.

— А вы идите к караулке, — сказал Денисов другому из своих офицеров, — и становитесь: пускай поедят и отдохнут люди.

Эсаул распорядился о баране и костре.

Денисов, Петя и эсаул, сопровождаемые несколькими казаками, [812] послав партию к караулке, поехали влево по дороге, ведущей в Шамшево, и выехали на опушку леса, у которой, следя за движениями французов, неподвижно стояли два гусара. [813]

— Ну что? — понижая голос, сказал Денисов, подъехав к ним.

— Становятся, — отвечал так же таинственно, но не громко хохол гусар с стекаю-

щами по нем ручьями дождя.

— Ну, а Тихон[814] что? Не видать?

— Проволок одного низом, вон тама, — сказал хохол, указывая направо.

— Он опять пошел, — сказал другой гусар.

— Брешешь, — сердито проговорил хохол.

— Ну-ка, посмотрим!

Денисов выехал на самую опушку леса, так что только голый ореховый куст отделял его от поля, шедшего за опушкой. Петя продвинул свою лошадь рядом с Денисовым и тоже стал смотреть. Лес, в котором они были, находился на бугре, по которому на полверсты шло полубугром яровое поле до дороги, шедшей низом, так что прямо перед собой не видно было дороги. Левее и назад к Микулиной дорога шла выше, и по ней сквозь дождь виделось что-то, двигавшееся по дороге верстах в двух расстояния. Но не вперед и влево, а вправо почти вперед невольно обращалось всё внимание смотревших. Вправо, почти перед ними, выходил крутой голый овраг из леса, расширяясь по мере того, как он отдалялся, и сливавшийся с болотцами, поросшими кустами, и речкой, вившейся под противупо-

ложным бугром. За этой речкой был пруд, над прудом сад и выше сада на бугре небольшая деревушка с домами с одной левой стороны улицы. На правой стороне к саду была господская усадьба. От этой деревушки вниз по бугру шла между рытвинами глинистая дорога к мосту чрез речку и скрывалась за буграми, бывшими впереди смотревших. В этой деревне в разоренных мужицких и в барском доме и по всему бугру у колодцев и пруда, и по всей дороге в гору от моста к деревне, не более, как 200[815] саженьях расстояния, виднелись из-за косого дождя подходившие, устанавливавшиеся в деревне и разбредавшиеся по саду и около пруда люди. Слышны были явственно их крики на выдиравшихся в гору лошадей в повозках и призывы друг к другу.

— Устанавливаются, устанавливаются, — говорил Денисов.

— Вон пехота. А видите — козла.[816]

— А смотрите: из-под горы-то кавалерия рысью, — сказал эсаул.

— Э! Это — не кавалерия, это с конвоем в карете кто-то на рысях. Да так и есть, сторонятся. Вот кабы Наполеон.

— Да, как же!

— А пожалуй, что маршал какой-нибудь. Вишь, чешут.

Карета, ясно видная на горе, четверкой, с конвоем впереди и сзади, проехала рысью в гору в деревню, остановилась там и поехала дальше.

— Где Тишка проклятый? — опять сказал Денисов. — Где ты его видел, Грицук? — спросил он опять у гусара.

Гусар показал на лощину по болотам и на пруд.

— Тут прополз, вашбородие. Мы видали: увалился в саду. А тут один ихний за водой сошел, он его и взял, да опять лощиной кустами в лес ввалился. Ему ужо придти надо.

Другой гусар опять заспорил, утверждая, что действительно Тихон провел кустами и болотом француза, но потом вернулся опять в сад.

Петя,[817] быстрым движением поворачивая голову, оглядывался[818] то на Денисова, то на эсаула, отыскивая в их лицах объяснение того, что занимало его. Эсаул, как будто с улыбкой щуря узкие глазки, всматривался в

деревню.

— Должны быть 4 батальона, — сказал он.
[819]

— Как же вы будете атаковать? — спросил Петя.

— Как атаковать? — сказал Денисов с серьезным лицом.

— Нет, пожалуйста, мне расскажите и дайте мне отряд.

Денисов улыбнулся.

— Пехота наша, 60 человек, полезут этими болотами к саду. Мы — лощиной через мост и в гору. Долохов оттуда — видишь, проехавши деревню, лесок. Он там с партией.

— Лощиной нельзя будет, Василий Федорович, — сказал эсаул. — [820] Топко, надо будет объезжать полее...

В то время, как они вполголоса говорили таким образом, внизу в лощине от пруда щелкнул один выстрел, забелелся дымок, другой, и слышался дружный крик, больше — веселый крик сотен голосов французов, бывших на полугоре. Низом, по болотам, изогнувшись, бежал человек в лощине. Очевидно, по нем стреляли и на него кричали французы.

Несколько человек бежало за ним и наперерез, и сверху, тах-тах — слышались выстрелы.

— Наш Тихон, ей-богу, — сказал Грицук.

— Шельма,[821] растревожил, — с досадой сказал Денисов.

— Уйдет, — щуря свои глаза, сказал эсаул, и вдруг и Денисов, и эсаул, и оба гусара, и Петя — все[822] захохотали.

Бежавший человек, подбежав к речке, бультыхнулся в нее так, что брызги полетели, и, скрывшись на мгновение, весь черный от воды, выбрался на четвереньках и побежал дальше. Тах, тах, — провожали его выстрелы.

— Ушел-таки, шельма.[823]

— Ради бога, позвольте, — сказал Петя Денисову, указывая на бежавших за Тихоном французов. — Мы их отхватим.

Денисов улыбнулся.

— Погоди, постой, до завтра. Спасибо еще, не к нам бежит, — сказал Денисов, глядя на подбежавшего к лесу Тихона. — Ну, поедем. Экий шельма.

И, повернув лошадей, Денисов, эсаул и Петя поехали назад по дороге к караулке, в кото-

рой они должны [были] обсушиться и поесть.

— Я только не понимаю, что такое наделал этот Тихон, — сказал Денисов, обращаясь к эсаулу. Петя жадно прислушивался.

— А видите ли, Василий Федорович, я знаю, — сказал эсаул, щуря глазки. — Он взял одного, да и привязал его в лесу или так обобрал, да полез за другим.

— Куда же он его дел? — спросил Петя.

— Убил, — отвечал [824] эсаул. Петя с возбужденным лицом, подергивая поднятой кверху головой, смотрел на казака.

— Экая bestия, — сказал Денисов.

— Набаловался, — сказал эсаул, смеясь. — Это еще с Кукуевской сцены (казак любил употреблять иностранные слова).

— А что? — спросил Денисов.

— А как же, ему в это место, — эсаул указал на спину, — всадил пулю француз.

— Я и не знал, — сказал Денисов, — ранили?

— Да, и сильная рана была. Он не сказывал, над ним все казаки смеялись. [825]

— Об чем? — спросил Петя.

— Да об пульке об этой. Ну, с той поры он

уж пардона не дает. Должно быть, убил, да и полез за другими.

Петя с той способностью очень молодых людей глотать, не пережевывая, непонятные нравственные вопросы, поспешно проглотил то, что сказал эсаул. Что-то ему показалось неловко и страшно, но он только почувствовал необходимость повыше поднять голову и подбодриться, чтобы не быть недостойным того общества, в котором он находился.

— А что он, молодец, этот Тихон? — спросил Петя у Денисова.

— [826] Такая шельма, что не хуже казака, — сказал эсаул.

— Ну, не хуже, батюшка. Ни один ваш казак ему в подметки не годится. Что этот человек делает — это непостижимо, — говорил Денисов всё подбадривающемуся Пете. — Куда хочешь пошли, он как по своему огороду ходит. Я его взял, так уж он их, я думаю, сотню уложил. С ребятами баловался, — он говорил.

— Рожка — так вы испугаетесь, — вставил эсаул.[827]

— Ему[828] 80 верст пройти ничего. Он всегда с нами с кавалерией пешком бегаёт и ни-

когда не отстанет.

— Что ж, силен очень?

— Не сила (эсаул сам хвалился своей силой), а здоровенный меренина, так сказать. Здоров, чорт.

— Да как же не сила. Он при мне за хвост один выворотил лошадь, а как завязла наша фура, как подопрет плечом Тихон и выдерет, — сказал Денисов, видимо любивший своего Тихона.

— Что же, скоро он придет? — спрашивал Петя.

Когда Петя с Денисовым и эсаулом подъехали к караулке, уже было темно. На поляне вокруг караулки в полутьме виднелись лошади в седлах, казаки, гусары, прилаживавшие шалашики и в лесу в овраге (чтобы не видели дыма французы) разводившие красневший огонь. В караулке в сенях казак жарил шашлык на угольях, в самой избе сидели три офицера из партии Денисова перед устроенным из двери столом на лавках из жердей. Петя никак не ожидал такого благоустройства, которое он нашел в караулке. Были и стол, и по-

лотенце, и водка в фляжке, и ром, и белый хлеб, и баранина с солью, и огонь в печи согреться и обсушиться, и ловкие казаки, которые, казалось, понимали мысли начальства и всё умели устроить. Петя снял и отдал сушить сапоги и чекмень, присел вместе с офицерами за стол, выпил водки и, разрывая руками, по которым текло сало, ел жирную душистую баранину. Восторженное состояние духа Пети — глупого и милого детского самодовольства и желания быть прекрасным — дошло до высшей степени после выпитой водки и съеденной пищи. Он был смешон, никому не давал говорить, но все — от Денисова и до Лихачева, казака, прислуживавшего господам, с улыбкой веселья смотрели на него. Все ласкали его, и он всё больше и больше осмеливался и громче и больше говорил.

— Так что ж вы думаете, Василий Федорович, — обращался он к Денисову, — ничего, что я с вами останусь на денек? — И не дожидаясь ответа, он сам отвечал себе: «Ведь мне велено, но вот я узнаю. Только вы меня пустите в самую... штуку. Мне не нужно наград. А мне хочется». — Петя стиснул зубы и оглянул-

ся, подергивая кверху поднятой головой.

— Да ничего, ничего, — сказал Денисов и, обращаясь к эсаулу, сказал.

* № 278а (рук. № 98. Т. IV, ч. 3, гл. VI, VIII–XI).

[829] Одет он был в синие штаны, в когда-то красную со снурками французскую гусарскую куртку, подпоясанную кушаком, и в лапти. В руке он держал пуховую казанскую шляпу. Вода капала с его локтей, и там, где он стоял, скоро налилась лужа.[830]

Длинное лицо его с повисшим набок носом, которым он беспрестанно втягивал в себя дух с особенным звуком, и с редкой, бурого цвета бородой было все изрыто оспой. Один зуб в верхней челюсти у него был выбит, отчего его и звали Щербатым. Шея у него была толстая, как у быка, и коричневая. В одеянии и фигуре своей он был странен и смешон, и, казалось, ему самому это доставляло удовольствие. Так заключил Петя по взгляду, которым он ответил на улыбку казака.

— Куды ты пропал? Что ж не привел? — спросил Денисов.

— Да что ходить-то, — сказал Тихон, всасы-

вая носом.

— Что ж,[831] взял? — сказал Денисов.[832]

— Взять-то взял (за каждым словом он сопел). Да будь ему неладно. Сорвался.

— Как сорвался.

— Да я его взял одного-то сперва-наперво, — начал Тихон, переставляя ноги в луже, которая натекла с него, — да и свел в лес, привязал как следует к березке. Думаю, дай схожу, другого,[833] поакуратнее какого, возьму.

— Ишь, шельма, так и есть, — сказал Денисов эсаулу. Петя с раскрытым ртом с восторгом глядел прямо в рот Тихону, слушая его слова.

— Подполз я таким манером. А ихний кашовар и огляди меня. — И Тихон, засопев, замолчал.

— Ну что ж?

— Загалдели по-своему, палить принялись. В меня-то, — сказал он, как бы сам удивляясь тому, что они *в него* палили.

— То-то мы с горы видели, как ты стречка задал, — сказал эсаул.

— Тоже ловить стали. Я и пошел к лесу...

— Ну, а первый-то где ж, — [спросил] Доло-

хов, — что к березке-то привязал?

Тихон не отвечал, пока Денисов не спросил у него того же.

— Да затянулся, — быстро сказал Тихон и, опустив голову, сильно потянул в себе дух.

— Как же ты сказал, сорвался? — сказали в один голос эсаул и Денисов.[834]

Тихон стал чесать одной рукой спину, другой голову. Его уже несколько раз бранили за это. Он почесал спину и улыбнулся. Лицо Тихона, казалось, было лишено способности улыбаться, и потому неожиданная улыбка, открывавшая недостаток зуба, всегда неотразимо заразительно сообщалась другим. Денисов, Долохов улыбнулись, Петя залился, сам не зная чему, веселым смехом, к которому невольно пристал и барабанщик.

— Как же ты сказал, сорвался? — напрасно стараясь удержать свой смех, спросил Денисов.

— Да что, совсем несправный был, — сказал Тихон, махнув рукой.

— Ах, шельма!

— И одежонка плохенькая такая на нем... Что же, я не видал разве хранцузов-то. — Ти-

хон опустил глаза. — Да и грубиан, ваше благородие, — сказал он вдруг, видимо довольный найденной отговоркой.

— Чем же он грубиан? — спросил Долохов.

— Как же, говорит: я сам анаральский сын, не пойду, говорит.[835]

Денисов нахмурился.

— Эка скотина, — сказал Денисов, — послал[836] взять, а ты... Расспросить надо.

— Да я его спрашивал, — сказал Тихон. — Он говорит: плохо знаком. Наших, говорит, и много, да все плохие, только, говорит, одна названия. Ахнете, говорит, хорошенько, всех заберете.

И Тихон засопел пронзительно.

— А, скотина, — сказал Денисов.

— Да что же, коли надо, я сбегаяю, еще возьму какого, теперь темно, — сказал Тихон.

Денисов, не отвечая ему, обратился к Долохову, совещаясь, что теперь делать.

Петя не слушал их, он стоял подле Тихона и не спускал с него удивленных глаз.

Тихон оглядывался вокруг себя. Увидав барабанщика, он подмигнул ему и улыбнулся.

— А ты разве его знаешь? — сказал Петя.

— Как же, при мне поймали, — сказал Тихон. — Их там пара была. Другой еще пофигуристее был.

— Где же другой? — спросил Петя.

— Из-за сапог что-то у казаков вышло. Вздор какой-то. А тот еще ловчее был, — сказал Тихон и, оглянувшись на начальство и решив, что его больше не нужно, пошел из избы.

— Я тебе говорю, нельзя наобум, — говорил Долохов, — надо аккуратно делать. Надо съездить. Я поеду. Вот и вы, молодой человек, — сказал Долохов, обращаясь к Пете, — не хотите ли, наденем мундиры французские, да и поедем сейчас к ним в лагерь, поговорим, расспросим.[837]

Петя был в восторге от сделанного ему предложения. Он тотчас обнял Долохова, поцеловал его, предложил ему изюму и кремней и сообщил, что он тоже привык всегда всё делать аккуратно и не наобум Лазаря и что он об опасности для себя никогда не думает, потому что, согласитесь, если не знать верно, что там — от этого зависит жизнь, может быть, сотни, а тут мы одни, и потом мне

очень этого хочется.

Никакие просьбы Денисова не могли остановить Петю. Одевшись в французский уланский мундир, который был у Денисова, Петя с Долоховым, переодетым в такой же мундир, который он всегда возил с собою, взяв проводником Тихона, поехали на ту просеку, где они стояли вечером, и в совершенной темноте вслед за Тихоном спустились в лощину.

[Далее от слов: Съехав вниз, Долохов велел кончая: И Долохов поцеловал его и, насвистывая «Allons enfants de la patrie», скрылся в темноте близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 3, гл. IX.][838]

Вернувшись к караулке, Петя вошел к Денисову. Денисов лежал под буркой.

— Ну, слава богу! — крикнул он и обнял и поцеловал Петю. Петя рассказал всё, что они узнали, и Денисов, подвинувшись к стене, хлопнул рукой по бурке.

— Ну, ложись сюда, до завтра надо взд'емнуть.

Говоря с Петей, Денисов не мог не улыбнуться, так мил ему был этот маленький герой.

— Нет, благодарствуй, я не буду ложиться. Я себя знаю, ежели засну, так уже кончено.

И Петя пошел на двор, осмотрел свою лошадь, жевавшую с другими овес.

— Ну, Карабах, завтра послужим.

Он понюхал ей нос. Он любил этот запах.

— Что, барин, не спите, — сказал казак, сидевший за телегой.

— Нет. А, Комарев, кажется, тебя звать. Пожалуйста, голубчик, наточи мне саблю. Затупил — (но Петя боялся солгать) она никогда отточена не была.

— Что ж, можно.

Комарев так же, как и Денисов и все, с лаской и бережностью обращался с Петей. Он встал, достал что-то в телеге, и Петя радостно услышал воинственный звук стали о брусok. Он подсел в темноте к Комареву и поговорил с ним.

— А что ж, спят молодцы? — сказал Петя.

— Кто спит, а кто так вот.

— Ну, а мальчик что?

— Весенний-то? Вон он завалился. Со страху спитса. Уж как рад-то был. Ну, а что ж вы там видели?

Петя рассказал всё Комареву. Потом подошел еще гусар спросить, где чашка, и спросил, что делал Комарев.

— А вот барину наточить саблю. Небось скоро свет.

Лошади вдруг подрались, заржали.

— Ну, черти, разбудите хранцузов.

Храпел кто-то близко. Казак пробовал кремь в пистолете и щелкал. Негромкий говор шел невдалеке.[839] Капли капали с листьев. На небе расчищало, и над вершинами быстро бежали облака, как будто открывая звезды.

Казалось, что звезды[840] Казалось тоже, что небо черное, что это черная тучка. Казак [841] рубил огонь. Петя должен бы был знать, что он в лесу, в партии Денисова, в версте от дороги, что это казак, лошадь, телега, но он ничего не знал и не хотел знать этого. Всё это было волшебное царство, волшебные люди, возникшие нынче только сейчас на один вечер. Что бы ни увидел теперь Петя, ничто бы не удивило его. Больше всего его удивило бы теперь то, что было самое обыкновенное.

Пете страшно хотелось спать, он влез на телегу и сел, изредка качался, засыпал и

опять поднимал голову.

Ожиг, жиг, вжиг, жиг, — свистела натачиваемая сабля. И вдруг Петя услышал стройный хор музыки, игравший какой-то неизвестный, торжественно-сладкий напев. (Петя был музыкален, так же как Наташа, и больше Николая, но он никогда не учился музыке, не думал о музыке и потому мотивы, неожиданно приходившие ему в голову, были для него особенно новы и привлекательны.) Хор играл дальше, дальше, напев разрастался, переходил из одного инструмента в другой, вот скрипочки, вот трубы и литавры, вот он, торжественный победный марш.

«Ах, да, ведь это я во сне», качнувшись всем телом, сказал себе Петя. «Это у меня в ушах. Ну, опять. Валяй!» И опять заиграл хор. «Ах, это прелесть что такое! Сколько хочу и как хочу», сказал себе Петя. И он как бы руководил этим огромным хором инструментов. «Ну, голоса, хор, приставайте». И сначала издали слышались голоса, мужские, и они росли, росли и сливались с оркестром и опять затихали, и с торжественным, победным маршем сливалась песня, и капли капали, вжиг,

жиг, и опять подрались и заржали лошади, не нарушая симфонии, а входя в нее.

Петя не знал, как долго это продолжалось. Он наслаждался так, что всё время удивлялся своему наслаждению и жалел, что некому сообщить его. Его разбудил ласковый голос Комарева.

— Готова, ваше благородие. Надвое хранцуза расколет.

Петя очнулся. Уже светает, право светает, невидимые прежде лошади у телеги стали видны до хвостов, и сквозь оголенные ветви виднелся водянистый свет.

Петя встряхнулся, вскочил, достал из кошелька целковый и дал Комарову и, махнув, попробовал шашку.

Комаров рассказал Пете, как у них пробуют шашку на баранов или на платке. Петя послушал. Рассказал, как он привык никогда не спать перед сражением, а всё приготовить. Опять сходил к своей лошади, понюхал, погладил. Казаки стали вставать и поить.

— Вот и командир.

Из[842] шалашика и из караулки в одно время вышли Денисов и эсаул. Эсаул был при-

глажен, как будто не ложился. Денисов, сморщенный, перхал и подтягивал спустившиеся штаны, над которыми выбилась рубашка.

— Ну что, не спал, Петя?

— Нет.

— Так пора, пора, — и опять поднятая[843] кверху рожа Пети вызывала на ласку, веселье и предприимчивость. Быстро разобрали лошадей, подтянули подпруги и собрались. Пехота как будто лениво прошла мимо и спустилась в лощину. Петя сбегал на опушку.

— Спустились, спустились совсем, — сказал он, прибегая назад. — Тихон дубину с собой взял.

Стали садиться. Ступив в стремя, Пете казалось, что нечего поднимать, так легко он вскочил в седло. Лошадь его по привычке куснула его за ногу.

Садясь на зады и скользя, лошади спускались с своими седоками в лощину. Из лощины не видно было французов. Денисов ехал рядом с Петей. Съехав вниз и оглянувшись назад, видя, что все спустились, Денисов взял в сторону и стал пропускать мимо себя кавалеристов.

— А вы не поедете?

— Я после, с гусарами. И ты оставайся со мной.

Не успел еще сказать этого Денисов, как передние уже пустились, и Петя встряхнул головой, дал шпоры и полетел за ними, поправляя шапку, которая чуть не свалилась от прыжка, который сделала его лошадь, и, бросая назад комья грязи, полетел с казаками. На мосту он столкнулся с тремя казаками, сбил одного. Послышался выстрел часового. Петя не видал его и летел в гору одним из первых. Не успели еще они вскакать, как с разных сторон слышались выстрелы и Петя увидел, как французы[844] бежали с правой стороны на левую. Один француз упал в грязь под ногами лошади Пети. У второй избы большая куча французов,[845] был дым и треск. Это были французы. Но это продолжалось только одно мгновение. Когда Петя подскочил к ним, он не удерживал, а только гнал лошадь. Французы бросали ружья, и казаки были между ними, и Петя смутно видел, как одного ударили пикой.

— Не бить, братъ в плен! — прокричал

<он> и под влиянием того опасения опоздать, которое не оставляло его, поскакал вперед, где что-то много людей кричали и возились. Это были русские пленные, выбегавшие один за другим и бывшие французов. Толпа этих людей с радостными воплями смешалась с казаками и гусарами, прискакавшими с Денисовым. Но и тут Пете некогда было оставаться. Еще впереди шумели и стреляли. Это был Долохов с своими. Они стояли против барского домика, и Петя видел, что один казак слез с лошади и, стоная, сидел на земле.

— Ну что? — спросил Петя, подскакивая к Долохову.

— Не сдаются. — Долохов указал на толпу французов на дворе за частоколом.

— Урааа! — закричал, ни минуты не медля, Петя и поскакал в ворота. Несколько выстрелов, и Петя бросил поводья, качаясь, вскакал в ворота и бочком, бочком упал с лошади в середину французов.

Почти все казаки вскакали вслед за ним, и французы бросали и тут оружие.

Петя лежал, не шевелясь, с пулей в голове, пробившей ему голову.

— Ах, мальчик какой был, — сказал Долохов.

— Да уж такой барин, поискать.

— Убит! — вскрикнул Денисов, и он схватился за голову и в три ручья заплакал.

— Жалко, очень жалко, — сказал Долохов. — Братъ не будем? — сказал он, указывая на пленных.

Денисов не отвечал и, повернувшись, поехал со двора. «Как он мне кремни предлагал», вспомнил Д[енисов] и заплакал.

В отбитой Денисовым и Долоховым партии пленных находился Безухий.

* № 279 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. XII–XV).
[846]

Осень и перевозимье 1812 года были такие теплые, каких в то время не запомнивали старики. До 28 октября не было ни одного мороза, кроме утренников, — такого мороза, который бы заковал землю на целый день, как это обыкновенно бывает еще в сентябре, — не было ни одного зазимка. Стояла всё время то ясная, солнечная осенняя погода с блеском и паутинами, то теплая, сырая погода с тучками

<или> туманом. 27 октября после полдня в первый раз пошел снег, сначала теплый и тихий, на сырую землю, но к вечеру с ветром и к утру с морозом.

В этот день 27 октября партия пленных, в которой находился Пьер, подходила к бывшей большой, но вполне разоренной деревне, в 80 верстах не доходя Смоленска.[847]

Хотя[848] об этой партии пленных во время всего своего движения[849] от Москвы не было никакого нового распоряжения о том, где и как ей идти, уж она теперь находилась совсем с другими войсками и обозами, и около нее всё было другое. Половина обоза маршала, который шел за нею, была отбита казаками, другая половина уехала куда-то вперед, пеших кавалеристов, которые шли впереди, не было ни одного больше, они все исчезли. Артиллерия, которая первые переходы виднелась впереди, теперь отстала сзади. Теперь партия этих пленных, конвоируемая всё теми же вестфальцами, шла между[850] фурами кавалерийского депо и[851] обозом маршала Жюно, конвоируемым теми же вестфальцами.[852] Но, кроме этих двух обозов, по всей

дороге, перегоняя и отставая от них, тянулись отсталые поляки, итальянцы, которых прежде не было. От Вязьмы прежде шедшие тремя колоннами французские войска шли одной кучей. Те признаки беспорядка, которые заметил Пьер на первом привале из Москвы, теперь дошли до последней степени. Солдаты, которых видел Пьер (это были отсталые), были все босые, оборванные. Несколько раз во время их движения всё бросалось стремглав, давя друг друга и разбегаясь в разные стороны, слыша казаков, и опять всё собиралось. Эти три сборища, шедшие вместе от Вязьмы: депо, пленные и обоз Жюно — всё еще[853] составляли что-то отдельное и цельное, хотя и то, и другое, и третье — быстро таяло. В депо, в котором было 80 повозок сначала, теперь оставалось не больше 20, остальные были отбиты или брошены. Из обоза Жюно, который и его хозяина на каждом привале проклинали вестфальцы, тоже было оставлено и отбито несколько повозок и три повозки разграблены набежавшими отсталыми солдатами из корпуса Даву. Из разговоров немцев Пьер слышал, что к этому обозу ставился ка-

раул больше, чем к пленным, и что один из их товарищей — солдат-немец, был расстрелян за то, что у него нашли ложку серебряную, принадлежавшую Жюно (принадлежавшую потому, что Жюно прежде украл ее в Москве). В особенности немцы негодовали на то, что этот солдат, виновный только в том, что он поднял эту ложку после грабежа обоза солдатами Даву, был оправдан военным судом, но все-таки расстрелян по приказанию маршала.

[Далее от слов: Больше же всего из этих трех сборищ растаяло депо пленных кончая: опять с Каратаевым и его лиловой, кривоногой шавкой близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 3, гл. XII.]

Он вместе с ним шел, вместе с ним ложился у костра и вместе с ним делил то, что ему, благодаря его знанию французского и немецкого языка, кроме обыкновенной пищи — лошадиного мяса с порохом, давали солдаты и офицеры. Каратаева не оставляла напущенная, как он говорил, на него тряска, и он слабел с каждым днем; но с сносливостью, составлявшей главную черту его характера, всё

шел, не жаловался и шутил и всё так же говорил те свои речи, которые так любил Пьер. Он был худ, бледен, синь, и с 3-го перехода из Москвы Пьер начал бояться, что он не в силах будет идти, но, казалось, не было границ растяжимости силы и страданий, к[оторая] б[ыла] в нем.

— Бог души не вынет, сама не выйдет, — говорил он.

В особенности боялся за него Пьер с 3-го перехода, потому что на этом переходе через Пьера, служившего переводчиком своим товарищам, было по случаю бегства двух пленных объявлено всем, что велено пристреливать тех, кто отстанут.

С самого выхода из Москвы[854] угроза эта ни разу не исполнялась, хотя большая половина пленных не умерла, а отстала, и Пьер замечал, как солдаты конвойные сами, чтобы избежать исполнения страшного приказания, выпроваживали отсталых за цепь или делали вид, что не видят их, но все-таки угроза существовала, офицеры повторяли ее и когда-нибудь могли они тоже и быть поставлены в необходимость исполнить это страшное при-

казание. И Пьер боялся его,[855] преимущественно за Платона. За себя Пьер не боялся. Он не думал о себе и переносил страдания [856] без мысли о них.

[Далее от слов: В плену, в балагане кончая: как только плотность его превышает известную норму плотности близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 3, гл. XII.]

Он понял, что всё относительно, кроме жизни. А жизнь есть бог. Он не думал об этом, он ни о чем не мог думать — во время переходов всё внимание его было обращено на дорогу и больные ноги, во время отдыхов — на еду, тепло и на Каратаева, но он это чувствовал. И новая сила душевная выростала в нем.

«Жизнь, которая есть во мне, в Каратаеве, во всех — бог, перемещается и движется по каким-то мне неизвестным законам, и пока есть жизнь, есть всё блаженство самосознания божества».

27 числа утром Пьер шел в гору по дороге, глядя на свои ноги и на неровности пути. Изредка он взглядывал на толпу, окружающую его, на небо, затянутое свинцовыми низкими

тучами, и опять на свои ноги. Он считал шаги по три, загибая на пальцах, и что-то такое важное, бессознательно далеко и глубоко где-то, что-то утешительное думала его душа.

«Да, Каратаев где?» подумал он и, остановившись, оглянулся назад. Из-под горы виднелась в толпе других движущихся, приглядевшихся товарищей фигура Каратаева, покрытого рогожкой. Он сидел, подле него лиловая [?] шавка.[857] И около него стояло несколько человек. «Что такое?» подумал Пьер. «Уж не ослабел ли он?»

Пьер вернулся назад и услышал слова немца-солдата:

— Der Alte kann nicht mehr gehen.

— Nun lass ihn[858]

Пьер подошел к Каратаеву.

— Прощай, Петр Кирилыч, моченьки моей нет, — сказал Платон. Он казался стариком теперь.

— Прощай, красно солнушко, — сказал он торжественным голосом, перекрестился на все четыре стороны и опять сел. — Смерть пришла, — сказал он.

Пьер обратился к немцу. Он хотел спро-

силь, нельзя ли посадить его. Немец перебил его.

— Sei nur ruhig, wir thun den armen Kerl nichts. Kann ruhig sterben.

— Aber,[859] — начал было Пьер.

— A vos places![860] — вдруг закричал голос.[861]

Два француза,[862] сидевшие на краю дороги,[863] увидевшие что-то, вскочили, вытянулись, оправляясь, и со всех сторон слышались крики команды и[864] с левой стороны, рысью объезжая пленных, показались кавалеристы, хорошо одетые, на хороших лошадях. Пленные сбились в кучку, их толкнули с дороги. Пьер протолкался вперед, конвойные сбежались вместе. Отставшие от депо побежали к своим местам.

— L'Empereur, l'Empereur, der Kaiser![865]

И только что проехал сытый конвой императора (Пьер давно не видал ни сытых людей, ни лошадей и с удовольствием смотрел на них), как загремела карета цугом на серых лошадях, слышались: «Vive l'Empereur! Vive l'Empereur!», [866] и генерал, нагибаясь, ехал рысью у окошка, выслушивая то, что из окна

говорил император. Пьер в первый раз мельком увидел его лицо. Распухшее, безмысленное, холодное лицо с складкой беспокойства между бровей. Генерал, который вел депо и говорил с императором, отстал от кареты и остановился подле Пьера; несколько офицеров сбежалось к нему, солдаты тоже окружили его. У всех были веселые, счастливые, самоуверенные, улыбающиеся лица.

— *Qu'est ce qui'il a dit? Je le disais bien. Oh quand il s'y met!*[867] — слышал Пьер радостные возгласы, и одну секунду он сам поддался этому общему радостному чувству — ему тоже показалось, что что-то случилось радостное, освежающее. Но тотчас же он опомнился, оглянулся на Каратаева, сидевшего всё на том же месте, и вернулся к нему. Но его остановили, и солдаты, прежде добрые и по-домашнему обращавшиеся с пленными, сердито крикнули на него и всем пленным велели двигаться. Конвой шел на месте и всё, пришедшее в форменное состояние, продолжало так же двигаться. По пути, по которому проехал император, ехала еще его отставшая свита, и офицеры, собравшиеся у края дороги, переки-

дывались с ними ласковыми речами.

Пьер[868] пошел опять вперед на гору, прихрамывая больше, чем прежде. Он сильно разбередил себе правую ногу. Он слышал командные слова немецкого офицера, видел, как один из конвойных солдат вернулся назад, осматривая ружье, и он шел, не оглядываясь.

—[869] Вот и снег пошел, — сказал шедший подле Пьера пленный.[870]

Пьер тогда заметил только, что земля покрывалась белыми крапинами. Он взглянул, как колеблющийся, белый,[871] кисейный полог мота[ется?] со всех сторон. Вдруг сзади слышался выстрел. «Не может быть!» — подумал Пьер.

Он оглянулся: на том месте, где сидел Каратаев, был дым, что-то белое возвышалось на дороге,[872] и солдат немец бежал оттуда стороной дороги с дымящимся ружьем.

Снег всё шел сильнее и сильнее. Раны на ногах ныли и болели так сильно в снегу, что Пьер не мог думать. Вдруг страшный звук слышался от того места из-под горы. «Кто это?» Это выла шавка над трупом Платона.

«Ну, еще, еще, сыпья еще, покрывай всю землю, нойте еще, еще», приговарил Пьер снегу и своим ногам.

В снегу и метели депо и пленные, и обоз маршала остановились[873] у разоренной деревни. Всё сбилось в кучу у костров. Пьер подошел к костру, который развели[874] французские офицеры депо; никто не отогнал его. Он лег спиной к костру и[875] заснул.[876]

* № 280 (рук. № 97. Т. IV, ч. 3, гл. XVI, XVII, XIX, и ч. 4, гл. IV).

<Куда они идут и зачем — никто не знал, еще менее сам великий> гений Наполеона, так как никто ему не приказывал. Но все-таки он и его окружающие по привычке соблюдали раз заведенный порядок; писались приказы, письма, рапорты, *ordre du jour*, называли еще друг друга: «*Sire, mon cousin, Prince d'Éckmuhl* и *roi de Naples*», но[877] приказы и рапорты были только на бумаге, в сущности же каждый думал только о том, как бы поскорее уйти и спастись.[878]

Первые дни движение этого мнимого вой-

ска от[879] Смоленска до Красного, замечательного своей[880] простотой, не подходящей ни под какие мнимые распоряжения начальников. Вся эта обратная компания от Москвы до Немана[881] подобна игре в жмурки с колокольчиком, когда двум играющим завязывают глаза и один изредка звонит колокольчиком, чтобы[882] уведомить о себе ловящего. Сначала тот, которого ловят, звонит, не боясь неприятеля, но когда ему приходится плохо, он, стараясь неслышно идти, убегает от своего врага, часто думая убежать, идя прямо к нему в руки.

Сначала Н[аполеоновские] войска еще давали о себе знать — это было в первый период движения по Калужской дороге, но потом, выбравшись на Смоленскую дорогу, они бегут, прижимая рукой язычок колокольчика, и часто, думая, что они уходят, набегают прямо на неприятеля. Так это случилось[883] при выходе из Смоленска, когда вся французская армия была уверена, что Кутузов у Витебска, и побежала на Красное, где был Кутузов. Русская же армия между тем была в полной уверенности, что Наполеон идет на Витебск, ту-

да, где Наполеон ждал их.

При быстроте бега французов и за ними русских и вследствие того изнурения лошадей — главное средство приблизительного узнавания положения, в котором находился неприятель — разъезды кавалерии — не существовало, и при постоянном движении сведения, какие и были, не могли поспевать вовремя. 2-го числа приходило известие, что армия неприятеля была там-то 1-го числа. Но 3-го числа, когда можно было предпринять что-нибудь, уже армия сделала два перехода и находилась совсем в другом положении.[884] Одна армия бежала, другая догоняла. От Смоленска французам предстояло много различных дорог, и казалось бы, тут отдохнув три дня, французы могли бы[885] узнать, где неприятель, сообразить что-нибудь выгодное и предпринять что-нибудь новое. Но нет, после 3-х дневной остановки толпы их опять побежали ни вправо, ни влево, без всяких маневров и соображений, по старой худшей дороге на Красное и Оршу, по пробитому следу, несмотря на то, что русские войска, от которых они бежали, выходили в это же время то-

же в Красное. Как, идя к Смоленску — все убедились, что в Смоленске спасение, потому что нужна была надежда, так теперь [886] все убедились, что русские у Витебска, потому что это нужно было думать, чтобы удержать какую-нибудь надежду. [887] Ожидая врага сзади, а не спереди, они бежали, растянувшись и разделившись друг от друга на 24 часа расстояния. Впереди всех бежал император, потом короли, герцоги с теми людьми, с которыми они думали, что начальствуют.

Русская армия думала, что Наполеон возьмет вправо за Днепр, что было одно разумно, подалась тоже вправо и выходила на большую дорогу к Красному. И тут, как в игре в жмурки, французы наткнулись на наш авангард. Неожиданно, увидав первые части врага, французы с Наполеоном, шедшие порознь растянуто, смешались, приостановившись от неожиданности испуга, но опять побежали, бросая своих, сзади следовавших товарищей. И тут, как сквозь строй русских войск, проходили три дня одна за одной отдельные части французов, сначала В[ице]-короля [888]

Французская армия продолжала свое бег-

ство. С 28 октября, когда начались морозы, бегство это получило только более трагический характер замерзающих и изжаривающихся на смерть у костров людей и продолжающих в шубах и колясках ехать имп[ератора], королей и[889] герцогов с награбленным добром. Но в сущности своей процесс бегства и[890] разложения французской армии несколько не изменился. От Москвы до Малого Ярославца и до Вязьмы из 73-т[ысячной] части армии осталось 36 тысяч (из этого числа не более 5 т[ысяч] выбыло в сражениях). Вот первый член прогрессии, и математически верно определяются последующие. Армия в той же пропорции таяла и уничтожалась от Москвы до Вязьмы, от В[язьмы] до Смоленска, от Смоленска до Березины, от Березины до Вильны, независимо от большей или меньшей степени холода, преследования, заграждения пути и всех других условий, взятых отдельно.

После Вязьмы войска французов вместо 3-х колонн сбились в одну кучу и так шли до конца.[891]

Бертье писал своему государю. Известно,

как отдаленно от истины позволяют себе начальники описывать положение армии, но он все-таки писал. (М[ихайловский]-Д[анилевский]. Том III.)

Ввалившись в Смоленск, представлявший-ся им обетованной землей, они убивали друг друга за сухари, грабили свои же магазины. Постояв там 3 дня, они пошли дальше.[892]

* № 281 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. XIX).[893]

Историки вообще и военные историки в особенности, описывая войну, с подробностью передают нам распоряжения высших властей о маневрах, и продовольствии, и наградах, и мельком упоминают о том, что в русской армии выбыла половина, т. е. *пятьдесят тысяч* больными и отсталыми. Что бы было написано книг, ежели бы эти 50 тысяч, т. е. число, равное всему населению большого губернского города, выбыло бы в сражении. Но теперь нет описаний об этом факте, исключая короткой заметки о том, что полубки были не все получены и что войска останавливались в поле. И действительно, эта убыль людей не подлежит изучению исто-

рии — это не историческое событие.[894] Подобно тому, как переселение народов средних веков описано подробно, а гораздо большее, совершающееся теперь переселение народов из Европы в Америку не имеет историка. Ибо, как Herr Schultz сел с своими сыновьями на пароход и поехал в Америку — не есть событие историческое, хотя и изменяется[895] вся жизнь народов от переселения Ш[ульца] и Фохта, история не может знать этого. Это не подлежит ей. Хотя все действия кампании 12-го года[896] основаны только на том, что отставал от 8-й роты Петров, а Захарченко отморозил руку и т. д. — эти явления не подлежат военной истории. И как общая история отыскивает разрешения своих вопросов в обменных между Америкой и Пруссией нотах, в записках министров, а не вникает в сущность явлений, в движение бесконечно малых Шульцев и Фохтов — так и военная история отыскивает рапорты, донесения, суждения о маневрах и не вникает в сущность, в движение бесконечно малых — Захарченко и Петрова. И поэтому в описании военных событий, в особенности в описании последнего пе-

риода кампании, является постоянное неразрешимое противоречие, разрешающееся только самым простым вникновением в сущность дела, в движение бесконечно малых Захарченко и П[етрова]. Французы падают, мерзнут, сдаются, и наши три армии не удерживают их в Красном и на Березине. Всё это происходит тоже оттого, что и русские падают, мерзнут и голодают.

Простая истина, но которой не сказал ни один историк. *С тех пор, как существует мир, никогда не было войны зимою в стране, где бывают метели и 20-градусные морозы.* Это была первая и до сих пор единственная.

Понятно, что при этих исключительных условиях, действующих на сущность дела (ежели признавать сущность[ю] дела людей, а не стратегию), все побочные условия должны были измениться, а что все те маневры, распоряжения, сражения, рапорты — вся эта поверхностная деятельность армии, представляющаяся выражением ее (так как она из нее выработалась при обыкновенных условиях), теперь совершенно отделилась от сущности, как бы отделились часовые стрелки от

механизма часов, и вертеть эти стрелки можно было сколько угодно, ничего не объясняя и не показывая.

А историки и в этот период кампании, когда войска без сапог и шуб по месяцам ночуют в снегу и морозе, когда дня только 7 и 8 часов, а остальное ночь, во время которой не может быть влияния дисциплины, когда не так, как на сраженьи, на несколько часов только люди вводятся в область смерти, где уже нет дисциплины, а когда люди эти по месяцам живут всякую минуту, борясь с смертью от голода и холода, — в этот-то период кампании нам рассказывают, как Милорадович должен был сделать фланговый марш туда-то, а[897] Тормасов туда-то, и как Чичагов должен был[898] передвинуться туда-то (передвинуться выше колена в снегу), а как тот опрокинул и отрезал, и носятся с своими словами военной науки, не имеющими[899] никакого смысла.

* № 282 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. XIX).[900]

Кто из русских людей с болезненным чувством досады, неудовлетворенности и тяже-

лого сомнения в доблести своего народа не читал этот период кампании. Как не забрали, не уничтожили их всех, когда все силы были устремлены на то и когда французы голодали, мерзли и представляли толпы бродяг, как нам рассказывает история?

Неужели такое громадное преимущество перед нами имеют французы, что мы с превосходными силами, окружив, не могли побить их? Кто не задавал себе этих тяжелых вопросов и не получал тех неудовлетворительных ответов, которые дает история, рассказывая, как виноват Кутузов, и Тормасов, и Чичагов, и тот-то, и тот-то, что не сделали таких-то и таких-то маневров?

И как ни обстоятельны все эти ответы о маневрах, чувство народное не удовлетворено, и здравый смысл тоже чувствует, что тут что-то не то, что-то забыто или не так сказано.

Как могло то русское войско, которое одержало победу под Бородиным с слабейшими силами, под Красным и под Березиной с превосходными силами не задавить французов?

И ответа нет[901] и не может быть в том ложном изложении военных событий, кото-

рое нам представляет история.

История рассматривает официальные документы, обращающиеся в высших сферах, на основании их представляет себе цель войны, которой никогда не было и не могло быть. Эта цель, по понятиям историков, почерпнутая из официальных документов — планов, составленных в Петербурге и т. п., состояла будто бы в том, чтобы отрезать, окружить, поймать Наполеона с армией. И соответственно с этой мнимой целью действительно все действия русских весьма слабы и исполнены ошибок. Но цели этой никогда не было и не могло быть у народа, цель эта была только в головах десятка людей, цель эта не имела никакого смысла.

Единственная цель, которую мог иметь народ и которую понимал один Кутузов и которой вполне достигли русские, состояла в том, чтобы выгнать французов. Цель эта достигалась и сама собой, так как французы бежали, и действиями народной войны и еще[902] следованием по пятам французов большой армии, готовой употребить свою силу в случае останова движения французов. Рус-

ская армия должна была действовать как кнут на бегущих французов, и опытный погонщик или кучер знает, что удобнее и выгоднее держать кнут поднятым, угрожающим, чем бесцельно стегать, в особенности по голове, бегущее животное.

Но кроме того, что то, что представляют нам целью историки, было глупо, оно было еще и невозможно.

* № 283 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. I–III).[903]

[904] <Когда мы видим умирающее животное, ужас охватывает нас. То, что есть я, сущность[905] меня, скрывается от меня. Но когда умирающее передо мной есть человек,[906] любимый, ощущаемый мною как я сам, тогда, кроме ужаса, мы чувствуем лишение, духовную рану, чувствуем, что часть нашей души оторвана.[907] И душевная рана, произведенная разрывом, болит, как рана физическая, и [908] всякое внешнее прикосновение раздражает ее.[909]

Последнее время пребывания княжны Марьи в Ярославле они были неразлучны. Ежели одна выходила, то другая спешила присо-

единиться к ней.[910] Любимое их время было, когда они были одни: Наташа с ногами на большом диване, княжна Марья или у стола или против нее на кресле. Соня[911] из-за стены и из-за двери слышала, что[912] они[913] не переставая говорили; но когда она к ним входила, они замолкали и очевидно было, что им тяжело[914] присутствие посторонних и что Наташа и княжна Марья испытывали это.

[915] Они обе чувствовали одинаково, что над ними после того, что они пережили, остановилось и нависло грозное облако смерти и, нравственно согнувшись и[916] зажмурившись, они[917] не смели[918] взглянуть в лицо жизни.[919] Всё в этой вольной жизни, [920] не касающееся смерти, казалось оскорбительным, всё нарушало тот таинственный, величественный, дальний хор, к пению которого они[921] прислушивались с напряженным[922] вниманием. Они, сжавшись, согнувшись от жизни, избегали ее, ходили в ней так, чтобы грозная, нависшая туча не задевала их, и жили только в своем мире, где, они знали, ни та, ни другая не нарушит той благоговейной тишины, которая нужна была им.

[923]

Тогда только ничто не могло нарушить торжественности их чувства. Когда они были вдвоем, тогда только с ними было еще третье, невидимое лицо, которое обе одинаково ясно чувствовали и которое стояло на страже перед всяким проявлением жизни.

Стоило только намеком, словом, жестом выразить надежду, радость жизни, как [924] таинственный голос одинаково внятно для обеих говорил: помни! помнишь? и [925] мысли и чувства их получали прежнее направление.> [926]

Между ними установилось чувство сильнейшее, чем дружба. Это было исключительное чувство возможности жизни только в присутствии друг друга. [927] Они вдвоем чувствовали большее согласие между собой, чем порознь каждая сама с собою.

Иногда [928] они молчали целые часы. Иногда, уже лежа в постелях, они сходились и начинали говорить и говорили до утра.

<Они [929] тихими голосами говорили [930] между собою, но они никогда не говорили [931] о будущем, как будто будущего не суще-

ствовало для них и никогда[932] не говорили об[933] умершем. Говорить о нем было для них невозможно. Им казалось, что то, что они пережили и почувствовали, не могло быть выражено словами. Им казалось, что всякое упоминание словами о[934] нем нарушало величие происшедшего. Но беспрестанные воздержания речи, когда они говорили о чем бы то ни было, постоянное обхождение тех предметов, которое бы навело на[935] разговор о нем: эти остановки с разных сторон на границах того, о чем нельзя было говорить, как будто чище, яснее и величественнее постоянно держало перед их глазами то, что они чувствовали.>

Они говорили большей частью о дальнем прошедшем. Княжна Марья рассказывала про свое детство, про свою мать, про своего отца, про свои мечтания, и Наташа, прежде с спокойным презрением отворачивавшаяся от этой жизни преданности, покорности, от поэзии христианского самоотвержения, теперь, [936] чувствуя себя связанной с княжной Марьей, такую, какою она была теперь, полюбила и прошедшее княжны Марьи и поняла

непонятное ей прежде: прелесть и высоту покорности и самоотвержения. Она не думала прилагать эту добродетель в своей жизни, потому что она не[937] верила в возможность жизни, но она поняла и полюбила в другой эту, прежде непонятную ей сторону жизни. Для княжны Марьи, слушавшей рассказы детства Наташи, тоже открывалась прежде непонятная сторона жизни, вера в жизнь, в наслаждения жизни.

<Княжна Марья читала каждый день Евангелие. Наташа взяла эту книгу, возбуждавшую ее удивление тем, что в ней находят что-то[938] необыкновенное, и[939] ночью, когда княжна Марья заснула, стала читать ее.[940]

— Наташа, — сказала княжна Марья, — я видела, ты читала.

— Да.

Княжна Марья вопросительно[941] смотрела на Наташу своими лучистыми, радостными глазами. Наташа покраснела.

— Я не поняла, — сказала она. — Я не могу понять. Лучше не будем говорить.

— Что же не понять... — Княжна Марья взяла в руки книгу.

— Нет, нет, — вскрикнула Наташа, взволнованно отрывая руки княжны Марьи. — Нет, я не могу... Я всё понимаю, что ты[942] говоришь.

— Да откуда же я говорю? откуда я взяла успокоение?

— Я тебя понимаю, я понимаю[943] всё. Я бы желала быть такой, как ты. Но я не пойму, не могу....

— Что же будет?...

— Не будем говорить про это.[944] Лучше, если бы я не читала, — говорила Наташа, краснея и избегая взгляда княжны Марьи, как будто боясь какого-то стыда за нее.

Для княжны Марьи, в первое же время своего горя нашедшей успокоение и силу в[945] Евангелии, было непонятно то, что говорила Наташа,[946] и она сказала бы, что это был враг человека, который смущал ее. Но она знала Наташу, потому что любила ее и не могла верить этому. Она знала, что искренность,[947] требование ответов на вопросы, которых не было в княжне Марье, но которые были законны в Наташе, были причиной ее неудовлетворенности, и она, не обвиняя ее,

жалела о том, чего был лишен ее новый друг.

Княжна Марья по своему положению одной независимой хозяйки своей судьбы, опекунши и воспитательницы племянника, прежде Наташи была вызвана жизнью из того мира[948] печали, в котором они жили первое время после смерти князя Андрея. Ей нельзя было оставаться жить[949] с племянником на неопределенное время в тесном доме Ростовых. Письма родных приглашали ее назад в Воронеж и в Москву. Вскоре после смерти князя Андрея Алпатыч приехал в Ярославль с отчетом о делах и с известиями о том, что московский дом не весь сгорел и при небольшой починке может быть сделан вновь обитаемым. Кроме этих забот, постоянный уход за племянником возбуждал к жизни княжну Марью, имевшую более сильную, чем Наташа, опору в твердой и высоко понимаемой вере.[950]

В начале ноября получено было в Ярославле известие о смерти Пети, и это известие вывело первое Наташу из ее положения.>[951]

Любовь эта, любовь эта исключительная,

как казалось Наташе, основанная на воспоминании о нем, служащая только продолжением любви к нему, всё дальше и дальше вызывала ее к жизни и заставляла забывать его.

* № 284 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. II—III).[952]

XXI

[953] Кроме общего чувства отчуждения от всех людей Наташа в это время испытывала особенное чувство отчуждения от лиц своей семьи. Все свои: отец, мать, Соня были так ей близки, привычны, так напоминали ей тот будничнейший мир, который оскорблял ее теперь, что она даже враждебно смотрела на них. Она теперь почти с злобой[954] повиновалась требованию отца.[955]

Когда она[956] вошла[957] в залу, отец выходил из комнаты графини. Лицо его было мокро от слез, и он, видно, только что остановился рыданья. Увидав Наташу, он поднял кверху руки.

— Что? что? — вскрикнула Наташа.

— Петя — сын.[958] — Поди, поди! Она тебя зовет, — и он, быстро семеня ослабевшими ногами, подошел к стулу и упал почти на

него, закрыв лицо руками.

— Мари, что? убит? — угадала Наташа, [959] входя в спальню матери.

Мать лежала [960] на кресле, странно неловко вытягиваясь, билась [961] головой [962] об ручку кресла.

Соня и девушки держали ее за руки.

— Наташу, Наташу, — кричала она. — Неправда, неправда. Он лжет. Наташу, — кричала она, не узнавая ее и отталкивая. — Подите прочь все. Неправда. Убили. Ха-ха-ха-ха!

Слезы выступили в глаза Наташи и лились из них, но она не рыдала. Рот ее [963] сложился в выражении твердой силы, только вся челюсть изредка вздрагивала. Она подошла к матери, обняла, подняла ее, подложила подушки и, положив ей голову на грудь, стала целовать ее руки, лицо, шепча ей нежные слова.

— Воды! — проговаривала [964] она. — Расстегните! Голубчик, маменька.

Мать долго бессмысленно сжимала ее голову, вглядывалась в нее на мгновение и замолкала и опять впадала в свое прежнее беспамятство.

Наташа не помнила, как прошел этот день, ночь, следующий день, следующая ночь. Она не спала, не отходила от матери, которая, кроме ее, никого не подпускала к себе, никого не слушала и которая с ней одной на третью ночь начала плакать.

Княжна Марья, отложившая свой отъезд, Соня, граф[965] — старались заменить Наташу, но не могли и видели, что она одна могла делать то, что она делала.[966]

Три недели Наташа безвыходно жила при матери, спала на кресле в ее комнате, поила, кормила ее, читала ей изредка, чередуясь с Соней и княжной Марьей.

Душевная рана матери не могла залечиться. Смерть Пети оторвала половину жизни графини. Она жила[967] наполовину только, и через месяц после известия о смерти Пети, заставшего ее свежей и бодрой 50-летней женщиной, она вышла из своей комнаты полумертвой, не принимающей участия в жизни старухой. Но та же рана, которая наполовину убила графиню, эта новая рана — потеря любимого брата для Наташи — вызвала ее к

жизни.[968]

Несколько недель после получения известия Наташа, которую мать насильно отослала в свою комнату отдохнуть, Наташа пришла в комнату к княжне Марье, отложившей на некоторое время свой отъезд.

— Мне не хочется, я не могу спать, — сказала Наташа. — Можно посидеть с тобой?

— Боже мой, как ужасно,[969] что[970] я не могу тебе дать того утешенья, которое одно и которое я знаю, — сказала княжна Марья, вздохнув. — Ей лучше. Я рада, что она нынче так говорила.[971]

Наташа пересела поближе к княжне Марье и пристально смотрела на нее. Она слушала то, что говорила княжна Марья, и думала: «Похожа она на него? Да, и похожа и непохожа. Нет, непохожа. Но она совсем особенная, чужая, совсем новая, неизвестная.[972] Что у ней в душе? Как она думает? Как она чувствует? Как смотрит на меня? Я могла бы любить ее. Да, я люблю ее».

— Маша! — сказала она вдруг. — Ты не думай, что я дурная. Право, я[973] доб... я хоро... Маша, я тебя очень, очень люблю. — Она об-

няла и стала целовать ее.

* № 285 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. I–III?)[974].

<Рамбаль, знакомый Пьера, между тем уже давно находился в[975] Ярославле. Он ничего не наградил в Москве[976] и на одном из первых переходов весьма охотно сдался нападшим на него с его эскадроном казакам. Половина эскадрона его была пешая, другая половина на лошадях, кормленных соломой с крыш, которые не могли двигаться, и la chair de cheval,[977] к[оторую] ему предоставили для пищи, не нравилась ему. В самой глубине души своей он был очень доволен d'avoir tiré son épingle du jeu,[978] но в разговорах с русскими в то время, как его с другими пленными офицерами препровождали в Кострому, он рассказывал чудеса про подвиги de la grrrgrande armée[979] и удивлял тех охотников до французского языка — русских, которые разговаривали с ним, своим мужеством, и храбростью, и рыцарством, и bonne mine.[980] С казаками первое время[981] Рамбаль[982] мало разговаривал и, когда его вели, сняв с него сапоги и оружие, всё оглядывался, как

бы сзади не ударил бы кто пикой, но чем дальше он шел в глубь России, тем положение его улучшалось и он становился веселее и развязнее. В самой Костроме его опять одели, хорошо поместили и, кроме кормовых денег, давали много от благотворителей и приглашали в дворянские дома на вечера и обеды.

«Cette fois cicelies ne m'échapperont pas, les comtesses russes», думал он. «Je me rattraperais sur ce que j'ai manqué à Moscou. Elles sont b..... gentilles», [983] говорил он сам с собою, подмигивая глазом и любуясь перед зеркалом своим припомаженным освежившим лицом и усами. Рамбаль в этот вечер 5 декабря получил через костромского молодого помещика, сдружившегося с Рамбалем, приглашение к [984] Princesse и Comtesse [985] вместе. Он уж и прежде бывал на балах и вечерах в костромском обществе, пленяя дам своей турнюрой в короткой куртке и обтянутых панталонах, но он чувствовал, что то общество, в котором он бывал, было не самое хорошее общество, но теперь Princesse и Comtesse, Princesse Boug... Comment diable ces

poms russes... et Comtesse Rossitordoff, — выговаривал он. — Balekine [?] <prétend> que la Rossitordoff est gentille. Tant mieux.[986]

Он, прищури́в глаз, сделал ту неприличную выходку, которая называется танцем у французов, и собрался ехать.

Princesse Voigou и Comtesse Rositordoff были Наташа и княжна Марья. Они приглашали к себе Рамбаля.>

Прошло две недели со времени смерти князя Андрея.[987] Княжна Марья продолжала жить у Ростовых. Она ожидала ответа от посланного в Москву управляющего для приготовления для нее несгоревшего их дома. Она приглашала Ростовых ехать вместе с собой в Москву, и[988] Ростовы,[989] дом которых сгорел дотла, находились в нерешительности, принять или не принять предложение княжны. Наташа опять была больна и в том положении, в котором она была, нельзя было думать о зимнем переезде в Москву.[990] Но без Ростовых княжна Марья[991] не хотела ехать в Москву. Она теперь не могла себе представить жизни без Наташи. Насколько прежде ей не нравилась Наташа, настолько

сильнее теперь, после того[992] времени, которое они одни пережили с ней вместе у умирающего Андрея, княжна Марья испытывала к Наташе робкое, осторожное и подобострастное обожание, которое ее спасало от ее горя. Она до сих пор ни о чем другом не могла думать спокойно, как о брате и его кончине, и [993] только с Наташей[994] княжна Марья чувствовала, что она продолжала жить в мысли о брате. Со времени кончины князя Андрея и до сих пор они ни разу не говорили о нем, но бесчисленные воздержания от речи о том-то и о том-то, их взгляды, их присутствие говорило им, что, о чем бы они ни говорили, они говорили о нем. По совету докторов и по желанию графини они переехали на другую квартиру для того, чтобы избавиться от воспоминаний; но княжна Марья и Наташа так же не могли избавиться от этих воспоминаний, как они не могли избавиться от жизни. Воспоминание этих последних дней его овладело ими всеми. Одно только в жизни было — эти воспоминания, остальное были скучные подробности, отвлекавшие от главного. А между тем они никогда не говорили

про него. Им казалось, что то, [что] они видели, почувствовали и пережили, не могло быть выражено словами. Что всякое упоминание о том, о чем-нибудь из его жизни (они чувствовали, когда Соня, графиня говорили об этом) нарушало величие прошедшего и было недостойно его.

Княжна Марья имела занятие, свойственное ее любовной натуре, ухода за больной Наташей, но Наташа не имела никакого занятия. Она сидела, лежала, ходила, ела, спала, говорила и всё думала одно: смерть там — как. Но ни для Наташи, ни для княжны Марьи не было ничего страшного и жалкого, горестного в этом воспоминании, напротив, что-то могущественное и подавляюще прекрасное. Наташа была больна, все говорили, но болезнь ее ничем другим не выражалась, кроме усталости. В ней был[995] надорван нерв жизни. Она не чувствовала вызывающего действия впечатлений, воспоминаний, потому что одно воспоминание и впечатление, поглотившее всё и ни к чему не вызывающее, продолжало действовать на нее. Она созерцала величие смерти и бесконечного.

[996] Наташа была слаба, бледна и худая, но ничто так не сердило ее, когда ей говорили, что она больна,[997] старалась делать то, что делают все здоровые, но силы ее заметно слабели.

Две причины были, которые[998] ухудшали ее положение: то, что она не высказывала того, что было на ее душе, что они никогда не говорили с княжной Марьей,[999] и то, что физические силы ее слабели.

И все три причины упадка ее духа носили в себе причины возрождения. То, что они не говорили между собой, как им казалось,[1000] потому, что слова были низки и недостаточны для выражения того, что они чувствовали, делало[1001] то, что они понемногу, сами не отдавая себе в том отчета и не веря этому, — забывали. То, что физические силы слабели,[1002] казалось, еще больше должно было усилить ее упадок, а вместе с тем, тут только, когда она заметила упадок сил, она неожиданно почувствовала, как испугалась, встрепелась жизнь, сидевшая в ней, стала пробовать свои силы и как неожиданно, подобно молодой траве, пробивающей[ся] по заилев-

шему луку, стали выбивать самые неожиданные жизненные впечатления, как бы пробуя свои силы. Она,[1003] думавшая, что она хочет смерти, не боится ее, любит ее — вдруг почувствов[ала] близость ее, испугалась и стала спрашивать себя, жива ли она.

Но Наташа сама не замечала этих невольных проблесков жизни — ей казалось, что горе еще всё так же сильно, ничто живое ее не интересовало, и она думала только о своей смерти, когда неожиданный случай показал ей самой присутствие этих, пробивающихся сквозь ил горя, игл травы жизни.

И причиною этому был Рамбаль.[1004]

Рамбаль был приглашен княжной Марьей, потому что приятель его рассказал графине Ростовой, как этот Рамбаль в Москве знал графа Безухова, про которого ничего не слышно было и которого знакомые его, находя это особенно поразительным, считали умершим в один месяц с его женою.[1005] Княжна Марья уговорила Наташу выдти[1006] в гостиную. Она хотела ее развлечь интересом о Пьере. Рамбаль поговорил сначала с графом и графиней о *grrrande armée*,[1007] потом на вопрос

княжны Марьи стал рассказывать о своем знакомстве с Пьером.

— Si, je l'ai connu. Mais, madame, c'est plus, qu'un ami: c'est un homme qui m'a sauvé la vie.
[1008]

Рассказав, как ему была спасена жизнь и как он простил преступника, Рамбаль, приняв ту поэтическую позу, которую он считал нужным принимать, говоря чувствительно, он начал рассказывать про вечер, проведенный с Пьером.

— Oh! C'était une de ces soirées qu'on n'oublie pas. Seuls sur les décombres de Moscou, nous nous sommes laissé aller aux confidences intimes, aux doux pensées de l'amour. Oui, mesdames. Il m'a parlé de son amour, le pauvre cher ami qui devait périr; il m'a parlé d'une femme qu'il avait aimé sans lui avouer son amour. Une jeune fille charmante qui avait fait un faux pas, mais qu'il aimait encore plus tendrement pour la jussance de pardonner. Nathalie disait il...[1009]

В этот вечер в первый раз Наташа заговорила с княжной Марьей о князе Андрее.

— Я боюсь, мы забывали это, Мари. Ты помнишь? И она заплакала...

* № 286 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. VI).[1010]

[1011] На другой день после так называемого Красненского сражения Кутузов выехал верхом к войскам, чтобы благодарить их.

Он проехал мимо оборванной толпы пленных (их всех было взято 26 тысяч) и рядов французских орудий и подъехал к Преображенскому полку, у которого стояли взятые знамена. С того памятного дня 26-го августа, когда под конец Бородинского сражения на представление немцев о том, что сражение проиграно, он сказал: неприятель разбит, и завтра мы погоним из Священной земли русской, с этого дня, как[1012] в ночь военного совета в Филях на Рязанской дороге, когда он получил известие о пожаре Москвы, в Тарутине при известии о выступлении Наполеона из Москвы и теперь — он не мог спокойно говорить о том, что было единственным, всепоглощающим его желанием: видеть[1013] осуществление гибели французов, к[оторую] он знал уже давно. Тем более это волновало

его, что он один из всего войска понимал это.

После Красненского сражения он видел вскипевшую эту борьбу, алчность славы между своими генералами, видел в глазах их упреки себе, видел жадность проектов теперь, которыми замучают его, знал, что убедить их нельзя, потому что руководило ими не[1014] ум, а страсти, но это замеченное им настроение не расстраивало его душевной радости при подробных известиях о результатах Красненских сражений. «20 т[ысяч] пленных и 120 орудий — вот они, трофеи Бородинского сражения», думал он. Этот промежуток времени от 26 августа до 2 ноября для него, 86-тилетнего человека, не казался велик, и причина и следствие несомненно связывались между собой. То, что он[1015] ждал — свершилось. Французская армия была[1016] уничтожена. Истекавший кровью зверь не сопротивлялся более. Он[1017] был счастлив, как бывают одиноко счастливы люди, понимающие то, что недоступно еще толпе. Его призвание было исполнено. Он был счастлив. Все эти речи его окружающих генералов не занимали его — это было их неизбежное при-

звание, и оно в своей мере было полезно. Он сам был молод, сам вбегал первый на штурмы в то время, как ему выбили глаз, и думал, что всё в этом тогда. Он не имел к ним ни досады, ни озлобления. Проезжая мимо жалких рядов пленных, он заметил, как русский солдат дал французу, обвязанному платком, курить трубку и вдруг, увидав Главнокомандующего со свитой, спрятал трубку в голенище и, спрятав улыбку на лице, толкнул француза в ряды. Кутузов чуть заметно улыбнулся и, пустив лошадь в галоп, подъехал к фронту П[реображенского] полка, у которого стояли знамена. Он остановился, хотел что-то сказать, но почувствовал, что слезы, которые всегда выступали ему на глаза при разговоре о французах, заклокотали у него в горле. Чтобы скрыть свою слабость, он поднял руку, указывая на знамена, и сказал: «ура». Полки ответили перекатывающимся криком. И этот крик, эти[1018] русские, обросшие теперь бородами — какая-то особенная, новая, коренная сила виднелась в этих бородатых солдатских лицах — люди, эти знамена неприятеля, которыми махали державшие их, — всё это,

как старое, привычное впечатление, еще сильнее возбудило то чувство умиления, которое Кутузов хотел скрыть, сказав «ура». Он сморкался, притворялся, что кашляет, и слезы текли по его сморщенным, пухлым щекам. Он махнул к себе рукой казаков и показал, что он хочет слезть с лошади. Старое, толстое тело, как всегда, сняли с лошади. Он поправился и сел[1019] на принесенный барабан, перед рядами полка. Кто-то из свиты махнул, чтобы державшие знамена солдаты подошли, и поставил их с лесом древков и знамен вокруг старого толстого человека, который, нагнув голову в белой с красным околышем фуражке, сидя на барабанах и распустив живот между расставленных прямо ног, играл плетью, дожидаясь того, чтобы замолкли солдаты, кричащие ура, и сам бы он успокоился.

— Вольно![1020] — сказал он, и глаз его засветился радостным, твердым блеском.[1021]

Ему что-то нужно было сказать. Толпы офицеров окружили его. Он снял шапку с коротко обстриженной седой головы.

— Благодарю, ребята, — сказал он, обращаясь к солдатам, и в тишине, воцарившейся во-

круг него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемые слова.

— Благодарю всех за то, что вы сделали. Из всей Наполеоновской армии ничего не остается. Вот они! — он указал на знамена, на пленных и пушки.[1022] Надо забрать и выпроводить то, что бежит. Трудно было и трудно будет. Но зато слава ваша великая.

Он помолчал, и опять особенно заблистал его глаз. Он хотел сказать то, что ему нужно было[1023] и на что навела его сцена солдата с трубкой.

— Ребята, мы их победили, и слава вам во веки. Но, ребяташки, они тоже люди, не виноваты — их жалеть надо, видите, какие они... — опять его голос дрогнул и, чтобы не отдаться своему чувству, он вдруг надел шапку, встряхнул головой и шутливо сказал: — а [1024] и то, кто же их к нам звал? Поделом им м. и. в. г., — сказал он.[1025]

Одна и та же веселая улыбка пробежала по всем лицам солдат, и опять 1000 голосов заревели ура.

Слова, сказанные Кутузовым и в начале и

в конце своей речи, не поняты были войсками. Никто не сумел бы передать[1026] содержания сначала торжественной[1027] и под конец простодушно стариковской речи фельдмаршала; но сердечный смысл этой речи [1028] не только был понят, но то самое, то самое чувство величественного торжества в соединении с жалостью к врагам и сознанием [1029] простоты и добродушия, выраженного этим, именно этим стариковским добродушным ругательством, это самое чувство лежало в душе каждого солдата и выразилось радостным криком.

* № 287 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. VII–IX).
[1030]

[1031] <В этот день некоторым войскам (на все недостало) была роздана водка. Но и в тех, которым не было дано водки, чувствовался праздник.[1032]

Полки авангарда Милорадовича стояли впереди [1неразобр.] в стороне от большой дороги у края мелколесья. Морозы до 18 градусов стояли несколько дней, по ночам было ясно и звездно, по утрам падал снег. Морозный

снег визжал и скрипел под колесами и шагами.

Деревья, кусты полыни, кучи хвороста для костров, усы, волоса, брови солдат, морды лошадей — всё было в инее. Из 3000 вышедших из Т[арутина] теперь растаяло до 900 человек. Полк стоял в чистом поле на снегу. Пробыли зорю, молитву, поужинали[1033] сухарями с салом, выставили часовых и[1034] солдаты, окончив служебные занятия, принялись за ночные костры и разместились кучками. Душевная жизнь солдата начинается после вечерней зари у костра.

Одно из лучших мест расположения, за которое поссорились два фелдвеебеля,[1035] у края леса, ближе к дровам, досталось 10 роте. Огромные костры, треща и шипя, пылали на краю леса, освещая изукрашенные серебряным инеем деревья опушки и темные фигуры солдат.

У офицеров уже были балаганчики из хворосту, накрытые соломой и рогожами, но офицеры тоже сидели у костров, около которых на сажень таял снег и даже обсохла земля и было так тепло, что голые солдаты выпа-

ривали вшей.

Около фелдвебельского костра собралось много солдат.[1036] Солдаты[1037] не стеснялись его присутствия, и разговор, пересыпанный ругательствами и шутками, не замолкал, но сосредоточивался в противоположной от офицера стороне костра.>

* № 288 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. XIII).

[1038] Все практические вопросы жизни, прежде вызывавшие в нем тревогу и поспешность, страх не ошибиться, теперь разрешались для него самым легким способом. Какой-то внутренний, прежде неслышимый голос теперь всегда указывал, что можно и нужно, чего нельзя и не нужно сделать. Близкие окружающие люди, прежде представлявшиеся помехой для жизни, теперь,[1039] какие бы они ни были, поглощали всё внимание и деятельность Пьера. Лица, окружавшие Пьера во время его болезни и выздоровления, были: княжна, два лакея, доктор, два пленный француз и граф Вилларский, тот самый масон, который вводил его 7 лет тому назад в петербургскую ложу. Всё это были давно знакомые

лица, но все они теперь представлялись Пьеру столь же новыми и занимательными, как будто он в первый раз узнал их. Княжна, которую он знал с детства и которой он только старался избегать, поглощала всё его внимание первое время его выздоровления и, когда он в конце января уехал прежде ее в Москву, они, прощаясь, нежно обнялись и княжна сказала ему, что она прощается с ним навсегда и что то время, которое она провела с ним здесь, никогда не возвратится.

Пьер ничем не заискивал расположения княжны,[1040] но только с самого того времени, как она приехала к нему, он стал наблюдать ее. Но не так наблюдать, чтобы найти в ней смешное, странное, презрительное, как он изучал прежде, а наблюдал ее с одной определенной целью — где в ней живая душа человека.[1041]

И очень скоро, несмотря на всю трудность этого искания, Пьер нашел искомое, и княжна смутно почувствовала это и была благодарна ему. Княжна была одна из тех людей, которые[1042] всегда себя считают правыми и этим сознанием своей правоты любят уко-

рять других людей. При самом первом опыте жизни, когда княжна вступила в дом отца Пьера, она почувствовала себя оскорбленною, свою привязанность непризнанною и людей, к которым она имела привязанность, неблагодарными. Первое впечатление это было так сильно, так резко отпечаталось в ее душе, что все свои последующие чувства она невольно отливала в ту же форму. Как будто ее призвание жизни состояло в том, чтобы к ней были неблагодарны. Она старалась сделать что-нибудь для людей только для того, чтобы были неблагодарны. Все были ей неблагодарны: и старый граф, и сестры, и прислуга, и девки, которых она брала, и Пьер — все, кроме ее собачки. Любовь к ее собачке была тоже выражение неблагодарности людей. Она приехала к Пьеру с тем, чтобы больше укрепить его отношение неблагодарности к ней. Пьер понял это теперь сейчас же. Но ему мало было этого, он старался добраться до того источника, из которого взялось это настроение. Он расспрашивал княжну про первое ее время, про молодость, про то время, в которое в первый раз она почувствовала эту неблагодарность люд-

скую, и она рассказала с неожиданными следами свою молодость.

Пьер понял ее. Он расспрашивал ее про свою мать, и, хотя княжна и ненавидела ее, она пожалела сына и рассказала в мягких чертах историю его матери, которую в первый раз понял Пьер.

Княжна не могла измениться: она всё так же смотрела на свет, как на арену для приложения своих сил неблагоприятным людям, но Пьер уже понял источник этого взгляда, и он, слегка насмешливо (?) улыбаясь про себя, любил княжну и старался не разочаровывать княжну и быть к ней достаточно для ее удовлетворения неблагоприятным. Таким же он был теперь в отношении своих двух людей. Старый Терентий был постоянно недоволен недостаточной важностью своего нового барина и старался на каждом шагу дать почувствовать, что он привык к другому, и Пьер доставлял ему удовольствие презирать себя. Молодой слуга старался делать карьеру и сделаться необходимым для барина, и Пьер и ему доставлял удовольствие, показывая, что его услуги ему были приятнее.

Кроме этих домашних людей, из посторонних были доктор, Вилларский и француз Рамбаль, который был в Орле. Рамбаль первое время забавлял Пьера своими рассказами, но чему Пьер сам удивился, как неожиданной перемене в самом себе, было то, что он на [1043] просьбу Рамбаля второй раз дать ему денег просто и без труда отказал ему и без всякого усилия так упорно молчал, думая о другом в присутствии Рамбаля, что француз перестал посещать его.

Доктор, обрусевший немец, доставлял Пьеру особенного рода удовольствие тем, что, следя за своим мнимым лечением (в которое Пьер не верил), доктор притворялся сам верующим, в сущности же не верил и о медицине всегда говорил с горячностью и дурно, но охотно, а интересен был только тогда, когда говорил про семейные отношения своих пациентов, о чем он нечаянно заговаривал и говорил прекрасно, выказывая настоящее знание человеческого сердца, приобретенное, очевидно, любовью к человеку.

Вилларский, занимавший важное место в Орле, был интереснейший предмет наблюде-

ния для Пьера. Глядя на него, Пьер видел себя в прошедшем. Вилларский был женатый, семейный человек, занятый и делами именины жены, и службой, и семьей. Но он считал, что все эти занятия суть помеха жизни, и постоянно смотрел с[1044] вниманием туда, куда его не спрашивали. Военные, административные, политические, масонские соображения постоянно поглощали его внимание. И Пьер, не стараясь ни исправить его, не осуждая его, не удивляясь, с своей теперь постоянно тихой, радостной насмешкой любовался на это странное, столь знакомое ему явление.

В практических делах Пьер, судя по своему отказу в деньгах французу (о котором он долго потом с удовольствием думал, удивляясь тому, что это совсем не так трудно, как прежде ему казалось), Пьер почувствовал, что у него теперь был какой-то центр тяжести, которого не было прежде. Он был так же, как прежде, равнодушен к денежным делам, но теперь он знал, что можно и нужно сделать. Новым доказательством этого было его решение ехать в Петербург и Москву.[1045] В Орел приезжал к нему его главноуправляющий, и с

ним Пьер сделал общий счет своих доходов. Пожар Москвы стоил Пьеру, по учету главноуправляющего, около 2-х миллионов. Доходы уменьшились на 30% — был результат учетов главноуправляющего. Но когда главноуправляющий ушел, Пьер один стал рассчитывать свое имение и к удивлению своему нашел, что 12 год не только не уменьшил его состояние, но увеличил его в пять раз. Расчет его был основан на том, что он считал доходы, получаемые им самим. Оказалось, что смерть жены, стоившей 150 тысяч, уничтожение подмосковной и московских домов, которые стоили 80 т[ысяч], увеличили его доходы впятеро. Он сообщил это соображение княжне и решил с ней, что он не будет возобновлять московского дома и подмосковной и отдаст внаем петербургский дом.

* № 289 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. XVI–XIX).

— Да, да, так, так, — говорил Пьер, нагнувшись вперед всем телом и жадно вслушиваясь во все страшные подробности, очевидно, забыв даже про присутствие Наташи. — Это был человек редкий. Он так всеми силами ду-

ши всегда искал одного: быть прекрасным, что он не мог бояться смерти.[1046] Если он был горд, он имел право, — сказал Пьер. — Как я рад за него, что он свиделся с вами, — сказал он Наташе.

[1047] — Мари не застала его в лучшее время, — начала Наташа. — Он страдал ужасно, но он был так необыкновенен, он умел быть счастлив... Когда я в первый раз пришла к нему... — Наташа[1048] вдруг побледнела, как свои воротнички, глаза ее с умиленным блеском остановились на глазах Пьера, и она стала рассказывать отрывистым, с остановками, но не дрожащим голосом то, что она никогда еще никому не рассказывала: всё то, что он говорил в две-три недели их путешествия и жизни в Ярославле.

— Да, да, так, так, — говорил Пьер, нагибаясь над нею с налитыми слезами глазами и раскрытым ртом.

— Я часто думаю, что больше того счастья, которое я испытала в эти дни, никто никогда не испытывал. <В Троице он был очень хорош. Он подозревал меня и стал говорить о прошлом. Я просила его пожалеть меня. Он

сказал, чтобы я жалела его; что прощать никто ничего не может.>

— Да, да, так, — говорил Пьер.[1049]

Княжна, сморщившись от желания удержать слезы, сидела подле Наташи и слушала в первый раз историю любви своего брата с Наташей.

<— Он знал сначала <я думаю>, что его жизнь кончена; но ему было не страшно. Он хотел спасти меня, и он спас. Перед приездом в Ярославль я рассердилась на Кирилла за то, что его дурно положили. Он, смеясь,>

[*Далее от слов: Мучительный и радостный рассказ, видимо, был необходим для Наташи кончая: — Ну, прощай, прощай, душенька, милая Маша. Как бы я съела тебя, так я люблю тебя, — прощаясь, сказала Наташа и ушла к себе близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 4, гл. XVI–XVIII.*]

На другой день, проснувшись, Пьер испытал чувство, подобное тому, которое должен испытывать человек, легший спать на воле и проснувшийся скованным. Та свобода, которой он так дорожил, которую он так лелеял, которой он так радовался в себе, не существо-

вала более. Все, раскиданные прежде в разных сторонах центры жизни, все вдруг слились к одному центру, и центр этот был Наташа. Он отложил свой отъезд в Москву и поехал на другой день обедать к княжне Марье; на третий день он поехал вечером. Вернувшись в этот день домой, он долго взад и вперед ходил по своей комнате.[1050]

«Ну, что же делать. Если надо, то надо», — сказал он себе. И, сев за стол, написал письмо в Кострому к графу, прося у него руки его дочери.[1051] Он писал, что знает несвоевременность такой просьбы[1052] и потому готов ждать столько, сколько это будет нужно, и до тех пор не решится говорить с самой Натальей Ильиничной.

На другой день утром Пьер поехал к княжне Марье. Как только Наташа вышла из комнаты, Пьер вынул из кармана свое письмо к графу и показал ей его.

— Скажите мне свое мнение. Могу я послать это письмо, могу я надеяться?

Княжна Марья прочла письмо; краска радости покрыла ее лицо.

— Я очень рада, — сказала она.

— Но могу, могу я...

— Я очень счастлива. Я только одно скажу вам. Когда мы не знали о смерти вашей жены и вас считали за мертвого, она говорила мне, что один человек, которого она могла бы любить, как мужа — это вы.

Пьер вскочил, засопел носом и стал целовать княжну Марью.

— Я и не думаю теперь, не говорите. Я поеду в Петербург.

— Она любит вас, и она чудная девушка. Вы будете счастливы.

Пьер остался обедать в этот день, последний перед своим отъездом в Петербург. Наташа, как и в прежние дни, была задумчиво внимательна и восприимчива к Пьеру, но ее отношения к нему для него имели теперь новое значение. Прощаясь с нею, он с новым счастливым чувством взял и долго удерживал в своей эту худую, [1053] тонкую руку. Она будет его, и рука, и лицо, и глаза, и всё это сокровище женской прелести, которое так долго, мучительно и радостно, как что[-то] недоступное и чуждое, томило его.

С этого дня радостное, неожиданное сума-

шествие, к которому Пьер полагал уже себя неспособным, охватило его. Все события жизни, все люди были только подробности одного вечного, бесконечного счастья. Все люди, которых видел Пьер, были заняты одним — его будущим счастьем; они знали все, они все радовались и дурно скрывали, что не радуются и не знают. И всех их любил Пьер, и все они были только покамест.

* № 290 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. XIX).

Сомнений не было, как прежде, никаких слов «je vous aime» ложных не было, всякое слово радостно повторялось. Одно сомнение: она скажет: он с ума сошел. Он, Пьер, человек, а мне нужно такого же бога, как я. Планов никаких: это случится, и всё кончено. После этого ничего не будет. Как они добры, что занимаются едой, деньгами, государством. Я им благодарен. Я их жалею. Мне говорят: хочу ли я служить, — ха, ха, ха! Мне говорят, что я дурно делаю, — ха-ха-ха! Торговки все улыбаются. Кн[яжна] улыбается и рада. — Она притворялась, что она злая. Гр. Раст[опчин] притворялся часто. — Пьер вспоминал потом это

счастливым временем.

Может быть, он казался странным людям, но он был счастлив и счастлив не без причины. Всё было прекрасно, всё было для счастья.

Он ехал по пожарищам Москвы и видел красоту. На каждом лице он видел красоту и добро. Может быть, это было безумие, но оно было лучше небезумия. Все были добры, прекрасны. Жена покойная была жалка и несчастна. Княжна — ангел доброты, и всё это было не выдуманно, а правда.

II. ВАРИАНТЫ ИЗ НАБОРНЫХ РУКОПИСЕЙ

* № 291 (рук. наборная. Т. IV, ч. 2, гл. I, II).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

После Бородинского сражения, занятия неприятелем Москвы и сожжения ее важнейшим эпизодом войны 1812-го года историками признается движение русской армии с Рязанской на Калужскую дорогу и к Тарутинскому лагерю — так называемый[1054] фланговый марш за Красной Пахрой.

Одни историки приписывают всю славу этого[1055] гениального подвига Толю, другие

Кутузову; но ни те, ни другие не сомневаются в том, что подвиг этот был необыкновенно гениален. Даже иностранные, даже французские историки не могут не отдать справедливость гениальности русских полководцев, говоря об этом[1056] фланговом марше.

Но почему военные писатели и за ними историки вообще и все вообще полагают, что этот *фланговый марш* (это слово любят очень) есть весьма глубокомысленное движение, спасшее Россию и погубившее Наполеона, весьма трудно понять для человека,[1057] думающего своим умом.

Знаменитый фланговый марш этот состоял только в том, что[1058] русское войско, [1059] отступая всё прямо назад по обратному направлению наступления, после того, как наступление французов прекратилось, отклонилось от принятого сначала прямого направления и, не[1060] видя за собой преследования, естественно[1061] подалось в ту сторону, куда его влекло обилие продовольствия.

На совете в Филях у русского начальства преобладающею мыслью было само собой разумевшееся отступление по прямому направ-

лению, т. е. по Владимирской дороге. Доказательством тому служит накануне отступления[1062] разговор главнокомандующего с Ланским, заведовавшим[1063] провиантской частью. Доводы Ланского, что при направлении армии на Владимир и Нижний провиант, собранный преимущественно по Оке, в Тульской и Калужской губерниях, с трудом может быть доставляем через Оку, убедили главнокомандующего в необходимости уклониться от прямого направления толчка и поддержаться южнее к Рязанской дороге.

Впоследствии бездействие французов, потерявших даже из виду русскую армию, и выгоды приближения к своим запасам заставили Кутузова согласиться на доводы его генералов и отклониться еще южнее и ближе к запасам. Но Кутузов согласился только перейти с Рязанской на Тульскую дорогу и никак не дальше. Но когда, и перейдя на Тульскую дорогу, оказалось, что армия Наполеона не сильна и не наступает на нашу, совершенная безопасность положения заставила нашу армию еще более отклониться и перейти в середину путей[1064] своего продовольствия с

Тульской на Калужскую дорогу к Тарутину.
[1065]

Передвижение это с Владимирской на Рязанскую, Тульскую и Калужскую дорогу было до такой степени естественно, что в этом самом направлении отбегали мародеры русской армии и что в этом самом направлении требовалось из Петербурга, чтобы Кутузов перевел свою армию.

Уже в Тарутине Кутузов получил почти выговор от государя за то, что он отвел армию на Рязанскую дорогу, и ему указывалось то самое положение спиной к Калуге, в котором он уже находился в то время, как получил письмо государя. Откатывавшийся по направлению толчка, данного ему во время всей кампании и в Бородинском сражении, при уничтожении силы толчка и не получая новых толчков, шар русского войска принял то положение, которое было ему естественно.

В этом состоит [1066] то, что называют [1067] глубокомысленным, гениально-стратегическим подвигом флангового марша.

Ежели вместо враждующих армий — русской и французской — представить себе жи-

вотных, которые дрались бы в тех же условиях, очевидно для каждого, что животное, отбитое другим от своего логовища, после первого толчка, ежели бы враг его не преследовал, подвинулось бы опять к своему логовищу в том направлении, в котором ему[1068] представлялась бы лучшая пища.

[Далее от слов: Ежели бы представить себе не гениальных полководцев, кончая: что было бы, ежели бы он пошел на Петербург и мн. др. близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 2, гл. II и I.]

Человеческий ум в детстве своем не может [1069] видеть совокупность причин, изменяющих события, и, [1070] как ребенок, верящий, что он болен оттого, что не послушался матери, всякое явление любит приписывать отдельной причине, преимущественно воле человека. Не в силах обнять совокупности условий, ум человеческий в детстве своем хватается за первое наглядное сближение и в сближении этом видит причину.[1071]

Почему русское войско перешло в Тарутино и погиб Наполеон?[1072] Потому что Кутузов изобрел гениальный фланговый марш, а

гениальность Наполеона ослабела в Москве, говорят историки.

Ум же человеческий отвечает: потому, что это должно было совершиться.[1073] То есть [1074] что это совершилось по законам, отчасти известным, отчасти неизвестным нам, [1075] но по неизменным существующим законам.

Разница между тем и другим[1076] воззрением та же, какая существует между человеком, говорящим, что нынче сильные морозы потому, что кукушка откуковала до Петрова дня, и тем, который скажет, что хотя он и не знает вполне тех[1077] метеорологических законов, по которым произошло это явление, он знает, что законы эти существуют.

[1078] Русские войска по тем естественным причинам, по которым животное стремится туда, где лучше пропитание, перешли с Рязанской на Тульскую, потом на Калужскую дорогу; французское войско по столь же естественным причинам, добравшись последними усилиями до Москвы, остановилось,[1079] грабя ее и, как стадо, топча под ногами и вырывая друг у друга тот корм, который бы мог[1080]

спасти их от голодной смерти.[1081]

Несмотря на то, что для каждого солдата французского войска должно было быть очевидно, что единственное спасение его состояло в том, чтобы, забрав [с] собой[1082] пропитание и одежды, скорее как можно возвратиться туда, откуда они пришли, — войско это не двигалось и как будто ожидало только того толчка, который бы выгнал его.[1083] Все люди французской армии[1084] после пожара Москвы и исчезновения русской армии очутились неожиданно вместо конца кампании [1085] в начале какой-то новой войны. Каждый солдат чувствовал себя в положении человека, который, собрав последние усилия, вбежал на 20-ю ступеньку лестницы, полагая там найти убежище и отдых, и вдруг[1086] убедился, что эта 20-я ступенька была только начало лестницы, бесконечно поднимавшейся вверх. Надо было идти выше или спускаться вниз; но выше идти не было сил, а спускаться было и трудно,[1087] и страшно, и, главное, стыдно.[1088]

Наполеон, этот гениальнейший из гениев, как утверждают историки, не мог, казалось

бы, не видеть этого. И для того, чтобы собрать свои войска, уберечь продовольствие, которого было в Москве на год всему его войску, и идти назад или за русской армией для того, чтобы разбить ее, не нужно было особенной гениальности, нужно было гораздо меньше ума, внимания и распорядительности, чем на то, чтобы довести свои 600 тысяч не только до Москвы, но и до Немана; но он не сделал этого.

Историки его, однако, и тут описывают нам гениальность Наполеона и его изумительную деятельность. Они описывают нам, какой он составил гениальный план будущей кампании.

Тьер доказывает фактами, что гениальный план этот был составлен не 9, как говорит Faïn, а равно 17.[1089] Но гениальный план этот[1090] никогда не был исполнен, потому что не мог быть исполнен, и потому [на] вопрос о том, почему Наполеон не сделал того, что казалось очень легко, не остановил грабеж, не собрал провианта и не вывел войска, — мы не получаем ответа.

* № 292 (рук. наборная. Т. IV, ч. 2, конец гл. II–X).

[1091] Кутузов, тот хитрый, придворный Кутузов, который никогда не был и не будет великим человеком для наших историков по той причине, что нет великого человека для своего лакея (не потому, что великий человек — не человек, а потому, что лакей есть лакей), [1092] этот хитрый придворный развратник Кутузов, еще не получив письма, в котором ему от государя запрещалось входить в переговоры, отвечал Наполеону через Лористона не на те глупые слова, которые [1093] были написаны и которые ему говорили, но на те, которые подразумевались. Он отвечал простыми словами, определявшими всё положение, словами, истина которых стоит выше всяких соображений, и [1094] словами, которые до тех пор, пока будет Россия, с радостным и гордым чувством прочтет всякий русский. Он сказал: *Je serai maudit, par la postérité si l'on me regardait comme le premier moteur d'un accommodement quelconque. Telest l'esprit actuel de ma nation.* [1095]

Но не одна присылка Лористона была при-

чиной подъема духа русского войска. Бесчисленное количество причин содействовало тому, чтобы убедить русских в том, что теперь случайности войны на их стороне. И известия о бедственном состоянии французов в окрестностях Москвы, где уж казаки и мужики начали их ловить сотнями, и изобильная и спокойная стоянка под Тарутиным, где каждый день подходили рекруты, ополчения и подвозили провиант, полушубки, сапоги, и действия партизанов, забиравших трофеи пленных и транспортов с малыми средствами и усилиями, и бездействие Наполеона,[1096] и беспечность и беспорядок в тех частях французской армии, которые прикасались с нашими авангардами, и желание солдат пошевелиться и подраться, когда они опять окрепли и освежились, и желание генералов и офицеров отличиться и получить ордена и кресты, и требования государя из Петербурга о том, чтобы начать наступательные действия, — всё это вместе и еще многое другое привело русских к переходу от отступления к наступлению так же неизбежно, как другие условия привели их прежде к необходимости отступ-

ления.

Но если бы государь не предписал перейти в наступление, никогда бы не начали?

Нет, мы точно так же начали бы его. Доказательством тому служит то, что письмо государя о том, чтобы начать действовать наступательно, получено было уже тогда, когда начало было сделано.[1097]

[Далее от слов: Князь Михаил Иларионович! — писал государь, кончая: храбрость войск, вами предводительствуемых, нам предвещают» близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 2, гл. III.]

Это письмо получено Кутузовым уже после того, как[1098] он атаковал французов. Совпадение это только доказывает то, что то, что чувствовалось в Петербурге, еще сильнее чувствовалось в армии.

Но[1099] ежели бы Кутузов не отдал приказа, мы бы не атаковали?

Нет, мы бы все-таки перешли в наступление и даже гораздо раньше. Кутузов все свои силы и свое влияние употребил только на то, чтобы не атаковать никогда после Бородинского сражения французов, и все-таки атако-

вал. Кутузов один из всех людей армии, как старый, опытный охотник, знал, что зверь [1100] ранен в Бородине, [1101] что удар попал и что идти на него бесполезно и вредно, но он не мог удержать требования своих генералов. Так, стало быть, мы не атаковали, ежели бы не было требований этих генералов?

Нет, мы все-таки атаковали бы, и доказательством тому служит то, что в Филях требовали те же генералы сражения, но сражение не было принято; в Красной Пахре те же генералы Барклай и Бенигсен единодушно требовали атаки или сражения, но сражение не было дано.

Так отчего же теперь было принято и сражение и атака? Оттого, что его требовали все. Тарутинское сражение предлагал и Толь, и Бенигсен, и [1102] Ермолов, и Милорадович. Бенигсен даже написал записку главнокомандующему о выгодах этой атаки; но Бенигсена с его требованиями и запиской можно меньше назвать причиной этого сражения, чем казака Шаповалова, который, находясь в разъезде, убил из ружья двух зайцев и за подстреленным третьим зайцем забрел на левый

фланг армии Мюрата, стоящего у леса, и вследствие этого сделал открытие, что можно врасплох захватить с этой стороны французов. Все хотели атаки: и оправившиеся солдаты, и казаки, и офицеры, и генералы, и Милорадович, разъезжавший в цепи против французов и, так как запрещено уже было ему разговаривать с Мюратом, раскланивавшийся с ним издалека, и Бенигсен,[1103] и Кикин,[1104] и всё войско,[1105] несмотря на все доводы Кутузова о том, что лучше подождать и что опасно.

[Далее от слов: Записка Бенигсена и сведения казаков кончая: и после этого сражения сделаны перемещения в штабе близко в печатному тексту. Т. IV, ч. 2, гл. IV–VII.]

И Бенигсен совсем рассорился с Кутузовым.[1106]

Историки Наполеона рассказывают нам про его гениальные планы, изумительную деятельность, распоряжения в Москве. Рассказывают, как учреждено было правительство в Москве, как *les ropes furent ramener*,[1107] как сам император, чтобы веселить армию, учредил театр, сам посещал его и какие меры он

принимал к обеспечению армии жизненными припасами. Они рассказывают нам, как он писал из Москвы в Париж приказания о тамошнем театре, как он беседовал с Тутолминым и Яковлевым, поручая этим совершенно частным людям дипломатические поручения в Петербурге; как он обласкал детей Воспитательного дома, приказал надписать: «Maison de ma mère» на всех богоугодных заведениях, приказал раздавать привезенные фальшивые рубли солдатам и погоревшим русским, приказал расстрелять несколько невинных людей, что он вместе с своими войсками грабил серебро из церквей, почитая это собственностью своей армии, и вместе с тем отдавал приказания о собрании в каждую часть излишка провинта и о прекращении грабежа — приказания, которые он, бывши солдатом, мог знать за неисполнимые. Он был озабочен весьма тем, чтобы были сожжены дома Растопчина и Разумовского и, в особенности, чтобы был взорван Кремль, т. е. как ребенок, который убился об угол, требует, чтоб побили этот угол.

Это всё мы видим из показаний тех исто-

риков, но не видим ничего такого, что бы клонилось к той цели спасения армии, которую предписывал здравый смысл.[1108]

[Далее от слов: И не можем объяснить себе кончая: Бауциновский и Люценовский походы близко к автографу. См. вар. № 263, стр. 53–54.][1109]

Он потому ничего не мог сделать, потому что, не имея ни больше власти, ни гения, чем последний солдат его армии, он всегда был только выражением состояния и воли[1110] всего этого огромного целого — французского войска.[1111]

Войско это, потеряв в Бородинском сражении сознание единства и силы, без мысли о будущем грабило Москву до тех пор, пока было что грабить и никто не выгонял грабителей.

И Наполеон чувствовал и делал то же самое.

Положение, в котором находилась в то время в Москве эта армия, можно видеть из следующих документов. В конце сентября [1112] генерал-интендант писал следующее:

«Les soldats se nourrissent de la chair de

corbeaux et des chats. A Moscou même les troupes de ligne se livrent par nécessité à cette espèce de chasse. La viande de cheval n'est pas mangeable, on en fait cuir de temps en temps faute de mieux».[1113]

Император, чтобы помочь этому делу, велел написать воззвание к народу. И на всех улицах наклеили по-русски и по-французски следующее:

[Текст «Провозглашения» см. в т. IV, ч. 2, гл. IX.]

Тогда император, решив, что надо потворствовать суеверию народа, fit amener les porcs.[1114]

Но на это последовало только следующее донесение: «Le prêtre que j'avais découvert et invité à recommencer à dire la messe, a nettoyé et fermé l'église. Cette nuit on est venu de nouveau enfoncer les portes, casser les cadenas, déchirer les livres et commettre d'autres désordres, le 5 Octobre».[1115]

Император[1116] нашел, что[1117] причина всего зла заключается в грабеже, и он строго подтвердил то, что уже несколько раз было приказываемо: остановить грабеж.

На это отвечали донесения, говорившие о том, что невозможно остановить грабеж.

«Rien de nouveau, autre que les soldats se permettent de voler et de piller, le 9 Octobre.

Le vol et le pillage continuent. Il y a une bande des voleurs dans notre district qu'il faudra faire arrêter par de fortes gardes. Le 11 Octobre».

[1118]

[1119] Дисциплина армии падала, но гвардии отдавались беспрестанные приказы то о том, что часовые не окликают, то о том, что не делают должной чести императору и т. д.

* № 293 (рук. наборная. Т. IV, ч. 4, гл. II).

Когда она вошла в залу, отец выходил из комнаты графини. Лицо его было мокро от слез, и он, видимо, только что остановил рыдания. Увидав Наташу, он поднял кверху руки.

— Папинька! Что? — вскрикнула Наташа.
[1120]

— Петя... сын... Поди, поди,[1121] она... она... зовет... — И он[1122] опять зарыдал, как дитя, быстро семеня ослабевшими ногами, подошел к стулу и упал почти на него, закрыв

лицо руками.[1123]

Подбородок Наташи быстро задрожал. Она хотела подойти к отцу, но, видимо, не могла двинуться с места.

— Мари, что?.. Убит?..[1124] — проговорила она.

Княжна Марья прошептала что-то и закрыла лицо руками.

Наташа, бледная как мел, стояла в дверях спальни. Страшный горловой звук поднялся из ее груди. Но вдруг она услышала, увидела мать, краска быстро покрыла ее лицо, и она [1125] подбежала к ней.

Графиня лежала на кресле, странно неловко вытягиваясь, и билась головой об[1126] стену.

* № 294 (рук. наборная Т. IV, ч. 4, начало гл. III).

II (<Новая> глава)

Душевная рана, происходящая от разрыва духовного тела, точно так же, как и рана физическая, как ни странно это кажется, после того, как рана зажила, и, кажется, сошлась своими краями, рана духовная, как и физиче-

ская, заживает изнутри, выпирающей силой жизни.

Так же зажила рана Наташи. Она думала, что жизнь ее кончена; ей казалось, что она несомненно чувствовала это. Но вдруг любовь к матери показала ей, что сущность ее жизни — любовь — еще жива в ней. Проснулась любовь и проснулась жизнь. И ей мало стало той бессознательной, кровной любви, которой проявление она чувствовала только в редкие минуты[1127] сильных переворотов в жизни, ей стало необходимо любить снова чужое, таинственное и неизвестное. И такую и вместе близкою была для нее княжна Марья. И она страстно, как любят женщины, полюбила ее.

* № 295 (рук. наборная. Т. IV, ч. 4, конец гл. XIX).

Радостное, неожиданное сумасшествие, к которому Пьер считал себя неспособным, овладело им.[1128]

Все люди казались Пьеру занятыми только одним — его будущим счастьем. Ему казалось, что все они не только знают про его сча-

стве, но радуются ему так же, как и он сам, и только стараются скрыть эту радость и притвориться занятыми другими интересами. Ему казалось, что он всякую минуту проникал их притворство;[1129] и он был уверен, что они могли притворяться еще только до тех пор, пока совершится его счастье; тогда же все они откровенно признаются, что всё остальное не имеет никакого интереса.

В Петербурге он часто должен был удерживаться от смеха, когда ему предлагали служить в Петербурге или жениться или когда обсуждали какие-нибудь общие, государственные дела и войну, предполагая, что от такого или такого-то исхода или события зависит счастье всех людей. Когда он видел, что люди заняты какими-нибудь делами, имеющими влияние на общее благо людей, он испытывал к этим людям глубокое чувство жалости и благодарности. Все люди казались ему добрыми и прекрасными.

Рассматривая дела и бумаги своей покойной жены, он к ее памяти не испытывал другого чувства, кроме жалости в том, что она не знала того счастья, которое он знал теперь.

Князь Василий,[1130] особенно гордый теперь получением нового места и звезды, представлялся ему[1131] трогательным, добрым и жалким стариком. Пьер часто потом вспоминал это время счастливого безумия. «Может быть, думал он, я и казался тогда странен и смешон; но я тогда не был так безумен, как это кажется. Я был, напротив, тогда умнее и проницательнее ко всему доброму и прекрасному, чем я был когда-либо. Если все люди казались мне добры и прекрасны, покойная жена — жалкая и добрая женщина, князь Василий — милым, заблудшим стариком, то я не отрекся ни от одного из тех взглядов, которые я имел тогда. Я понимал тогда всё, что стоит понимать в жизни, и сквозь все внешние покровы проникал доброе и прекрасное. Да, я во время того безумия был умнее и сильнее[1132] моего небезумия, во время которого я видел одно дурное, то есть ничего не видел».

III. ВАРИАНТЫ ИЗ КОРРЕКТУР

✳ № 296 (корректурa. Т. IV, ч. 1, гл. V, VI).

<Губернаторша[1133] начинала свое французское письмо Соне[1134] рассуждениями о том, что истинная любовь не может

быть соединена с эгоизмом, что[1135] цель истинной любви заключается только в счастье тех людей, которых мы любим.

«Неожиданные обстоятельства», писала она, «сделали мне известной вашу любовь к милому Nicolas. Зная его благородство и правила, я уверена, что он никогда не изменит вам; но вместе с тем я знаю, что единственное средство[1136] спасения от разорения всего семейства состоит в его женитьбе на девушке с состоянием, и только его любовь к вам заставляет его отказывать мольбам его матери. *Chère Sophie, le sacrifice de soi est bien doux aux coeurs nobles. Rendez lui sa liberté et vous gagnerez [?] son coeur et les douces joies de l'abnégation.*[1137] Потом она описывала странную двукратную встречу с княжной Марьей и[1138] видела в этом особенный промысел божий. Написав эти письма, губернаторша с курьером, уезжавшим в тот же вечер, отослала их.>

* № 297 (корректурa. Т. IV, ч. 1, гл. VI).

Лицо ее с того времени, как вошел Ростов, вдруг преобразилось так, как преображается

расписной фонарь, в который вставят свечку. Бывают лица, подобные фонарям с толстыми стенками, непроницаемыми для света, и, как бы ни красивы,[1139] представляющие всегда для виду грубую бессмысленную работу[1140], бывают лица, подобные фонарям с тонкими, прозрачными стенками и с различной силой света. Бывают лица, подобные фонарям, в которых прозрачные стенки, но однообразные, одного какого-нибудь яркого света (таково было лицо Ростова), и бывают лица, как лицо княжны Марьи, подобные фонарям с[1141] наипрозрачайшими стенками, с самой искусной, сложной, художественной на них работой, которая вдруг во всей своей тонкой красоте выступает только тогда, когда яркий [свет] зажжен в них. В первый раз этот свет зажжен был теперь в лице княжны Марьи, и вся та чистая духовная, внутренняя работа, которой она жила до сих пор, выступила наружу.

* № 298 (корректурa. Т. IV, ч. 1, гл. XII).

Пьер стоял против этой кучки солдат. [1142] Все эти лица, фигуры, позы, звуки голо-

сов — всё это было так знакомо Пьеру и так страшно бессмысленно.

— Ребята, тут местечко барину дайте, — сказал офицер, подвигаясь к ним.

— Что ж, можно, — откликнулся голос.

— Да, вишь, ловок, я и так вчерась Мирнова задавил было, — сказал другой.[1143]

Пьер стал посередине балагана, молча оглядываясь.

— Ишь, как витютень, ни очей, ни речей, — слышался в это время[1144] насмешливый и чрезвычайно приятный голос. — Экой народ неласковый — право: человек новый, неизвестный.

И, говоря эти слова, небольшого роста [1145] полу-солдат, полу-мужик, в лаптях и солдатской шинели, имея что-то круглое (так он отразился в впечатлении Пьера),[1146] подошел,[1147] раскачиваясь, к Пьеру и слегка тронул его за руку.

—[1148] Места много, соколик, у меня в уголушке упокой чудесный, — сказал этот человек. — Пойдем, барин, пойдем в наши палаты, — прибавил он[1149] и тотчас, с очевидной уверенностью, что Пьер не может отка-

зять ему и не пойти за ним, пошел по балагану.[1150] И Пьер пошел за ним.

Движения солдата были точно так же, как его слова, не быстры, но споры: за каждым движением[1151] и словом следовало сейчас другое; и ни в одном[1152] ни слове, ни движении не было заметно ни усилия, ни задержки, ни медлительности, ни торопливости. Подойдя к углу балагана, он нагнулся, взбил солому, подвинул, передвинул рогожки, подложив соломы в голова, прихлопнул рукой и[1153] сел.

*** № 299** (корректурa. Т. IV, ч. 2, гл. VII).

— Только у нас всегда бывает всё навыворот,[1154] у французов же всё выходит, в особенности у Наполеона — по задуманному гениальному плану, — говорили и говорят люди, забывая то, что никогда не может не выходить всё противно планам и что, ежели действительно заметно это различие между нами и французами, то различие это имеет основанием не сущность дела, а воззрение на него.

Русские люди любят славу своего оружия,

но[1155] открыты для восприятия правды. Французы любят славу своего оружия, и[1156] из-за этой страсти не могут видеть правду.

Из русских источников вытекает Тарутинское сражение таким, каким оно было. Из французских источников вытекает с выступления из Москвы и до вступления русских в Париж — ряд побед французского войска. И французы, каждый до последнего, не могут не верить этому.

* № 300 (корректурa. Т. IV, ч. 2, гл. XI).

<В тот же день с раннего утра всех пленных солдат <исключая> <и Каратаева в том числе> погнали на паромы против Мамоновского дома, из которого выгружали какие-то вещи.

Несмотря на то, что караульный[1157] солдат на вопрос Пьера: не выступают ли французы, отвечал, что это только часть войска идет на Петербург и что пленные во всяком случае останутся в Москве, Пьер чувствовал, что это было неправда и что вот-вот будет объявлено выступление.>

* № 301 (корректурa. Т. IV, ч. 2, гл. XVII).

И чем больше желал этого Кутузов, тем меньше он позволял себе этому верить. Но он желал этого страстно, всею душою. Это была его одна цель, одна надежда. Всё остальное было для него привычное исполнение жизни. Как он ни казался иногда занятым, тронутым, это были только привычные отражения известных впечатлений на его тело. Такими привычными физическими отражениями были гнев его накануне Тарутинского сражения, радость его при известии о Тарутинской победе. Он поздравлял и благодарил войска как будто с чувством. Но это было только привычное отражение окружающих предметов. Такими привычными отражениями были его разговоры с штабными, письма к m-me Stahl, которые он писал из Тарутина, чтение романов, женщины. Но гибель французов, предвиденная им одним, было его душевное, единственное желание.

Когда он думал о том, как совершится это, он приходил в беспокойство, вставал и ходил по избе и опять ложился.

В ночь 11-го октября он лежал, облокотив-

шись на руку, и думал об этом.

«Опять, опять», подумал он, чувствуя охватившее его волнение, и, приподняв голову, он окликнул в соседнюю комнату:

— Казачок!.. Саша!.. — проговорил он.

— Что прикажете?

— Дай лимонаду, голубчик, что-то не спится.

В соседней комнате зашевелилось и в то же время в сенях послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Войдите, войди. Что новенького? — окликнул их фельдмаршал.

Пока лакей зажигал свечку, Толь рассказывал содержание известий. Несмотря на волнение, которое испытывал Кутузов, слушая Толя, в голове его мелькнула та же мысль, как и в голове Коновницына.

Ну, теперь держись, подумал он, замучают проэкзаменуют.

— Кто привез? — спросил Кутузов с лицом, поразившим Толя, когда загорелась свеча, своей холодной строгостью. Кутузов употреблял все душевные силы, чтобы удержать выражение охватившей его радости.

* № 302 (корректурa. Т. IV, ч. 2, гл. XVIII).

Кутузов везде отступает, но неприятель, не дожидаясь его отступления, бежит.

Правда, все описания историков рассказывают о каком-то искусном маневре Кутузова, противодействовавшем другому искусному маневру Наполеона. Но никакого маневра никогда не было. Кутузов никогда не останавливал Наполеона в Мало-Ярославце. Небольшие отряды войск, столкнувшись с французами в Мало-Ярославце, вступали в жаркие схватки, как это всегда бывает в замкнутых пространствах, в городах; но ни французская, ни русская армия здесь не вступали в дело. Русская армия, напротив, отступила, предоставляя Наполеону идти, куда ему было угодно. И Наполеон пошел не на обильные (как любят говорить историки) края полуденных губерний, а побежал назад по старому следу.

* № 303 (корректурa. Т. IV, ч. 3, гл. XIX).

Отчего, ежели они были виноваты в том, что не достигнута была предназначавшаяся цель, как Кутузов под Красным (В истории

Богдановича, писанной по Высочайшему повелению, прямо сказано, что Кутузов виноват в неуспехе дела под Красным), отчего их не судили и не казнили? Но даже ежели и допустить, что виною *неудачи* русских были Кутузов и Чичагов и т. п., нельзя понять все-таки, почему и в тех условиях, в которых при всех так называемых ошибках находились русские войска под Красным и под Березиной, почему не достигнута предполагавшаяся цель. В обоих случаях русские были, несмотря на ошибки, в превосходстве силы, и, как мы знаем из опытов Тарутинского и Вяземского сражений, начатых против воли Кутузова, приказание Кутузова не могло помешать русским заградить путь, побить, взять в плен французов. Почему это не сделано? Почему последний период кампании совершенно справедливо представляется французами рядом побед и совершенно несправедливо представляется русскими историками победоносным. И цель русских представляется нам историками в том, чтобы отрезать и взять в плен Наполеона и маршалов, и цель эта не только не была достигнута, но все попытки к

достижению этой цели всякий раз были разрушены самым постыдным образом.

Как могло то русское войско, которое с слабейшими силами одержало победу под Бородиным, над неприятелем[1158] во всей его силе, как могло это войско под Красным и под Березиной с превосходными силами не задавить расстроенных французов? На вопрос этот нет и не может быть ответа в том ложном изложении военных событий, которое нам представляет история, предполагая целью войны последнего периода кампании 1812 года отрезание и поимание Наполеона с маршалами и армией. Дело в том, что историкам, изучающим события по рапортам, планам и т. п., представлялось, что цель эта — отрезывания Наполеона, которую имели 10 людей в Петербурге, была цель войска и народа.

* № 304 (корректурa. Т. IV, ч. 4, гл. VI).[1159]

При приближении Главнокомандующего говор замолк и все глаза уставились на толстого кривого старика, медленно ехавшего по дороге. Один из генералов докладывал Куту-

зову, где взяты орудия и пленные.

— А! знамена! — сказал Кутузов, заметив десятка два французских знамен, с которыми солдаты вышли перед фронт Преображенского, выстроившегося при приближении фельд-маршала, полка.

«Вот они, трофеи Бородинского сражения», думал Кутузов, глядя на пушки и знамена; промежуток времени от 26-го августа до 2-го ноября для него, 70-тилетнего человека, не казался велик, и причины и следствия для него ясно связывались между собой. Но он никому не мог сказать этого. Никто бы не понял его. Он знал, что не только не поняли бы его, если бы он сказал это, но объяснили бы эти слова тем, что он хочет оправдать этими словами ту слабость, которую он, по их мнению, выказал нынешний день. Он чувствовал за собой насмешливые и недоброжелательные лица, но, несмотря на то, вид оживленных солдатских лиц и этих трофеев, которых значение он понимал совершенно иначе, чем все его генералы, радовал его. Все эти споры, неудовольствия, страсти окружающих его генералов не занимали его — это было их неизбеж-

ное призвание, и оно в своей мере было полезно, думал он.

Он сам был молод, сам вбегал первый на штурмы и осуждал в нерешительности и слабости своих начальников. Он не имел к ним ни досады, ни озлобления. Он радовался своей одинокой радостью, глядя на трофеи и на солдатские лица.

Он направил лошадь к фронту Преображенского полка, у которого стояли знамена. В толпе пленных Кутузов заметил русского солдата, который, смеясь и трепля по плечу француза, что-то говорил. Увидав главнокомандующего со свитой, солдат этот, спрятав улыбку на лице, толкнул француза и вытянулся. Кутузов пристально поглядел на этого солдата и, пустив лошадь в галоп, подъехал к фронту Преображенского полка, у которого стояли знамена.

Он остановился, поднял руку, указывая на знамена, и сказал «Ура!» Полки ответили перекатывающимся криком. И этот крик, эти русские, красные от мороза, веселые лица, эти знамена неприятеля, которыми махали державшие их, всё это возбудило в Кутузове

старое, привычное впечатление. Он выпрямился, поднял голову и приосанился. Улыбка остановилась на его лице. Кто-то из свиты махнул, чтобы державшие знамена солдаты подошли и поставили их древками знамен вокруг главнокомандующего.

— Вольно! офицеров! — сказал Кутузов.

ВАРИАНТЫ К ЭПИЛОГУ

I. ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ И КОПИЙ

✳ № 305 (рук. № 99. Начало эпилога).

С древнейших времен[1160] история Китая, Иудеи, греков, римлян по дошедшим до нас памятникам представляется в форме деятельности одного или нескольких людей, не только руководящими массами, но вполне непосредственно управляющими ими. Вся история древности по письменным памятникам представляется нам заключающеюся в деятельности нескольких исторических[1161] героев. На вопросы о том: 1) каким образом

единичные люди заставляли действовать массы по своей воле? и 2) чем управлялась сама воля этих людей? — древние отвечали признанием воли божества, подчинявшей произволы масс воле одного человека и управлявшей волею *избранного*. Бог избирает царей для иудеев, бог руководит битвами, по воле богов Ромул делается основателем Рима. Жрецы открывают волю богов, всегда руководящую исторические движенья. Таково воззрение древних на историю. Понятно, что при таком воззрении не может быть места вопросу о том, каким образом личный произвол Моисея, Кесаря, Александра совпадает с общими законами, управляющими миром? и каким образом совершается непонятный факт подчинения[1162] огромного количества произволов произволу одного человека.

Для древних вопросы эти просто и легко разрешались верою. Саул богом избран царем своему народу и[1163] ведет свой народ к предназначенному. Свойства человеческого ума и требования логики[1164] в древности и в наше время одни и те же. В понимании исторических событий не может быть[1165] се-

редины. Одно из двух: или воззрение древних, что воля богов подчиняет людей воле одного и руководит эту волю для целей иудейского, китайского, ассирийского народа, или [1166], если нет этого подчинения и управления, то люди действуют свободно и существуют общие законы, управляющие деяниями людей.

Новая история не[1167] признала ни того, ни другого. (Хотя уклонение воззрений истории от древних памятников происходило незаметно, шаг за шагом, я, говоря новая история, разумею исторические школы конца прошлого и начала нынешнего века. Ибо в этот период противорелигиозного движения, вследствие отрицания участия божества в делах человечества,[1168] и признания,[1169] что божество не подчиняет людей воле одного и не руководит волями людей, особенно резко выразилось теоретическое разногласие новых историков с древними.)

Все люди свободны и не могут быть подчинены другому. Божество не принимает непосредственного участия в делах человечества, сказала новая философия. Новая история,

признав это положение, не обратилась к новой стороне изучения движения человечества, а продолжала изучать исторических деятелей.[1170] Вместо людей, непосредственно руководимыми волей богов, история поставила героев — одаренными необыкновенными, нечеловеческими способностями. Вместо прежних целей иудейского, греческого, римского, которые древним представлялись целями[1171] движения чело[вечества], новая история поставила те же идеалы целей французского, германского, английского и, в самом своем высшем отвлечении, целей европейских народов. Нельзя было отвергнуть верования древних, не поставить на место его новое воззрение. Логика положения заставила историков, мнимо отвергших божественную власть царей и фатум, руководящий историей, придти другим путем к тому же самому. Читайте все сочинения новейших историков от Гибона до Бокля, несмотря на их мнимое отрицание верования древних, вы видите, что то же самое верование в других формах лежит в основе их воззрения. Они отвергают мнимое знание древних, ограниченных

целей, к которым ведется народ, для них странно, что иудеи веруют, что им предназначено богом придти в обетованные земли, они также отвергают то, что Саул самим богом назначен царем и руководим во время царства.

Но разве не то же самое они говорят, когда они знают цели, к которым идет человечество, и когда они видят, что к этим целям ведут человечество единичные люди — его руководители, всё равно: Фридрихи, Кромвели, Кальвины или Руссо и Вольтеры.

Читайте все исторические сочинения самых различных школ. *Два неизбежные положения*, на которых строится всё, вы найдете во всех. Во-первых, историку известна та цель, к которой ведется человечество, во-вторых, к цели этой ведут избранные люди. Один целью этой представляет себе падение Римской империи, другой — образование феодальной власти, 3-й — величие Франции, 4-й — свободу народов, 5-й — европейское равновесие и т. д. и т. д. до последней цели — прогресс цивилизации. Но что такое все эти, представляющиеся историкам, цели человечества от единства Германии до прогресса —

все эти цели суть только отвлечения неопределимые, неоощуцаемые, непонятные, не выдерживающие критики — все эти отвлечения суть не что иное, как верования, точно такие же верования, как верование в фатум древних? Последнее отвлечение, представляемое историками за цель движения человечества, есть прогресс цивилизации — прогресс цивилизации одного уголка мира Европы. Разве не тот ли это фатум европейских народов, как и фатум иудейского народа? Где определение этого прогресса, где доказательства его общности, его полезности? Это — то же верование, к которому необходимо по логике положения должны бы придти историки.

Другая сторона вопроса: свободная воля исторических лиц точно так же бессознательно решена н[овыми] историками в совершенно том же смысле, как и древними. Точно так же для н[овых] историков, как и для древних, весь интерес истории сосредоточивается в деятельности исторических деятелей (хотя их допускается и большее количество) и точно так же деятели эти подлежат осуждению историка по мере того, как их воля совпадает

или не совпадает с известною целью историка, для древних — фатума, для новых[1172] — того отвлечения: Франции, свободы, феодализма, цивилизации — вообще того верования, которое поставлено целью истории.

Взяв примером Наполеона, не говоря уже об историках, как Тьер и противоположный ему Lanfrey, которые изучают деятельность своего героя, смотря по предвзятой мере, осуждая или оправдывая его, историк общий, беспристрастный (как он думает) Гервинус в истории первых 20 лет XIX века главный интерес видит в Наполеоне и прямо осуждает или оправдывает его, говоря, что в таких-то обстоятельствах о[н] должен был то и то-то сделать, и что он был силен тогда только, когда исполнял свое историческое призвание (в историческое призвание это, например, не входит поход 12-го [года]. Тут уж он изменял своему призванию). Гервинусу, стало быть, известно призвание историческое Наполеона. И в деятельности Наполеона он видит выражение истории человечества.

Итак, в теории новые историки отвергают [1173] божественное подчинение народов од-

ному человеку, отвергают подчинение воли этого человека законам божественным, не объясняют нам ни причин подчинения воли народов воле одного, ни законов деятельности этой единичной воли и, вместе с тем, продолжают изучать в истории тех же исторических деятелей и бессознательно для себя (а иногда и сознательно, но противуречиво) признают за собой знание целей движения человечества.

* № 306 (рук. № 99. Начало эпилога).

И выписанный здесь характер ответов, даваемых историей, не только не есть грубая насмешка, но есть самое мягкое изложение того, что говорит история. Для того, чтобы быть точным, к этому изложению надо прибавить еще то, что из той же науки истории оказывается, что Наполеон был[1174] гениальный герой (Тьер) и был пошлый и подлый человек (Lanfrey), что[1175] напрасное [?] восстановление Бурбонов в 13-м году по одним сделано[1176] Александром,[1177] по другим [1178] — Талейраном, по третьим — интригами Бурбонов, по 4 [-м] — всеми вместе. Одним

словом, что сколько историков, столько различных противуречащих мнений как о характерах лиц, так и о причинах событий.

Но как ни странно, что на вопрос о том, почему видоизменялась жизнь миллионов, [1179] история отвечает своими противуречивыми рассуждениями о словах и мыслях десятка лиц.[1180] Но, может быть, действительно мысли и слова этого десятка лиц[1181] производили видоизменения миллионов, [1182] так что, изучая[1183] их, мы[1184] узнаем[1185] видоизменения масс.[1186]

Несмотря на резкое различие между первоначальными героическими историками, описывающими кесар[ей] единственной причиной всех событий, и новейшими историками до Шлоссера, Гервинуса, Бокля даже,[1187] представляющими нам делателями истории не одних кесарей и Наполеонов, но Штейнов, Кантов, Руссо, Лютеров, Кальвинов — все историки одинаково исходят из того положения, что видоизменения масс происходят, или, по крайней мере, единственное возможное их объяснение лежит в деятельности исторических лиц.[1188]

Разница только в том, что первобытные историки признавали одно лицо и п[отому], несмотря на грубость изложения, были последовательнее, новейшие же историки, в особенности Бокль, переставивший вместо царей и генералов в исторические лица цивилизаторов человечества, впадают в невольное противуречие, описывая свободную деятельность нескольких людей, осуждая и оправдывая ее, и вместе с тем признавая ее необходимость.[1189]

Но все историки, как первобытные, так и новейшие[1190] обращают всё свое внимание на делателей истории.[1191]

1) Обнять деятельность масс непосредственно представляется невозможным, тогда как деятельность людей, силой власти или ума повелевающих другими, доступна нам.

2) Признание причины событий вне воли отдельных лиц уничтожает весь нравственный, поучительный смысл истории. История представлялась бы тогда естественной наукой, не представляющей ни образцов, ни добродетели, ни порока, ни мудрости и безумия.

3) С древнейших времен памятники исто-

рии, дошедшие до нас, объясняют народные события волею отдельных людей.

4) Истории обучались прежде одни властелины мира, те самые люди, которые делали историю. Теперь обучаются образованные сословия, те самые, которые теперь делают историю.

5) Признание подчинения[1192] лиц законам движения масс уничтожает понятие о свободе воли и связанных с этим понятием учреждений церкви и государства.

и 6) самое главное. Мы очевидно с тою же несомненной ясностью, с которой мы видим восхождение и захождение солнца, видим, что распоряжения власти производят непосредственно видоизменение в массах.[1193]

Вот причина, на которой основывается взгляд историков на исторических деятелей.

Но как ни сильны эти доводы, в особенности очевидность последнего, сама история в развитии своем, в признании участия большого числа лиц в делании истории, в особенности в новейших историях, где мотивы деятельности этих лиц еще ощутительны, сама история приходит при этом взгляде к такой

неясности и противуречивости результатов, что заставляет сомневаться в основном положении — влиянии[1194] исторических лиц на события истории.

Сама история, разрабатывая до малейших подробностей деятельность исторических лиц, указывает нам на бесчисленные примеры деятельности исторических лиц, вовсе не имеющих последствий или имеющих совершенно противоположные предполагаемым последствия.[1195]

Вся деятельность Наполеона представляется игрою случая. 99 на [100] распоряжений не исполняется; то же, которое исполняется, оказывается непредвиденным. Самая личность этого человека изобличается им самим на острове св. Элены и в особенности историками партии (Lanfrey), и оказывается, что гениальность есть слово, только выдуманное, а что он мелкий плут. То же самое явление неисполнимости предначертаний оказывается и в других делателях истории, признаваемых новой школой. Делатели революции объявляют права человека и тотчас же начинают убивать людей. То же, что вытекает из их дея-

тельности, вытекает случайно.[1196]

То явление, что не все, а только редкие проявления воли великих людей (притом надо принять в расчет свойство людей объяснять невольные поступки свободным выбором) приводятся в исполнение и что великие люди не имеют никакой сверхъестественной силы, как боги в старину, невольно приводят к сомнению о том, они ли делали те события, с которыми совпадала их воля, или не события ли делали их. Не есть ли их приказания о исполнении мнимой воли только наш мираж, подобный тому, который представляет нам берега бегущими, а лодку стоящей на месте? История в своем теперешнем развитии представляет бесчисленное количество подтверждений этого предположения. Исторические явления при этом предположении получают вдруг неожиданный смысл.

Готфрид Булонский и Л. Святой делают крестовые походы, но они делают их после того, как без всякого приказания толпы оборванцев идут на восток под мнимым предводительством Петра. Потом же все мечтания и возвания об освобождении гроба господня

остаются тщетными. Если признать, что причиной крестовых походов было движение масс на восток, объясняется явление успеха походов Готфрида и др. и неуспеха последующих; но тем самым уничтожается весь интерес попыток дальнейших походов от королей, и даже участие королей в успешных походах. При таком предположении причина оказывается в неволе [?] королей, и сборы и предписания королей представляются миражем власти.

[1197] При таком предположении объясняются и все войны Наполеона.

[1198] Хотя[1199] предположение это объясняет много неясного в истории, это только предположение и предположение, противное очевидности. Но предположение о том, что бежит лодка, а не берега, было тоже предположение, противное очевидности. Мы признали: справедливость есть только по сравнению соотношения между берегами и лодкой. Лодка подвижнее и меньше берегов, потому двигается она, а не берега.

Посмотрим на соотношение власти исторических деятелей к массам.

Что удобнее допустить: то ли, что событие, в котором принимают участие 100 000 людей, вытекает из воли одного человека, или то, что мы называем волей, из ее бытия, в к[ото-ром] принимают участие миллионы?

Очевидно, что легче допустить то, что [1200] воля одного руководящего другими есть только мираж и что один зависит от воли миллионов, чем наоборот; но тут являются два сильные возражения: во-первых, то, что люди эти — ист[орические] д[еятели] — признаются историками гениями, существами особенными, и, во-вторых, то, что мы очевидно узнали, что приказание, распоряжение, объявление предшествует движению масс.

На последнее возражение мы должны обратить внимание на свойство людей — из двух одновременных явлений принимать одно за причину, другое за следствие, и что в этом признании одного причиной, другого следствием лежит одна из главных причин человеческих заблуждений. Приказание, объявление, распоряжение власти,[1201] когда оно имеет быть исполнено, происходит всегда одновременно с совершением того собы-

тия, о котором приказывается. В противном же случае оно остается без исполнения. Так что увидеть очевидно обман наш мы никогда не можем. Другое же возражение о гениях уже давно уничтожено историей. Нет лица исторического, которое не было бы представлено и героем, и злодеем, и дураком, и умным. Самые же свойства деятельности дел[ателей] ист[ории] доказывают нам невозможность их влияния на массы. Ист[орические] дел[атели] суть преимущественно цари, воспитанные в предрассудках и во время деятельности находящиеся под влиянием власти, т. е. столкновении с толпою. Кроме того, окружены самыми несвободными людьми. Массы же состоят и[з] наисвободнейших людей низшего сословия.

И потому влияние одного несвободного человека на миллионы допустить невозможно. Это есть мираж.

[1202] Кроме того,[1203] допуская, что свободная воля одного действует на миллионы, мы этим самым допускаем несвободу[1204] масс.

[1205] Но, несмотря на неизбежность этого

вывода, история новейшая, хотя и делает уступки этому взгляду, не допускает его со всеми его последствиями. Новейшая история делает компромисс между[1206] тем и другим взглядом. Она говорит, что[1207] ист[орическое] л[ицо] б[ыло] человеком своего времени, было необходимо, что в событ[ии] участвовали многие лица; но новейшая история все-таки весь интерес истории видит в деятельности исторических лиц и осуждает и опровергает их, смотря по предвзятому взгляду на историю.

Наполеон, например, был силен, пока он исполнял свое историческое призвание, — говорит Гервинус. Наполеон был силен, пока не обижал Бурбонов, — говорит легитимист. Наполеон б[ыл] силен, пока он понимал, что выгоды его в союзе с Пруссией, — говорит Тьер.
[1208]

* № 307 (рук. № 100. Эпилог, ч. 1, гл. I–XVI).
[1209]

Эпилог

Прошло 7 лет. Те таинственные силы (таинственные потому, что законы, определяю-

щие их, неизвестны нам), силы продолжали свое действие, непрерывно движась, слагались, разлагались государства, подготавливались причины разложения, перемещения, передвижения народов, наравне с матерьяльным движением народов двигалась мысль человеческая, разнообразно направленная, но всегда совпадающая с матерьяльным движением народов, и одновременно с общим движением происходило то частное[1210] движение[1211] личности, имеющее свою личную цель, всегда совпадающую с целью общею.[1212] Как каждое[1213] солнце и каждый атом, эфир есть шар, законченный в самом себе и вместе с тем только атом недоступного человеку по огромности целого, так и каждая личность[1214] носит несомненно в самой себе свои цели[1215] и между тем носит их только для того, чтобы служить целям общим.

Пчела собирает пыль цветов для себя. Это несомненно — так смотрит она сама на себя. [1216] Она собирает эту пыль для своей семьи, для своего рода. Так смотрит улей.[1217]

Она собирает ее для того, чтобы выкор-

мить работниц, собирающих мед. — Так смотрит пчеловод.

Она собирает эту пыль для того, чтобы снести ее и обронить в пестик закрытых цветов, чтобы оплодотворить их. Так смотрит садовод-ботаник.

Она собирает эту пыль для того, чтобы содействовать переселению растения. — Так смотрит естествоиспытатель.

Она собирает эту пыль для того, чтобы исполнить свое назначение — так смотрит мыслящий и верующий человек. И назначение ее не исчерпывается ни ее целью, ни тою, которую в состоянии открыть ум человеческий. Чем выше поднимается ум человеческий в открытии этих целей, тем[1218] очевиднее для него недоступность конечной цели. То же и с[1219] целями личностей и народов.

В 1819 году Россия, высшее управление Россией, находилось в полном разгаре реакции, мистицизма, обскурантизма и т. п., как нам говорят историки того времени, вероятно полагая сказать что-нибудь этими словами, и те же историки говорят нам, что виною тому

было мистическое настроение императора. И историки жестоко, настолько, насколько позволяет то приличие, обвиняют во всем Александра I-го.

Историки эти, занимаясь писанием статей и книг, по столько-то за лист, или чтением в учебных заведениях, по столько-то за час, [1220] не забывают (потому что они не могут и представить себе), но не могут понять того [1221] положения, в котором был Александр с начала своего царствования и до [1222] 20 года. Они не могут [понять] всего того, что должен был испытывать последние года этот человек, чувствуя на себе как бы непрерывно сосредоточение всех тех бесчисленных лучей высшей власти человеческой. Они не могут понять того непрерывного, сильнейшего в мире, давления на личность высшей власти, не имеющей себе равной, и связанных с ней искушений. То неизбежное смирение и отрешение от себя, к которым <должен был придти> после унижений и борьбы, неожиданно вынесенный на вершину высшей возможной власти, которую [1223] испытал Александр, представляется им ошибкой [1224] и

виною.[1225]

Наполеон, побежденный, униженный, должен был мечтать на острове Святой Элены о том благе,[1226] которое бы он дал человечеству посредством власти; но Александру, стоявшему наверху этой власти и чувствующему бессильность ее, нельзя было не придти к признанию в бессильности личности. Ежели может быть заслуга личная, то Александр в высшей степени имел ее именно в том, за что упрекают его. Они последовательны, приписывая ему заслугу спасения России и вину последующего направления, но так же последователен и тот, кто будет упрекать его в том, что он сжег богатый дом в Москве.

Пчела прилетела в улей с пылью цветка для корма молодых. — Это хорошая пчела, — говорит тот, который имеет в виду благо детенышей. Пчела залетела с пылью огурца на цветы в мои парники и, перелетев на пестик женского цветка, оплодотворила его. — Это хорошая пчела, — говорит огородник. Пчела занесена бурей на репейник и оплодотворила его в моем саду. Это — дурная пчела, она виновата.

Александр виноват за то, что он поощрял мистицизм Крюднер, Библейское общество, аракчеевщину, за то, что не покровительствовал университетам и раскассировал Семеновский полк. Но Александр никогда не был той, сделанной человеком, машиной, которая должна шить, молотить или пилить то именно, что вам нужно, как скоро вы вертите колесо. Александр был человек живой, как и мы с вами — с своими личными целями, достижение которых совпадало с целями общими. [1227] Нам не нравится то, что пчела занесла в наш сад репейник.[1228] Это очень неприятно, но пчела не может быть виновата в этом.

Ни на каком роде личностей не познается так осязательно и очевидно тот закон совпадения личных стремлений с жизнью общей, как на личностях царей. Они суть фокус[1229] наибольшего числа лучей человеческой деятельности и потому значение их в общем ходе событий — видней для нашего слабого умственного глаза.

Кто сделал Александра тем, что он был — нежным, восприимчивым и склонным к отвлеченной деятельности мысли, поставив его

на вершину власти? Кто дал ему его мать, отца, воспитателя Лагарпа, все те бесчисленные влияния, которые сделали из него то, что он был? Кто заставил его жить во времена революции, Наполеона? Кто сделал, что во всех наступательных, честолюбивых войнах он был унижен и что он неожиданно ([1230] 2 сентября 1812) стал вдруг на вершину власти не в условиях завоевателя, как Наполеон, А[лександр] М[акедонский], а в условиях примирителя? Кто [1231] заставил думать Экартсгаузена, Сведенборга, кто послал г-жу Криднер именно в то самое время, когда она одна могла дать ответы на вопросы, поднятые в душе Александра? Кто сделал Аракчеева, заставил его угодить Павлу и уже в силе, готовым орудием успокоения, передал его в руки Александру? Кто сделал А[дама] Ч[арторижского] другом юности, кто сделал направление Семеновского полка — возмущение, кто пригнал так, чтобы курьер опоздал? и т. д. и т. д.

Но, положим, Александр мог сделать всё иначе. Он мог по предписанию тех, которые обвиняют его, тех, которые професируют знание цели, к которой идет человечество, рас-

порядиться по той программе прогресса (другой, кажется, нет), которую бы ему дали теперешние обвинители. В чем бы состояла эта программа? Надеюсь, что, кроме сумасшедших и детей, никто не признает составления такой программы, а вместе — осуждение всякого действия Александра и его людей включает в себя эту программу. Но, положим, и эта программа была бы возможна и составлена, и Александр действовал бы по ней. Что же бы случилось тогда с деятельностью всех тех людей, которые противудействовали тогдашнему направлению правительства — деятельностью, которая, по мнению историков, хороша и полезна? Деятельности этой бы не было, жизни бы не было. Ничего бы не было. Допустив раз, что жизнь человеческая может управляться разумом, уничтожается возможность жизни.

Обвинять Александра или кого бы то ни было — значит обвинять пчелу, залетевшую с репейником в мой сад. Не обвинять можем мы исторических деятелей, т. е. личности, [1232] стоящие в фокусе света и ясно видимые нам, — не оправдывать их можем мы; а мы

можем смотреть и должны на них, и из фокуса света изучать лучи, соединяющиеся в нем. Для человека, умеющего смотреть,[1233] деятельность Александра за последние года его царствования для разума представляется ни [1234] полезной, ни бесполезной и вредной, а в высшей степени поучительной по своей необходимости.[1235] Ежели деятельность эта может не нравиться кому-нибудь, то она не нравится только вследствие несовпадения ее с моим, более или менее общим пониманием того, что есть благо. Представляется ли мне благом сохранение моего дома в Москве или распространение известного рода просвещения, *прогресса* в России — я должен признать, что деятельность эта имела еще другие, еще более общие цели. Для чувства же фигура эта — Александра I от 1815 до конца его царствования — представляется в высшей степени трогательной и величественной.

2

[1236] Зимой 1820 года Наташа — жена Пьера Безухова,[1237] гостила со всем семейством в имении своего брата. Имение это были заново после разоренья отстроенные Лы-

сые Горы, взятые Николаем в приданое за княжной Марьей.

Наташа[1238] весной 1813 года вышла замуж за Пьера Безухова, который[1239] жил [1240] в Ярославле всё время пребывания там Ростовых и с ними вместе вернулся в очищенную Москву, где по настоянию княжны Марьи он сделал предложение и был принят.

В тот же год, совершенно разоренный, но не знающий все-таки этого, старый граф Илья Андреевич умер от[1241] воспаления желудка, оставив долгов вдвое больше, чем стоило всё его состояние. Последний год своей жизни старый граф поражал всех, знавших его, своей в одно и то же время опущенностью, грустью, обиженностью и вместе с тем детской предприимчивостью. Он занимал деньги везде, где мог, и затевал огромные постройки на пепелище Московского дома. Он очевидно [1242] чувствовал, что затеваемое им невозможно, что время его прошло, что надобно было иначе жить; но он не мог изменить и шел по прежней дороге. Именно на рубеже той черты, где он мог потерять уважение людей, знавших его, именно тогда, когда страш-

но было думать, что с ним будет — он заболел и умер, смертью своей покрыв всё.

Nicolas был в Париже, когда пришло известие о кончине отца. Когда он приехал в Москву, положение дел уже обозначилось: долгов было вдвое более, чем имения. Противно советам всех родственников и друзей (графиня ничего не советовала — не желала. Смерть мужа лишила ее способности понимать положение дел), Nicolas решился принять наследство и не выходить в отставку никогда с тем, чтобы не быть посаженным в яму, и[1243] употребить все силы для того, чтобы заплатить долги.[1244] Он занял у зятя Безухова большую сумму и заплатил самые прямые долги, уплату же других отложив до более благоприятных обстоятельств, поселился на маленькой бедной квартире с матерью и Соней. В это время княжна Марья приехала в Москву, и Nicolas, открыв ей положение своих дел,[1245] сделал ей предложение и был принят.[1246]

Это было в конце 1813 года, и с того времени Nicolas с женою, матерью, Соней, М-ле Bourienne, Николинькой Болконским и Деса-

лем, его воспитателем, поселился в Лысых Горах, ревностно занимаясь хозяйством. В четыре года он, не продавая имения жены, уплатил часть долгов и, получив неожиданное наследство от кузины, уплатил последние и всю часть наследства предоставил Пете, продолжавшему служить в военной службе.

В 7 лет, прошедшие со времени его женитьбы, Nicolas устроил так свои дела, что считался одним из богатых людей губернии и, главное, считался одним из самых дельных хозяев. Он не увлекался теми нововведениями, в особенности английскими, которые входили тогда в моду, смеялся над всеми теоретическими сочинениями о хозяйстве, но имел в высшей степени тот такт хозяйства, который нужен всегда и в особенности был нужен в то время. Главным предметом хозяйства всегда был и будет, и тогда в особенности был, не азот и кислород, находящийся в почве, не особенный плуг и назем, а тот человек, через посредство которого действует хозяин, — то есть работник — тогда крепостной мужик. Ежели бы у Nicolas спросили, в чем состояла его, принесшая столь блестящие ре-

результаты, теория хозяйства, он не сумел бы сказать; но все действия его показывали, что он знал, что вся сила в мужике. Ему показал это и здравый смысл и еще больше чувство, потому что, наказывая, отдавая в солдаты, заставляя их изо дня в день работать, он любил этих мужиков той сильной непоколебимой любовью, которой любят только свое. Всё искусство Nicolas, приносившее такие необыкновенные результаты, состояло только в том, что он любил мужика (так любил, что княжна Марья ревновала его только к конторе, [1247] к бурмистру) и этой любовью [1248] близко угадал то, что нужно было для [1249] его людей. Он знал, что для мужика есть справедливость, что есть радость, что — сила, что — богатство. Покупая или принимая в управление имение, Nicolas каким-то даром прозрения сразу назначал бурм[истром], ст[аростой], выборн[ым] тех людей, которые могли быть уважаемы. Прежде чем исследовать количество навоза, дебет и кредит (как он любил насмешливо говорить), он узнавал количество скота, лошадей у крестьян и [1250] увеличивал это количество всеми возможными

ми средствами. Семьи крестьянские он поддерживал в самых больших размерах, не позволяя делиться. Землю [?] он выдавал крестьянам лучшего качества. Он строил церкви, но зато он знал и казнил ленивых, строго наказывал за пьянство и разврат. Он был строг, но справедлив, — так говорили про него мужики. Сам он управлял всегда издалека, не доходя до мелочных подробностей, поэтому не мешая общему делу своей личностью, и сам представлял пример деятельности и чистоты нравов.

Он любил мужиков и потому усвоил себе этот прием хозяйства, общий тогда большинству хороших русских помещиков. Но он бы считал за мечтателя того, кто сказал бы ему, что он — добродетельный помещик, забот[ящийся] о благе своих подданных.

— Избави господи, — говорил он Пьеру, хотевшему ему внушить его добродетель. — Мне черт их возьми всех этих п..... Мне нужно, чтоб мои дети не пошли по миру, мне надо устроить мое состояние, пока я жив, вот и всё. А для этого нужен порядок, строгость, вот что, — говорил он, сжимая свой сангвиниче-

ский кулак. — И справедливость, разумеется, — прибавлял он, — потому что все мы отдадим ответ богу.

И должно быть потому, что Nicolas не позволял себе мысли о том, что он делает что-нибудь для других, для блага, то, что он делал, было плодотворно, и в нем была такая твердая уверенность, что, действуя так, как он действует, он действует хорошо, что эта уверенность невольно передавалась другим.

В дворянском обществе он был любим и уважаем и принимал живое участие в делах дворянства, крича на собраниях, давая обеды и стараясь руководить выборами. Ему предлагали баллотироваться в предводители — губернские и уездные, но он отказывался за недостатком времени.

Время его проходило в занятиях по хозяйству.[1251] Только осенью он с той же деловой серьезностью, с которой он занимался хозяйством, занимался охотой.

Усадьба Лысые Горы была вновь отстроена, но вовсе не на ту ногу, на которой она была при покойном князе. Постройки, начатые во времена нужды, были более чем просты.

Дом на старом каменном фундаменте был огромный деревянный, который Nicolas всякий год сбирался и откладывал оштукатурить. Внутри большой поместительный дом, с некрашенными досчатыми полами, был меблирован самыми простыми жесткими диванами, креслами, столами и стульями, работы своих столяров из своего леса.[1252]

Но дом был поместительный, полный дворни, с отделениями для приезжих. Гостеприимство Лысогорского дома было таково, что многие семьями, на своих 16 лошадях, с 10 слугами приезжали и жили месяцами у графов Ростовых и, кроме того, 4 раза в год в именины и рождения хозяев съезжалось до 100 человек гостей на один и два дня. Остальное время года шла ненарушимо-правильная семейная жизнь (гости, живущие месяцами, не нарушали ее), с обычными чаями, завтраками, обедами, ужинами из домашней провизии. Но не было тех гостей, которые неожиданно бы приезжали в середине рабочего дня.

Было 5 декабря 1820 года. Дом Ростовых в Лысых Горах был полон гостей, съехавшихся к именинам графа. В числе их был[1253]

<Вас[илий]> Денисов — отставной генерал и Наташа, гостившая с своими детьми и мужем с начала осени у брата. Пьер был в Петербурге, куда он поехал по своим особенным делам, как он говорил, на три недели и где он теперь уж проживал 7-ю. Его ждали каждую минуту.

У Николая было уже трое детей: старший мальчик Андрюша в память дяди, вторая дочь Наташа — любимица отца и меньшей — любимец матери Николинька. Графиня Марья была беременна 4-м.

Дом был полон гостей, но еще до 6-го числа, дня торжества, в который он снимет бешмет[1254] и наденет сюртук и с узкими носками узкие сапоги и поедет в новую церковь, построенную им, и потом будет принимать поздравления и предлагать закуски, и говорить о дворянских выборах и урожае, Nicolas еще считал себя вправе провести канун этого дня обычно.[1255] До обеда Николай проверил счета бурмистра из Богучарова по имени племянника жены, которого он был опекун, прошел по усадьбе, исправив несколько неисправностей и, приняв меры против ожидаемого на завтра по случаю престола празд-

ника, он пришел к обеду и, не успев глаз на глаз переговорить с женой, сел за длинный [1256] стол в 30[1257] с чем-то приборов, за которым собрались все домашние. За столом были: мать, ее старушка, жена, трое детей, гувернер, гувернантка, племянников гувернер, [1258] M-lle Bourienne, Соня, прижившаяся, как кошка, к дому и баловавшая детей,[1259] Денисов, Наташа, ее трое детей, гувернантка, Михаил Иванович — 5 человек домочадцев и 10 гостей.

Княжна Марья сидела на противоположном конце, и лицо ее неприятно было мужу без всякой видимой причины. Всё, что она ни говорила, мужу казалось что-то неловкое и неестественное. В тоне, которым он отвечал ей, графиня Марья слышала верно присутствие этого неудовольствия и сама чувствовала, что ее речи были неестественны. «Как досадно, мне Соня пометала переговорить с ним», думала она. «За что он сердится?».[1260]

Разговор не умолкал за обедом благодаря Денисову. Но, когда вышли из-за стола и пришли благодарить старую графиню, графиня Марья поцеловала, подставив свою руку му-

жу, и спросила, не сердится ли он на нее.

— У тебя всегда странные мысли — ни крошечки.

Но слово *всегда* отвечало графине Марье: «Да, сержусь и не хочу сказать».

Николай жил с своей женой так хорошо, что даже Соня и старая графиня не могли найти предлога для упрека, но им одним было известно то, что совершалось между ними. Иногда после самых счастливых, любовных, искренних, не всегда продолжающихся периодов на них находило вдруг чувство отчужденности и враждебности, в особенности со стороны Nicolas. Это чувство являлось чаще всего во времена беременности графини Марьи. Теперь они находились в этом периоде.

[*Далее от слов:* Ну, messieurs et mesdames, *кончая:* Соня всегда была первым предлогом, который избирала графиня Марья для своего раздражения *близко к печатному тексту.* Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. IX.]

Но она только в душе избирала этот предлог, на словах и в обращении она ни с кем не была так нежна, как с Соней, именно потому, что она чувствовала себя[1261] склонной

быть с ней несправедливой. Она первая пригласила Сою жить в своем доме, настояла на этом, была с ней на ты и называла ее сестрою.

[Далее от слов: Посидев с гостями кончая: дети, которых надо было носить, рожать, кормить, воспитывать *близко к печатному тексту*. Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. IX, X.]

Наташа жила в таком отсталом веке и была так *недоразвита*, что ей простится то, что чем больше она вникала, не умом, а всей душой, всем существом своим в занимавший ее предмет, тем более предмет этот разрастался под ее вниманием и[1262] тем слабее и ничтожнее казались ей ее силы, так что она все сосредоточивала их на одно и то же и не успевала делать другое, что требовали от нее. Наташа не любила общество вообще, но она тем более дорожила обществом родных — графини Марьи, брата и матери (с которой она теперь была особенно нежна, чувствуя перед ней свои вины).[1263] Она дорожила обществом тех людей, к которым она, растрепанная, в халате, могла выдти большими шагами из детской и с радостным лицом показать пеленку с желтым вместо зеленого пятна и вы-

слушать утешения о том, что теперь Лизаньке гораздо лучше, или тех людей, как Nicolas, с которым она, уложив спать детей, могла часок поговорить задумчиво о прошедшем, и тех, как графиня Марья, с которой она могла посмеяться над чудачеством и рассеянностью мужа, зная, что за этим смехом та же, хотя не по силе, но по направлению та же любовь и уважение к ее Пьеру.

Наташа до такой степени опустилась, что ее костюмы, ее прическа, ее невпопад сказанные слова чужим, ее ревность — она ревновала к Соне, к M-De Bourienne — были обычным предметом шуток всех ее близких.[1264] Общее мнение было то, что Пьер был под башмаком своей супруги, и действительно это было так. С самых первых дней их супружества Наташа заявила свои требования. Пьер удивился очень этому, совершенно новому для него, воззрению жены, был польщен этим и подчинился. И в этой подвластности Пьер нашел для себя новые силы. Вместо езды по клубам и обедам он сидел дома и работал. Он за эти 7 лет женитьбы перечитал огромное количество книг, приобрел огромное количе-

ство новых знаний и избрал своею специальностью социальные науки вообще и в особенности новую, зарождающуюся тогда науку — политическую экономию.

[Далее от слов: Подвластность Пьера заключалась в том, что он не смел, кончая: Так приезд Пьера было радостное важное событие и таким оно отразилось на всех[1265] близко к печатному тексту. Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. XI и XII.] Скрытные [?] подразделения миров в доме Nicolas были следующие: 1) мир слуг, 2) детских: няnek, кормилиц, детей маленьких, 3) мир гувернанток и больших детей, 4) мир Николиньки 15-летнего, Десаля и русского учителя, 5) мир гостей, 6) мир взрослых: Nicolas, графини Марьи, Наташи, Сони, 8) мир старушек: графини, Беловой и др.[1266]

[Далее от слов: С точки зрения слуг, вернейших судей наших кончая: радостно покоряться ей и сдерживать себя для этого дорогого отжившего существа близко к печатному тексту. Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. XII.]

Только вследствие таких невыраженных, но сложных мыслей, возбуждаемых в людях беспомощностью и бессмысленностью [?] и

старости и детства своих близких, сросшихся с собою, и происходит то странное явление, что человек бывает человеком вполне, как бы он мало ни был развит, только в семье и что мы видим людей, прочитавших все книги и изучивших все науки, рассуждающих о неразрешимом вопросе брака и тому подобных вздорах, показывающих, что люди эти лишены были развивающего влияния семьи и потому, [1267] зная все науки, не знают того, что́ есть человек и какие условия его жизни.

Большие все-таки уважали и любили ее. Только маленькие дети не понимали ее и чуждались ее ласок.

[Далее от слов: Когда Пьер с женою пришли в гостиную кончая: Говоря это, Наташа признавалась искренно в том, что она видит превосходство Мари, но вместе с тем она, говоря это, вызывала Пьера на то, чтобы он искал, не найдет ли он в ней, в Наташе, тех преимуществ, которые бы хоть немного замещали преимущества Мари и которых она в себе не находила [1268] *близко к печатному тексту*. Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. XIII–XVI.]

Пьер [1269] рассказывал про свою петер-

бургскую поездку и рассказом о том высказывал в одно и то же время и то свое участие и значение в деле общества, которым он был доволен, но [о] котором он из скромности не говорил при других, но о котором он не мог не говорить при жене, как не мог сам себе не дать отчета; и вместе с тем он рассказами о своих действиях в Петербурге ответил Наташе на тот вопрос, который он видел в ее глазах: не говорил ли он там, улыбаясь и с удовольствием, с какой-нибудь женщиной. Говоря о том, как он во всё время был увлечен и занят, он этим отвечал ей на этот вопрос — отрицательно.

— Мари — это такая прелесть, — говорила Наташа, вопросительно и робко глядя на мужа. — Как она умеет понимать детей. Она как будто только душу их видит. Вчера, например, Митинька стал капризничать (Наташа рассказала, как Мари хорошо поступила). Я не могу. Я чувствую, что я всё в пленках. Особенно без тебя. И не могу. Ты знаешь, я думала, какая разница между мной и Мари. Мы раз договорились с ней. Для нее дети — всё. А для меня — муж. Я всех их брошу для тебя, а

она нет. Ах, у Лизы два зубка, я тебе и не сказала.

Пьер[1270] поцеловал ее руку, отвечая на первый вопрос, чем она лучше Мари. И Наташа поняла, что ответ состоял в следующем: тем, что я люблю тебя больше всего в мире. На другой вопрос, хорошо ли, что Мари вся в детях, а она вся в муже, он отвечал тем, что стал говорить про свой спор с Nicolas и про ту разницу, которая была между ними. (Наташа поняла, что разница характеров ни от кого не зависит и что могут быть различные в мнениях одинаково хорошие люди.)

[Далее от слов: — Для Nicolas, — говорил Пьер, — мысли, рассужденья есть забава кончая: А отец? Я люблю их. И я сделаю, что бы они ни говорили *близко к печатному тексту*. Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. XVI.]

* № 308 (рук. № 101. Эпилог, ч. 1, гл. III, IV).
[1271]

[1272] Люди, идущие таким образом с огнем и мечом с запада на восток, все люди, т. е. ненавидящие зло, любящие ближних, люди, недавно еще объявившие права человека, бо-

лее всего этого — все эти люди христиане, но люди эти, миллионы, идут без причины убивать своих ближних.

[1273] Какие это люди, что побуждает их? Огромная масса этих людей — солдаты, не понимающие, зачем и что они делают.

Каким образом солдаты, русские и франц[узские], резали друг друга, не изменяя своей человеческой природе?[1274] понятно. Солдата[1275] отдали в рекруты, школили, приучили его и бросили в то положение, в котором он должен бить или быть убитым. И солдат, не изменяя своему человеческому достоинству, убивает с спокойной совестью. Зачем и хорошо ли, то знают офицеры и те, которые им приказывают. И этих людей, стоящих на низшей степени власти, самое большое число. Это — основание пирамиды. Офицеры, люди среднего сословия,[1276] хотя и отдадут себе[1277] более отчет в причинах, побуждающих их к деятельности, в неразрешимых трудных вопросах ссылаются на высшие власти, которые знают, зачем всё делается. Этих меньше число против первых. Итак, уменьшаясь в диаметре числа и возвышаясь

в знании целей, идет эта пирамида людской деятельности до своей вершины — представителя высшей власти. Дипломат, объявляющий войны, главнокомандующий, отдающий приказ сражения, стоящие близко к вершине пирамиды, еще имеют оправдание в воле государя, но государь, составляющий бесконечно малую точку, вершину, уже не имеет этого оправдания. Каким образом приготавливаются эти люди, которые для исполнения целей истории должны быть на время исполнения лишены всего человеческого — вот в чем интерес изучения этих личностей.[1278]

Основной существенный смысл войн начала нынешнего столетия есть движение злодейское с запада на восток и потом с востока на запад. Первым зачинщиком движения было движение с запада на восток. Что нужно было для человека, стоящего во главе этого движения?

Отсутствие преданий, связей, суеверий, презрение к людям, любовь к фразе (называемой славой), несомненная смелая лживость, яркие умственные способности, затемненные безумием самообожания,[1279] и совершен-

ное отсутствие чувства красоты и правды. И все эти необходимые способности являются в нужном человеке в нужную минуту.

Человек[1280] без имени, даже не француз, вдруг самыми ничтожными случайностями выдвигается на видное место в то смутное время жизни французского народа. Бесчисленные случайности, которые описывают даже его хвалители, выдвигают его (имеющего ни больше, ни меньше достоинств, чем 1000 таких людей во Франции) во главу армии и первые успехи его основаны на[1281] войнах с войсками, не дерущимися и сдающимися при первой возможности. Война в Египте — бессмысленная жестокость и не могущая представлять какой-нибудь заслуги, благодаря смелости лжи, с к[оторой] человек этот описывает ее, приобретает ему еще большую славу.

В Париж он попадает в минуту разложения Директории. Его вталкивают в заседание директоров. Он, испуганный, хочет бежать. Но директора бегут прежде его. И он консул, император. Какая-то судьба сводит его со всеми коронованными лицами Европы, с папой,

и опыт личного знания этих людей только увеличивает его презрение к ним. Из милости он прощает того папу, перед которым ползали императоры, из милости принимает в свое ложе дочь императора и, чем больше возвышается его власть, тем упорнее всё, что только есть подлого, жметя вокруг него и заслоняет от него созерцание настоящего мира. Как бы примериваясь и приготавливаясь к предстоящему движению, та сила, которая волновала Францию, теперь, получив направление, стремится к востоку и возвращается нарастая и окрепчая. И вместе с силой приготавливается человек, который станет во главе этого движения. Всё совершается для того, чтобы лишить его последней силы разума и вложить в него бессмысленное стремление на восток, на Москву, наказать того человека, которого он узнал в Тильзите и к которому получил то же презрение.

И в одно и то же время готовы силы и готов человек.

Страшное нашествие стремится на восток, достигает конечной цели — Москвы.[1282]

Поднимается новая, неведомая никому си-

ла — народ, и нашествие гибнет.

Казалось бы, роль человека, стоявшего на вершине нашествия, кончена; но он еще нужен, и провидение бережет его и ореол, окружающий его и скрывающий его ничтожество и бедность.

Новое лицо, бездействовавшее во время действия сил народа, является на вершине другой пирамиды — движения с востока на запад.

И всё, что нужно для того человека, который бы, заслоняя других, стоял во главе этого движения, всё это соединяет в себе Александр — всё это подготовлено в нем, по бесчисленным случайностям, всей его прошедшей жизнью. Нужно участие к делам Европы, но отдаленное, не затемненное личными интересами, нужно преобладание высоты нравственной, нужна кроткая, уступчивая и привлекательная личность, нужно личное оскорбление против Наполеона, — и всё это есть в Александре, всё это подготовлено и воспитанием, и либеральными начинаниями, и окружающими советниками, и Аустерлицем, и Тильзитом, и Эрфуртом,

С Александром на вершине[1283] совершается противудвижение с Востока на Запад с замечательной симметрией линии движения: те же попытки движения с Востока на Запад, каким предшествовало движение с Запада на Восток, то же приставание срединных народов к движению, то же колебание в середине пути и та же быстрота приближения к цели. То же отсутствие главы, как скоро движение достигает цели. Париж, крайняя цель, достигнута. Наполеон отрекается от престола, и ему и всем кажется, что роль его кончена. Но[1284] человека, которого 5 лет тому назад и год после считали разбойником, вне закона, посылают в два дня переезда от Франции на остров, отдаваемый ему во владение, с гвардией и миллионами французов, которые платят ему за что-то, как будто готовят его на ту роль, которую еще должен сыграть этот человек в истории народов.

Движение народов начинает укладываться в свои берега. Александр, стоя на вершине власти, как будто руководит этим[1285] укладыванием. Но как движение с Запада на Восток и с Востока на Запад имело предшество-

ющие движения, так точно оно должно было иметь и последующие движения.

Устройство разрушенного внешнего порядка требовало еще нового отплеска войн. И вдруг среди усложняющихся затруднений совершается неслыханное, необъяснимое событие.[1286] Совершается вдруг бессмысленное событие. Человек, опустошивший Францию, один, без заговора, без солдат, приходит во Францию, ожидая, что первый сторож возьмет его; но никто не берет его, и невидимая рука <Распорядителя> приводит его на трон и приказывает играть <ему> в необходимом отплеске противудвижения короткую и последнюю роль.

Роль сыграна, и[1287] как будто[1288] актеру, которому до сих пор не велено было раздеваться, чтобы выступить в данный момент после известной реплики, как будто теперь актеру этому велено окончательно раздеться и смыть сурьму и румяны. Он больше не понадобится.[1289] И проходят несколько лет в том, что этот актер-император пишет свои записки и показывает всему миру, что такое было то, что люди принимали за силу, когда

невидимая рука водила им. Распорядитель, окончив драму, раздев актера, показал нам его:

— Смотрите, чему вы верили. Вот он! Видите ли вы теперь, что не он, а я водил вами, — но люди не поняли этого.[1290]

Другое, еще более поучительное зрелище представляет другой человек, при падении Наполеона ставший на вершину власти.

Александр, умиротворитель Европы, человек, с молодых лет стремившийся только к добру и к благу своих народов, первый зачинщик либеральных нововведений в своем отечестве, человек этот, став на вершину возможной власти, вдруг с отвращением отворачивается от нее, передает ее в руки презираемых им и презренных людей и говорит только: Я человек тоже, как и вы, оставьте меня жить, как человека, думать о своей душе и о боге.

Прошло 7 лет. Актер раздет и гадок. Вот он, видите.

Другой деятель — Александр, все чистое, честное, благородное — отворачивается. Видит, что власть делается из ничего (глядя на

Наполеона). И видит, что власть есть противное[1291] свободе. Он ненавидит ее. Но нет, в Наполеоне видим героя, чтобы скрыть свой стыд, что покорялись ему, жалели, что он не м[ог] сделать всего, что хочет.[1292] В Александре видели[1293] благод[етеля], когда он был слепым орудием, и злодея, когда он стал человеком.

* № 309 (рук. № 101. Эпilog, ч. 2, гл. I).[1294]
[1295] С 1812 и по 1815 год происходят в Европе[1296] поразительные события.

Историки рассказывают нам про них. Нам рассказывают, как в 1813 году император Александр влиянием своей личности, с помощью советов Штейна и других, соединяет Европу для ополчения против нарушителя ее спокойствия и ведет это ополчение против собравшего новые силы Наполеона, побеждает его, вступает в Париж, заставляет Наполеона отречься от престола, ссылает его на остров Эльбу и дает мир Франции и Европе. С другой стороны, про этот период истории нам рассказывают про силу духа, величие, гениальность императора Наполеона, про самопо-

жертвование, с которым он для блага отечества, проливая слезы перед старой гвардией, отрекается от престола и едет в изгнание. Потом нам рассказывают, как искусные государственные люди и дипломаты (в особенности Талейран, успевший сесть прежде других на известное кресло, тем увеличив границы Франции), как государственные люди, разговаривая в Вене, этим самым делают счастливыми и несчастливыми народы. Потом рассказывают нам про волшебную гениальность того же Наполеона, с одним батальоном приезжающим во Францию и овладевающим властью только посредством своих разговоров и манер, и опять ополчение народов, и гениальность Веллингтона, и ошибок[и] Блюхера, и великодушные, твердость духа императора Александра. Потом описывают нам доверчивость великого человека, поручившего себя великодушию Англии, и злоупотребление этой доверчивости и, наконец, величие изгнанника, разлученного с милыми сердцу и с [1297] любимой им Францией, умирающего [1298] на скале медленной смертью и передающего[1299] свои великие деяния потомству.

Потом описывают нам опять разговоры государственных людей на конгрессах, где от того, что и как скажет какой-нибудь очень хитрый дипломат — зависят судьбы миллионов. И наконец, описывают нам самого императора Александра, великодушного виновника умиротворения Европы,[1300] вдруг после полного торжества либеральных начал, которым он служил с начала царствования, поворотившим на противоположную сторону строгости, презрения к людям и деспотизма.[1301]

Как ни привычно это описание для человека мыслящего, углубившись в смысл явлений, на каждом шагу в этом описании представляются странные неразрешимые вопросы и относящиеся к самой сущности дела.

[1302] Для чего Наполеон пошел в Россию?

Для чего Александр, когда Россия была освобождена, пошел во Францию? Почему Наполеон, прежде побеждавший, не побеждал более? Почему император[1303] австр[ийский], тесть Наполеона, воевавший против Александра, теперь соединился с ним? Для чего, прийдя в Париж в 14-м году,[1304] не взяли Наполеона и не признали его генералом Бо-

напарте, каким признавали его 5 лет тому назад и полтора года после, а императором послали его на Эльбу? Почему Александр, имевший и власть и народное честолюбие, ничего не выговорил для России на конгрессе, а больше всех выговорил, сев на известный стул, Талейран, представитель побежденных? Другие были бы границы Франции, ежели NN не сказал таких и таких-то слов? Наконец, самое непостижимое:[1305] каким образом Наполеон, ненавидимый, свергнутый разоренным им народом, приходит один во Францию, так что каждый сторож может взять его, и Ней, отрекшийся от него год тому назад, скачущие против него передаются ему, и он приходит в Париж не только царствовать, но также воевать? Если это сделали ошибки Бурбонов, то почему Бурбоны делали такие ошибки, а потом уже их не делали? Почему Наполеон отдался не императору Александру, а англичанам? Почему англичане не спасли его, те, которые хотели этого? Почему с этого времени всё те же попытки Наполеона поддержать свое величие делаются тщетными? Почему записки его жизни — образец лжи и ничто-

жества? Почему император Александр вдруг именно тогда, когда огромная власть в его руках, перестает употреблять ее на пользу человечества?

Вопросов этих, неразрешимых и существенных, миллионы, и при том методе, который употребляется историками для изложения событий, не[т] ни одного события, которое бы было понятно. Это сделалось потому, что NN хотел этого. Да зачем он хотел этого? А другие что хотели? Почему он один сильнее других, — и нет ответа. Но, кроме этих неразрешимых вопросов при обычном изложении истории, является другой, еще более странный и неразрешимый ответ.

Хорошо. Всё это так было, как вы рассказываете. Ну что ж из этого? Что следует из того, что вы рассказали?

И одни историки, делая умственное напряжение, переходят от рассказа фактов к объяснению их значения.

Одни — это самые низшие по степени умственного напряжения — летописцы, писатели мемуаров и т. д. с древнейших времен и до наших, объясняя значение событий, говорят,

что государь этот был нехорош, потому что он [1306] угнетал тех людей, к которым принадлежу я. А этот был хорош, потому что он покровительствовал, и этот поступок хорош, покровительствуя мне, этот дурен, как вредный мне.

Другие историки — их наибольшее количество, и они-то называют то, что они делают, объясняя значение событий мерилom хорошего и дурного, признают (так, как они его понимают) благо того народа, к которому они принадлежат. Всё, что ведет к материальному величию Рима, то хорошо для римских историков, всё, что не ведет к нему, то дурно, и этой мерой меряют действия людей. То же самое мерило имеют большинство историков нашего времени. Те действия Наполеона, которые вели к славе Франции, хороши, те, которые унизили Францию, дурны, говорят одни. Другие, старающиеся быть более общими, мерилом ставят не славу, а благо народов Франции, и меряют на эту мерку, которая не менее условна, чем понятие о славе. Ибо никто из этих историков не мог написать программу того блага, которое он желает своим

народам.

Третьи историки, делая уже самое сильное, крайнее умственное напряжение, мериллом хорошего и дурного берут благо человечества (европейского, всегда прибавляют они).

В понятиях этих историков войны Наполеона разносили по Европе идеи французской революции, идеи прогресса, цивилизации. Но мера прогресса и цивилизации опять мера условная, относящаяся только к уголку известного нам земного шара и столь же непрочная и личная, как и мера того монаха, не хвалившего государя за то, что угнетали его монастырь.

Ни мерило личного блага, ни блага народного, ни блага человеческого (малого количества известного нам человечества) не удовлетворяют разума: потому что они рассматривают, осуждая, а обвиняя и оправдывая, смотря по предвзятой мере.

Изучая личность и ее деятельности, историк делает первую ложную <посылку> положение, признавая в прошедшем мнимо существующий произвол этой личности.

Свободная воля, произвол есть только мираж настоящего.[1307] Совершив известный поступок в известный момент, я не могу повторить[1308] того момента, в который был совершен поступок, и потому я не мог поступить иначе. Но в тот[1309] момент настоящего, в который я совершал поступок, у меня было сознание возможности совершить или не совершить его, и потому я[1310] был свободен. Но свободен только в момент настоящего.

Из этой свободы, закованной временем, вытекает осуждение поступка, виновности и невинности поступка, т. е. сообразностью или несообразностью с моим суждением. И чем ближе человек к настоящему, тем сильнее в нем мираж свободы.

Но в прошедшем мираж исчезает, действия людей остаются навеки неизбежными актами,[1311] закованными временем. И чем дальше развивается перед нами этот бесконечный холст прошедшего, тем очевиднее сглаживаются личные произволы, и тем очевиднее выступают правильные, симметрические рисунки — те общие вечные законы, ко-

торым подчинялись в прошедшем личные произволы бесконечного количества людей.

* № 310 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. II–VI).
[1312]

<Историки героические описывают нам личную деятельность Наполеона, Александра [1313] повелевающими народами.[1314] Так поступают в отношении Наполеона Тьер, Lanfrey — один считая все действия Наполеона мудрыми и добродетельными, другой считая те же действия глупыми и порочными. [1315] В самом описании действий встречаются постоянно полные противуречия. Один говорит и доказывает, что это было, другой говорит: никогда не было или было совсем иначе.[1316] Один говорит, что такое действие принесло пользу, другой говорит и доказывает, что оно принесло вред. То же самое видим в [1317] описаниях деятельности Александра.

При разногласии этом историков весьма легко заметить, что основание разноречия лежит в личных свойствах и особенностях историка. Французский историк скрывает всё постыдное для француза, русский скрывает всё

постыдное для русского. Француз-республиканец старается выставить силу республики, бо-напартист — силу и величие империи и т. д.

Диаметральное противуречие[1318] этих историков не только в описаниях побуждений и последствий действий Наполеонов и Александров, но и в самых действиях, причина которых, лежащая в личном произволе историка, становится очевидной, заставляет искать другого объяснения.

[1319] Обращаемся к общей научной истории[1320] Шлоссера, Гервинуса и т. д. Историки этого рода описывают нам[1321] также деятельность Александра и Наполеона, как производящую события, но вместе с тем в число делателей истории вводят и другие лица — министров, дипломатов, журналистов, генералов, дам, писателей, которые тоже, по их мнению,[1322] влияют в[1323] исторических движениях масс.

В этих историках разногласие в описании самых фактов и в суждении о них, основанное на личном произволе историка, хотя и не в такой грубой форме, встречается, как и у историков первого разряда, и кроме того, чув-

ствуется, что признание участниками исторических событий министров, дам, писателей основывается столько же на убеждении о действительном влиянии этих лиц, сколько на том обстоятельстве, что эти участники оставили по себе письменные памятники. Так, хотя и весьма вероятно,> что лица, не писавшие своих мемуаров и о которых не писали мемуаров, имели участие в истории такое же, как и те, которые писали, мы видим, что главное место в истории занимают всегда те, о которых больше бы[ло] писано.

Существенное же противуречие этих историков лежит в самом взгляде их на делателей истории.[1324]

Противуречие их самим себе состоит в том, что, признавая одновременное участие нескольких лиц в совершении исторических событий, они изучают деятельность каждого лица, как выражение свободной воли, осуждая и оправдывая ее.

Гервинус, например, говорит, что французские историки неправы, приписывая подземным интригам роялистов восстановление Бурбонов, что восстановление Бурбонов про-

истекало и из ошибок Бонапарта, и из брошюры Шатобриана, и из хитрости Талейрана, и из воли Александра и многих других. Но ежели событие — восстановление Бурбонов — произошло из совпадения всех этих обстоятельств, то, очевидно, личные произволы людей, участвовавших в этом событии, уже не имеют интереса. Восстановление произошло по закону необходимости, в котором личные [1325] воли людей подчинялись законам, действовавшим не на одних только тех людей, которые по имеющимся у истории матерьялам участвовали в событии.[1326] А вместе с тем Гервинус, описывая восстановление Бурбонов, рассказывает деятельность каждого отдельного участника, осуждая или оправдывая, говоря, что Людовик XVIII дурно сделал, поступив так-то, и Талейран и Фуше должны были поступить так и так-то.[1327] Так что вместо описания события перед глазами читателя возникают бесчисленные количества лиц — придворная, государственная сплетня в огромных размерах и суждения г-на Гервинуса с его личным произволом о том, что было хорошо и что было дурно. Но, кроме этого,

как только я признал, что известное событие произведено не по воле одного человека, а по воле нескольких людей, воздействующих друг на друга, я не могу признать, чтобы событие, относящееся до миллионов, могло совершиться только по воздействию нескольких человек друг на друга. Если из взаимодействия Людовика XVIII, Александра, Фуше, Талейрана, Метерниха и т. д., связанных между собой единовременным действием, произошло восстановление Бурбонов, я не могу предположить, чтобы это взаимодействие прекращалось на тех лицах, которые мне описывает Гервинус: писателей, дам, министров и т. д. Если я раз вижу связь верхних слоев между собою и связь эта нигде не прерывается, то я не имею никакого права предположить, что связь эта прерывается на тех лицах, которые мне известны. Если я вижу, что точка вершины конуса упирается на связанном с нею, более широком основании и это основание на другом, я не имею права предположить, чтобы известное мне основание конуса было его существенным основанием. Историки эти,[1328] отступая от перво-

начального взгляда героической истории, устремленного на одну вершину конуса, и стараясь дать необходимое значение героям, спускаясь вниз по конусу истории, стараются согласить сделкой разногласие истории с требованиями разума, но, не удержав первоначальный взгляд истории и не отрешившись от него, приходят к худшим результатам, чем первые. Можно допустить, что внешняя сила,двигающая конус истории, действует на одну точку его вершины, но решительно непонятно, каким образом эта сила размещается, находясь в самом конце, только по вершине его. Понятно, что Наполеон, имеющий божественную власть, приказывает набирать солдат, и солдаты набираются.[1329]

Очевидность связи того, что мы называем следствием, с тем, что мы называем причиной, в этом героическом взгляде на историю, не говоря о том, справедлив ли он, понятна.

Но каким образом то, что Шатобриан написал брошюру, или то, что Метерних сказал такие-то слова, сделало то, что мы называем восстановлением Бурбонов, т. е. казни, изгнания, перемещения богатств — не только непо-

нятно, но и неочевидно, как в первом случае. Каким образом книга Contrat Social сделала то, что французы резали друг друга, или то, что на В[енском] К[онгрессе] Т[алейран] сел на известный стул, сделало то, что границы Франции стали другие, — непонятно и неочевидно.[1330]

[1331] Древние историки говорили, что герои одни по воле божества руководят действиями масс.

Новые историки[1332] говорят, что не одни герои, но герои в соединении с другими историческими лицами,[1333] руководят действиями масс.

[1334] Разница состоит в том, что первые, признавая причиной одно лицо, одаренное сверхъестественной властью, последовательнее вторых (в особенности Бокль), признающих делателями истории нескольких лиц (цивилизаторов человечества), ничем кроме произвола историка между собой не связанных.

[Далее от слов: Отрешившись от воззрения древних, кончая: когда Наполеон сказал такие-то слова, кажется нам бессмысленным

близко к печатному тексту. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. IV.]

И он действительно бессмыслен, ежели мы признали фатум древних, но как скоро мы отрицаем его, вопрос этот представляется во всем своем громадном значении и[1335] одно постановление вопроса — уже весь [?] ответ. Без понятия о подчинении божеству воли людей возможно ли влияние воли одного[1336] человека на воли миллионов? Если все люди свободны, то каким образом воля одного человека может подчинять себе воли других людей? <Если допустить, что люди равны между собой по силе своего влияния друг на друга, то очевидно, что воля одного человека не может руководить волями двух людей, тем менее миллионов. Если бы люди были равны, то вопрос был бы решен.>

Но, может быть, исторические лица, как и говорит история, суть герои, т. е. люди, одаренные особенной силой души и ума, называемой гениальностью, и воля таких людей имеет силу влиять на воли миллионов?

Справедливо ли это? Посмотрим на главных деятелей истории.[1337]

Кто они, цари, министры, дипломаты, Наполеоны, Фридрихи, Петры I, Екатерины, Елисаветы и т. п.? Взглянем на ближайшего и величайшего исторического деятеля — Наполеона. Прочтите историю Lanfrey, но лучше всего прочтите записки самого Наполеона.

Вот тот человек, который настолько преобладал над массами, что руководил миллионами. Взглянем на другого человека, по истории руководившего всем движением Европы по изгнанию Наполеона, — Метерних. Одно из двух: или сила души и ума, гениальность состоит в разврате, в тщеславии, лжи, убийстве, [1338] или не сила ума и души дала этим людям *возможность* руководить миллионами. Но, может быть, это случайно выбранные примеры. Не повторяя примеров душевной слабости и низости людей, руководивших массами, в которых, по моему мнению, нет исключений (кажущиеся исключения суть только заблуждения, недосмотры истории), взглянем на самые свойства тех условий, в которых живут и образуются люди, которые руководят волями масс. Люди эти: короли, императоры, полководцы, министры и т. д.

Самообольщение власти, придворная среда, льстецы,[1339] условные формы жизни, роскошь и удовольствия, отсутствие прямых отношений с природой и народом, этикет, формальность, брожение всех интересов и страстей, поглощение всего времени не развивающими, но притупляющими занятиями, совершенное отсутствие досуга, — суть ли это выгодные условия для развития сил ума и души? [1340]

Итак, рассматривая сущность отношений исторических лиц к массам, мы приходим к убеждению, что по свойствам своей деятельности исторические лица, всегда слабейшие по духу, не могут руководить массами.

Но очевидность говорит нам противное.

Несмотря на то, что непонятно, какую силою ничтожный, дрянной человек — Наполеон — насильствовал волю 600 тысяч, из которых каждый был сильнее его духом, и велел им идти убивать себе подобных, мы видим, что это совершилось. Люди не шли до тех пор, пока Наполеон не сказал известных слов, но как скоро он сказал их, люди пошли и стали делать то, что велел Наполеон.[1341]

То же видим в современной истории. Парижский конгресс решил, что греки не должны быть более обижаемы турками, и война в Крите затихла.

Итак, разум говорит нам, что единичные люди не могут иметь влияния на массы, очевидность же показывает противное. Положение разума не может быть опровергнуто, но очевидность, основанная на нашем представлении, может быть ошибочна, точно так же, как ошибочно наше представление о неподвижности лодки по тихой реке и движении берегов. Основанием сомнения нашего в справедливости представления неподвижности лодки вытекает из[1342] сравнения лодки с берегами, способности к подвижности и малости [лодки] и меньшей способности к подвижности и сравнительной величины берегов.[1343]

Мы говорим, что воля Наполеона, выраженная словами, произвела поход 12-го года, т. е. что выраженная воля Наполеона была причиной похода. Если воля Наполеона была причиной, то та же причина должна была производить и те же следствия.

Посмотрим, нет ли и в настоящем случае подобного миража. Если воля Наполеона произвела поход 12-го года, то почему воля того же Наполеона не произвела Булонскую экспедицию в Англию, на которую было потрачено им столько деятельности? Изучая[1344] историю Наполеона и других исторических деятелей, мы, благодаря обильным материалам новой истории (древняя, например и[стория] А[лександр] М[акедонского]), не дает нам сведений о неисполненных предначертаниях в[еликого] ч[еловека]) и спрашивая себя, все ли и много ли относительно из предначертаний Наполеонов были исполнены, мы видим, что на одно исполненное намерение, желание, приказание даже приходится тысячи неисполненных. Мало того, обильные материалы, которые нам дает новая история, показывают нам, напротив, то, что и даже и те предначертания великих людей, которые нам представляют исполненными, большей частью придуманы впоследствии.[1345] Мало того, без исключения все предначертания исторических деятелей исполняются совершенно в обратном смысле. Революционные деяте-

ли объявляют права человека и через месяц начинают топить и резать этих людей с их правами. Наполеон собирает войско против Англии и бьет австрийцев. Александр идет уничтожить Наполеона и вступает с ним в дружеский союз, потом, желая только очистить отечество от врага, ведет ополчение в Париж.[1346] Презируемые всеми, ненавидимые французами Бурбоны неожиданно для всех садятся на престол и т. д. и т. д. Итак, новая история показывает нам, не так, как история древних, где всё совершается по воле великих людей, что почти все события совершаются противно воле великих людей и что из предначертаний великих людей исполняется одно на тысячи. И, кроме того, показывает нам общее человеческое свойство подделывать под совершившееся событие мнимое предвидение его и приказание о его исполнении. Итак, и с этой точки зрения мы видим, что приказания великих людей не суть причины событий, а кажутся нам таковыми. Но почему они таковыми кажутся нам? Почему Наполеон велел идти, и пошли. Венский конгресс решил прекратить войны,[1347] и вой-

ны прекратились. Для того, чтобы объяснить себе, почему это нам так кажется, надо войти в самую сущность деятельности великих людей, их отношений к массам и того, что мы называем решением, приказанием. Что есть решение или приказание?[1348]

Решение или приказание — это известные слова, сказанные в известное время, необходимо предшествовавшие совершению известного события. И то обстоятельство, что слова эти сказаны прежде события, заставляет нас думать, что причиной события были слова. Но слова не могли быть причиной события: 1) потому что слова не могут произвести движения масс; 2) потому что история показывает нам бесчисленные примеры слов, не производивших никакого действия; 3) потому что большей частью, если не всегда, слова, которые нам выдают за причину события, выдуманы впоследствии; 4) потому что, когда совершается какое-нибудь событие, из взаимодействия многих волей всегда выражаются словами предположения, решения и приказания, противуречащие одно другому, и при совершении события запоминаются и повторя-

ются, как приказания, только те слова, которые говорены были в смысле совершившегося события, и 5) потому что,[1349] так как доказано историей, что предначертания великих людей и слова их, ежели не всегда, то очень часто не производят никакого действия, то нельзя предполагать, чтобы слова эти в случае их совпадения с событием производили действие. Нельзя этого предполагать тем более, что слова эти для того, чтобы быть связанными с событием, должны быть произнесены в один определенный момент времени, в противном случае они теряют свое значение. Слова о приказании идти на Россию, сказанные годом, месяцем, минутой ранее или позже, не могли произвести своего действия.[1350]

[1351] Что такое приказание? Слова. Мы говорим, что приказание идти в поход 12 года предшествовало походу и было причиной его. Но когда были сказаны эти слова? И какие были те слова, которые решили событие, мы не видим. Мираж, обман состоит в том, что мы представляем себе целый период событий, например поход 12 года, определенный

вперед, но этого никогда не было. Никогда — история показывает нам это — Наполеон не приказывал похода на Москву.[1352] Он приказывал нынче такому-то корпусу придти туда-то, такому-то отойти туда-то и собрать провиант там-то и там-то; но, кроме этих приказаний, он ежедневно, ежечасно приказывал и, соглашаясь на проекты, разрешал бесчисленное количество действий посторонних и прямо противуречающих этому. Он постоянно приказывал и разрешал направо и налево и, ежели из этих приказаний вышло не экспедиция в Англию, которая была его продолжительной мечтою, а поход на Россию, с которой он считал выгодным быть в союзе, то причиною тому не его приказания. То, что должно было совершиться по законам, находившимся вне его власти, совершилось шаг за шагом, и ежели есть целый ряд его приказаний, как будто направленный к этой цели, то точно такие же ряды приказаний можно было найти в его деятельности к совершенно противоположной цели. Обман наш состоит в том, что, во-первых, мы предполагаем Наполеонов совершенно свободными от внешних влияний

и предполагаем, что совершившееся событие, по которому мы находим ряд приказаний, вызванных движением события, совершилось потому, что были эти приказания, тогда как приказания эти были даны потому, что совершалось событие. Приказаний неисполненных отдается так много, что, что бы ни совершилось, окажется, что оно совершалось по приказаниям. Главный же [1353] обман состоит в том, что мы забываем непрерывность движения во времени, допускаем прерывные единицы событий. Наполеон, — говорим мы, — захотел и сделал поход на Москву.

Но поход из Москвы сделан ли по его воле? — спросим мы.

И оказывается, что период взят слишком велик и что воля Наполеона не подходит под весь период. Но, ежели мы возьмем период наименьший, воля Наполеона тоже не подойдет под него. В его ли воле или нет было дать приказание [1354] двинуться 17 июня, когда войска были собраны и готовы к походу? Нет, он не мог не дать приказания.

Но что привело войска к Неману, собрало их опять? — Момент за моментом следовав-

шие обстоятельства, собравшие и приведшие войска к Неману. То, что мы видим последовательность в приказаниях, доказывает только то, что была последовательность в этом ряде событий, вызывавшая приказания. Роль, обязанность Наполеонов состоит в том, чтобы приказывать. Они постоянно приказывают противуречащие друг другу и невозможные приказания, и из всех приказаний оказываются действительными те, которые совпадают с ходом событий. В этом заключается миф власти.[1355]

Щепка в[1356] потоке движется очевидно для меня[1357] и, на мой взгляд, прежде[1358] струи, и из этого я заключаю, что щепка движет[1359] струю.

Но как скоро я понял связь струи с щепкой, является вопрос: щепка ли, держащаяся на воде, движет воду, или вода движет щепку.

Точно тот же вопрос представляется при вопросе о том, видимое ли мне движение пр[авящих] лиц производит движение масс, или движение масс, на к[оторых] держатся правящие лица, производит видимое мной их движение.

Вопрос в истории сводится на вопрос о воле. Или я должен допустить, что миллионы воли покоряются одной, или наоборот. Допустив свободу воли пр[авящего] лица, управляющего миллионами, я должен отрицать свободы миллионов. Но история признает свободу каждого человека. Следовательно, я должен отрицать управление одним волями миллионов.

Это есть мираж, основанный пре<имущественно> 1) на том, что, имея дело с событиями, совершающимися во времени, со всегдашним свойством непрерывности во времени, мы представляем себе прерывные периоды времени. Если бы, не отступая от этого условия, наблюдали события мгновение за мгновением, мы никогда бы не могли прийти к убеждению, что, например, поход 12 года сделан по воле Наполеона, точно так же, как никогда бы нам не показалось, что[1360] гонимая водой щепка есть живое существо, свободнодвигающееся, как она нам кажется издали. Следя вблизи момент за моментом за движением щепки, мы убеждаемся, что каждый момент ее движения определяется подь-

емом, опущением, напором струи, и что она не имеет произвольного движения, и что именно то, что ввело нас в обман, — то, что она находится на поверхности движения, лишает ее всякого участия в силе движения.

То же самое мы увидим, следя момент за моментом за движением исторических лиц (т. е. восстанавливая необходимое условие события во времени). Следя момент за моментом за деятельностью Наполеона, мы увидим, что поход на Москву и всякое другое событие никогда не было предначертано им; но, находясь на поверхности сил, он постоянно шаг за шагом подчинялся их влиянию и отдавал приказания не о походе в Москву, а нынче о том, чтобы Мюрат приехал к нему, завтра — под влиянием гнева — о том, чтобы написать такую-то ноту Р[усскому] мин[истру], послезавтра о том, чтобы занять такую-то прусскую крепость... Из всех же этих[1361] приказаний, отвечавших на требования события, через известный период времени составилось определенное движение, которое издали кажется свободным.

Что бы ни совершилось, всегда окажется,

что это самое было предвидено и приказано. Куда бы ни направился поток, щепка будет нестись на поверхности его и будет издали представляться нам не только произвольно двигающейся, но и руководящей поток.

Мираж состоит именно в том, что щепка находится на поверхности силы воды и пр[авящее] лицо находится на поверхности сил массы. Не отрешившись же от воззрения древних, мы за поверхность приняли вершину, и метафору эту приняли в прямом значении.[1362]

Следовательно, не событие зависело от слов, а слова зависели от события.[1363]

Итак, власть Напол[еонов] и влияние их на исторические события есть только ложное представление наше, основанное на мираже, представляющемся нам вследствие предшествования известных слов,[1364] совпадающих последующему событию, и люди эти не производят события[1365].

Новейшая история невольно (так как положение ее о знании целей истории[1366] прямо противоположно этому взгляду) признает этот взгляд — не кто другой, как она сама, вы-

работала его. Но, несмотря на это,[1367] видя перед собой кажущиеся неразрешимые трудности описания масс, следуя старым преданиям истории и не желая отказаться от права оправдывания и осуждения ист[орических] д[еятелей], история в ответ на вопросы человечества о законах видоизменения масс продолжает отвечать описанием исторических деятелей, которыми одни признают царей и министров, а Бокль, стоящий ближе всех к истине, но потому более всех противуречивый — цивилизаторов человечества К., Р. и т. д., предполагая и утверждая, что в этих деятелях выражается характер времени, к[оторого] они современники, и вся деятельность масс. Смутно чувствуя неудовлетворительность своих ответов на запросы человечества, нов[ые] историки, описывая исторических деятелей, приобщают к ним всё, что только оставило по себе памятники: и литературу, и искусства, и земледелие, и торговлю, но, не связанные между собой одним общим законом, все эти описания земледелия, торговли, литературы по отношению к историческим лицам представляются излишним, мертвым, только за-

темняющим дело матерьялом. Или интерес лежит в массах, во всей массе и предмет изучения суть законы, общие всем массам, или интерес лежит в исторических деятелях, которые, хотя и не руководят массами, выражают их. Посмотрим, справедливо ли то, что исторические деятели выражают собою массы.

Каким образом движение французского народа в конце нынешнего века выражается в деятельности Л[юдвиков] XVI, XV и XIV? Несмотря на то, что на эту тему написано много книг, нельзя понять. Нельзя понять, почему движение русского народа на восток в Казань и Сибирь выражает Иоанн IV, почему расцветание русского народа в конце прошлого века выраж[ается] жизнью Екатерины, — непостижимо.

Не составив себе какого-нибудь произвольного отвлечения и не поставив это за цель истории, как, например, свободу народов, конституционализм, величие Франции и прогресс цивилизации, невозможно понять, каким образом могут исторические деятели выражать жизнь народов; ибо для жизни народов представляются вопросы, не имеющие

ничего общего с деятельностью великих людей. Отношения людей к земле, отношения их между собой, торговые, имущественные, семейные их вражды, переселения — всё, что составляет сущность жизни народов, находится вне влияния исторических деятелей. Деятельность Наполеона, его маршалов, M-me Stahl, Метерниха и т. д. не может объяснить ни одного вопроса из тех, которые ставит человечество истории. Только взяв отвлеченно разнесение идей революции, величие Франции, равновесие европейской цивилизации, можно искусственно подвести интересы масс под деятельность исторических лиц. Но даже и в этом случае сама история своей разработкой показала неправильность этого приема. Все неисполненные предначертания великих людей входят ли тоже в форму выражения воли масс? Булонские приготовления Наполеона выражают ли ненависть ф[ранцузов] к а[нгличанам]?

В этом случае вся биография Наполеона, Екатерины со всеми подробностями исторической сплетни, в наше время достигающей таких громадных размеров, служит выраже-

нием жизни народа, что есть очевидная бессмыслица.

Ежели же только исполненные предназначения — исполненные, как мы видели, по законам, действующим на массы, — служат выражением воли народа, то воля эта выражается уже сама в себе без отражения в исторических лицах. История дает нам большое число примеров этой несовместимости в одном лице выражения деятельности народа.

Изучая[1368] жизнь народов во время Крестовых походов, сколько бы мы ни изучали Готфридов и Людовиков и их дам, для нас останется всегда непонятным движение народов с запада на восток, без всякой цели, под предводительством, без предводительства, с толпой бродяг, с Петром Пуст[ынником], только историей представленным руководителем движения, и потом вдруг остановление этого движения, несмотря на то, что тогда, когда оно остановилось, тогда только ясно поставлена была разумная, святая цель походов — освобождение Иерусалима.

Народы пошли сами на Восток, короли и рыцари последовали движению. Народы

остановились. И сколько ни старались рыцари, монахи, папы, короли, — движение не возобновилось. Повторение того же явления мы можем видеть везде от древнейших до наших времен. Что же объяснит нам изучение минезингеров, рыцарей и их дам, королей, пап (всё это изучение сделано), объяснит оно нам движение крестовых походов? Объяснит ли нам изучение Наполеона, Метерниха, их привычек, знакомств и писаний движение народов в нашем столетии? Напротив, чем дальше мы подвигаемся на этом пути изучения, мы видим, что отдаляемся от цели, и должны признать избранный нами путь ложным.

* № 311 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IV).

<He[1369] спрашивая о всех тех не идущих к делу теориях этой прекрасной науки, составляющих 99/100 ее содержания и состоящих из рассуждений о том, как[1370] бы можно устроить отношения власти,[1371] если бы это было можно, обратимся в эту разменную кассу с нашей исторической ассигнацией власти.

[1372] Объяснение[1373] это очевидно основано на гипотезе, ибо факт перенесения воле никогда, если не считать некоторых фокус-покусов, происходящих при выборах во Франции и в Англии, в действительности не существует. Но зато объяснение это объясняет явление власти как будто совершенно удовлетворительно. В области права, имеющего своим предметом отвлеченные рассуждения, объяснение это достаточно, но в приложении к истории объяснение это требует разъяснения.

Наука права рассматривает жизнь народов вне времени. История же рассматривает ее во времени. И потому в приложении к истории этой теории являются вопросы, на которые можно отвечать различно.>

* № 312 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. VIII).

Философия, перенимая вопрос от богословов, отвергает богословское разрешение и вновь разрешает его. Аристотель, Спиноза, Кант — каждый по-своему пытаются разрешить вопрос. Но, несмотря на мнимое разрешение вопроса, разрешение не только не

[1374] переходит в сознание масс, но и мыслители, следуя один за другим, не признают прежнего решения удовлетворительным и опровергают положения предшественников, вновь постановляют вопрос и вновь разрешают его. Начиная с св. Августина и схоластиков, поставивших знаменитый софизм об осле, умирающем между двумя пучками сена в равном от него расстоянии, которым они выражали необходимость мотива для каждого движения, целый ряд мыслителей опровергают богословское решение вопроса и прямо отрицают свободу. Гоббес, Юм, Пристлей, Спиноза, Вольтер, Кант, Шопенгауер, некоторые из этих мыслителей весьма (?) односторонне останавливаются на одном отрицании свободы, некоторые, как Спиноза, Кант, Шопенгауер, постановляют свое решение [1375] вопроса; но все без исключения, несмотря на кажущиеся окончательные доводы предшественников в пользу отрицания свободы, вновь отрицают ее и накопляют доводы за доводами в пользу закона необходимости. Те, которые разрешают вопрос, точно так же опровергают разрешение вопроса предшественников и

ставят свое разрешение. Так поступают Спиноза, Кант, Шеллинг, Шопенгауер.

В истории этого вопроса замечательно то, что все многосторонние мыслители, решавшие этот вопрос, тем большую метафизическую величину относили к неизвестному, чем полнее они отрицали свободу человека. Таков x , божество для богословия, Substantia [1376] для Спинозы, das Ding an sich [1377] для Канта, der intelligible Wille [1378] у Шопенгауера.

* № 313 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. VIII?).

[1379] Ветхий завет говорит [1380] о предопределении (Иеремия 10, 23), о том, что действия человека находятся не в его власти. [1381] Христос говорит о том, что волос не спадет с головы человека без воли отца, и своими страданиями показывает тщету борьбы против определенной воли бога. И вместе с тем, как ветхий, так и новый завет, учит об ответственности человека за дела его. [1382]

Богословы, в особенности св. Августин, разрешают вопрос в богословском смысле. Между предопределением и ответственностью че-

ловека становится божество, разрешающее противоречие. Философы <или обходят> вопрос, или решают его в богословском смысле. Некоторые отыскивают свое философское объяснение и вместе с тем предписывают человеку правила, которым он должен следовать. Схоластики[1383] ставят знаменитый софизм осла, умирающего с голода между двумя, равно отстоящими пучками сена, и Данте переносит это рассуждение на человека и вместе с тем признает свободу его. Философы: [1384] Гоббес, Спиноза, Юм, Вольтер, Кант [1385] отрицают свободу и вновь признают ее. Для одних[1386] — каждое действие человека немислимо без причины, причина же лежит вне его и потому свобода немислима, для других — свобода есть сущность человека, его сознание.

В области философии замечательно то, что лучшие умы и большей частью в последний период своей деятельности склоняются в пользу закона необходимости и отрицания свободы, и еще то, что, несмотря на полнейшие доказательства мышления невозможности свободы, новые мыслители вновь начина-

ют пенелопову работу своих предшественников. Так поступают Спиноза, Юм, Пристлей, Кант, Шопенгауер. Еще черта, замечательная в истории этого вопроса, состоит в том, что все многосторонние умы, решавшие этот вопрос с точки зрения разума, уничтожая понятие свободы, тем большую величину в другой области относили к неизвестному. Таков х, у Спинозы — Substantia,[1387] у Канта — das Ding an sich,[1388] у Шопенгауера — der Wille.[1389]

Последний[1390] великий мыслитель этот, победоносно доказав с точки зрения разума отсутствие свободы, в объяснение[1391] сущности жизни признает[1392] волю мыслимую, весьма близкое понятие к сознанию той свободы, отсутствие которой он доказывал.

Кроме того, в лучшем произведении этого великого мыслителя встречается довод, который он сам приводит против себя.

«Der unbefangene (philosophisch rohe) Mensch,[1393] — говорит он после всей силы своих доводов, — все-таки скажет: «а я все-таки знаю, что могу сделать всё, что хочу». И этот простой довод, который смело приводит

против себя великий и в особенности правдивый мыслитель, несмотря на всю силу аргументации философа, остается ненарушимым и служит основанием всех тех философов: Фихте, Шел[линга?], даже Гегеля, которые противуположно ему решают вопрос.

[1394] Вопрос не решен, но замечательно то, что, несмотря на нерешение богослови[ем], наукой права,[1395] общественным мнением, судящими о нравственности и безнравственности деяний людей,[1396] так и историей, которые строятся только на свободе или несвободе человека, добре и зле, ни в философии истории.

Вопрос этот отложен[1397] или не признаем точно так же, как для земледельца отложен или не признаем вопрос о том, какие именно вещества нужны для возобновления плодородия его почвы. Какие бы ни были эти нужные вещества, надо вывозить навоз из переполнившегося хлева на пашню, которую все признают улучшающейся под влиянием какого бы то ни было навоза. Человек ищет утешения и напутствия, и ему надо говорить о грехе и благодати. Люди требуют огражде-

ния своих прав, и необходимо определять эти права, не спрашивая себя, суть ли они произведения свободы или необходимости. Человек чувствует потребность выражать свое сочувствие одним и несочувствие другим поступкам и, не спрашивая себя, произвольны или непроизвольны поступки, в обществе складывается понятие доброго и хорошего.

События совершаются произвольно или по законам необходимости производят их люди. События надо записывать.[1398]

В настоящее время вопрос этот не только отложен, но как будто забыт.[1399]

В наше самоуверенное время вследствие популяризации поверхностных знаний вопрос этот кажется не только отложенным, но непонятым. Богословие, наука права, этика, история продолжают изучаться, как будто вопроса этого не существует. Спросить их, как они разрешают тот вопрос, на котором строятся их науки, они не поймут вас.[1400] «Вы кто же, матерьялист?» — скажут они.

[1401] Рассматривая философскую историю вопроса, мы увидим, что вопрос этот[1402] не только не разрешен, но имеет два решения.

[1403] С точки зрения разума — свободы нет и не может быть, с точки зрения сознания нет и не может быть необходимости.[1404]

Та самая дилемма, к которой мы пришли в рассматривании законов истории, лежит в основании всей философской работы по этому вопросу.

Без законов, управляющих деятельностью людей, немислима жизнь человечества. При законах немислима свобода, а я сознаю ее.

История имеет своим предметом проявление воли человека в прошедшем,[1405] и поэтому вопрос о том, каким образом проявляется воля человека в настоящем, для нее не имеет места. Для истории существует только явление, проявления воли, кажущейся более или менее свободной. И история философии, и опыт[1406] показывают ей, что проявления этой воли представляются[1407] то свободными, то несвободными. Для истории проявления этой то свободной, то несвободной воли суть только явления.[1408]

Не решая вопроса о том, абсолютно ли свободно[1409] каждое действие человека или абсолютно необходимо, история рассматрива-

ет[1410] и те и другие, наблюдая большую или меньшую степень представляющейся свободы.[1411]

Рассматривая, положим, распоряжение Наполеона III о походе в Мексику, действие это, мотивы которого еще не вполне известны историку, представляется ему более свободным, чем распоряжение Наполеона I о походе в Россию. Распоряжение Наполеона I о походе в Россию, условия и результат которого еще не вполне известны, представляется ему более свободным, чем распоряжения Людовика IX о походе в Иерусалим, мотивы которого более обозначились и потому более известны. Относя еще дальше наблюдаемое явление, историк заключает, что степень представляющейся свободы истор[ического] дея[теля] всегда зависит от времени. Поверяя то же наблюдение над личной жизнью одного человека, историк увидит, что та же зависимость от времени находится и в личной деятельности человека.

* № 314 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. VIII, IX).
[1412] Ибо существует ли свободная воля у

человека или не существует, в обоих предположениях мы должны придти к признанию зависимости свободного или не свободного человека от других свободных или несвободных людей, или наоборот. Очевидно, что зависимость одного от многих легче может быть найдена, чем многих от одного.

Казалось бы, что доказывать это нет надобности. А между тем в этом состоит наше разногласие с наукой.[1413] До сих пор истор[ики] гов[орили], ч[то] и[сторические] л[ица] руководят массами. Если могло существовать столь нелогическое, бессмысленное воззрение на явления истории, то очевидно, что на то должны были быть важные причины. И причины эти весьма существенны.

1) Постигнуть деятельность бесчисленного количества произволов, от которых зависит деятельность одного, не только трудно, но с возникновением наук политической экономии, статистики, всех естественных наук, геологии, сравнительной филологии, казалось невозможным, и потому естественно, что история, не в силах увидеть и познать корни дерева, довольствовалась изучением его ли-

стьев.

2) Высшая ступень науки есть признание своего незнания, и для того, чтобы истории стать на ступень науки, надо было отказаться от столь свойственного человеку желания судить события, меряя их на свою условную меру зла и добра.

3) История составляется из памятников личных — комментарии Цезаря, Memorial de St. Hélène, и первобытный прием сделался привычным.

4) Образованием пользуются высшие классы, и они-то в истории признавали за собой — меньшинством — свободную волю, отрицая ее у масс.

И наконец 5)[1414] страх перед признанием закона необходимости.[1415] Вопрос в том, есть или нет свободы воли? Вопрос этот, кажущийся столь страшным, уже давно разрешен историей и разрешен в отрицательном смысле для массы и в положительном только для сильных мира. Ежели Наполеон мог своим нашествием на[1416] Россию поднять 600 тысяч человек с целью убивать себе подобных, то эти 600 тысяч не имели свободы воли.

Вопрос уже разрешен для большей половины и стоит только откинуть его для избранных, чего необходимо требует логика. И только тогда, когда мы откинем это[т] вопрос для всех людей, участников истории, от Наполеона до его конюха, только тогда мы станем на твердую почву логики, только тогда представят нам события во всей их полноте и ясности и откроются нам их законы. Только тогда, когда мы, как естествоиспытатели, будем рассматривать одни соотношения явлений, не говоря о том, хорошо ли или дурно то, что камень падает на землю, и о том, чего желает этот камень, а будем отыскивать одни законы соотношений, только тогда мы будем на пути истины.

Но свободная воля человека, но произвол на добро и зло? Вот оно, великое слово, стоящее на пути истины.

Свободен или не свободен человек, вот страшный вопрос, который задает себе человечество с самых различных сторон. Физиология, психология, статистика, зоология даже принимает участие в борьбе. «Свободы нет, говорят одни, человек подлежит законам ма-

терии». «Свобода есть, душа, составляющая сущность человека, свободна», говорят другие.

Посмотрим с точки зрения истории на вопрос свободы или несвободы человека. История рассматривает человека в его движении во времени. Я движусь во времени, я совершаю историю. Свободен ли я? Могу ли я или не могу поднять и опустить руку? Могу. Я поднял ее. Но время прошло — прошла минута. Я говорю себе: мог я или не мог поднять руку. Я не поднимаю руку.[1417] Но я не поднял руки не в тот 1-й момент, когда я спросил себя о своей свободе. Прошла минута, удержать которую было не в моей власти, и та рука, которую я поднял, и тот воздух, в к[отором] я сделал ею движение, уже не те, в к[оторых] я теперь не делаю того движения. Тот момент, в который совершилось движение, невозвратим, и в тот момент я ничего другого не мог сделать, как поднять и опустить руку, потому что это был момент, составленный из бесконечно малых моментов. То, что я в следующую минуту не поднял руку, не доказало того, что я мог не поднять ее, а напротив — до-

казало, что и в этот и в тот момент я не мог сделать ничего другого, что движение мое было одно в одном моменте, следовательно [1418] необходимо.

(Еще яснее невозможность повторить сделанное движение рукой будет видна из того, что в то время, как я другой раз поднял руку, под нее стала рука другого человека.)

Свобода человека, сознаваемая им, закована временем.[1419] Понятие свободы[1420] вне времени вытекает из суждения о прошедшем акте и представлении возможности совершить другой акт. Если я говорю: «я дурно сделал это вчера», я говорю только, что я могу себе представить другой поступок в тот же момент времени. Следовательно, то, что мы называем свободой, есть только наше представление, мираж свободы. Настоящей же свободы, о которой мы имеем неотъемлемое сознание, мы имеем только один, бесконечно малый момент. Мы имеем не ноль свободы, но бесконечно малую величину во времени.

Если человек, я мое, может выдти из условий времени, то я это будет иметь абсолютную свободу. Я[1421] свободно, но вне време-

ни. Во времени же оно имеет бесконечно малый момент. Вопросы о том, что есть это я, [1422] может ли оно быть вне времени — суть вопросы философские.[1423] Но вопрос ограничения свободы временем есть первый вопрос исторический. История рассматривает человека во времени, и то, что для физиолог[ии] (Сеч[енов], Фохт), для зоолог[ии] (Дарвин) есть невозможность, несомненно и неизбежно разрешается историей. История не может допустить иного. А она, именно она настаивает на рассмотрении событий с точки зрения свободы произвола[1424] А[лександра] и Н[аполеона] и своего.[1425]

Предметом истории являются массы, действующие для неизвестных нам целей по закону необходимости. И предметом изучения становятся не произволы людей, не достижение выдуманных нами целей, но изыскание соотношений между явлениями — законов.

* № 315 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. XII).

С тех пор, как найден и доказан закон Кеплера, одно признание того, что движется не солнце, а земля, уничтожало всю космогра-

фию древних. Но и после открытия закона К[еплера] космография А[ристотеля] еще долго продолжала преподаваться. Людям трудно отстать от привычной полной лжи, променяв ее на неполную истину.

С тех пор, как 1-й человек сказал и доказал, что количество рождений или преступлений в каком-нибудь уезде подчиняется математическим законам, с тех пор уничтожились все прежние науки *humaniores*: [1426] юриспруденция, государственные науки, философия, психология, история. Если человек не мог не совершить преступления, то нельзя казнить его преступную волю — воля его была только орудием исполнения вечного закона. И юриспруденция [1427] есть только исполнение закона мести, лежащей в духе человека. Если человек не мог не совершить преступления, то у него не было свободной воли, и философские изыскания о свободе человека сводятся на объяснение миража свободы (Кант). Если ч[еловек] н[е] м[ожет] н[е] с[овершить] п[реступления], то психология не может уже состоять в изыскании существенных свойств души, но должна состоять только в изыска-

нии тех[1428] свойств человека, по которым душевная деятельность его совпадает всегда с вечными законами. Если человек не м[ожет] не с[овершить] п[реступления], то история не может заключаться более в описаниях деятельности великих людей, мнимопроизводящих события, а должна заключаться в изыскании той связи, которая существует между событиями и людьми для нашего близорукого взгляда, служащего их выражением.

Долго и упорно шла в астрономии борьба между старым и новым взглядом. Богословие стояло на страже за старый взгляд и обвиняло новый в разрушении откровения. Но истина не могла не взять свое и победила. Богословие построилось также твердо на новой почве. Еще дольше и упорнее идет борьба в настоящее время между старым и новым воззрением на humaniores, имеющим основание в различии воззрений на причину явлений. Необыкновенное сходство, разноречие поражает нас.[1429]

Как в вопросе астрономии, так и в вопросе humaniores настоящего времени всё различие взгляда основано на признании или непри-

знании абсолютной неподвижной единицы, служащей мерилom изменения явлений. В астрономии это была неподвижность земли, в humaniores это — неподвижность личности, души человеческой.

Как в том, так и в другом случае с одной стороны — шла спокойная[1430] работа науки открытия истины, с другой — борьба страха и жалости за всё веками воздвигнутое здание, которое должно упасть при признании роковой истины.

Но в астрономии истина взяла свое. Так точно в наше время истина подвижности личности должна взять свое. С разных сторон идет сложная упорная работа в пользу новой истины. Все науки работают в ее пользу. Зоология (Дарвин), физиология (Сеченов), психология (Вунт), философия [1 неразобр.], история (Бокль). Истина есть только отсутствие заблуждений, есть только новое удобство мышлений, и потому она всегда проста, ясна и доступна, и вся трудность восторжествования ее состоит только в победе над заблуждением.

И потому восторжествование истины есть

всегда борьба. В борьбе возбуждаются страсти, и страсти заглушают истину.

Для людей, боровшихся с возникав[шей] истиной астрономии, казалось, что, признай они эту истину, разрушается[1431] вера в бога. Но оказалось, что вера осталась неприкосновенною. Защитникам закона Кеплера и Ньютона, Вольтеру например, казалось, что законы астрономии разрушают религию, и он, как орудие против религии, употреблял законы тяготения. Как трудность признания астрономической истины движения земли состояла в том, чтобы отказаться от чувства неподвижности земли и движения планет, так трудность признания нового закона подчиненности личности законам движения ее во времени состоит в том, что[бы] отказаться от внутреннего сознания неподвижности единства своей личности. Но как в законе астрономии люди, познавши истину, говорили: «Правда, мы не чувствуем движения земли, но чувствуем движение солнца; но, допустив движение солнца, мы приходим к бессмыслице, допустив же движение, которого мы не чувствуем, мы приходим к законам. Стало

быть, мы движемся и не чувствуем этого».

В первом случае надо было отказаться от сознания неподвижности в пространстве и признать не ощущаемое нами движение, в настоящем случае точно так же необходимо отказаться от чувствуемой неподвижности во времени. Какая была моя душа вчера, год тому назад, такая она есть и будет, — говорят противники нового закона. Она одна, одно мое я — неизменяемое, неподвижное во времени, говорят они. Я это чувствую всем существом своим. Но, признавая это сознание единства, неподвижности во времени, защитники нового закона говорят: Это кажущаяся неподвижность, ее нет, она зависит от условий времени, и мы не можем признать ее, потому что, признав ее, мы приходим к бессмыслице, откинув же ее, мы приходим к истине.

Как астрономии, науке о [1432] крупнейших явлениях, суждено было установить непоколебимость закона всеобщего движения в пространстве, так истории, науке о крупнейших явлениях человечества, суждено установить непоколебимость нового закона

движения личности во времени.

Ибо ни в каком ряду явлений, как в истории, мы не приходим к такому поразительно-му ряду бессмыслиц, допустив свободный произвол людей, и к такой простоте и ясности, откинув это понятие, произволы, и независимо от него изучая явления.

Как основанием первого заблуждения служит представление несуществующей неподвижности в пространстве, так основанием второго служит представление неподвижности во времени.

«Я свободен, говорит человек, я могу поднять и опустить руку и вот я сделал это. Но я сделал это во времени, в то время как я делал это, условия вокруг меня продолжали и не переставали изменяться. Повторить тот же акт в тот же момент времени невозможно. Когда я в другой раз поднял и опустил руку, уж это был не тот же акт, а другой, и условия моего тела и воздуха изменились». «Но я чувствую, что не двигаюсь, а движется солнце», говорили противники Кеплера. «Но я чувствую, что я свободен», говорят противники нового направления наук. «Да, вы чувствуете непо-

движность, потому что всё двигается вместе с вами и вы можете быть неподвижны[1433] в пространстве», отвечали астрономы.

Да, вы чувствуете, что вы свободны и человек свободен, но ничто не может [быть] непременно во времени. Неподвижность есть, но вне пространства. В пространстве же существуют только бесконечно малые моменты неподвижности. Неизменяемость — свобода абсолютная есть, но вне времени. Во времени же только существуют бесконечно малые моменты неизменяемости свободы.

Если бы неподвижность и неизменяемость не существовали, мы бы не понимали движения и изменения. Они существуют абсолютно вне времени и пространства — бог; но в пространстве, которое составляет условие нашего существования, мы ощущаем только бесконечно малые моменты неподвижности во времени, составляющие другое условие нашего существования. Мы ощущаем только бесконечно малые моменты неизменяемости, свободы.

Из всех наук, подлежащих уничтожению

вследствие открытия новых основ мышления, история, обнимающая крупнейшие ряды явлений, первая подлежит разрушению. В настоящее время, подкапываемая филологией, статистикой, политической экономией, которые должны заменить ее, старая история [1434] держится только от слипших кирпичей, готовая рухнуть каждую минуту.

И падение ее неизбежно и необходимо для очищения поля новых изысканий.

В настоящее время история, та прагматическая история, которая считалась наукой до сих пор, представляет значение [1435] в [1436] смысле необходимости объяснения ее заблуждений. Камень за камнем она должна быть растаскана критикой с объяснением мнимого назначения каждого камня.

[1437] И в то время, как должен отпасть старый лист истории, уже выросли новые листы: сравнительная фил[ология], статистика, политическая экономия, география, которые все рассматривают человека во времени и которые в соединении своем открывают законы истории. История же в прежнем смысле получает только одно значение: критическое изу-

чение необходимой связи Наполеона и Александра с совершающимися фактами.[1438]

* № 316 (рук. № 101. Эпилог. Конспект к 1 и 2 частям).

<1) Происходят события жизни, смерти миллионов.> Никому в голову бы не пришло, что дело в Александре и Наполеоне, но история говорит: они. Мы изучаем.

<2) Что такое? Как, отчего? История[1439] описывает действия Александра и Наполеона, осуждая и оправдывая их. Александр добр, Наполеон дурен. Потом история говорит: это было хорошо, это дурно. Прогресс, пчела.

3) Положим, что мы не знаем другого объяснения; посмотрим, правда ли это. Что сделало Александра таким, Наполеона таким? — Милльоны обстоятельств. И я вижу, что не он сделал, а он сделан для событий?[1440] *Он не был свободен.*> Если я допущу, что он не свободен, значение его яснее. Актер.

<4) Но может быть я ошибаюсь, может быть он, Наполеон, Александр, был слаб и покорился, но он мог сделать то-то и то-то. И тогда было бы хорошо.

5) Но все-таки я могу судить о событиях, что хорошо, что дурно. Пчела, различие воззрений. Но даже [если] и найдено последнее, выйдет ноль жизни. — Стало быть, судить нельзя. Но все-таки мы должны изучать их, как формы света, из которых постигаются лучи. Давайте изучать. Изучая, мы видим миллионы предначертаний неисполненных и миллионы непредвиденных событий свершились. Изучаем какое-нибудь событие, хоть спасение Европы Александром и 100 дней Наполеона, и оказывается, что не они сделали это событие, а событие их сделало.> Что сделало Наполеона таким и Александра таким? Ежели нам непонятно, то мы должны сказать, что не знаем.

Связь несомненная. Но как мы возьмем волю его за источник, а событие за следствие? [1441] Факты не оправдывают нас. Как скоро мы возьмем наоборот — волю следствием, оказывается всегдашняя последовательность. Актер (что нужно). Но, может быть, мы ошибаемся. Посмотрим, вытекают ли по сущности отношений силы события, в которых принимают участие 1 000 000 людей, из воли [од-

ного?].

Раздеты актеры. Один человек. Его ругают.
Другой — кукла, его хвалят.

Поучения истории, как править, когда ими правят, или массу убил [?] народа. Сколько голов, столько умов.[1442] Чтобы беспристраст[но], н[адо] стать выше. А не эклектизм. Власть не свобода. Что же выйдет — поучения. Для правителей — нести, для низших жалеть, уважать и не искать. Фатализм. Нет сознания того, что есть бог, и ни один волос не упадет без воли его.[1443]

1) Происходят явления, хотим знать. История говорит (чего и думать нельзя): Александр, Наполеон.

2) (12 г.) Обзор событий исторически <необходимости>.

3) Почему? Как?..

4) Противуречие взглядов. Пчела.

5) Историки говорят. Наука подвигается. Но как бы она ни двигалась — всё это неразрешимо.

6) Неясно: а) почему дурно, почему хорошо, б) как они могут быть свободны, когда мы видим[1444] обратное.

История е[сть] н[аука] нар[одного] самопознания, движения человечества во времени. [1445]

Посмотрим же, из чего происходит это прот[ивуречие]. Источник его один.

1) История рассматривает д[еятельность] и св[ободу], упуская неисполненное, а исполн[енное] готовое. П[оучения] и[стории] [1 неразобр.]. Неужели нет свободы?

2) Лицо готово для событ[ия]. Н[еужели] н[ет] св[ободы]? Н[еужели] н[ет] св[ободы]

3) Меньши[нство] управляет больши[нством].

4) Уж отвергнута свобода. Н[еужели] н[ет] св[ободы]?

5) Хорошо ли дурно? Ист[ория] свободна, а ничто ни хорошо, ни дурно. (Пчела.) Н[еужели] н[ет] св[ободы]?

И вот кроме 1) удобства, 2) потворства силы, 3) гордости знания, 4) памятники, кроме этого, вопрос о свободе.

* № 317 (рук. № 101. Эпилог. Конспект к 1 и 2 частям).[1446]

История не может обнять всех, и она гово-

рит:

1) Летопись, восхваление, 2) народный идеал, 3) религиозный идеал, 4) европейский идеал. Но всё неверно.

1) Деятельность этих людей, неисполненные приказания, обратные, смотря по периоду: Наполеон в Москве, Александр в 1805 г. и т. д.

2) Соотношение их к массам. Крестьянин [?], актер. Что сделало Александра, Наполеона? Придворные [?].

3) Сущность их.

4) Значение их в истории, исторические школы. Пчела. Если допустить, что есть конечное. Суждение о пользе, добре, дает представление о произволе. А если есть произвол, то нет идеала. А нет произвола, то Н[аполеон] плохой [?] актер.

Это главное противуречие в истории, особенно резкое в Бокле. Монах, по своей выгоде судящий добро и зло, прямо признает произвол и власть и, не видя сложности, прав.

Но высшие [?] историки, видя сложность и связь, противуречат сами себе, говоря об историческом лице. Влияние [?] интереса. Во-

прос опять о свободе. Но мало того, самое признание идеала есть другой вопрос [?] — о свободе.

* № 318 (рук. № 101. Один из первых вариантов заключительной части эпилога).[1447]

[1448] Я знаю вперед, что высказанный мною взгляд на историю вызовет только в фельетонах журналов между описанием театра и земств наставительные поучения в том, что мне неприлично рассуждать и надо поучиться, и презрительное молчание со стороны людей науки или строгое напоминание о том, чтобы я знал свое дело; но высказанное мною здесь, без цитат и ссылок, в эпилоге романа, не есть минутная фантазия мысли, а есть неизбежный для меня вывод семилетних трудов, к[оторые] я не властен был не сделать, и потому, несмотря на убеждение мое в том, что[1449] только весьма малое число читателей разделит мой взгляд, я должен сказать еще несколько слов о тех выводах, которые могут быть сделаны из признания справедливости[1450] того, что я старался доказать.

1) Если человечество в движении своем по

закону необходимости должно быть рассматриваемо, как движение несвободных единиц, то уничтожаются все те поучения, которые нам дает история.

Поучения истории в том, как надобно (мнимо) править народами, действительно уничтожаются, но взамен этих поучений о том, как делать то, что нельзя делать, является другой ряд поучений, обращенных не к одним историческим личностям, но ко всем людям. Выводимое из[1451] взгляда на произвольность истории поучение состоит в следующем. Власть не только не совпадает с свободой, но прямо противоположна ей. Чем больше власти, тем меньше свободы. Истинное благо и свобода человека лежит не в высших, а в низших сферах. Люди, по закону наследства или исторических переворотов находясь на вершине власти, несут самую тяжелую и трудную обязанность человека. Для достижения великих человеческих целей люди должны стремиться не в высшие, но в низшие сферы.

2) Допустив положение об ограниченности произвола человека, мы впадаем в фатализм

восточных.

В чем состоит фатализм восточных? Не в признании закона необходимости,[1452] но в рассуждении о том, что если всё предопределено, то и жизнь моя предопределена свыше и я[1453] не должен действовать.

Рассуждение это не есть вывод разума, а подделка под характер народа. Ибо, если бы возможно было такое рассуждение, то жизнь народа прекратилась бы, а мы видим, что восточные народы живут и действуют. Рассуждение это есть только оправдание известных поступков. Рассуждение это само в себе точно так же несправедливо (в другую крайность), как и рассуждение в[осточных] н[ародов] о свободе произвола, не ограничен[ного] временем.

Первые принимают ограничение времени полное — ноль свободы, вторые принимают свободу за величину, тогда как она есть только бесконечно малый момент.[1454] Наше воззрение не только не исключает нашу свободу, но непоколебимо устанавливает существование ее, основанное не на разуме, но на непосредственном сознании. Каковы бы ни

были общие законы, управляющие миром и человечеством, бесконечно малый момент свободы всегда неотъемлемо принадлежит мне. И признание этого ограничения свободы не при[во]дит меня к рассуждению восточных о тщете действия, а напротив, заставляет меня пользоваться каждым моментом свободы. Признание же закона необходимости, к которому мы приходим, есть только то признание, которое существует бессознательно, всегда существовало и будет существовать в человечестве, и то самое сознание, которое выражено нам в божественном учении словами: не один волос не упадет с головы вашей без воли отца.

3) Допустив закон необходимости и ограничение свободы временем, мы приходим к тому же, к чему пришли матерьялисты, к отрицанию души, бессмертия и божества.

Мы близко приходим к тому же на то самое расстояние, которое отделяет ноль от бесконечно малого. Но как ни кажется оно близко, вникнув в сущность значения этих величин, мы видим, что разница между нулем и бесконечно-малым невыразимо велика, она

больше, несравненно больше, чем разница между бесконечно-малым и бесконечно-великим. И в этом <-то> заключается вся ошибка суждений материалистов и разница нашего воззрения с ними.

Человек непосредственным сознанием познает в себе присутствие свободы, то есть сущность, независимую от всего остального. Ту же сущность человек непосредственным сознанием сознает в других существах, как в нем, так и в других сущность эта ограничена бесконечно малым моментом времени. Но число существ, одаренных сущностью свободы, бесконечно велико.[1455] Бесконечно малый момент свободы во времени есть душа в жизни.[1456] Прекращение условий времени есть смерть. Бесконечно-великая сумма моментов времени есть сущность свободы, вне времени — есть божество.

* № 318а (рук. № 101. Эпилог. Конспективные записи).

1) Источники 3: М[ихайловский]-Д[анилевский], Тьер и Bernhardi. М[ихайловский]-Д[анилевский] сильнее всех — парал-

лель с Богд[ановичем]. О Богд[ановиче] нельзя говорить — ничего самостоятельного. Давыдов первый дал тон правды. Липр[анди] важен (хотя литература озлобилась).

2) Зачем истины. П. в ст[атье] Р[усского] В[естника].

3) Имена.

4) Я не умею мыслить. Если бы я не мыслил этого, я бы не просидел семь лет, и если бы не мыслил, не осветил того, что нужно в описании [?]. Вопрос стал передо мной невольно. Вот в чем я ставлю его. Никто на него не ответил. Может быть, я, может быть, другой, но вопрос стоит. Мне в голову не приходило, чтобы могли не понять. Я думал, будут спорить, скажут — неправильно, неясно поставлен вопрос.

Но мне сказали *старо*, хотя я нигде не нашел, и не умеет мыслить, поучись у нас. Я учился и не выучился.

5) Семейная жизнь. (Упрек.) Есть смысл.

6) Неприличие — г. . но и фр[анцузские] романы.

Камор. У д. М. А. Л. г. д. д. Р[?][1457]

7) Анахронизмы настроений умышленные.

8) Не роман, не хроника. Анекдот Чичерина. Лучшим примером книга Урусова (мое мнение: составлена из гениальных воззрений и самых слабых, детских сторон). Она не вошла в ящички; но бумажку надо спустить <за> №, и спустили математику. Никто не знает, да и что-то не поддается насмешке. Однако нельзя же хвалить — <статью его> его бранить. Ну как же быть: куда поместить? К специалистам и хвалить или нет (?), поставить запятую на нем, поставьте маленькую. — Упомянута на кр. обертке с! Упрек, что не подходит под известное. Если бы оно подходило в 1868 под то, что писано в 30, я бы не печатал.

(Нам прим[ер?] критики с легкой руки Белинского. Онегин, Печорин, Базаров. Прогматичность. Ежели есть прогматичность, то не искусство. Подите с этой прогматичностью к Дон Кихоту, Аяксу, Ньюкому, Коперфильду, Фальстафу. Они вырастают из-за прогматичности).

9) Кутузов — лакей. Франц[узов] не перецеголять. Всё драться. Ничего не разберешь.

* № 3186 (рук. № 101. набросок заключи-

тельной части эпилога).

[1458] Большинство моих читателей состоит из тех, которые, дойдя до исторических и тем более философских рассуждений, скажут: Ну, опять. Вот скука-то, — посмотрят, где кончатся рассуждения, и, перевернув страницы, будут продолжать дальше. Этот род читателей — самый дорогой мне читатель. Их суждениями я дорожил больше всего; от их суждений зависит успех книги, и их суждения безапелляционны.

«Хорошо — дурно», говорят они. — Отчего хорошо?[1459] «От того, что хорошо», говорят они.

И по этой же самой причине они не хотят читать того,[1460] о чем свое мнение надо доказывать, и совершенно правы.

Это читатели художественные, те, суд которых дороже мне всех.[1461] Они между строками, не рассуждая, прочтут всё то, что я писал в рассуждениях и чего бы и не писал, если бы все читатели были такие. Перед этими читателями я чувствую себя виноватым за то, что я уродовал свою книгу, вставляя туда рассуждения, и считаю нужным выставить

побуждения, заставлявшие меня поступать так.

Я начал писать книгу о прошедшем. Описывая это прошедшее, я нашел, что не только оно неизвестно, но что оно известно и описано совершенно наыворот тому, что было. И невольно я почувствовал необходимость доказывать то, что я говорил, и высказывать те взгляды, на основании которых я писал.

Может быть, лучше было не писать их, скажут мне.[1462]

Кроме того, в оправдание могу сказать еще то, что, если бы не было этих рассуждений, не было бы и описаний. Только потому так серьезно описана охота, что она одинакова важна [2 неразобр.]

Другой разряд моих читателей — это те, для которых главный интерес в моей книге исторический. Многие из этих читателей недовольны тем, что я уничтожаю признанные славы. Отчего бы не отдать славу р[усско-го] н[арода] и Растопчину, и принцу Вирт[енбергскому]? Всё можно вместе. Отвечая на это, я должен повторить трюизм, что я старался писать историю народа. И потому Растоп-

чин, говорящий: «Я сожгу Москву», как [и] Наполеон: «Я накажу свои народы» — не может никак быть великим человеком, если народ есть не толпа баранов. Отчего с его талантом он не описал героев? Отчего, говорит старая худая дама, вы сделали мою племянницу такой красивой, а меня не хотите, ведь у вас талант. Именно потому, что я художник, я не могу сделать из вас ничего, кроме карикатуры, и не для того, чтобы оскорбить вас, сударыня, а потому, что я художник. Я художник, и вся жизнь моя проходит в том, чтобы искать красоту. Если бы вы показали мне ее, я бы на коленях умолял вас дать мне именно это-то лучшее счастье. Да, ведь вы художник, вы можете украсить.

Так говорят многие, как будто искусство есть сусальное золото, которым можно позолотить что хочешь. Искусство же имеет законы. И если я художник, и если Кутузов изображен мной хорошо, то это не потому, что мне так захотелось (я тут ни при чем), а потому, что фигура эта имеет условия художеств[енные], а другие нет. Je défei,[1463] как говорят французы, сделать художественную фигуру, а

не смешную из Растопчина или Милорадови-
ча. На что много любителей Наполеона, а не
один поэт еще не сделал из него образа; и ни-
когда не сделает.

Третий разряд моих читателей это те, кото-
рые обратят преимущественное внимание на
мои взгляды на историю.[1464]

Я понимаю всё различие высказанного
мною взгляда на историю от взгляда всех ис-
ториков. Различие[1465] таково, что очевид-
но: или я имел несчастье лишиться рассудка
и[1466] присоединить к сочинению, имевше-
му большой успех, безумное рассуждение об
истории, или вся та, так называемая, истори-
ческая наука, которая так серьезно препода-
ется, и пишется, и печатается, есть пустая и
праздная болтовня. Я[1467] сознаю неизбеж-
ность этой дилеммы во всем ее страшном
значении. Или я сумасшедший, или я открыл
новую истину.[1468] Я верю в то, что я открыл
новую истину. В этом убеждении подтвержда-
ет меня то[1469] независимое от меня мучи-
тельное и радостное упорство и волнение, с
которым я работал в продолжение семи лет,
шаг за шагом открывая то, что я считаю исти-

ной.

Если действительно мною открыта истина, и истина эта разрушает веками существовавшую науку, то очевидно, что истина эта не только не будет признана, но против нее вооружатся все те, которые служили прежней науке. Вооружение против меня будет тем более сильное, что высказанное мною, разрушающее целую науку, высказано не в многотомном сочинении, с ссылками и цитатами, ученым профессором, а высказано отставным офицером в отступлениях от чего-то вроде романа рядом с описаниями балов и псовой охоты.

Оружие, которое будет употреблено против новой истины, будет трояко. Я не считаю фельетонов, где между концертами и театром будет упомянуто вкратце, что не худо бы мне почитать такую-то книжку. Молчание тех самых людей — историков, философов по призванию, или скорее по должности, в прямой обязанности которых лежало бы, казалось, опровержение вредной и ложной теории, [1470] могущей смутить неопытные умы; молчание это будет мотивировано моим незна-

нием основных законов мышления и науки, тем, что высказанное мною ниже всякой критики и т. д., в сущности же будет основано на бессилии.

* № 319 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. VIII, IX).

Тысячелетия тому назад[1471] всеми религиями признан закон необходимости (тот самый, который с таким старанием стремятся доказать теперь посредством опытов над лягушкой), и никто из мыслящих людей никогда в нем не сомневался.

Но мыслящие люди видели другой несомненный закон — свободы, выражаемый сознанием, и в объяснении этого противуречия заключались труды мыслителей. Аристотель старался разъяснить его в области древней философии, святой Августин в области богословия, Гоббес и др. в области права, Спиноза, Кант, Шопенгауер — в области новой философии.

[1472] С точки зрения разума закон необходимости[1473] признан, разъяснен и доказан [1474] индейской, еврейской, магометанской и христианской религиями, Аристотелем, Ци-

цероном, св. Августином, Лютером, схоластиками, Гоббесом, Спинозой, Юмом, Пристлеем, Вольтером, Кантом, Шопенгауером и доказан так, что едва ли возможно и прибавить что-нибудь к тем полным доказательствам закона необходимости, которые приведены этими мыслителями.

Но большинство этих мыслителей не ограничивалось доказательствами закона необходимости, но отыскивали, смотря по своим целям, богословское, юридическое, этическое или общее философское разрешение[1475] вопроса[1476] греха, ответственности,[1477] добра и зла, вообще сознания свободы и закона необходимости. Только в наше время наблюдатели, призванные к разъяснению с *одной стороны*, одну сторону вопроса, могли быть приняты невежественной толпой за разрешателей вопроса. Господа Штраусы, Ренаны, Фохты, Льюсы, Милли, Литре и т. п. подобны красильщикам, которые, крася железо крыши, воображали бы себе, что они могут так хорошо окрасить крышу, что и стропила будут держаться.

Вопрос состоит в том, что, глядя на челове-

ка, как на предмет наблюдения с какой бы то ни было точки зрения, мы находим общий закон необходимости, которому подлежит человек так же, как и всё существующее. Глядя же с точки зрения сознания жизни, мы чувствуем в самих себе ту силу, которая производит всё существующее. Человек есть творение бога. Бог сделал человека таким, каким он есть. Что же такое грех? Вот вопрос богословский. Деятельность человека подлежит общим неизменным законам. В чем состоит его ответственность перед обществом? — вот вопрос одной части науки права. Поступки человека вытекают из его прирожденного характера и мотивов, действующих на него. В чем состоит добро и зло поступков людей? Вот вопрос этики. Человек есть результат многих сил. Каким образом он сознает эти силы? — вот вопрос философии. Физиологического и зоологического вопроса, очевидно, нет. Физиология и зоология суть, очевидно, только орудия для разрешения одной стороны философского вопроса.

Человек в прошедшей деятельности своей подлежит законам, но[1478] он чувствует себя

свободным, — вот вопрос истории.

Само собою разумеется, что подразделения этого вопроса в сущности не существуют и показывают только то, что вопрос этот не разрешен еще вполне (чему другим доказательством служит то, что различные разрешения его не переходят в сознание масс) и что для различных целей ума человеческого он разрешается различно.

Ежели бы в одной из тех различных областей, из которых подступают к разрешению вопроса, вопрос был бы разрешен окончательно, он был бы разрешен для всех.

Для меня вопрос этот представился в области истории, и я тщательно искал полного разрешения его в философии и пытался разрешить его.

Для истории вопрос этот представляется следующим образом.

Изучая историю человечества, мы не только видим, что все действия людей подлежат законам необходимости и что свобода их в прошедшем есть только мираж, но что и са-

мое понятие общей жизни человечества (предмета истории) невозможно без понятия законов, определяющих эту жизнь и потому ограничивающих свободу каждого. Вместе с тем та самая жизнь людей, которая нам представляется подлежащею законам необходимости, находится в нас, и мы чувствуем себя свободными.[1479] И потому, признавая других людей такими же, как и мы сами, с этой стороны видим деятельность людей свободною.

С одной стороны, разум, основываясь на наблюдении,[1480] показывает нам людей несвободными, с другой стороны, сознание и [1481] основанное на нем рассуждение показывает нам людей свободными.

Мне кажется, что ни в одной области мышления, в которых разрабатывался этот вопрос, он не представляется с такою основательностью и потому ясностью, с которой он поставлен здесь по отношению к истории.

Для богословия вопрос заключается в противуречии всеведения и всемогущества бога творца и [1482] божественном возмездии за дела творенья.[1483] В этике — в противуре-

чий между законом необходимости и ответственностью, в науке права — между законом необходимости и человеческим возмездием, в философии — между противоположными выводами разума, одним — доказывающим необходимость, другим — свободу. Во всех этих воззрениях, мне кажется, вопрос рассматривается между, с одной стороны, доводами разума, с другой стороны, тоже доводами разума, основанными на сознании, а не между разумом и самым сознанием, как вопрос постановляется для истории. Божественное возмездие, общественное возмездие, ответственность и доводы разума в пользу свободы — те, которые приводит [1484] философия — суть только выводы рассудка из сознания.

В области философии, то есть в области чистого мышления, [1485] Кант в тезе и антитезе 3-й антиномии и в разрешении [1486] космологической идеи свободы в соединении с общей и естественной необходимостью, и Шопенгауер в его «Preischrift über die Freiheit des Willen» [1487] и «Welt als Wille und Vorstellung», [1488] сказали, как мне кажется, последнее

слово философии в постановлении и разрешении вопроса.

Доказав неотразимо с точки зрения разума закон причинности или необходимости, Кант по тому же пути разума приходит к признанию *Intelligible Wille*, который, в противоположность воле чувственной,[1489] не[1490] подлжит закону причинности и может существовать наравне с общим законом необходимости. Т. е. Кант[1491] путем мышления пришел к необходимости признания другого источника знания — непосредственного сознания, которое он признает предметом трансцендентного мышления, чистым разумом или *Ding an sich*,[1492] которое в его философии сливается с этим трансцендентным понятием разума. Шопенгауер, по нашему мнению, величайший мыслитель нынешнего века и единственный прямой наследник великих мыслителей новой философии: Декарта, Спинозы, Локка, Канта, точно так же победоносно доказав, пользуясь новым орудием нашего века — естественными науками (*Der Wille in der Natur*)[1493] в своем коронованном Академией сочинении о свободе воли, за-

кон необходимости, которому подлежит человек, в разрешении вопроса (Die Welt als Wille und Vorstellung и Grundprobleme der Ethik) [1494] сложным путем мышления приходит к признанию источника непосредственного знания — того самого Ding an sich, который х-м остался у Канта или понимался как чистый разум, и источник этого знания видит в непосредственном сознании воли — Der Wille zum Leben,[1495] который в сущности так же, как и разум Канта и Ding an sich, есть не что иное, как непосредственное сознание, то самое непосредственное сознание, до которого по пути мысли громадным и величественным трудом достигли эти два величайшие мыслителя, но которое во всей его силе и ясности лежит в душе каждого, самого дикого человека, то самое сознание, против которого в своей Preisschrift über die Freiheit des Willen[1496] Шопенгауер неоднократно восстает и беспрестанно возвращается. После всех своих сильнейших доводов в этом сочинении против свободы воли, после доказательств того общего закона, проходящего через всё существующее, что камень не тронется без толчка, рас-

тение без возбуждения, животное без мотива, человек без мотива, прошедшего через рассудок, он опять и опять возвращается к тому Unbefangene (philosophisch rohe Mensch), [1497] как он называет, который все-таки скажет: «а я все-таки могу сделать всё, что хочу».

Это самое сознание свободы, к которому различными путями приходили богословие, этика, право и которое с таким трудом восстанавливает философия, это самое сознание в вопросе [1498] истории постановляется, как несомненное данное, которое не нужно и нельзя ни опровергать, ни доказывать, но выводы которого только необходимо соединить с противоположными выводами разума. [1499]

Философия Канта приводит к сознанию [1500] постигаемой воли и философия Шопенгауера к воле к жизни, [1501] которую мы чувствуем в самих себе и которая составляет метафизическую основу всего существующего. Простое сознание дикого человека говорит то же самое. «Я могу всё, что хочу». Философы: Кант, Шопенгауер опровергают понятие свободы, но оба признают [1502] сознание воли.

Но в смысле метафизическом — понятия воли и свободы не суть ли одно и то же? Если мы [1503] говорим, что воля несвободна, то этим самым мы говорим только, что воля, по сущности своей свободная, — ограничена.[1504]

«Я могу сделать всё, что хочу», говорит каждый человек, потому что чувствует, и это сознание до такой степени необходимо, что жизнь человеческая без него немыслима. Если бы человек перестал на мгновение сознавать свою свободу, он перестал бы жить. Опыт говорит то же самое.[1505] Человек знает свои силы и средства по опыту и рассуждению. Человек, не имея опыта, пытается поймать дым, сдвинуть гору, взять огонь, вдвинуть два предмета в одно пространство, но опыт и рассуждение показывает ему то, что возможно и что невозможно, и человек верит опыту, не повторяет попыток невозможного. Но человек, также не имеющий опыта, полагает, что он может из себя, из того, что он сознает собою, сделать всё, что он захочет. Он хочет поднять руку и поднимает ее. Ему связали руки, его напоили опиумом, и он не поднял руки. Но этот опыт убедил ли

его в том, что он не может сделать всё, что он хочет? Нисколько, он чувствует себя столько же свободным, как и до опыта. Ум человеческий говорит ему, что его сознание своей свободы есть только ложное представление [1506] о возможности двух поступков в одно и то же время. Но ясное, несомненное рассуждение это убеждает ли человека в его несвободе? Нисколько. Он говорит: я не могу представить себе два предмета в одном пространстве, два мои поступка в один момент времени; но я знаю, что я свободен и могу сделать всё, что я хочу. Сознание свободы получается человеком другим путем, чем рассуждение, и не подлежит действию разума, как то признают мыслители и как то чувствует величайший и ничтожнейший по душевным силам человек.

Признав сознание свободы за данное, вопрос о свободе и несвободе воли для истории постановляется с поразительной ясностью и простотою. Наблюдения над жизнью человек[ества] и основанное на них рассуждение приводят нас к закону необходимости. Сознание и основанное на нем рассуждение приводят нас к закону свободы каждого человека.

[1507] Всё в мире имеет причину, и потому каждое действие человека должно иметь причину, говорит 1-е рассуждение. Я сознаю себя свободным, я человек, и потому всё, что есть человек, свободно, говорит 2-е рассуждение. Не рассматривая справедливость того и другого рассуждения, рассмотрим характер достоверности обоих рассуждений 1) основанных на наблюдениях и 2) на сознании. Между обоими рассуждениями представляется резкое различие. Рассуждения, [1508] доказывающие закон необходимости, [1509] основанные на самых различных воззрениях: на всемогуществе и всеведении бога творца, на [1510] изучении характера человека, на статистике преступлений, на изучении [1511] физиологии, на сравнении человека с животным, на изучении общих законов движения человечества — приводят все к одному и тому же выводу, закону необходимости, управляющему человечеством. Вывод этот выражается законом, не зависящим ни от каких условий, законом, которому подлежит всё существующее. Скажем ли мы, что если всемогущий и всеведущий бог сотворил человека, то все дела че-

ловека predeterminedены, или что человек с данным характером не может поступать несообразно с характером, или что если существует определенное количество преступлений на определенное количество людей, то известное количество преступлений будет совершено, или что при известном физиологическом строении человека каждое его действие будет продуктом отношения внешнего мира на его физическую организацию, или что [для] совершения совокупных действий люди складываются всегда в известные формы, в которых участие каждого определено этой формой, — каждый вывод этот есть закон, без которого немислимо явление, и закон, достоверность которого всегда одинакова, относится ли он к прошедшему, настоящему или будущему. Рассуждение это с математической достоверностью говорит: при таких-то данных условиях всегда и везде будет то же.

В противность этому характеру рассуждений, доказывающих необходимость, рассуждения, доказывающие свободу,[1512] не имеют смысла закона и[1513] не имеют всегда

одинаковой достоверности.

Рассуждение это говорит: я сознаю себя свободным и потому[1514] знаю, что человек свободен.

Если к этому рассуждению мы приложим требования закона, которые находятся в 1-м рассуждении, мы увидим, что оно не удовлетворяет ему. Всегда ли одинаково это знание о свободе человека?

Нет, и достоверность свободы человека зависима от условий[1515] времени.

* № 320 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IX, X).

Рассматривая понятие наше о свободе людей по отношению каждого из этих условий, мы увидим: по каждому из них существует постепенность достоверности о свободе, смотря по тому:

1) в большей или меньшей связи с[1516] внешним миром рассматривается человек, 2) по тому, более или менее короткий промежуток времени отдаляет время суждения от времени совершения и 3) более или менее доступны нам причины поступка.

1) Рассматривая человека совершенно от-

дельно от внешнего мира и от других людей, мы видим совершенную достоверность свободы каждого его поступка. Человек, мыслящий и записывающий свою мысль, пашущий свое поле или поющий песню, рассматриваемый один — несомненно свободен, но тот же человек, пашущий поле, когда мы рассматриваем его [1517] как мужика из деревни, или пишущий мысли, когда мы рассматриваем его как [1518] писателя, и поющий в концерте человек — представляются нам тем менее свободными, чем яснее мы видим их связь с [1519] внешним миром. Человек семейный представляется нам менее свободным, чем одинокий, семейный и служащий — еще менее, семейный, служащий и участвующий в денежных предприятиях — еще менее, человек семейный, служащий, участвующий в денежных делах <и кроме того, член общества, государства, народа — еще менее>. [1520]

Чем понятнее нам связь человека с внешним миром вообще, тем недостовернее его свобода, [1521] экономическая, государственная, религиозная, общечеловеческая связь его с внешним миром, чем яснее она нам, тем

недостоввернее его свобода. На этом основании строится неменяемость всех действий, совершаемых на войне или в революциях, неменяемость, особенно живо выражаемая общественным мнением. Проявление свободы человека нарушает все законы мира. Чем меньше видимая связь человека с миром, тем полнее представляется свобода, и наоборот.

Рассматривая человека в близком прошедшем, мы будем иметь наибольшую достоверность его свободы.

* № 321 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X).

[1522] Рассуждение о свободе людей не имеет, как первый вывод, разнообразных точек отправления, приводящих к одному выводу. Оно имеет одно[1523] основание сознания. И если мы спросим себя,[1524] одинаково ли относится оно к одному человеку или ко всем людям? Одинаково ли оно относится ко всякому периоду времени? Мы принуждены будем признать,[1525] что достоверность его подлжит условиям количества рассматриваемых людей и времени.

Так: 1)[1526] судя о свободе человека, нахо-

дящегося в уединении, и другого человека, участвующего в толпе людей, имеющих одну цель, мы в первом случае признаем большую и во втором — меньшую достоверность нашего суждения; и видим, что степень свободы человека в нашем представлении увеличивается и уменьшается, смотря по большей или меньшей связи его с другими людьми. 2) Кроме того, судя о свободе своей или другого человека при совершении поступка в близком прошедшем и при совершении поступка в дальнем прошедшем — в первом детстве, мы признаем большую или меньшую достоверность нашего суждения, смотря по большей или меньшей отдаленности периода времени совершения действия от настоящего, и видим, что степень свободы человека в нашем представлении увеличивается или уменьшается по мере отдаления или приближения времени поступка от времени суждения.

* № 322 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IX, X).

Если бы Наполеон не приказал, солдат не пошел бы. Если бы не шел солдат, Наполеон не мог бы приказывать. И потому одинаково

неправильно сказать, что солдат пошел оттого, [что] приказал Наполеон, или сказать, что Наполеон приказал оттого, что шел солдат, — т. е. что к явлению, которое мы рассматриваем, понятие причины не приложимо.

Начало рукописи (см. на обороте)

В последнем анализе мы приходим к[1527] кругу вечности, к[1528] той крайней грани, к которой во всякой области мышления приходит ум человеческий, если не играет своим предметом. Электричество производит тепло, тепло производит электричество. Атомы притягиваются, атомы отталкиваются. Говоря о взаимодействии тепла и электричества и о [1529] атомах, мы не можем сказать, почему это происходит, а говорим, что это так есть потому, что немислимо иначе, так должно быть, что это закон.

То же самое относится и до исторических явлений. Почему происходит война или революция, мы не знаем, мы знаем только, что для совершения того или другого действия люди складываются в известное соединение, и говорим, что это так есть потому, что немислимо иначе, должно быть, что это закон.

Если бы история имела дело до внешних явлений, постановление неопровержимого закона было бы достаточно, и мы бы кончили наше рассуждение; но закон[1530] относится до человека.

Частица материи не может сказать нам, что она вовсе не чувствует потребности притягивания и отталкивания и что это неправда, человек же, который есть предмет истории, прямо говорит: я свободен, а потому не подлежу законам.

В последнем доводе своем вопрос истории сводится на вопрос о свободе воли.

Присутствие этого невысказанного вопроса чувствуется на каждом шагу истории.

Все серьезно мыслившие историки невольно приходили к этому вопросу и признавали непостижимую силу, руководящую [1531] волями людей.

* № 323 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IX).

Сознание говорит: я свободен. Разум говорит: я подлежу законам. Соглашение этих противуречий кажется невозможным, [1532] и вместе с тем противуречие это происходит не от ошибки мышления, как то говорит Кант, ибо сознание не может подлежать ошибкам мышления.

* № 324 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X).

[1533] Ибо[1534] 1) как бы ни увеличивали наше знание тех пространственных условий, в которых находится человек, мы никогда их не узнаем все, ибо число их велико бесконечно, так же, как бесконечно пространство.

2) Как бы мы ни удлиняли период времени, он будет конечен, а время — бесконечно.

И 3) Как бы ни была велика цепь причин, которая нам известна, мы никогда не будем знать ее всю, ибо она бесконечна. И потому мы никогда не придем к представлению полной необходимости.

Точно так же никогда мы не можем придти к представлению полной свободы, ибо: 1) Как бы мы ни представляли себе человека исключенным от влияний внешнего мира, влияние это всегда будет.

Для того, чтобы представить его себе вне влияний окружающего, мы должны представить его себе или неспособным воспринимать эти влияния, то есть уже не[1535] человеком, или вне пространства.

2) Как бы мы ни приближали время суждения к времени поступка, мы никогда не полу-

чим понятия свободы[1536]

и 3) Как бы мы ни увеличивали трудность постижения причины, мы никогда не придем к признанию полной свободы, то есть отсутствия причины.

Как ни была непостижима для нас причина выражения воли, в[1537] каком бы то ни было, своем или чужом поступке — первое требование ума есть[1538] предположение причины.

Если бы мы признали совершенную недосыгаемость для нас причины действия[1539] человека, мы бы признали, что действие это не имело причины,[1540] то есть имело причинойю силу, действовавшую извне, то есть отрицали бы свободу.[1541]

Итак,[1542] для того, чтобы получить полное понятие необходимости, мы должны допустить *бесконечное* количество условий, *бесконечно* великий период времени и *бесконечный* ряд причин.[1543]

Для того, чтобы получить полное понятие свободы,[1544] человек должен быть один вне времени и вне зависимости от причин.[1545]

В первом случае необходимо, отрешив-

шись от сознания,[1546] рассматривать явления только по отношению к законам разума.
[1547]

И действительно, разум имеет только эти три основных закона: бесконечного пространства, бесконечного времени и бесконечного ряда причин.

Во втором случае необходимо, отрешившись от законов разума, рассматривать явления только по отношению к сознанию.

И, действительно, сознание говорит:[1548]
Я один и всё, что существует, есть только я, следовательно включаю пространство. Я вне времени, ибо я сознаю бегущее время и меряю его тем, неподлежащим времени моментом настоящего, в котором одном я живу и сознаю себя. [1549] Так как я существую, только один я, то я один и есмь причина всего существующего.

* № 325 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X).

<И это откровение сознания неопровержимо до тех пор, пока оно сознание, но как только оно переходит в область разума, оно является уже в пространстве, во времени и в при-

чине.[1550] Но как скоро из области сознания я перехожу в область рассуждения, я вижу, что я, как и всё существующее: 1) занимаю одно определяемое всем остальным место в мире, 2) что в каждый момент прошедшего свобода моя закована временем, и 3) что всякое действие мое имело причину.[1551]

Сознавая себя, я свободен, представляя себя, я подлежу законам.

Для того, чтобы понятие необходимости было полным, должно допустить бесконечно великое число условий пространства, времени и причин и допущение таких условий [1552] — противоречие *Contradictio in adjecto*. [1553] Ибо всякое число есть $x + 1$. Но это самое противуречливое допущение бесконечного составляет сущность разума. И разум неопровержим, пока он остается в области разума, но как скоро он предметом своим избирает не понятие, а сознание, так он не может допустить необходимость.>

* № 326 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X, XI).

Только при раздвоении двух источников знания человеческого разума и сознания по-

лучается понятие полной свободы и полной необходимости. Но и то и другое понятие противуречат друг другу и сами себе.[1554] Ибо требования разума, бесконечности пространства, времени и причин одинаково немыслимы, как и откровение сознания, отрицание пространства, времени и причин.

Только при соединении обоих источников познания мы получаем ясное представление — не о свободе или необходимости, которые суть только взаимно определяющиеся понятия, Wechselbegriffe, а о жизни[1555] человека в его воле, которая определяется этими двумя разностями.

Понятия свободы и необходимости не суть понятия сами по себе, но выражают только отношение[1556] воли к разуму.[1557]

Воля в сущности своей, как свобода, ничем не ограниченная, выражается только в сознании единства, то есть вне пространства, вне времени в настоящем и вне причин,[1558] т. е. как причина, и тогда[1559] она только сознаваема, но непостижима,[1560] и потому воля, как сознание, не подлежит законам разума.

Разум же, как закон необходимости, сам по себе не имеет предмета, к которому бы он прилагал свои выводы, не имеет значения. Разум есть только форма, в которую выражаются явления жизни. Воля есть то, что рассматривается, разум есть то, что рассматривает. И понятие свободы в проявлении воли есть только понятие отрицательное, показывающее большее или меньшее[1561] подчинение проявлений воли законам разума.

История рассматривает проявления воли человека в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин и потому[1562] для истории не может существовать понятия свободы.

Для истории существуют только линии движения человеческих волей, один конец которых скрывается в неведомом и на другом конце которых движется в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин сознание свободы человека.

* № 327 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IX).

[1563] Мы[1564] с совершенной простотой и ясностью, не ощущая ни малейшего внут-

ренного противуречия, понимаем поступки, как свои, так и других людей. Говоря о[1565] падении первого человека, мы не видим ни малейшего противуречия в этом представлении. Точно так же ни малейшего противуречия не представляет для нас поступок человека, вышедшего из двери, подумавшего секунду о том, куда ему идти, и пошедшего не налево, а направо.

В первом случае мы видим наибольшую необходимость и наименьшую свободу, в последнем случае — наибольшую свободу и наименьшую необходимость поступка. Во всех действиях людей мы всегда видим известную долю свободы и известную долю необходимости.

Чем[1566] большая представляется нам необходимость, тем меньшую мы видим свободу. И наоборот.

Науки человеческие, религия и здравый смысл человечества — одинаково говорят и ясно понимают большую или меньшую степень[1567] необходимости и свободы.[1568]

Человек тонущий, хватаясь за другого и потопляя его, или изнуренная кормлением

ребенка голодная мать, крадущая пищу, или человек, приученный к дисциплине, по команде в строю убивающий[1569] незащитного человека[1570], или человек,[1571] совершивший[1572] убийство и умерший, и сумасшедший,[1573] умышленно зажигающий дом, представляются нам[1574] наименее свободными и наиболее подлежащими закону необходимости.

Но те же самые действия людей представляются нам[1575] наиболее свободными и наименее подлежащими необходимости, если мы знаем только, что человек потопил другого, что женщина украдала, что солдат застрелил незащитного, что человек убил или что кто-нибудь умышленно зажег дом.[1576]

На чем же основано признание большей и меньшей свободы и необходимости?

Далее от слов: Все без исключения случаи, в которых увеличивается и уменьшается наше представление о свободе, о необходимости *кончая:* уменьшается наше представление о его свободе и увеличивается представление о необходимой, подлежащей[1577] им *близко к печатному тексту.* Т. IV, эпилог, ч. 2,

А так как связь человека с внешним миром бесконечно велика, то есть что условий, влияющих на человека, может быть бесконечно великое число, то и присоединяя большие и большие условия связи человека с м[иром], мы дойдем до бесконечно м[алой] свободы и наибольшей необходимости. Откидывая же эти условия, мы придем к обратному заключению.

Это то основание, на котором строится неменяемость для большого числа преступников в совокупном преступлении, как бунте, убийств[е], и преступлени[и], совершаемых на войне, или мошенничеств некоторых спекуляций и т. п.

2)[1578] Второе основание есть большее или меньшее видимое временное отношение человека к миру: более или менее ясное понятие о том месте, которое действие человека занимает во времени. Это то основание, вследствие которого падение первого человека, имевшее своим последствием происхождение рода человеческого, очевидно менее свободно, чем[1579] вступление в брак совре-

менного человека. То основание, вследствие которого жизнь людей, живших века тому назад, представляется более свободною, более подлежащею необходимости, чем жизнь современного человечества, то основание, вследствие которого поступок, совершенный мной 10 лет тому назад с очевидными для меня необходимыми его последствиями, представляется мне менее свободным и более необходимым, чем поступок, совершенный нынче. Это то основание, на котором строится существующая во всех законодательствах давность.

3 основание есть большая или меньшая доступность для нас физических причин действия — той бесконечной связи причин, составляющей неизбежное требование разума и в которой каждое действие человека потому должно иметь свое определенное место, как следствие для предыдущих и как причина для последующих.

Это то основание, вследствие которого человек, которого оскорбил бы ребенок или сумашедший, тотчас же умеряет свой гнев точно так же, как он умеряет его, когда камень

ударил его в голову или собака подвернулась под ноги, и чувствует, что нанесший ему оскорбление — невиновен, ибо имеет наименьшую свободу и подлежит наибольшей необходимости, которая так же очевидна, как и в действии камня или собаки. Это то основание, вследствие которого очевидно, что ребенок, поджегший дом, был руководим только желанием повеселиться и потому подлежал закону необходимости и имел наименьшую свободу; человек же взрослый и здоровый, поджегший дом, смотря по тому, более или менее понятны нам причины, произведшие это действие, представляется нам более или менее свободным. На этом основании, чем образованнее и умнее человек, тем более он терпим, и чем глупее и ближе человек к животному, чем доступнее для каждого причины его поступков, тем менее он нам кажется свободным. На этом основании строится существующая во всех законодательствах неменяемость для детей, стариков и сумасшедших и уменьшающие вину обстоятельства, смотря по большей или меньшей доступности причин действия.

* № 328 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X).

Переходя к третьему условию увеличения или уменьшения о достоверности нашей свободы, состоящему в большей или меньшей доступности влияний, руководивших человеком, [увидим], что это третье условие заключает в себе оба первые; ибо, только рассматривая людей в связи между собою и в прошедшем оценивая их поступки, мы имеем данные для обсуждения. Если мы говорим, что сумашедший был не свободен, совершив такое-то действие, то мы можем сказать это только потому, что: 1) мы сравнили его с другими людьми и 2) сделали во времени ряд наблюдений над его поступками.

[1580] Понятие о свободе человека есть только понятие относительное, зависящее от [1581] той точки зрения, с которой оно рассматривается. Доступность эта увеличивается по мере увеличения промежутка времени и увеличения условий, при которых рассматривается поступок, и по мере увеличения этих данных уменьшается достоверность о нашей свободе.[1582]

Доходя до рассматривания всех условий и до детства одного человека и до зародыша исторической жизни, достоверность эта равняется нулю. Так что представление наше о нашей свободе в прошедшем и в связи с другими людьми зависит только от[1583] нашего суждения.

[1584] Итак,[1585] только потому, что мы не всегда одинаково ясно — по недостаточной связи и по малому промежутку времени — можем видеть[1586] причины, действовавшие на человека, мы называем человека свободным.

И так как есть постепенность этих влияний, и мы всегда видим хотя малую часть их, то мы и заключаем, что человек может быть представляем свободным только совершенно один и вне времени.

И действительно, по отношению связи с людьми, как бы одиноким мы ни воображали человека, если он вырос в обществе, он носит на себе влияние общества; если он вырос, как Каспар Гаузер, то он зверь и то носящий влияние харак[теров] родителей. По отношению же ко времени, как бы короток ни был пери-

од, отделяющий время суждения от совершения поступка, мы увидим, что свобода человека во времени — немыслима.

Итак, свобода, как понятие, немыслима. Для того, чтобы быть свободным, человек должен быть один и вне времени.[1587]

Свобода, как понятие и умозаключение, основанное на нем, опровергнуто. Но опровергнуто ли этим рассуждением то сознание свободы, на котором строилось умозаключение?

Нисколько.[1588]

* № 329 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. I).[1589]

Прошло 7 лет. Роль Наполеона, полагавшего, что он действует, управляя народами, была уже окончательно сыграна. В 13-м году ему казалось, что он жертвует собой для Франции, что он кончил свою деятельность, но то великий, невидимый Распорядитель, который двигал им и до сих пор, считал его еще нужным. Для Франции и для других народов необходимо было еще одно сотрясение — последний отплеск волны Наполеоновских войн, и ему, как актеру, который еще будет играть хотя и короткую, но необходимую

роль, для которой надо бы обучать, приготавливать нового, Наполеону на острове Эльбе еще не велено было раздеваться и смывать сурьму и румяны. В данную минуту актера вызвали опять неожиданно для него и непостижимо для всех. Совершается вдруг бессмысленное событие: человек, опустошивший Францию, один, без заговора, без солдат, приходит во Францию, ожидая, что первый сторож возьмет его; но никто не берет его, а невидимая рука Распорядителя приводит его на трон и приказывает играть ему короткую и последнюю роль. Роль сыграна, и опять, как будто странная случайность, миллионы случайностей приводят этого человека на корабль англичан, на остров Святой Элены и ему велено раздеться и смыть румяна. Он больше не понадобится. Но еще несколько [лет], опять по какой-то случайности, проходят в том, что этот актер императоров пишет свои записки и показывает всему миру, что невидимая рука водила им. Распорядитель, окончив драму, раздев актера, показал нам его. «Смотрите, чему вы верили. Вот он. Видите ли теперь, что не он, а я двигал вами». Но

люди не поняли этого.

* № 330 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. I).[1590]

Про деятельность Александра и Наполеона нельзя сказать, чтобы она была полезна или [1591] вредна, ибо мы не можем сказать, для чего полезна и для чего вредна.[1592]

<Наполеон, бессильный и униженный на своем острове, мечтает и передает потомству свои писанья о том благе, которое он сделал бы для человечества, если бы у него была власть.

[1593] Александр, стоящий на вершине возможной власти, с отвращением и с сознанием бессилия этой власти отворачивается от нее[1594] и приходит к отрешению от земного, к смирению личности и ищет успокоения только в Вечности.>

* № 331 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. I).

Но в чем же состоит значение этих людей? Почему с древнейших времен на них останавливается внимание человечества?[1595]

Почему видимый, бросающийся в глаза признак события есть всегда великий чело-

век, стоящий во главе его?

Отчего всегда, когда совершается событие, представляется человек, кажущийся нам выражением события? Ежели люди эти всегда есть и всегда бросаются первые в глаза, то они должны быть необходимы для совершения события и должны иметь в нем важное значение. В чем состоит их связь с событием и их значение?[1596]

Допустив, что историческое движение человечества совершается для достижения непонятных уму нашему целей, откинув совершенно понятие о цели и причине,[1597] взглянем на людей, составляющих как бы вершины тех колеблющихся, движущихся и исчезающих волн движения, которые называются историческими переворотами.[1598]

Не представляя себе целью движения человечества во время Наполеона ни величия Франции, ни идеи свободы, ни равновесия Европы, ни общего прогресса цивилизации,[1599] — какое будет главное явление этого периода истории? Военственное движение народов запада на восток и обратное движение народов востока на запад.[1600]

Соответственно с выработкой сил запада [1601] вырабатываются и силы востока[1602]. Наконец в 12-м году движение народов Запада совершается, увлекая с собой срединные народы.[1603]

Наконец всё затихает и взволнованное море укладывается в свои берега.

Так как мы допустили, что цель движения человечества для нас неизвестна, то и вопрос о том, почему и для чего совершилось это историческое явление, не может существовать для нас.[1604]

Вопрос, почему и для чего, естественно заменяется для нас вопросом, каким образом.

Каким образом совершилось всё, во всем объеме его, это историческое явление? Каким образом миллионы людей бросили свои поля, дома и стали истреблять имущество других людей и без всякой личной причины убивать себе подобных?[1605]

Каким образом люди, христиане, проповедующие закон любви, презирующие и казнящие воров и злодеев, каким образом эти люди, чувствуя себя несомненно правыми,[1606] вдруг отступили от сознанных ими, пропове-

дуемых и существенных свойств человеческой природы и совершали бесчисленные преступления?[1607]

Для совершения этих совокупных преступлений люди в настоящем случае, как и во всех прежде бывших подобных совокупных преступлениях, связали свой произвол с другими таким образом, что ответственность поступков своих они перенесли друг на друга, от низших слоев конуса до высших и, наконец, до его вершины.

При всех подобных совокупных преступлениях люди группируются таким образом, что наибольшее число лиц несут наименьшую ответственность, и единственное лицо, стоящее на вершине конуса события, сосредоточивает в себе всю видимую ответственность за действие всей массы.

* № 332 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. III).
[1608]

[1609] Нашествие стремится на восток, достигает конечной цели — Москвы. Поднимается новая, неведомая никому сила — народ, и нашествие гибнет.[1610] Конус распадается,

и человек, стоявший на вершине его, не имеющий более назначения оправдания масс, теряется в толпе.

[1611] Прежняя огромная группа разрушена и складывается новая. На вершине группы, [1612] имеющей то же призвание, как и прежде, нужен человек, и тот же готовый человек опять становится на вершину ее.

[1613] Новое лицо, бездействовавшее во время действия сил народа, является на вершине другого, [1614] вновь складывающегося огромного конуса — движения с востока на запад.

* № 333 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. IV).
[1615]

Итак, откинув взгляд древних на значение истории, допускавший божественное участие в делах человечества, история должна объяснить отношения масс к историческим деятелям. [1616] Рассматривая отношения масс к историческим деятелям, мы [1617] должны были прийти к заключению, что влияние исторических деятелей на массы [1618] нам только кажется, что в сущности не Наполео-

ны управляют массами, а массы управляют ими; что вся деятельность Наполеонов не объясняет и не может объяснить законов движения масс и что всё значение их в истории заключается только в том, чтобы служить оправданием деятельности лиц, составляющих массы.

Новая история стоит на рубеже признания этих положений, но она не признает их.

Как и всегда, причина заблуждения лежит не в разуме, но в чувстве, руководящем умом.

Чувство, в настоящем случае мешающее признать истину, лежит в страхе признания закона необходимости, разрушающего понятия свободного произвола, на котором держатся государственные и церковные учреждения.

[1619] Не признать при теперешнем состоянии исторического знания того, что все исторические события вытекают из совокупного действия человеческих волей, то есть закона необходимости, невозможно; но, признав закон необходимости, отрешиться от признания свободы человека кажется еще более невозможным.

* № 334 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. I).

[1620] А в Европе произошла реакция, и все государи стали опять обижать свои народы.

Напрасно подумали бы, что это есть насмешка и карикатура исторических описаний. Напротив, это — самое мягкое выражение тех ответов, которые дает нам вся история на наши вопросы. Действительно, если вы прочтете одну историю Тьера,[1621] вам не представятся эти противуречия — всё представится совершившимся по воле добродетельного гения Наполеона. Если вы прочтете Lanfrey, всё представится происшедшим по воле злодея Наполеона. Но ежели вы прочтете при этом истории русские, немецкие, вам представится неразрешимая путаница. Если же вы прочтете общие истории, как историю Шлоссера и Гервинуса, то путаница эта только еще более увеличится, ибо вы убедитесь, что не из произвола одного человека, но из произвола нескольких, всех ошибавшихся и осуждаемых историками, вытекали события, тоже осуждаемые историками.[1622]

Потом Александр, великодушный винов-

ник умиротворения Европы, вдруг после высшего торжества либеральных начал, которым он служил с начала царствования, поворотил на противоположную сторону строгости, презрения к людям и деспотизма[1623] и этим сделал дурно.

Что такое? Неужели это не насмешка? Неужели в этом одном выражается движение народов и человечества в этот период времени? Да. Другого[1624] не может дать история.

<Другого взгляда на события нет в истории.

Но это — насмешка, история никогда не говорит этого. История, прогматическая история, отыскивает общий смысл всех этих явлений, нанизывает их все на одну мысль. Тем хуже, ответим мы. Ибо то основание, на которое история нанизывает все бессмысленные факты жизни царей, основание это совершенно произвольно.

Посмотрим, что это значит.

- 1) Зависимость от совпадений.
- 2) Непроисхождение того, что думал.
- 3) Следствие больше причины.
- 4) Свободная воля у Наполеона, а у людей

нет.

Но это не может быть, история никогда не говорит этого, прогматическая.

Что же она говорит?

Один говорит, что это хорошо, другой — дурно. И всё сводится на три взгляда: 1) я (Н[аполеон], ч[еловек]) и всё на один, что мне кажется. Но кроме того противуречие и какое-то таинство, а всё таинство в том простом вопросе, который тщетно старается разрешить непризванная ф[илософия], пс[ихология], даже зоология и который подлежит разрешению одной истории, есть или нет свободная воля.>[1625]

<Это не насмешка, напротив — это самое мягкое изложение бессмыслиц науки. Чтобы быть точным, надо прибавить к этому: Наполеон — герой, добр; Наполеон — дурак, злодей; Александр добрый, и хитрый, и обманщик и т. д. Что бы ни было — это одно, что говорят историки. Как ни странно, может быть только в этих лицах возможно уловить смысл истории и, может быть, в них он выражается.>

* № 335 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. I–III).
[1626]

Третьи историки, делая уже самое сильное, крайнее умственное напряжение, мерилom хорошего и дурного берут благо человечества, прогресс, цивилизацию.

В понятиях этих историков войны Наполеона разносили по Европе идеи французской революции, идеи прогресса и цивилизации. Но мера прогресса и цивилизации опять мера условная, относящаяся только к уголку известного нам земного шара, называемого Европой.

Не входя в рассмотрение того, действительно ли благо человечества зависит от парламентов, неоплатных долгов, железных дорог, телеграфов, школ и книгопечатания, мы видим, что века тому назад так же, как теперь верят в несомненность блага цивилизации, верили несомненно в благо распространения мессии [?], католичества или протестантства, что в настоящее время есть независимые умы, которые так же разумно, как друзья цивилизации доказывают пользу ее, доказывают ее вред, мы видим, что и мери-

ло прогресса и цивилизации есть столь же непрочная и личная мера, как и мера того монаха, не хвалившего государя за то, что угнетали его монастырь.

Мерило цивилизации общечеловеческого блага уже потому невозможно, что, допустив знание этого блага, уничтожается движение истории, сама жизнь.[1627]

Ни мерило личного блага, ни блага народного, ни блага человеческого (малого количества известного нам человечества) не удовлетворяют разума. Первый прием истории — оценки событий, осуждения или оправдания исторических деятелей, смотря по предвзятой мере — неверен и служит источником дальнейших заблуждений.[1628]

Причина заблуждения лежит в признании в прошедшем произвола личности. Свободная воля, произвол есть только мираж настоящего. Совершив известный поступок в известный момент, человек не может повторить того момента, в который был совершен поступок, и потому не мог поступить иначе. Только в момент настоящего, в который он совершал поступок, у него было сознание возможности

совершить или не совершить его и потому он был свободен только для себя. Но для наблюдателя, рассматривающего его поступок в связи с общим движением, каждый поступок его закован временем, и представление о том, что человек мог или не мог в тот момент совершить или не совершить тот поступок, важное для психологии, не имеет значения для истории.

Я убежден, что я свободно говорю в[1629] минуту гнева, но через час мне уже яснее, что я говорил под таким-то влиянием. Глядя на поступки свои за годы назад, я еще яснее вижу причины моих поступков.

В прошедшем мираж свободы исчезает и действия людей остаются навеки неизбежными актами, закованными временем. И чем дальше развивается перед нами[1630] холст прошедшего, тем очевиднее сглаживаются личные произволы и тем очевиднее выступают те правильные, бесконечные узоры, которые составляют историю.

Из этого срединного воззрения, в особенности в последнее время при всё увеличивающемся обилии матерьялов, вытекают бесчис-

ленное количество неясностей, противуречий и вопросов, которые тем более становятся неразрешимыми, чем далее подвигается история на избранном ею пути.

Противуречия, неразрешимые вопросы эти с особенной яркостью бросаются в глаза при изучении недавнего, изобилующего матерьялами последнего героического периода истории — Наполеоновских переворотов в Европе.

[Далее от слов: В 1789 году поднимается брожение в Париже, кончая автографом: и Наполеон забрал Россию и Москву и убежал из нее без всякой причины и тогда близко к печатному тексту. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. I.]

[1631] Число исторических матерьялов о Наполеоновском времени — громадно. Все истории того времени могут быть разделены на три отдела: 1) записок отдельных лиц, 2) истории отдельных народов и 3) общих историй того времени.

В первом отделе мы находим самое большое разнообразие не только воззрений на смысл событий, что хорошо, что дурно, но и бесчисленное количество противуречий в

описании самых фактов. Но во всех одинаково описывается деятельность нескольких лиц за этот период времени.

Во втором отделе истории народов-государств за это время встречается то же разноречие и то же исключительное объяснение событий деятельностью Александра, Наполеона, Метерниха и т. д. Лучшие[1632] два большие[1633] сочинения этого отдела для Франции написаны Тьером и Lanfrey.[1634]

Один считает все действия Наполеона мудрыми и добродетельными; другой считает те же действия глупыми и порочными. В самом описании действий встречается постоянно полное противуречие. Один говорит и доказывает, что это было, другой говорит: никогда не было или было совсем иначе. Один говорит что такое действие принесло пользу, другой говорит и доказывает, что оно принесло вред. То же самое видим в описаниях деятельности Александра. При разногласии этом историков весьма легко заметить, что основание разноречия лежит в личных свойствах и особенностях историка. Французский историк скрывает всё постыдное для французов.

Русский скрывает всё постыдное для России. Французский республиканец старается выставить силу республики. Бонапартист — силу и величие Империи и т. д.[1635]

Эти два отдела истории не только не дают каких бы то ни было ответов на занимающие нас вопросы, ибо всё значение истории видят в деятельности нескольких лиц, не показывая нам связь этих лиц с массами, но взаимно уничтожают даже и те неудовлетворительные ответы, которые они дают нам о деятельности этих лиц и их значении.

Замечательное противуречие этих историков не только в описаниях побуждений и последствий действий Наполеонов и Александров, но и в самых действиях, причина которых, лежащая в личном произволе историка, становится очевидна и заставляет искать другого объяснения.

Обращаемся к третьему отделу общей, научной истории — Шлоссера, Гервинуса. Историки этого рода описывают нам также деятельность Александра и Наполеона, как производящую события, но вместе с тем в число деятелей истории вводят и другие лица — ми-

нистров, дипломатов, журналистов, генералов, дам, писателей, которые тоже, по их мнению, влияют в историческом движении масс.

В этих историках разногласие в описании самых фактов и в суждении о них, основанное на личном произволе историка, хотя и не в такой грубой форме, встречается так же, как и у историков первого разряда. Кроме того чувствуется, что признание участниками исторических событий министрами, дамами, писателями, основывается столько же на убеждении о действительном влиянии этих лиц, сколько на том обстоятельстве, что эти участники оставили по себе письменные памятники. Так, хотя и весьма вероятно[1636]

* № 336 (рук. № 103. Эпилог, ч. 2, гл. I, II).
[1637]

[1638] Странность и комизм этих ответов истории вытекает из того, что в наше время человечество говорит с историей, как с глухим человеком. История озабоченно отвечает на те вопросы, которые уже не существуют.
[1639] Она забыла, или хочет, чтобы забыли, про то, что мы не верим более в божествен-

ную власть. Ибо если нет божественной власти, то властью уже нельзя объяснить события, если же вместо божественной власти стала другая, то надо объяснить, какая эта другая власть. История же не делает ни того, ни другого.[1640] Частная история — Тьер, Lanfrey — описывает нам деятельность героя Наполеона, производящего события, в надежде, что никто не догадается спросить, какой силой он это производит. Общая история Гервинуса и Шлоссера описывает нам деятельность Наполеона и, кроме того, деятельность королей, министров, их любовниц, дам, ученых, журналистов и т. д. — всех тех, о которых у них есть сведения, показывая, что все эти лица [1641] вместе[1642] производили события, надеясь, что никто не догадается спросить, какою же силою журналисты и дамы производили переселения народов?[1643]

Историки этого рода как будто не замечают того, что воздействие друг на друга писателей, министров, генералов, если мы не допускаем божественной власти, объясняет деятельность масс еще хуже, чем власть одного человека. Воздействие друг на друга Штейна,

Бернадота, Толя, Александра, Наполеона и других может определить деятельность Наполеона, Александра, Штейна и других, но не деятельность миллионов. Для того, чтобы объяснить движение миллионов вследствие воздействия некоторых лиц друг на друга, надо доказать, что у этих некоторых есть власть. Общие историки не только не доказывают этого, но с радостью как будто доказывают обратное. Историки этого рода подобны тому механику, который бы для объяснения составной, равной силе 1000, отыскивал бы составляющие, сумма которых равна единице. Очень может быть, что из воздействия друг на друга Александра, Наполеона, Штейна, Бернадота вышло для этих лиц их известное положение и направление деятельности, но почему мильоны пошли драться, осталось неизвестным, ибо неизвестно, что такое власть.

Первого рода историки по крайней мере последовательны, если читатель не заметит обмана, состоящего в том, что все действия объясняются произведениями власти. Когда основания власти уже нет, то всё будет ясно и

даже поэтично. Тьер прекрасно пишет, как герой Наполеон всё делает на благо Франции и как он велик и добродетелен, Lanfrey прекрасно пишет, как он зол и вреден, и если вы читаете отдельно каждого и вопроса о при[чине] власти нет, то всё хорошо. Но Гервинус и Шлоссер сразу озадачивают читателя тем, что они то не признают власти за Наполеоном, то признают ее, и кроме власти людей, непосредственно связанных <с событием, придумыва[ют] еще новую власть, писателей и дам. В этих историях уже не может быть заблуждения о том, что власть есть божественная сила, и сразу бросаются в глаза[1644] то пустое место, тот х власти, оставленный без объяснения после отречения от непосредственного участия божества>.[1645]

Частные историки утверждают, что воля героя есть та самая сила, которая производит события. Они подобны тому механику, который, избрав одно из самых очевидных произведений многих одновременных сил, утверждал бы, что существует только одна эта сила и одна [она] служит причиной движения. Общие историки признают, что сила событий

лежит не в воле лица, но есть составная из многих сил. Чтобы найти эту составную, общие историки берут самые очевидные для себя силы министров, писателей и т. д. и утверждают, что сила события есть производная этих нескольких сил. Но так [как] взяты ими не все силы, а только одна, самая малая часть их, то очевидно, та составная, которая получится из малого числа сил, 1) не будет совпадать с общей всем силам составною и 2) главное, будет несравненно менее составной всех сил. Для того, чтобы скрыть этот существенный недостаток своей теории, общие историки [1646] необходимо должны прибегнуть, во-первых, к тому, чтобы предположить в сущности неизвестное им направление составной известным, и, во-вторых, придавать произвольно известным им силам увеличенное значение настолько, насколько это необходимо, чтобы их маленькая составная равнялась бы большей составной, которая существует в действительности. Это самое и делают общие историки. Для того, чтобы определить направление, они совершенно произвольно предполагают, что движение человечества

имеет одно определенное и известное им направление; это — свобода, равенство, конституционализм, прогресс, цивилизация, и к этому направлению они сводят все известные им силы. Для того, чтобы сравнить произведения сил монархов, министров, писателей, ораторов, которые, сколько бы ни говорили и ни писали, не могут произвести движения миллионов, они совершенно произвольно допускают, что одни из лиц имеют власть, тогда как сами эти историки отрицают власть лица и не объясняют, что такое эта власть, а что другие лица, как ораторы, мыслители, поэты, имеют влияние. Но историки не объясняют, что такое это влияние, поставленное на место власти, и остается еще более непонятно, чем войны, произведенные волей Наполеона, войны, произведенные книжками и словами писателей и ораторов.[1647]

Гервинус, Шлоссер,[1648] стараясь постоянно доказывать, что Наполеон и другие суть произведение своего времени,[1649] невольно приведены к необходимости объяснять явления истории волей Наполеона.

Так что на каждой странице они противу-

речат сами себе.[1650]

Противуречие это не случайно: оно вытекает из необходимости объяснения деятельности масс. Власть <исторических> героев над массами есть единственная ручка, за которую может ухватиться историк, и потому, мнимо отрицая эту власть, они ею объясняют всё движение человечества.

Этому беспрестанному противуречию самим себе общие историки помогают тем, что они не просто описывают, а постоянно судят все исторические лица на основании того направления, по которому идет человечество по мнению историка. Человечество идет, по их мнению, к чему-то весьма туманному и неопределенному, называемому прогрессом, и потому историк судит все лица, которые отступают от этой, им произвольно проведенной линии, и в этих-то суждениях заключается всё содержание этих историков.[1651] Две поправки первоначальной ошибки отрешения от понятия божественной власти и незнания, что такое власть, — переплетаются одна с другой и составляют все содержание этого рода истории. Произвольно увеличиваются

силы составляющие и произвольно определяются направление составной. Одни из этих историков усиливают первую ошибку, т. е. говорят о власти, которой не признают, как главном деятеле истории, другие усиливают вторую, всё внимание обращая на мнимое направление человечества. Этот последний отдел породил почти новый род истории, называемый историей культуры, родоначальником которой был Бокль.[1652]

* № 337 (рук. № 103. Эпилог, ч. 2, гл. III).

[1653] Признав невозможность продолжать обман, общие историки и историки культуры решили вместо бумажки делать звонкую монету из того, что у них есть. И монета действительно вышла *звонкая*, но только *звонкая*. Бумажка еще могла обманывать незнающих; но монета *звонкая*, но *неценная*, не может обмануть никого. Так же как золото тогда только золото, когда оно может быть употреблено не для одной единицы ценности, а и для дела, точно так же теория историков только тогда будет золотом, когда будет отвечать на[1654] главный вопрос истории: что

такое есть власть.

Теория же общих историков и историков культуры, не отвечая на эти вопросы, отстраняет их. И как жетоны, похожие на золото, могут быть только употребляемы между собранием людей, согласившихся признавать их за золото, и теми, которые не видали золота, так точно теория общих историков, не отвечая на существенные вопросы человечества, для каких-то своих целей служит ходячей монетой для университетов и для глупой толпы читателей.

* № 338 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. I—III).
[1655]

VI

Напрасно подумали бы, что это есть насмешка и карриатура исторических описаний. Напротив, это — самое мягкое выражение тех противуречивых и не отвечающих на вопросы [1656] ответов, которые дает вся история того времени от Тьера и Lanfrey до Шлосера и Гервинуса.

Странность и комизм этих ответов истории вытекает из того, что в наше время [1657]

история подобна глухому человеку, отвечающему на те вопросы, которые ему не делают, и не слышащему или не хотящему слышать тех, которые ей делает здравый смысл человечества.[1658]

Сущность вопросов исторических будет лежать всегда в том, что такое та сила, которая пригнала 600 тысяч людей в Россию и сожгла города и села?

На эти-то вопросы история озабоченно отвечает о том, что Наполеон был очень гениален, как говорит Тьер, или большой плут, как говорит Lanfrey, или о том, [что] Лудовик XIV дурно управлял государством, а писатели писали книжки. Всё это очень может быть, и человечество готово согласиться, но оно не об этом спрашивает. Всё это могло бы быть интересно и отвечало бы на вопросы, если бы мы признавали божественную власть, основанную на самой себе и всегда одинаковою, которая управляла[1659] через Наполеонов, Лудовиков и писателей своими народами; но власти[1660] этой мы не признаем больше.

Если же вместо божественной власти стала другая, то надо,[1661] чтобы новая власть

эта была вполне известна, всеми одинаково понимаема, но именно в этой-то силе заключается весь интерес истории.

История как будто предполагает, что сущность этой новой власти всем известна и всеми одинаково понимаема.[1662]

Как же понимается эта сила новыми историками?[1663]

Частные историки биографические и историки отдельных народов на вопрос о том, какая сила производила события, говорят, что сила эта есть *власть* сама по себе, власть Александра, Наполеона, Франца, Метерниха и т. д. Ответы, даваемые этого рода историками на существенный вопрос истории, удовлетворительны только до тех пор, пока существует один историк по каждому событию, но как скоро их является много различных национальностей и воззрений, так понятие о том, что есть та власть, которая производила события, совершенно затемняется, ибо понимается каждым историком различно.[1664]

Один историк утверждает, что событие произведено властью такого-то лица, а другой утверждает, что оно произведено властью

другого лица. Основания самой власти понимаются совершенно различно. Тьер говорит, что власть Наполеона была основана на его добродетели и гениальности. Lanfrey говорит, что она была основана на его мошенничестве.[1665]

В общих историках разногласие это еще больше. Общие историки[1666] рассматривают власть не как силу саму по себе, но как производную многих сил, котор[ыми] они признают всех тех людей, которые оставили по себе памятники: министров, генералов, торговцев, журналистов, ученых, даже поэтов.

Общий историк Гервинус, например, описывая, положим, восстановление Бурбонов, доказывает, что событие это произошло не по воле Александра I, а по воздействию друг на друга Александра, Штейна, Метерниха, M-me Stahl,[1667] Талейрана и т. д. Понятие о силе, производящей события, при этом воззрении следовательно совершенно противоположно тому, которое имеют частные историки. Кроме того, при этом воззрении существенный вопрос истории остается[1668] без ответа. Ибо

если Талейран, Александр и другие говорили таким и таким [образом], так и так были расположены друг другу, из[1669] всего этого вытекает только их известное отношение между собой, существенный же вопрос о том, почему миллионы французов покорились распоряжению союзников, остается без ответа. Если Талейран сел на Венском конгрессе раньше всех на известный стул и обманул дипломатов, то из этого вытекает только то, что он сидел на стуле и дипломаты были обмануты, вопрос же о том, почему миллионы стали платить увеличенные подати и изменили свои отношения, остается неразрешенным.

Чувствуя невозможность объяснять явления истории одними этими, действующими друг на друга <силами>, так как единственная ручка, за которую может ухватиться историк для того, чтобы объяснить движения масс, общие историки, сначала отказавшиеся от понятия непосредственной власти, принимая ее за произведение других сил, приведены к необходимости, вновь противореча сами себе, употреблять понятие уже не непосредственное, а производное власти. Так что в ис-

ториях этого рода неизбежно на каждом шагу встречаются противуречия самим себе.

То Наполеон есть произведение своего времени и власть его есть только произведение сил, то власть его есть сила, производящая события. Тот же Гервинус, который доказывает, что Наполеон есть представитель революции, идей 1789[1670] года, говорит, что то-то и то-то сделано по воле Наполеона, а что поход 12-го года есть произведение ложно направленной воли Наполеона.

Третьи историки, еще более общие, называющиеся историками культуры, еще более затемняют понятие власти, признавая как будто то, что причины событий лежат в так называемой культуре, в умственной деятельности, и вместо прежнего понятия власти ставят понятие влияния,[1671] тем самым совершенно отстраняя существенный вопрос истории, ибо понятно, что одаренный властью человек может велеть убивать себе подобных, но решительно нельзя постигнуть, каким образом книга Contrat Social сделала то, что французы резали друг друга.[1672]

Странное заблуждение историков культу-

ры, основанное на том, что один из признаков события — умственную деятельность, они принимают за причину и тем лишают историю всякого объяснения.[1673]

Эти историки из всего огромного числа признаков, сопровождающих всякое живое явление, выбирают признак умственной деятельности и говорят, что этот признак есть причина. Но, несмотря на все их старания показать, что причина события лежала в умственной деятельности только *avec beaucoup de bonne volonté*, [1674] как говорят французы, можно найти какую-нибудь связь между умственной деятельностью и движением народов, ибо явления, как французская революция, то есть жесточайшие убийства, вытекающие из проповедей о равенстве человека, и злейшие войны и казни, вытекающие из проповеди учения любви, не подтверждают этого предположения. Несомненно существует связь между всем одновременно живущим; и потому есть возможность найти некоторую связь между умст[венной деятельностью] людей и их историческим движением, точно так же, как эту связь можно найти между торгов-

лей, ремеслами, садоводством и чем хотите и историческим движением людей. Но почему умственная деятельность людей представляется историкам культуры не одним из признаков, а причиной или выражением всего исторического движения, весьма трудно понять, если не принять в соображение того, что: 1) история пишется учеными и потому естественно им кажется, что деятельность их сословия есть основание всего движения всего человечества, как это кажется купцам, земледельцам, солдатам (это не высказывается только потому, что купцы и солдаты не пишут истории) и 2) того, что *умственная, духовная деятельность, просвещение, цивилизация, культура* суть все понятия неясные, неопределенные, под знаменем которых весьма удобно употреблять слова, как достоинство личности,[1675] духовное развитие и т. д., имеющие еще менее ясного значения и потому легко подставляемые под всякие теории.

Но, не говоря о внутреннем достоинстве этого рода историй (может быть, они для кого-нибудь и для чего-нибудь нужны), истории

этого рода, к которым начинают более и более сводиться все общие истории, знаменательны тем, что они совершенно откровенно отстраняют главный вопрос исторический о том, какой силой производятся события, и говорят о том, что для них кажется занимательным.

Единственная связь, посредством которой могут быть понимаемы исторические события, есть понятие о власти и потому понятие это должно быть ясно определено и всеми понимаемо одинаково.

Между тем под понятием этим разумеются различными историками совершенно различные вещи. Одни видят в нем силу, непосредственно присущую героям, другие силу, производную из других некоторых сил, третьи — умственное влияние вместе с властью [?] [1 неразобр.], так что весьма вероятно, что ни те, ни другие, ни третьи ничего определенного не разумеют под этим понятием, а употребляют его по старой привычке, признанием божественной власти, предполагая, что сущность этой власти сама собой разумеется.

До тех пор, пока пишутся истории отдель-

ных лиц, будь они Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры, а не история всех, без одного исключения всех людей, принимающих участие в событии,

[Далее от слов: Историческая наука до сих пор по отношению к вопросам человечества кончая: охотников серьезных книжек, как они это называют близко к печатному тексту. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. III.]

* № 339 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. II–IV).

[1676] Так, хотя и весьма вероятно, что лица, не писавшие своих мемуаров и о которых не писали мемуаров, и имели участие в истории так же, как и те, которые писали, мы видим, что главное место в истории занимают всегда те, о которых было много писано.[1677] Но в этих историках, кроме общего с первыми двумя отделами разногласия и взаимного уничтожения положений друг друга, основанного на личном взгляде, находится еще существенное противуречие самим себе, основанное на их воззрении на причины исторических событий, и вытекающие из этого противуречия недосказанность, неясность и

праздное многословие.[1678]

Противуречие их самим себе состоит в том, что, признавая одновременное участие многих лиц в совершении исторических событий, отыскивая связь и последовательность событий, они изучают деятельность каждого лица, осуждая и оправдывая ее, как выражение свободной воли лица.

Если, как часто и говорит история, исторические лица суть произведения своего времени, вытекающие из связи современных и предшествовавших событий, то изучение свободной деятельности этих лиц не может иметь интереса для истории. Если же люди эти свободны, то всякое понимание связи событий, руководившей их деятельностью, разрушается признанием их свободы. История говорит, например, что Наполеон был произведением своего времени, что причины, образовавшие власть и деятельность Наполеона, лежат и в царствовании Лудовика XIV и его наследников, и в деятельности людей революции, и в отношениях Европы к революционной Франции и т. д. Стало быть, взяв крупнейшие события, не было бы Лудовика XIV с

его свободной деятельностью — не было бы революции; не было бы свободной деятельности революционных деятелей — не было бы Наполеона; не было бы деятельности Наполеона — не было бы реакции 20-х годов, не было бы движения 30-х и 48 годов. Но, если по мнению историков события так связываются между собой, то можно ли предположить, что бы было, если бы Лудовик XIV, революционные деятели и Наполеон поступали бы иначе, чем как они поступали?

Очевидно нельзя. Ибо предположение о том, что Лудовик XIV, или Робеспьер, или Наполеон изменили бы своей образ деятельности, разрушало бы всю эту видимую историками связь между событиями. Допущение же того, что исторические деятели могут поступать дурно или хорошо — есть допущение свободного произвола исторических лиц или, другими словами, предположения о том, что бы было, если бы Лудовик XIV, Робеспьер, Наполеон поступили бы не так, как они поступали. Это странное противуречие встречается на каждом шагу в новой истории, где историк старается показать необходимую связь между

деятельностью многих лиц и между прочим сам разрушает эту связь, осуждая, оправдывая каждое историческое лицо, и делая предположения о том, что бы должно было сделать в таком и таком случае такое и такое лицо. Противуречие это до такой степени бросается в глаза, что многие мыслящие историки бессознательно и бездоказательно (так как верование древних отвергнуто) приходят к тому же фатуму, управляющему не одними царями, но всеми историческими деятелями, приводя их воли и совпадения к одной цели. Казалось бы странным существование очевидного противуречия без попыток разрешения его, ежели бы на это не было важной нравственной причины. Причина эта лежит в идеале, который себе ставит и от которого не хочет отречься история. Если бы история не признавала за собой знания целей, к которым движется человечество, противуречие это никогда бы не существовало; ибо, не зная того, хорошо или дурно то, что Лудовик XIV разорил свое государство, нам бы никогда не представился вопрос о том, мог ли или не мог он поступить иначе. Мы бы, отыскав место,

которое он занимал в связи общих событий, сказали бы только, что он исполнил свое историческое призвание. Вопрос же о том, был ли он хороший или дурной человек, был бы вопросом для этики, психологии, но не для истории. Признав же за собой знание целей истории без участия божества, всякое историческое лицо подлежит нашему суждению по мере того, как это лицо содействует тем целям, которые мы предполагаем. И в этом мерянии на эту нашу условную меру деятельности исторических лиц заключается 99/100 всех исторических изысканий и в этом-то мерянии лежит источник внутреннего противуречия. Гервинус, например, говорит о Наполеоне, как о произведении своего времени, но вместе с тем он говорит, что Наполеон, спасший Францию, должен был воспитать свой народ для свободы и благоденствия, а вместо того он, отступив от своего призвания, увлекся завоеваниями и т. д. Историком известно, стало быть, благо народов и призвание Наполеона и потому завоевательная деятельность Наполеона произведена только ложно направленной волей Наполеона.

Война 12-го года, по мнению историка, уже не входит в призвание Наполеона и есть случайное явление. Но если революция и Наполеон были произведения своего времени, почему войны Наполеона не суть точно так же необходимые произведения своего времени и причины произведения новых явлений. Возможно ли представить себе новую историю без войн Наполеона? Чем же отличаются действия Наполеона, совершенные по историческому призванию, и противно призванию? Только тем, что историк признает те совпадающими, а те несовпадающими с избранным им идеалом. Мало того, только это представление себе идеала заставляет историка признавать в одних явлениях волю Наполеона, подчиненною общим законам, в других свободною и действующею противно общим законам.

Кроме противуречия самим себе, у общих историков встречается еще невольно поражающая недосказанность. Общий историк, критикуя например частного биографического историка, описывающего освобождение Европы, произведенное по воле Александра I, по-

казывает, что событие это произошло не по воле Александра, а по одновременному участию в этом событии большого количества лиц: и министров, и дипломатов, и германских патриотов, и журналистов, и писателей, и философов, связь которых между собою отыскивает общий историк. Событие, следовательно, представляется мне уже не произведением воли одного человека, непосредственно связанного с событием, но произведением разнородно направленных разнообразных сил, обуславливавших представляющуюся мне прежде причиною волю Александра.

* № 340 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. IV).
[1679]

Власть эта не может быть той непосредственной властью физической, сильного существа над слабым, основанной на приложении или угрозе приложения физической силы, как власть Геркулеса, ибо Наполеон был [1680] гораздо слабее каждого из своих солдат. Власть эта, следовательно, должна быть основана на другой силе.[1681] Одна часть историков объясняют власть Наполеонов преоблада-

нием силы[1682] нравственной, ума, силы воли.[1683]

Исторические деятели, говорят эти историки, суть герои, то есть люди, одаренные особенной силой души и ума, называемой гениальностью, а воля таких людей имеет силу влиять на воли миллионов.[1684] Но та же история показывает нам, что те же люди-герои, как Наполеоны и Метернихи, управлявши миллионами,[1685] не имеют никаких особенных свойств силы душевной, а, напротив, большей частью слабее каждого из миллионов, которыми они управляют.

Но, не говоря уже о тех исторических лицах, как Наполеоны и Метернихи, о которых все-таки могут быть разноречивые суждения, не говоря о свойствах расслабляющей среды, в которой неизбежно должны действовать исторические лица,[1686] история показывает нам бесчисленное количество примеров — от Неронов до Лудовиков XI и Пугачевых — людей, имевших наибольшую власть и наименьшее нравственное преобладание, и поэтому власть не может заключаться в нравственном преобладании[1687] воли одного

над волями миллионов.

Если источник власти лежит ни в физических, ни в нравственных свойствах лица, обладающего властью, то источник этой власти должен находиться вне лица, в тех условиях, в которых оно поставлено. Так и объясняет источник власти исторических лиц наука — государственное право.[1688]

Наука говорит, что источник власти исторических лиц лежит в том отношении, в которое ставят себя массы к историческому лицу: в отрешении масс от своих личных произволов и перенесении их на избранные словесным или молчаливым согласием исторические лица.[1689]

Теория эта объясняет жизнь народа в мирные периоды времени, во время которых для народов нет истории. Но[1690] как только являются завоевания, покорения, революции, так теория эта[1691] не может объяснить, почему вдруг совокупность воли переносится с одного лица на другое. Почему совокупность воли французов переносится с Людовика XVI на Конвент, на директорию, на Наполеона. Почему совокупность воли Рейнского союза и

даже России в 1809 году переносится на Наполеона, а потом на Александра, и тому подобные примеры. В подобных случаях теория говорит, что жизнь отступает от теории и Лудовик XIV и XV виноваты, и Наполеон виноват в том, что совокупность воля перенеслась с него на другого. Теория эта в приложении к истории подобна той теории ботаники, которая, сделав наблюдение о том, что некоторые растения выходят из семени в двух листиках, настаивала бы на том, что всё, что растёт, имеет два листика, и дуб, и яблоня, которые распускают свои ветви, цветут и оплодотворяются, только случайно отступили от теории.

Теория эта тем более удобна, что акт перенесения совокупности воля никогда не может быть поверен, так как он никогда не существовал, и потому, какое бы ни совершилось событие, кто бы ни стал во главе события, теория всегда может сказать, что причина того, что такое-то лицо стало во главе власти, было то, что совокупность воля была перенесена на него. С такою же последовательностью можно было бы сказать, что источником вла-

сти исторических лиц есть совокупность волей мух или зайцев, переносимых с одного лица на другое. Ежели это совершилось, значит все мухи желали этого. Для того, чтобы теория эта могла объяснять[1692] события жизни, а не подводить только события жизни под теорию, необходимо, чтобы теория эта[1693] нашла законы, по которым[1694] переносятся совокупности волей людей с одних лиц на другие. Теория эта для приложения к истории прежде всего должна разрешить вопрос о том, <бессрочно и> безусловно переносится ли совокупность волей на исторические лица или условно.

Если[1695] безусловно,[1696] то почему происходит то беспрестанно повторяющееся [1697] явление, что похитители всех так называемых людских прав: Иоанн IV, Лудовик XIV благополучно царствуют, а Лудовик XVI и Карл II[1698] свергаются с престолов, почему исторические лица, как нам доказывает обильная матерьялами новая история, не только не исполняют своих предначертаний, но исполняют их совершенно в обратном смысле. Александр I желает освободить кре-

стьян и дать конституцию, Наполеон I желает сделать экспедицию в Англию и т. д. и не делают того, чего желают, а делают совершенно обратное.

Если же совокупность воль переносится на исторические лица[1699] условно,[1700] то необходимо[1701] объяснить, какие те требования масс, под условиями которых они переносят свои воли на исторические лица, необходимо найти законы, а не после того, как событие совершилось, более или менее остроумно придумывать, почему оно совершилось.

VIII

[1702] Единственное объяснение, которое можно найти в туманном и неопределенном воззрении новой истории на отношение исторических лиц к массам, состоит в[1703] следующем:

Одни историки, преимущественно частные историки, в простоте душевной не понимая вопроса о значении власти, признают как будто то, что совокупность воль масс переносится на исторические лица безусловно и потому исторические лица составляют весь интерес истории и суть причины событий. Но

сама новая история обилием своих матерьялов разрушает этот первобытный взгляд на историю. В древней истории взгляд этот еще возможен, так как из существующих источников не видны те влияния, которые руководили волями исторических лиц, и не видны те бесчисленные противоречия и неисполнения предначертаний, которые видны в деятельности лиц новой истории. В новой истории очевидно, что воля Наполеона не могла быть исключительной причиной событий; ибо если воля его была причиной похода 12 года, то та же причина должна была производить и те же следствия. А мы видим, как в этом случае, так и во всех событиях новой истории

* № 341 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. IV–VI?).
[1704]

Взгляд историков, отступающих от первоначального воззрения, что исторические деятели могут непосредственным своим влиянием руководить волями масс, и признающих то, что исторические лица, хотя и свободно действуют, суть, однако, выражения своего

времени — взгляд этот в его точном определении будет состоять в следующем:

Воля исторических лиц не всегда производит события; но тогда только, когда другие условия (число которых бесконечно) делают исполнение воли исторического лица возможным. Исторические условия вырабатывают одну определенную форму, в которую по воле исторического лица выливается событие.

Если форма события, путь, по которому движется человечество, определяется не волей исторического героя, то и вся деятельность его представляется только силой, не имеющей в самой себе ни формы, ни направления.[1705] Сила же одного лица, ограниченного условиями исторической жизни, двигающая массами без признания божества источником этой силы — еще более противна разуму, чем сила, совершенно свободная, и сила эта, как нам показывает история, лежит в массах. Сила лежит в массах, форма определяется не волей исторического лица. В чем же значение этого лица?

Итак, рассматривая утвердившееся преда-

ние о том, что воля единичных людей производит движения масс без участия воли божества, мы пришли к заключению, что влияние единичной воли на многие противно законам разума, не подтверждается опытом и что деятельность исторических лиц не может служить ни безусловным, ни условным выражением деятельности масс. Но связь между деятельностью исторических лиц и деятельностью масс несомненно существует.

* № 342 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. IV).

[1706] Другие историки признают, что воля исторических лиц основана на условной передаче им совокупности воли масс, что воля этих людей не есть исключительная причина событий, но совершается только тогда, когда совпадает с волями масс.

Но если так, и причина событий лежит не в воле исторического лица, а в воле масс, то в чем же заключается интерес исторического лица?

Исторические лица, говорят эти историки, выражают собой волю масс, деятельность исторического лица служит представительни-

цею деятельности масс.

Но в таком случае является вопрос, вся ли деятельность исторических лиц служит выражением воли масс или только известная сторона ее? Если вся деятельность исторических лиц служит выражением воли масс, как то и думает большая часть историков, то биографии Наполеонов, Екатерин со всеми подробностями придворной сплетни служат выражением воли народов, что есть очевидная бессмыслица; если же только одна сторона деятельности исторических лиц служит выражением жизни народов, как то и думают другие [1 неразобр.[1707]] философы, историки, как Гервинус, то[1708] для того, чтобы определить, какая сторона деятельности исторического лица выражает волю народа, нужно знать прежде волю народа. Это самое и делают историки. Когда событие совершилось, историки эти совершенно произвольно придумывают какое-нибудь отвлечение (не имеющее определенного значения и главное неосязаемое), как то:[1709] величие русского, римского, французского государства, конституционализм и т. п., ставят это отвле-

чение за цели истории. И тогда по мере содействия исторического деятеля этому известному отвлечению, историки предполагают, что в[1710] достижении этой неопределенной цели состоит деятельность масс.

* № 343 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. IV, VI?).
[1711]

Третьи историки признают, что воля масс переносится на исторические лица условно и неопределенно, что условия эти[1712] заключаются в общем движении человечества к [1713] достижению известной цели и что условия эти известны, так что как скоро историческое лицо отступает от этой программы, которую молчаливым согласием предписала ему воля народа, так оно лишается власти. [1714] Но в чем состоят эти условия, историки эти не говорят нам, и если говорят, то постоянно противуречат один другому.

Каждому историку, смотря по его взгляду на то, что составляет цель движения[1715] народа, представляются эти условия то в[1716] величии Франции, то в богатстве, то в просвещении и т. д. Но, не говоря уже о противуре-

чий историков о том, какие эти условия, не говоря о том, что все эти программы придумываются после совершения события, допустив даже, что существует одна общая всем программа этих условий,[1717] исторические факты почти всегда противуречат этой теории. Если условия, под которыми передается власть, состоят в[1718] благе народа, то почему Лудовики XIV, и Иоанны IV спокойно доживают свои царствования, а Лудовики XVI и Карлы II казнятся народами?[1719]

Историки этого разряда, встречаясь с такого рода противуречиями своей теории,[1720] или говорят, что деятельность Лудовика XIV, противная программе, отразилась на Лудовике XVI, не определяя срока, в который должны отражаться отступления от программы, или еще проще[1721] говорят, что революция, междоусобие, завоевание было произведением ложно направленной воли одного или нескольких людей, так что историческое событие представляется ими отступлением от теории.

Теория эта в приложении к истории подобна той теории ботаники, которая, сделав на-

блюдение о том, что некоторые растения выходят из семени в двух долях-листиках, настаивала бы на том, что всё, что растёт, растёт только раздвояясь на два листика; и что и пальма, и гриб, и даже дуб в своем полном росте, разветвляясь и не представляя более подобия двух листиков, отступают от теории. [1722]

* № 344 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. V, VIII–XI).

[1723] Одно из самых обыкновенных заблуждений человеческого ума заключается в признании предшествующего [1724] признака за причину явления.

Когда идет туча и дует ветер по направлению движения тучи, мы говорим: ветер нагнал тучу. Но, [1725] спросив себя, всегда ли, когда дует ветер, он нагоняет тучу, или всегда, когда идет туча, то дует ветер, мы замечаем, что [1726] ветер не всегда нагоняет тучу, но что всегда, когда идет туча, в ее направлении дует ветер, и говорим, что ветер есть только один из [1727] предшествующих признаков движения тучи.

Таких примеров исправления ошибки в умозаклучениях можно представить тысячи. В настоящем случае в вопросе о том, что от чего зависит, событие ли от предшествовавших и совпавших с ним слов или слова от последовавшего события, мы,[1728] убедившись в том, что слова бывают без события, а событие не бывает без слов, пришли к заключению, что приказание о исполнении события есть только[1729] один из предшествующих признаков. Ход рассуждени[й] наш был точно такой же, как и во всех других подобных случаях, но заключение наше все-таки не имеет той убедительности, которую имеет заключение о ветре и туче.

Причина неубедительности нашего заключения лежит в том, что то, что мы назвали [1730] одним из предшествующих признаков, есть не внешнее явление, а есть сам человек.

Пускай вы называете это[1731] предшествующим признаком, ответят мне, а я все-таки несомненно знаю, что я велел, и дерево было срублено, и потому я чувствую, что Наполеон велел, и дано было Бородинское сражение. Я знаю, несомненно знаю, что я мог

сделать или не сделать то или другое и потому предполагаю, что Наполеон, подобный мне человек, был также свободен.[1732]

Вопрос о понимании истории, следовательно, сводится на вопрос о воле.[1733]

Свободен или несвободен человек, вот страшный вопрос, который задает себе человечество с самых различных сторон: физиология, психология, статистика, зоология даже принимает участие в борьбе. «Свободы нет», говорят одни, «человек подлежит законам материи».

«Свобода есть; душа, составляющая сущность человека — свободна», говорят другие.

Посмотрим с точки зрения истории на вопрос свободы или несвободы человека.[1734]

Вопрос этот, который косвенно пытаются разрешить естественные науки, не призванные к разрешению его, вопрос этот для истории представляется вопросом жизни и смерти.

Все противуречия, неясности истории, [1735] тот ложный путь, по которому она идет, описывая единичные лица как представителей масс, основаны не столько на труд-

ности уловить движение масс, не столько на предании взгляда древних на историю, не только на ложном стыде признания в своем незнании, сколько на страхе разрешения этого вопроса.

А между тем без разрешения вопроса о свободе воли человека,[1736] составляющего сущность исторических изысканий, история не может сделать ни одного шага. Если Карл IX, обладая свободной волей, мог приказать Варфоломеевскую ночь, Наполеон — убийство пленных, то не жертвы, а убийцы были лишены свободы, так как они отступали от сущности свободы.

Если же Карл IX и Наполеон вместе с другими подчинялись общему закону необходимости, то они не имели свободы и причины убийства лежали не в их воле. Казалось бы, необходимо признать последнее, но страх перед признанием закона необходимости останавливает историю, и она останавливается на половине дороги, признавая свободную волю для исторических лиц и закон необходимости для масс.[1737]

Единственный выход из этого положения

есть разрешение вопроса о свободе воли человека для истории.

Рассматривая отношение деятельности исторических лиц к массам, мы нашли: 1) что влияние воли исторических лиц на массы без признания божественного вмешательства [1738] невозможно и в действительности не оправдывается, 2) что деятельность масс не выражается деятельностью исторических лиц, 3) что очевидная связь, существующая между деятельностью исторических лиц и деятельностью масс, состоит в ряде отношений, выражений воли некоторых лиц с рядом событий и 4) что выражения воли исторических лиц находятся в зависимости от событий и относятся к ним, как необходимые предшествующие признаки.

Но, придя к этому заключению, мы нашли, что то, что к событию относится как предшествующий признак, есть сущность самого человека, его я — сознание свободы. Выводу нашему противуречило не рассуждение, а непосредственное сознание. Я знаю, что я могу сказать и сделать то и то-то и потому знаю,

что я, сказав или сделав то-то и то-то, был свободен.

Сознание того, что я есмь свободен, есть сознание, которое не может быть ни доказано, ни опровергнуто разумом; но сознание того, что я был свободен, есть понятие и потому подлежит разуму. Если человек говорит: я знаю, что был свободен, он делает умозаключение. Я свободен в момент настоящего, прошедшее было настоящим в то время, как я совершил поступок, следовательно я был свободен, следовательно мог поступить так, как поступил, и иначе. Не рассматривая сознание свободы и даже самую сущность рассуждения, принимая его справедливость, рассмотрим свойства убедительности этого рассуждения. Всегда ли бывает одинаковая степень убедительности в свободе моего прошедшего поступка? Поступок, совершенный мной минутому тому назад при приблизительно тех самых условиях, при которых я нахожусь тогда, когда обсуживаю[1739] мой поступок, представляется мне несомненно свободным, но если[1740] я обсуживаю поступок, совершенный месяц тому назад, я, находясь в других

условиях, невольно признаю, что были известные влияния, руководившие моей волей, и уже свобода моя представляется мне не столь полною. Ежели я перенесусь воспоминанием к поступку, еще более отдаленному за 10 лет, то тогда влияния, руководившие моим поступком, еще очевиднее представятся мне, и полная свобода моя уже не будет так несомненна. Чем дальше назад буду переноситься я воспоминанием, неизбежно дойдя таким путем до детства, я убежусь, что чем дальше я вспоминаю свой поступок, тем рассуждение мое о моей свободе становится сомнительнее. Точно ту же прогрессию убедительности об [?] участии свободной воли людей в общих делах человечества мы найдем и в истории. Совершившееся современное событие представляется нам несомненно произведением воли известных людей, но[1741] в событии более отдаленном мы, кроме воли людей, видим уже другие условия, влиявшие на волю этих людей. И чем дальше мы переносимся назад в рассматривании событий, тем менее произвольными представляются исторические события. Наполеоновские войны[1742] еще

представляются нам произведениями воли героев, но в Крестовых походах мы уже замечаем общий закон, руководивший массами. В переселении народов никому уже не приходит в голову, чтобы Аттила был причиной того движения. И чем дальше, тем меньше видна свобода людей. И как в жизни человека, отдаляя и отдаляя период наблюдения, где мы приходим к детству, к зародышу, очевидно лишенному произвола, так точно в истории человечества мы приходим к изысканиям сравнительной филологии и геологии, в которых уже не может быть никакого места [1743] свободной воле.

Чем дальше развивается перед нами по-лотно прошедшего, тем яснее обозначаются те правильные линии, один конец которых скрывается в неведомом, а на другом конце которых находится наша свободная воля.

Итак, сознание свободы, как сознание, не подлежит ни доказательствам, ни опровержениям разума; но рассуждение о свободе нашей в прошедшем находится в зависимости от времени, так что [чем] меньше период, отделяющий настоящее от предмета обсужде-

ния, тем полнее нам представляется наша свобода.

В чем состоит эта зависимость свободы от времени? Я свободен, сознание говорит мне это. Свобода есть сущность моего существования. Без свободы не может быть [1744] жизни. Я свободен в каждый момент настоящего. Но свободен ли я в прошедшем? Мог ли я или не мог сделать тот или другой поступок? Могу ли я или не могу в настоящий момент поднять или не поднять руку? Я хочу поднять. Я поднимаю ее. Но я спрашиваю себя, мог ли я не поднять руку в тот прошедший уже момент времени.

Чтобы убедиться в этом, я в следующий момент не поднимаю руку. Но я не поднял руки не в тот первый момент, когда я спросил себя о своей свободе. Прошло время, удержать которое было не в моей власти, и та рука, которую я тогда поднял, и тот воздух, в котором я тогда сделал то движение, уже не тот воздух, который теперь окружает меня, и не та рука, которой я теперь не делаю движения.

Тот момент, в котором совершилось первое движение, уже невозвратим, и в тот мо-

мент я мог сделать только одно движение и, какое бы я ни сделал движение, движение это не могло быть другое.[1745]

То, что я в следующую минуту не поднял руку, не доказало того, что я мог не поднять ее, так же как и не доказало того, чтобы я мог поднять ее в следующий момент.

Сознание говорит мне, что в настоящий момент я могу сделать всё, что я хочу, но рассуждение, обсуживающее совершившийся поступок, говорит мне, что так как движение мое могло быть только одно в один момент времени, то оно и не могло быть другое.

Сознаваемая человеком свобода закована временем. Понятие свободы вне времени вытекает из суждения о прошедшем акте и представлении возможности совершить другой акт. Если я говорю: я дурно сделал это вчера, я говорю только, что я могу себе представить другой поступок в тот же момент времени. Следовательно то, что мы называем свободой в прошедшем, есть только наше представление.

И свободы в прошедшем не может быть.

Мы сознаем только один, бесконечно ма-

мый момент свободы в настоящем.

В прошедшем же свобода человека есть только наше ложное представление.

Вопросы о том, что есть этот бесконечно малый момент свободы в настоящем, как оно относится к божеству, может ли оно быть вне времени — суть вопросы философские. Но вопрос ограничения свободы временем есть вопрос исторический. Историк рассматривает человека во времени.

Свобода человека, как момент настоящего, не относится до истории. История имеет дело с прошедшим.[1746]

В прошедшем же[1747] свобода человека есть только ложное представление.

И для истории человек подлежит закону необходимости.[1748]

Итак,[1749] новая история без верования в непосредственное участие божества в исторической деятельности народов,[1750] продолжая изучать только единичных исторических лиц, допустила влияние этих лиц на массы. Влияние это не объясняется разумом и опровергается самой историей. Лица исторические не руководят массами и даже не выра-

жают своей деятельностью деятельность масс. Связь, существующая между выражением воли исторических лиц и движением масс, заключается только в зависимости предшествующего выражения воли какого-нибудь лица от события. Свобода человека ограничена временем. Свобода человека в прошедшем есть только ложное представление. История имеет предмет прошедшую деятельность людей и потому не может рассматривать людей иначе, как несвободными.

Последнее положение о несвободе человека в истории служит объяснением всех недоразумений истории.

Если история допускала, что единичные люди могли управлять массами, то основанием этого воззрения служило только признание за этими людьми свободы, не ограниченной временем, свободы вне времени, то есть божественной свободы.

Если история, описывая деятельность людей, осуждала и оправдывала их по степени совпадения их деятельности с предвзятым идеалом, то основанием их воззрения было признание свободы человека в прошедшем,

то есть возможности поступить так или иначе.

Если история допускала, что выражение воли человека — приказание — было причиной события, то основанием этого воззрения было признание того, что человек действует свободно вне условий времени.

Если предмет изучения истории ограничивался[1751] одним человеком, то основанием тому было признание свободы людей вне времени, так как соединить в одно действие [1752] несколько людей,[1753] действующих свободно, представлялось невозможным. Признание закона,[1754] ограничение свободы временем в истории уничтожает одинаково и понятие об управлении единичными людьми массами,[1755] и понятие о том, чтобы одно лицо могло быть причиной или даже выражением движения масс.

Все люди во времени владеют только одним, бесконечно малым элементом свободы, следовательно все людские произволы равны между собою и ни один из них не может[1756] быть сильнее другого.

Всякое историческое событие есть произ-

ведение одного и того же момента[1757] времени, в котором выразились бесконечно малые элементы свободы всех людей, следовательно все люди[1758] неразрывно связаны между собой каждым моментом времени, и момент деятельности не только одного, но 99/100 всех людей не может объяснить события.

Если на наших глазах 10 человек прикованы на одну цепь, мы понимаем, что изучение движений одного человека или даже 9 не объяснит нам движения всех скованных: мы должны рассматривать движение всех скованных, чтобы найти общие свойства или законы их движения.

Если[1759] тело имеет свойства притяжения, то мы не можем иначе найти законы притяжения, как допустив, что все частицы одинаково, как бы мы ни дробили их, имеют общее телу свойство.

Люди в истории скованы между собой неразрывной цепью одного момента настоящего для всех, в котором проявляется бесконечно малый, равный друг другу элемент свободы. И потому,[1760] рассматривая движе-

ние человечества, мы должны допустить, что причины движения лежат в[1761] двигающемся во времени моменте настоящего, в котором[1762] выражаются одинаково все бесконечно малые моменты свободы всех людей. Признав таким образом причиною движения бесконечно малое, мы приходим к убеждению в недоступности для нас причины (как и во всех науках), скрывающейся в бесконечном.

Чем больше мы будем дробить элементы истории, тем недоступнее нам будет представляться причина.

По этому пути шли все науки человеческие. Но, придя к бесконечно малому, математика, точнейшая из наук, оставляет процесс дробления и приступает к новому процессу — суммования неизвестных, бесконечно малых, т. е., отступая от понятия причины, отыскивает закон, т. е. свойство, общее всем неизвестным, бесконечно малым элементам.

Хотя и в другой форме, по тому же пути мышления идут и другие науки. Когда Ньютон выразил закон тяготения, он не сказал, что солнце или земля имеет свойство притя-

гивать, он сказал, что всякое тело, от крупнейшего до мельчайшего дробления, имеет свойство как бы притягивать одно другое. Т. е., совершенно оставив в стороне вопрос о причине движения тел, он выразил свойство, общее всем телам от бесконечно великих до [1763] бесконечно малых. То же делают все естественные науки. Они, оставляя вопрос о причине, отыскивают законы, т. е. свойства, общие всем [1764] телам известного разряда. [1765] На том же пути стоит и история. И если история имеет предметом изучения движение народов и человечества, а не описание [1766] эпизодов из жизни людей, она должна [1767] признать причиной движения бесконечно малое — отрешиться от понятия причины и суммовать бесконечно малые, т. е. отыскивать законы, общие всем бесконечно малым.

С той точки зрения, с которой наука смотрит теперь на свой предмет, по тому пути, по которому она идет, всё дробя и дробя причины явлений, суммирование — это отыскание законов для науки — кажется невозможным и представляется самоуничтожением. Между

тем[1768] суммирование это, отыскание общих законов, относящихся до всех бесконечно малых, уже давно[1769] начато, и[1770] те новые основания, на кот[орые] должна стать история, вырабатываются одновременно с самоуничтожением, к которому, всё дробя и дробя причины явлений, идет старая история.

Новые науки эти суть геология, сравнительная филология, география, политическая экономия, статистика.

* № 345 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. X).
[1771]

[1772] Это отношение включает в себя всю жизнь человека.

Свобода, ничем не ограниченная, в сущности своей вне пространства, времени и причин есть воля,[1773] сознаваемая[1774] человеком.

Необходимость, как связь пространства, времени и причин, есть разум человека с его тремя законами.

Понятие свободы есть только воля,[1775] в существе своем постигаемая только сознанием, понятие необходимости есть только выра-

жение законов разума.

Свобода воли есть содержание, разум[1776] есть форма.

[1777] Воля есть то, что рассматривается, [1778] разум есть то, что рассматривает.

Понимание жизни одинаково невозможно без формы и без содержания.[1779]

В действительности в возможности понимания существует только[1780] свобода в своем проявлении,[1781] т. е. воля, рассматриваемая разумом по закону необходимости, т. е. определяемая по законам пространства, времени и причины.[1782]

Свобода и необходимость суть взаимно исключающиеся понятия; но свобода ограниченная — воля, проявляющаяся в пространстве, времени и зависимости от причин, и необходимость, не доведенная до последнего конца, то есть закон, разум суть те два данные, из которых составляется[1783] все мирозерцание человека.

Воля, подлежащая законам разума, есть всё, что мы знаем.

Чем более проявления воли понятны для нашего разума,[1784] тем более мы знаем.

Понятие большей свободы и меньшей необходимости или меньшей свободы и большей необходимости есть только определение большего или меньшего приложения законов разума[1785] [к] воле.

Понятие свободы[1786] существует только в сознании и может составлять предмет наук [1787] отвлеченных (метафизика, трансцендентальная философия, антропология), свобода же в проявлении своем есть воля, подлежащая законам разума. Признание свободы в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причины есть только отречение от законов разума, есть только признание в своем незнании.

История рассматривает проявление воли человека в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин, то есть определяет эту волю законами разума, и потому для истории не может существовать понятия свободы.

Для истории существуют только[1788] линии движения человеческих воль, один конец которых скрывается в неведомом и на другом конце которых движется в связи с

внешним миром во времени и в зависимости от причин сознание свободы людей в настоящем.[1789] Чем далее развиваются[1790] перед нашими глазами[1791] с обеих концов эти фигуры прошедшего, тем очевиднее законы [1792] движения моментов и точек сознания.

Уловить и определить эти законы составляет задачу истории.

* № 346 (рук. № 104. Эпилог, ч. 2, гл. VIII, IX).

[1793] Те даже из мыслителей, которые, односторонне рассматривая вопрос, отрицают свободу воли, как Юм, Пристлей, Вольтер — этим самым отрицанием доказывают, что в сознании нашем воля наша представляется свободною,[1794] ибо ежели бы она по сущности своей не была бы свободна, она бы и не могла быть ограничена.[1795]

И глубочайший мыслитель, и дикий человек одинаково[1796] чувствуют свою свободу и не могут чувствовать иначе.[1797] Несомненным доказательством того, что знание человека о своей свободе вытекает не из разума[1798] и не подчиняется его законам, состоит в следующем.

Человек познает свое отношение к внешнему миру посредством опыта и рассуждения. Человек, имеющий мало опыта и мало рассуждавший, считает многое возможным. Ребенок думает возможным схватить луну, сдвинуть стену и т. п. И в детстве, и в более зрелом возрасте человек узнает свое отношение к внешнему миру из ряда опытов и рассуждений, узнает, что то, что ему казалось возможным — невозможно и на основании опыта и рассуждения не повторяет попыток невозможного. По отношению к своей свободе опыт и рассуждения точно так же показывают человеку, что всякое действие его предопределено, зависит от его организации, от его характера и действующих на него мотивов, что при тех же условиях и том же характере он неизбежно совершит тот же поступок, но в тысячный раз приступая в тех же условиях с тем же характером, к тому же поступку, человек чувствует себя столь же совершенно свободным, как и до опыта и рассуждений. Опыт и рассуждение[1799] дают человеку знание его сил, то есть его отношения ко всему внешнему миру.

Всякий человек узнает невозможность сдвинуть гору, вдвинуть два предмета в одно пространство,[1800] узнает закон тяготения, непроницаемости и т. п. только из опыта и никогда не повторяет попытки,[1801] невозможность которых ему показывает опыт. Но тот же опыт и рассуждение остаются бессильными против его убеждения о своей свободе. Всякий человек, дикий и мыслитель,[1802] как бы неотразимо ему ни доказывали рассуждение и опыт то, что невозможно представить себе два поступка в одно и то же время, чувствует,[1803] что без этого бессмысленного представления о возможности многих поступков при одних и тех же условиях он не может себе представить жизни.[1804]

Он чувствует, что как бы это ни было невозможно, это есть; ибо без этого представления свободы он не понимал бы жизни.

Это-то непоколебимое, неопровержимое, не подлежащее опыту и рассуждению сознание свободы[1805] и становится в вопросе свободы воли в противоположность выводам разума, доказывающим закон необходимости.

Человек есть творенье всемогущего, все-

благого и всеведущего бога. Что же такое есть грех? Вот вопрос богословия.

Человек подлжит общим, неизменным законам, выражаемым статистикой. В чем же состоит его ответственность перед обществом? Вот вопрос права.

Поступки человека вытекают из его врожденного характера и мотивов, действующих на него. Что такое есть совесть? и сознание добра и зла поступков? Вот вопрос этики. [1806]

Человек в связи с общей жизнью человечества представляется подчиненным законам, определяющим эту жизнь.

Но та самая жизнь людей, которая извне представляется подлежащею законам необходимости, находится в человеке, и изнутри [1807] себя он сознает эту жизнь, как свободную волю. Как должна быть рассматриваема эта жизнь, сущность которой есть воля людей, как жизнь свободная или несвободная? Вот вопрос истории.

С одной стороны, разум, основываясь на наблюдении, показывает нам волю людей несвободную, с другой стороны, сознание

[1808] говорит нам, что она свободна.

Воля человека[1809] подлежит закону необходимости. Воля человека свободна. Эти два положения исключают одно другое. Если воля свободна, то не может быть закона необходимости, если есть закон необходимости, то воля не может быть свободна. И если каждый поступок человека представляется произведением свободной воли, подлежащей закону необходимости, то каждый поступок человека есть непостижимая тайна. Таковою и признает жизнь человека богословие и[1810] метафизика.

В действительности же каждое действие человека, каждое историческое событие, несмотря на существующее противуречие, тем же человеком, который и составляет предмет противуречия, понимается весьма ясно, определенно, без ощущения малейшего противуречия.

Каким образом в действительности в общем понимании явлений человеческой жизни соединяются, сглаживаются или уничтожаются эти два исключаящие друг друга понятия свободы и необходимости?

В действительной жизни с совершенной простотой и ясностью, не ощущая ни малейшего внутреннего противуречия, понимается поступок, как свой, так и других людей. Говоря о[1811] убийстве, совершенном полудиким человеком, жившим сотни лет до нас, и говоря о своем поступке, совершенном час тому назад и состоящем в том, что из нескольких направлений прогулки я выбрал одно, мы не видим ни малейшего противуречия. Меры свободы и необходимости для нас ясно определены в обоих действиях.

В первом случае мы видим большую необходимость и меньшую свободу, в последнем случае большую свободу и меньшую необходимость поступка. В этом практическом воззрении на поступки людей, свобода и необходимость не[1812] упускаются из вида и не исключают друг друга, а составляют как бы взаимные разности друг от друга. Так что[1813] чем больше предоставляется необходимость, тем меньшая представляется свобода. И наоборот.

* № 347 (рук. № 104. Эпилог, ч. 2, гл. VI).

Вопрос этот представляется праздным и бессмысленным только для людей, не привыкших мыслить. Вопрос этот кажется[1814] странным только для тех, для которых странно вопрос, почему яблоко падает вниз, а не вверх.[1815]

Каким образом французы, немцы, итальянцы, 600 тысяч человек под предводительством Наполеона пошли грабить и убивать людей России без всякого вызова и без личного чувства страсти?[1816]

Кто были эти люди? Крестьяне, мещане, купцы, дворяне, старые, молодые, семейные, холостые, добрые, злые, ученые, невежды, бедные, богатые с разных сторон Европы. Все эти люди не грабили и не резали и не считали этого возможным до тех пор, пока они были дома и не в войске, и перестали резать и грабить тотчас, как они вышли из войска.[1817]

История показывает нам, что не только в этом, но во всех подобных случаях[1818] люди делают совокупные преступления, не считая себя виновными, только тогда, когда складываются в известные группы и соединения,

[1819] из которых самое очевидное есть войско.

Так как войско есть та необходимая форма, в которой могут совершаться такие действия людей, то мы[1820] для объяснения того, каким образом совершаются совокупные преступления людей, должны рассматривать этих людей не как членов народа, общества, семьи, но как членов войска.

Всякое войско составляется из низших по военному званию чинов — рядовых, которых всегда самое большое количество, из следующих по военному званию, более высших чинов, капралов, унтер-офицеров, которых число меньше первого, еще высших и еще меньших по числу и т. д. до высшей военной власти, которая сосредоточивается в одном лице. Как государственное, так [и] военное устройство может быть совершенно точно выражено фигурой конуса, в котором основание с самым большим диаметром будут составлять рядовые, высшие и меньшие основания — высшие чины армии и т. д. до вершины конуса, точку которого будет составлять полководец. (Фигура эта, выражающая самое устрой-

ство войска, может выразать по отношению диаметра основания конуса к оси и[1821] более или менее[1822] сложное или несложное устройство войска.)

Рассмотрим в нравственном смысле отношение различных точек этого конуса войска к совершаемому совокупному преступлению: [1823] каким образом люди, группируясь в форму войска, отступают от свойств человеческой природы?

Солдат,[1824] пришедший из своей деревни в полк, приучает себя не спрашивать, что и зачем он делает, а делает всё то, что ему скажут. Ему сказали идти — он идет. Ему сказали бить и колоть, он бьет и колет, тем более что его бьют и колют и, совершая самые неслыханные преступления, рассказ о которых ужаснул бы его, он чувствует свое человеческое достоинство обеспеченным. Ответственность его поступков лежит не на нем, потому что он поставил себя в условия необходимости. Таких людей, сложивших с себя всю нравственную ответственность на других, стоящих выше, всегда наибольшее число — это основание конуса.

Унтер-офицер уже приказывает солдату идти и стрелять; он меньше солдата подлечит давлению сил, стоящих выше, и уже большую принимает на себя ответственность. Их меньшее число. И так, уменьшаясь в числе и принимая на себя большую и большую ответственность, идет эта фигура конуса до вершины его. Генерал уже знает, как ему кажется, для чего он приказывает идти корпуса и стрелять, ответственность его больше, и он большую часть ее складывает на вышестоящие лица. Дипломат, объявляющий войны, главнокомандующий, отдающий приказ сражения, стоящий почти на вершине, еще имеет оправдание в воле государя, но государь, составляющий точку вершины, уже несет всю ответственность и должен найти оправдание своему поступку в своей воле и в знании того, что есть добро.

Таково отношение между собой различных точек конуса по нравственной ответственности. Какое будет это отношение по прямому участию лиц в самом совершении совокупного преступления?

[Далее от слов: Солдат, тот самый, кото-

рый несет наименьшую ответственность, непосредственно сам колет, режет, жжет, грабит, *кончая*: и несущего наибольшую ответственность. *близко к печатному тексту*. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. VI.]

Итак, ежели справедлив закон обратного отношения количества людей и ответственности с прямым участием в событии и вершины конусов: полководцы, государи представляют наименьшее участие в событии и наибольшую ответственность, то деятельность этих людей, Наполеона и Александра, должна состоять в бесконечно малом участии в событии и наибольшем из всех людей объяснении, оправдании события.

В нравственном смысле оправдания преступления — войны не может быть постоянного, и потому оправдание это должно быть временное, всегда изменяющееся с изменением событий.

Очевидно, что люди эти, стоящие на вершине конуса, не имеющие оправданий, кроме своей воли, и призванные для оправдания всякого события, должны иметь особые свойства, отличающие их от других людей. Оче-

видно, что люди должны быть приготавливаемы жизнью для исполнения своего призвания.

Так как мы допустили, что движение человечества совершается по неизвестным нам причинам и для достижения неизвестных нам целей, то деятельность Наполеона и Александра в войнах начала нынешнего столетия имеет для нас интерес только по той ответственности своему назначению, которое мы находим в этих людях.

Как они исполняли свое назначение, как они несли всю ответственность совершившихся событий и как оправдывали их?

II. ВАРИАНТЫ ИЗ НАБОРНЫХ РУКОПИСЕЙ

* № 348 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 1, гл. V, VI).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ **I**

[1825] Весной 1813 года Наташа вышла замуж за Пьера Безухого. В тот же год [1826] старший граф Илья Андреевич <умер от воспаления желудка, оставив после себя долгов вдвое больше, чем стоило всё его состояние>.

В последний год своей жизни старый граф, [1827] несмотря на всё увеличивавшиеся денежные затруднения, с особенной страстью занимался постройкой в новом вкусе, как он говорил, сгоревшего на Поварской своего дома и [1828] весьма сложными предприятиями по винокуренному производству, которые должны были, по его словам, поправить [1829] его дела. Он, очевидно, чувствовал, что затеваемое им невыполнимо, что время его прошло, [1830] но именно вследствие этого он с особенной оживленностью, [1831] как бы обманывая себя, предавался своим предприятиям. Графиня, прежде восстававшая против его предприятий, теперь на всё соглашалась, всё одобряла [1832] и даже иногда показывала вид, что интересуется его [1833] планами.

Именно в то время, когда дела графа так запутались, что [1834] нельзя было себе представить, чем это всё кончится, если продолжится еще год, он заболел болезнью, прежде проходившей без последствий, и тихо и неожиданно умер.

[Далее от слов: Николай был с русскими войсками в Париже кончая: но старался отда-

ляться от нее *близко к печатному тексту*. Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. V].

Он в душе своей как будто упрекал ее за то, что[1835] она была слишком совершенна, за то, что[1836] не в чем было упрекнуть ее, а что вместе с тем в ней не было чего-то того глупого, несовершенного, что один только раз проснулось в ней и обмануло его во время ночного святочного катанья.[1837]

Он поймал ее на слове в ее[1838] письме, которым она давала ему свободу, и[1839] теперь уже был уверен, что с ней не потеряет ее.

Часто, обдумывая свое положение, он приходил к мысли о том, что единственный, представлявшийся ему из него выход — была женитьба.[1840] Он часто думал, как хорошо бы было, как и говорили ему старые тетушки, сватавшие его — жениться на богатой девушке и вывести мать из этого тяжелого положения.[1841]

Положение Николая становилось[1842] хуже и хуже. Мысль о том, чтобы откладывать из своего жалованья, оказалась мечтою. Он не только не откладывал, но, удовлетворяя

требованиям матери, должен по мелочам. Он старался избегать прежних знакомых, делать ему было нечего, и скука, нашедшая на него в тех условиях, в которых он находился, переходила в сдержанное отчаяние.

II

[1843] В начале зимы княжна Марья,[1844] переехав в Москву, посетила графиню. Николай первый встретил ее. При первом взгляде на нее лицо Николая приняло невиданное прежде княжной выражение холодности, сухости и гордости. Николай спросил о ее здоровье, проводил к матери и, посидев пять минут, вышел из комнаты.[1845]

«За что же? Неужели он любит и женится на ней?» сказала она себе, с отчаянием глядя на Соню. «Да что же мне за дело! Я и не ждала ничего», сказала себе княжна Марья, призывая на помощь свою гордость. «Мне совершенно всё равно, что он обо мне[1846] думает!»

Но, посидев с полчаса у графини,[1847] послушав ее потерянные речи, заметив ее отношение к сыну, к Соне, заметив взгляды Сони, богатую обстановку комнаты графини и бед-

ность других, вспомнив потертую венгерку, которая была на Николае, и его строгие и самоуверенные приемы, она[1848] вдруг поняла всё. Так вот отчего он такой. Она была уверена, что поняла всё, но вместе с тем боялась поверить тому радостному объяснению,[1849] которое ей подсказывало ее сердце.

Когда она, засидевшись у графини, выходила от нее, Николай невольно встретил ее, так как его комната была проходная, и, видимо только своими привычками благовоспитанности удерживаемый от грубости, сухо проводил ее до передней. Он ни слова не ответил на ее замечание о здоровье графини. «Вам какое дело? Оставьте меня в покое!» говорил его взгляд.[1850]

Княжна после первого посещения очень скоро приехала в другой и третий раз. Николай всё точно так же избегал ее.

— И что она шляется? Чего ей нужно? Терпеть не могу этих нюнь! — сказал он вслух при Соне, видимо не в силах удерживать своей досады после второго ее посещения.

Княжна Марья из городских слухов, из слов Сони и графини[1851] теперь убедилась,

что первая догадка ее была справедлива.

Она понимала значение этой венгерки, этот гордый, сухой взгляд, эту напряженность в перенесении своего горя, это упорство, которому ему не надо было изменять для того, чтобы[1852] не искать лучшего и не роптать.
[1853]

«Так вот он какой! Вот он какой!» говорил внутренний голос в душе княжны Марьи. Она была счастлива. Она теперь только[1854] оправдала себя за свою любовь к нему.

«Нет, я не[1855] один этот веселый, добрый и открытый взгляд, не одну красивую внешность полюбила в нем; я угадала его благородную, твердую, самоотверженную душу», говорила она себе. «Но правда ли, что только оттого, что он[1856] теперь беден, а я богата, он удаляется от меня?» с страхом спрашивала она себя. И, вспоминая иногда мгновенно ласковый взгляд его, который тотчас же переходил в суровость, вспоминая неестественную, незаслуженную холодность, она иногда верила этому. Когда она в третий раз ехала к графине, она обогнала его.[1857] Он возвращался от важного сановника, обещавшего ему дру-

гое место в Москве с большим жалованьем. Лицо его было веселее обыкновенного, он что-то шептал сам с собою[1858] и не заметил княжны.

«Как он хорош, благороден, величествен, [1859] как могут люди хладнокровно, без ощущения счастья смотреть на него», думала княжна Марья.

Она сидела у графини, когда Николай вошел в комнату матери. Лицо его было веселее обыкновенного. Восторженно-счастливая улыбка встретила его со стороны княжны Марьи. Он сердито нахмурился[1860] и, почти-тельно поцеловав руку матери, собирался выйти, взглянул на княжну Марью, у нее были слезы на глазах. Она, видимо потерявшись, перебирала ленты своей шляпы[1861] и то взглядывала на него, то опускала глаза.

«Ведь это я ей сделал больно. За что? Какое я имею право?» сказал он себе. Он опять сел и в первый раз, чтоб загладить свою[1862] оскорбившую ее грубость, дружелюбно весело разговорился, вспоминая Богучарово и Воронеж.

Когда он вышел провожать ее до передней,

он принял опять прежний холодно-учтивый тон. Но княжна Марья[1863] была так счастлива, так взволнована, что она чувствовала неудержимую потребность сказать ему, как она понимает[1864] его и его преданность матери. Для чего ей нужно было сказать это? — она не знала. После вспоминая это, она даже видела, что это было неуместно, но в ту минуту она чувствовала неудержимую потребность сказать это. И она, робко глядя ему в глаза своим лучистым взглядом, сказала ему.

— Я не принимаю ваших похвал, — сказал он. — Напротив, я беспрестанно себя упрекаю. Но это совсем неинтересный и невеселый разговор.[1865]

— Я думала, что вы позволите мне сказать вам это, — сказала княжна. — Мы так сблизились с вашим семейством, и я думала, что вы не почтете неуместным мое участие к вам и к вашим, — сказала она с слезами в голосе. — Я не знаю, почему вы прежде были откровеннее и.....

— Есть тысячи почему, благодарю вас, княжна, — сказал он[1866] тихо. — Иногда так тяжело.[1867]

Как это сказалось, почему, даже кто сказал это — княжна не знала. Но, мгновенно отвечая на его взгляд, она сказала:

— Если бы я угадала это,[1868] я бы была счастливейшая из женщин.

Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу и поняли, что поняли друг друга, и далекое, невозможное вдруг стало близким, возможным, неизбежным.[1869]

III

В конце 1813 года Николай Ростов женился на княжне Марье и с женой, матерью, Соней,[1870] Николинькой Болконским и Десалем, его воспитателем, переехал на житье в Лысые Горы.[1871]

В четыре года он, не продавая имения жены, уплатил[1872] остававшиеся долги, и получив[1873] небольшое наследство от умершей кузины,[1874] уплатил и[1875] долг Пьеру.

Еще через три года, к 1820-му году, Николай[1876] так устроил свои денежные дела, что прикупил небольшое имение подле Лысых Гор и вел переговоры о выкупе отцовского Отрадного, что составляло его любимую

мечту.

Начав хозяйничать по необходимости, хозяйство скоро сделалось для него любимым и почти исключительным занятием.

Он был хозяин простой, не любил нововведений, в особенности английских, которые входили тогда в моду, смеялся над[1877] теоретическими сочинениями о хозяйстве,[1878] не любил заводов, дорогих производств, посевов дорогих хлебов и вообще не входил в мелочи хозяйственных распоряжений.

Идеал его в хозяйстве были все поля, свои и мужицкие, засеянные и убранные во-время, весь народ в будни от старого до малого на работе, в праздник в нарядных одеждах в церкви и на хороводах, большие крестьянские семьи, много лошадей и скота, дружная барщина и год за год у себя и у мужиков заходящие одонья хлеба.

Главным предметом хозяйства всегда был и будет, а тогда в особенности был, не азот и кислород, находящиеся в почве и воздухе, не особенный плуг и назем, а[1879] то главное орудие, через посредство которого действует [1880] и азот, и кислород, и назем, и плуг, то

есть[1881] человек-работник.

И Николай любил этого[1882] человека и потому понимал его.

Принимая в управление именье, Николай сразу, без ошибки, по какому-то дару прозрения назначал бурмистра, старосту, выборного, тех самых людей, которые были бы выбраны самими мужиками, если бы они могли выбирать, и начальники его никогда не переменялись.

Прежде чем исследовать химические свойства навоза, прежде чем вдаваться в «*дебет и кредет*» (как он любил насмешливо говорить), он узнавал количество скота у крестьян и увеличивал это количество всеми возможными средствами.[1883]

Ленивых, развратных и слабых крестьян он одинаково преследовал и старался[1884] изгонять из общества.[1885]

При посевах и уборке сенов и хлебов он совершенно одинаково следил за своими и мужицкими полями.

Семьи крестьян он поддерживал в самых больших размерах, не позволяя делиться.[1886]

Он одинаково не позволял себе утруждать или казнить человека, потому что ему этого так хотелось, как и облегчать и награждать человека, потому что в этом состояло его личное желание. Он не умел бы сказать, в чем состояло это мерило того, что должно и не должно, но мерило это в его душе было твердо и непоколебимо.

Он любил народ и его быт, и потому он понял и усвоил себе тот единственный путь и прием хозяйства, который приносил хорошие результаты.[1887]

* № 349 (наборная рукопись).[1888]

<1 — 13 л. м. [?]

2 — не имел бы семьи [?]

3 — не мог быть иным и никому не может быть приписан.>

<Князь Андрей ненавидит.>

<Стоящий на высшей возможной степени человеческой власти, как бы в фокусе всех исторических лучей, устремленных на его личность,[1889] подлежащий всем тем сильнейшим в мире влияниям власти, лести, обманам, проискам, самообольщению, чувствовав-

ший всякую минуту своей жизни на себе ответственность в жизни многих [?], как, например, Александр I, вознесенный на высшую степень человеческой власти, находящийся в фокусе всех лучей, сосредоточенных на нем, подлежащий каждую минуту своей жизни давлению всей массы людей, к[оторых] он служит представителем, переживающий на вершине событий величайшие перемены, что это лицо 50 лет тому назад[1890] не то, что не было добродетельно (за это историки не упрекают), а не[1891]>

1)[1892] Прошло семь лет, миллионы людей беднели, богатели, поля не паханы, дома сожжены, люди убиты, торговля переменяла направление. Никому в голову бы не пришло, если бы не было истории, что это происходит от Наполеона, Александра. А между тем истори[я], описывая нам этот период, отвечая на невольный вопрос, как это было, отчего всё это было, говорит.....[1893]

* № 350 (наборная рук. Эпилог, ч. 2, гл. I).

Во всех сочинениях новейших историков от Гибона до Бокля, несмотря на их мнимое

отрицание верований древних,[1894] лежат в основе[1895] эти два неизбежные положения.

* № 351 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. II).[1896]

<VI>

<Если вы прочтете одну историю Тьера, вам не представятся эти противуречия, всё представляется совершившимся по воле добродетельного, гениального Наполеона для блага народов. Если же когда воля Наполеона отступает от блага народов, то история укажет вам, в чем ошибался великий человек и как, по мнению Тьера, надо было поступить в таком-то случае. Всё покажется ясным, но [1897] если вы прочтете другую историю Lanfrey, всё представится вам в совершенно противоположном смысле. Окажется, что Наполеон был не добродетельный гений, а хитрый и мелочный разбойник. Окажется, что половины того, что по мнению Тьера совершил Наполеон, он вовсе не совершал, а совершал совсем другое. Мало того, окажется, что то, [что] по мнению Lanfrey Наполеон должен был совершить для блага народа, совсем дру-

гое, чем то, что Тьер считал нужным для блага народа. Ежели вы притом прочтете еще английские, русские, немецкие истории этого времени, то вам представится неразрешимая путаница как в понимании причин фактов, самих фактов, так и их последствий. Если же вы прочтете общие истории, как историю Шлоссера, Гервинуса, то путаница эта только еще более увеличится. Ибо из чтения этих историков вы увидите, что причина исторических событий лежит не только в деятельности тех нескольких лиц, имевших прямое отношение к событию, в понимании которых происходит такое разногласие в частной истории, но что причины исторических событий лежат в большом количестве лиц, живших и прежде события. В число этих участников истории включаются и писатели, и ораторы, и дамы, и все эти лица и их деяния осуждаются и оправдываются историками, смотря по тому, в чем они видят их связь с событием и в чем они видят благо человечества.>

* № 352 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. IV?).

<VII

Наполеон приказывает собрать войска и идти на войну. Представление это до такой степени нам привычно, до такой степени мы сжились с этим взглядом, что вопрос о том, почему идут 600 тысяч человек, когда Наполеон сказал такие-то слова, кажется нам бессмысленным.[1898]

Он имел власть, и потому было исполнено то, что он велел.

Ответ этот совершенно удовлетворителен, если мы верим, что власть дана была ему от бога.[1899]

Но как скоро мы не принимаем этого, необходимо определить, что такое — эта власть одного человека над другими.[1900]>

* № 353 (наборная рукопись. Эпilog, ч. 2, гл. IV).

<VII>

<Если бы не существовало, сделавшееся привычным нам, воззрение древних на божественное подчинение воли масс одному, рассматривая отношение масс к историческим лицам,[1901] никому бы не могло придти в го-

лову[1902] предположение о том, что отношение это выражается подчинением масс одному человеку. <Ибо>, признав свободу воли за каждым человеком или не признав ее, предположение это очевидно несправедливо. Если люди одинаково свободны, то воля Наполеона не может насиловать волю миллионов, заставляя их отступать от сущности свободы, добра и заставляя их убивать себе подобных. Если же люди одинаково несвободны, то воля Наполеона должна подлежать одним и тем же законам, которым подлежат воли других людей, и весь интерес истории переносится с изучения воли Наполеона на изучение тех законов, которым он подлежит вместе с масса-ми.

[1903] Если бы не существовало исторического воззрения о том, что движение масс [1904] вытекает из деятельности исторических лиц, мы бы прямо рассматривали отношение масс;[1905] но теперь вопрос этот представляется решенным и[1906] потому необходимо поверить справедливость этого решения. Справедливо ли, что исторические лица руководят действиями масс.>

* № 354 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. V).[1907]

<Передний журавль есть представитель воли всех журавлей, которая, смотря по изменению направления, переносится с одного журавля на другого. Так говорят историки, признающие исторические лица представителями воли масс, которая переносится с одного лица на другое по неизвестным условиям. Теория о перенесении воли масс на исторические лица есть только перифраза, только выражение другими словами слов вопроса.

Какая причина исторических событий? Власть. Что есть власть? Власть есть совокупность воли, перенесенных на одно лицо. При каких условиях переносятся воли масс на одно лицо? При условиях[1908] выражения в одном лице воли всех людей. То есть власть есть власть. То есть власть есть слово, значение которого нам непонятно.

Одни историки говорят, что исторические лица имеют безусловную власть над массами, не объясняя, что такое эта власть. Другие говорят, что власть исторических лиц зависит

от тех условий, под которыми передана эта власть совокупностью волю масс, но не могут объяснить, в чем состоят эти условия.

Третьи историки говорят, что причину движения народов надо искать в цивилизаторах человечества, а не в монархах и полководцах, не имеющих, по их мнению, никакого влияния на события.>

* № 355 (наборная рукопись. Эпilog, ч. 2, гл. VI, VII).[1909]

Мы представляем себе целые последовательные ряды этих приказаний как одно вперед сказанное и сразу выраженное приказание. Мы говорим, например (взяв рядом одно сложное историческое событие и другое самое простое, домашнее), мы говорим, что Наполеон захотел и приказал идти войскам на войну, или хозяин захотел и приказал срубить дерево. Говоря это, мы соединяем в одно одновременно выраженное приказание целый ряд последовательных приказаний, зависевших друг от друга.

Наполеон не мог приказать похода на Россию. Он приказал нынче написать такую-то

бумагу в Вену, завтра такой-то приказ о заготовлении провианта, о назначении такого-то корпуса и т. д. и т. д., миллионы приказаний, из которых составилась ряд приказаний, соответствующих и всегда предшествовавших ряду событий, приведших французские войска в Россию. Хозяин, велевший срубить дерево, точно так же не мог приказать срубить дерево, но он должен был прежде приобрести лес, нанять работника, дать ему топор, послать его в лес, указать на дерево и т. д.

Восстановляя необходимое условие непрерывности движения во времени, как приказывающих, так и исполняющих, мы видим, что никогда ни одно приказание не появляется самопроизвольно и не включает в себя целого ряда событий; но что каждое приказание вытекает из другого и не относится к целому ряду событий, а только к одному моменту события. Так что, рассматривая отношения приказаний к событиям, мы никогда не можем иметь дело с каким-нибудь приказанием и соответствующим ему событием, а нам доступны только непрерывные ряды приказаний с соответствующими им рядами собы-

тий.

XI

В чем состоит сущность того, что есть событие, и того, что есть выражение воли человека? Сущность всякого исторического события в самом общем смысле есть проявление физического движения людей. Война есть физическое движение. Самое отвлеченное историческое событие, как, например, освобождение негров в Южной Америке, есть проявление физического движения. Негры, прежде не выходившие из известных пределов, теперь выходят из них. Сущность приказания, закона, распоряжения есть выражение словами воли людей или человека. Два явления эти постоянно, неразрывно связаны между собой — физическому движению, событию, всегда предшествует приписание — выражение воли человека. Следовательно, между двумя явлениями этими должна существовать зависимость. Какая эта зависимость? Всякому событию предшествуют слова, выражающие желание, приписание об исполнении этого события.

Из того, что слова предшествуют всегда со-

бытию,[1910] мы заключаем, что слова суть причина события.[1911] Но если слова суть причина события, то всякий раз, когда сказаны известные слова, отдано приказание, то событие должно совершиться и приказание быть исполнено. В действительности же мы видим, что 1) слова для того, чтобы быть связанными с событием, должны быть произнесены в один определенный момент времени, предшествующий событию, в противном случае они теряют свое значение;[1912] 2) что как в истории, так и в обыкновенной жизни, сказанные слова — отданное приказание весьма часто не производят события, а[1913] кроме того 3) мы видим, что слова суть тоже часть проявления движения людей и потому к событию, состоящему в движении людей, относятся, как часть к целому.

Итак, слова не могут быть причиной события, но находятся в зависимости от него.

Рассмотрим отношение слов к физическому движению в каком бы то ни было событии, в походе ли Наполеона на Москву, или в самом ограниченном смысле, в приказании хозяина срубить дерево.

Мы говорим, что приказание идти на поход 12-го года предшествовало походу и было причиной его. Но когда были сказаны эти слова и какие были те слова, которые решили поход на Москву, мы не видим.[1914]

Никогда — история показывает нам это — Наполеон не приказывал похода на Москву. Он приказывал нынче написать то-то Саксонскому королю, завтра такому-то корпусу придти туда-то и такому-то отойти туда-то и написать такую-то бумагу Русскому императору и такую-то принцу Олденбургскому и т. д.; но кроме этих приказаний он ежедневно, ежечасно приказывал и, соглашаясь на проекты, разрешал бесчисленное количество действий посторонних и прямо противуречащих намерению идти на Москву. Он постоянно приказывал и разрешал, так как в этом состояла его деятельность. Из числа всех его приказаний те, которые совпадали с необходимым для исполнения моментом времени, исполнились, и из всех его приказаний вышла не экспедиция в Англию, которая была его продолжительной, любимой мечтою, но которая не имела совершиться, а вышел по-

ход на Россию, с которой он считал выгодным быть в союзе. В первом случае приказания его не связались,[1915] а во втором случае приказания эти связались[1916] в ряд приказаний, соответствующих ряду событий.

То, что должно было совершиться по законам, находившимся вне его власти, совершилось шаг за шагом, и ежели есть целый ряд его приказаний, как бы направленный к этой цели, то точно такие же ряды приказаний можно было найти в его деятельности к совершенно противоположной цели, ежели бы эта противоположная цель была достигнута.

Хозяин сказал слова: срубить дерево, и дерево упало. Стала быть, хозяин велел, и дерево было срублено. Если бы хозяин своими руками срубал дерево, связь его выраженной воли с действием была бы несомненна. Но хозяин сказал слова, и дерева упало.[1917] В чем состоит зависимость слов хозяина к падению дерева. Если бы хозяин один, сидя дома, сказал: хочу, чтоб упало дерево. Упало ли бы оно? Нет. Если бы он сказал приказчику через 10 лет срубить это дерево, упало бы оно череа 10 лет? Вероятно, нет. Если бы хозяин[1918]

не имел денег, чтобы заплатить рабочим, если бы он не мог придти в лес днем и указать рабочим и т. д., дерево осталось бы[1919] не срубленным. Для того, чтобы воля хозяина была наверное исполнена, надо было, чтобы он[1920] имел лес, имел деньги и мог бы придти в лес, когда там рубят, и т. д. Т. е. надо было, чтобы хозяин выразил бы такую волю, которая могла бы быть исполнена. Знать же то, что может и что не может быть исполнено, невозможно не только для Наполеоновского похода на Россию, где принимают участие миллионы, но и для сруба одного дерева; ибо в ту минуту, как хозяин велел срубить это дерево, могли случиться миллионы препятствий. Но кроме того, мы рассматривали приказания Наполеона и хозяина, предполагая их совершенно свободными от внешних влияний, предполагая, что каждое приказание их вызвано было только их волей, тогда как, вникнув в условия, при которых отдавалось приказание, мы видим, что каждое приказание было вызываемо известным обстоятельством, вытекало из предыдущего приказания, тоже вызванного событиями, и что так же,

как неразрывной цепью, вытекая одно из другого и не имея начала, связаны между собой все события, так точно связаны и соответствующие ряды приказаний.[1921]

XII

Ложное представление наше о том, что предшествующее событию приказание может быть независимо от события и потому есть причина события, происходит от того, что мы забываем необходимое историческое условие всего существующего — непрерывность движения во времени. Мы допускаем прерывные единицы событий. Наполеон, говорим мы, захотел и сделал поход на Москву. Но поход из Москвы сделан ли по его воле? — спросим мы. И оказывается, что период взят слишком велик и что воля Наполеона не подходит под весь период. Но ежели мы возьмем период наименьший, воля Наполеона тоже не подойдет под него. В его ли воле, или нет было дать приказание двинуться остальным войскам, когда провиант уже заготовлен впереди и войска находятся в движении? В его ли воле было остановить в середине его Бородинское сражение?[1922]

Всегда, когда совершается какое-нибудь событие, ему предшествуют слова, определяющие временное значение этого события. Каким образом являются эти слова? Событие есть деятельность многих людей. В деятельность людей входит и произнесение слов.

[*Далее от слов:* Когда совершается какое-нибудь событие *кончая:* чем более деятельность их направлена на приказыванье *близко к печатному тексту.* Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. VII.]

В сложных больших группах людей люди приказывающие совершенно отделяются от людей действующих и исключительно посвящают свою деятельность приказыванью. И чем более они посвящают себя деятельности слов, тем менее они могут принимать участие в прямой деятельности. Чем выше военное звание, тем невозможнее прямое участие. Оратор, производящий и руководящий революционным движением, уже не может идти на баррикады.

При усложнении форм народной жизни люди эти более и более отделяются от масс действующих и составляют особый разряд

людей, не принимающих прямого участия в событиях, но исключительно занятых тем, чтобы предполагать всевозможные исходы его и одно из тысяч их предположений оправдывается событием, и тогда оно есть предписание, закон, приказанье.

Слова их служат всегда современным оправданием для действий масс. Как бы ни усложнялось, как бы ни убыстрялось движение события, люди, говорящие слова и движимые самым событием, всегда служат предвозвестниками события и оправданием его; оправданием, которое, как нам показывает история, всегда годно для современной минуты и не имеет смысла впоследствии.[1923]

XIII

Наблюдение говорит нам, что известные отношения населения к земле и ее богатствам всегда сопровождаются истреблением людей друг друга. [Далее от слов: Допуская или не допуская это положение, мы видим, что по известным или неизвестным нам причинам французы начинают топить и резать друг друга кончая: совокупные преступления? войны, убийства и т. д.? близко к печатному

тексту. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. VII.]

Один человек, совершая преступление, всегда придумывает себе предшествовавшую преступлению причину, соображение, которое, как ему кажется, оправдывает его. Точно то же делают сборища людей, предоставляя тем, которые не участвуют в действии, придумывать оправдания. Солдаты шли в Россию потому, что так велено, а велено так, потому что император знает, почему это нужно и полезно. Император же имеет идеал славы.

* № 356 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. XI, XII).[1924]

XVII

Если история допускала, что единичные люди могут управлять массами, то основанием этого воззрения служило только признание за этими людьми свободы, не ограниченной временем, свободы вне времени, т. е. божественной свободы.

Если история, описывая деятельность людей, осуждала и оправдывала их по степени совпадения их деятельности с предвзятым идеалом, то основанием их воззрения было

признание свободы человека в прошлом, то есть возможности поступить так или иначе.

Если история считала невозможным изучение деятельности масс, то основанием тому было признание свободы людей вне времени, вследствие чего представлялось невозможным описание миллионов людей, из которых каждый действует свободно, то есть вне закона.

Признание закона ограничения свободы временем уничтожает для истории и понятие об управлении единичными людьми массами, и возможность осуждения и оправдания этих людей.

Признание это восстанавливает возможность изучения деятельности масс.[1925]

Все люди действуют, живут во времени. Момент настоящего для всех и всегда один [и] тот же, следовательно все люди неразрывно связаны и равны между собой.[1926]

Отыскивая причины движения народов и человечества, наука истории шла тем же путем, по которому шли все науки человеческие.

От крупнейших причин, представлявших-ся сначала, при более глубоком вникновении в значение явлений, история постепенно переходила к более и более мелким. Но, чем более дробила история причины явлений, тем конечная причина представлялась недоступнее.

Только доведя дробление до бесконечно малых и потому равных и неразрывно связанных элементов, недоступность причин совершенно откроется, и вместо искания причины история поставит своей целью отыскание законов.

[Далее от слое: По этому пути шли все науки человеческие кончая: мы приходим к законам» близко к печатному тексту. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. XI, XII.]

В первом случае надо было отказаться от сознания несуществующей неподвижности в пространстве и признать не ощущаемое нами движение, в настоящем случае точно так же необходимо отказаться от несуществующей неподвижности во времени, от того сознания, что моя душа нынче такая же, как была вчера и год тому назад.

Как астрономии, науке о крупнейших явлениях, суждено было установить непоколебимость закона всеобщего движения[1927] в пространстве, так истории, науке о крупнейших явлениях человечества, суждено установить непоколебимость закона непрерывного движения личности во времени.

Непроизвольность в прошедшем, поучения состоят в следующем. Люди по существенным свойствам своей жизни равны между собою и одинаково свободны. Ни политическое устройство, ни меньшая или большая степень так называемой власти не может ни уменьшить, ни увеличить математическое равенство всех моментов свободы.

Вся политическая деятельность людей, конституции и революции суть только оправдания имеющих совершиться исторических переворотов.

Все оправдания, придумываемые людьми для совершения совокупных преступлений, суть оправдания временные. И никакое преступление против открытых божеством законов добра для человечества не может иметь оправдания.

Допустив положение об ограниченности произвола человека, мы впадаем в фатализм восточных.

В чем состоит фатализм восточных? Не в признании закона необходимости, но в рассуждении о том, что если всё предопределено, то и жизнь моя предопределена свыше и я не должен действовать. Это рассуждение не есть вывод разума, а подделка под характер народа. Ибо если бы возможно было такое рассуждение, то жизнь народа прекратилась бы; а мы видим, что восточные народы живут и действуют. Рассуждение это есть только оправдание известных поступков. Рассуждение это само в себе точно так же несправедливо (в другую крайность), как и рассуждение западных народов о свободе произвола, не ограниченного временем.

Первые принимают ограничение времени полное — нуль свободы; вторые принимают свободу за величину, тогда как она есть только бесконечно малый момент.

Мое воззрение не только не исключает свободу человека, но непоколебимо устанавливает существование ее, основанное не на

разуме, но на непосредственном сознании. Каковы бы ни были общие законы, управляющие миром и человечеством, бесконечно малый момент свободы всегда неотъемлемо принадлежит человеку. И признание этого ограничения свободы не приведет человека к рассуждению восточных о тщете действий, а, напротив, заставит его пользоваться каждым моментом свободы. Признание же закона необходимости, к которому я пришел, есть только то признание, которое существует бессознательно, всегда существовало и будет существовать в человечестве, и то самое сознание, которое выражено нам в божественном учении: «ни один волос не упадет с головы нашей без воли отца».

Допустив закон необходимости и ограничения свободы временем, мы приходим к тому же, к чему пришли матерьялисты — к отрицанию души, бессмертия и божества.

Расстояние моего вывода от вывода матерьялистов равно расстоянию, отделяющему нуль от бесконечно малого.

Разность между нулем и бесконечно малым невыразимо велика.

Матерьялисты говорят, что человек имеет нуль свободы; я говорю, что он имеет бесконечно малую величину свободы.

Человек непосредственным сознанием признает в себе присутствие свободы, то есть сущность, независимую от всего остального. Ту же сущность человек непосредственным сознанием признает и в других существах. Как в нем, так и в других, сущность эта ограничена бесконечно малым моментом времени, но число существ, одаренных сущностью свободы, бесконечно велико.

Бесконечно малый момент свободы во времени есть душа в жизни. Прекращение условий времени есть смерть, т. е. свобода вне времени — бессмертие.

Бесконечно великая сумма моментов времени есть сущность свободы, вне времени есть божество.

III. ВАРИАНТЫ ИЗ КОРРЕКТУР

* № 357 (корректур. Эпилог, ч. 1, гл. II).[1928]

[1929] Если допустить, как то делают [1930] историки, что цель [1931] движения человечества известна нам, кроме осуждения, которое мы должны брать на себя, мы долж-

ны допустить в истории две одинаково непонятные силы: гениальность и случайность; ибо если цель движения человечества известна нам, и она состоит или в величии России или Франции, или в равновесии Европы, или в разнесении идей революции, или в общес[твенном] прогрессе, мы должны для того, чтобы объяснить, почему цели эти достигались такими, а и не иными путями, должны допустить гениальность и случайность, как то и делают все историки без исключения. «Случай сделал положение, гений воспользовался им».

Но что такое случай? Что такое гений? Случай, случайность есть только парифраза: [1932] «Я не знаю, не могу и не хочу знать, почему? и говорю: случай». Гений,[1933] если это не есть простое понятие высшей степени умственных способностей, есть [1934] тоже парифраза,[1935] означающая неизвестную силу, производящую несоразмерное с общечеловеческими свойствами действие.

Тот, который не видал бы труда садовника, поливающего, окапывающего яблоню, заметив, как быстро и успешно растет яблоня в

сравнении с другими деревьями, сказал бы: случайность делает то, что яблоня не заглушена другими растениями, не объедена мышами, а гениальность сделала то, что она переросла все деревья.

И до тех пор, пока он не убедится, что всегда[1936] яблоня кем или чем-то сбережена, хотя бы он и не знал, для какой цели,[1937] он не поймет, что это делается не нечаянно и что то, что он называл случаем и гением — есть только его собственная глупость.

Какую бы цель мы ни ставили движению народов, деятельность[1938] исторических лиц не может быть объяснена без понятия случая и гениальности, т. е. без бессмыслицы. Только[1939] отрешившись от понятия цели и рассматривая событие во всем его объеме, деятельность[1940] этих лиц представится нам [1941] не только не случайною и не гениальною, а необходимою до такой степени, что вместо того, чтобы, как прежде, отыскивать объяснение каждой подробности их жизни, теперь каждая ничтожнейшая, равно как и важнейшая подробность этой их жизни будет служить объяснением их деятельности.

Только стоит признать, что цель волнений европейских народов нам неизвестна, а[1942] только факт,[1943] состоящий в убийствах сначала во Франции, потом в Италии, в Африке, в Пруссии, в Австрии,[1944] в России [известен], и движение с запада на восток, а потом с востока на запад известны нам и составляют сущность и цель событий, и не только не нужно объяснять случаем и гениальностью деятельность Наполеона и Александра, но нельзя будет представить себе всех исторических событий без тех мелких, так называемых, случайностей, которые составляли жизнь Наполеона и Александра и сделали их тем, чем они были.[1945]

Точно так же, как к каждому растению нельзя придумать другого, более соответственного ему цвета и семени, как то, которое растет на нем, невозможно придумать других двух людей со всем их прошедшим, которые бы могли исполнить свое назначение так, как они его исполнили.

* № 358 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. IV).

<Если источник власти лежит не в физиче-

ских и не в нравственных свойствах лица, обладающего властью, то сущность этой власти находится вне лица.[1946]

В чем же она заключается?.....

Но, может быть, недоумение наше происходит только от нашего невежества. Может быть, действительно то, о чем мы спрашиваем, всем давно известно. <Может быть, есть та> Наука эта есть та разменная касса, в которой слово власти разменивается на действительное понятие.

В университетских науках есть такая разменная касса.

— Вам что угодно?

— Что такое власть?

— Давно бы сказали. Сюда пожалуйста, в другое отделение. Здесь есть наука права, она подтверждает наши положения за то, что мы подтверждаем ее положения. Она сейчас вам всё это растолкует.> |

* № 359 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. VI).
[1947]

<Итак, восстанавливая условия времени, в которых действует человек, мы видим, что ес-

ли события кажутся нам в зависимости от приказаний, предшествующих событиям и определяющих их, то и приказания находятся в зависимости от событий, так как приказание тогда только может быть исполнено, когда оно находится в соответствующем событиям ряду приказаний и предшествует событию в определенный момент времени. Вследствие этого-то мы видим, в чем состоит сущность того, что есть событие, и того, что есть выражение воли человека.>

* № 360 (корректурa. Эпиплог, ч. 2, гл. VI).
[1948]

<Александр I-й в 1807 году поднимает ополчение против антихриста Наполеона и [1949] приказывает всё, что нужно для злейшей войны с ним, и заключает с ним дружеский союз. Руководители французской революции высказывают одно желание: дать свободу и благосостояние народу, приказывают всем быть равными и свободными и режут и душат людей, тем самым [?] доказывая, что их приказания о свободе не соответств[вуют], а прик[азания] о уб[ийствах] соответствую

р[авенству], с[вободе].

Всякий, кто захочет проверить это наблюдение на самом себе, легко убедится, что и в обычной жизни из всех выражений нашей воли — приказаний редко исполняется малая часть.

А между тем, всякий раз, где совершается действие, в котором принимают участие несколько людей, оно приказано.>

* № 361 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. VI).

Если[1950] мне не подали или не тотчас же подали стакан воды или вместо стакана воды подали кружку кваса, то это происходит от того, что ряд предшествовавших приказаний не связался с отдаваемым приказанием.[1951] Для того, чтобы[1952] приказание было наверное исполнено, надо, чтобы[1953] человек выразил такое приказание, которое могло бы быть исполнено. Знать же то, что может и что не может быть исполнено, невозможно, не только для Наполеоновского похода на Россию, где принимают участие миллионы, но и для[1954] того, чтобы один человек подал другому стакан воды, ибо[1955] могут случиться

миллионы препятствий. Вследствие этого [1956]-то и бывает, что из большого количества приказаний исполняется только одно.

Все невозможные приказания не связываются с событием [1957] и не бывают исполнены. Только те одни, которые возможны, связываются в последовательные ряды приказаний, соответствующие рядам событий, и бывают исполнены. И точно так же, как неразрывной цепью, вытекая одно из другого и не имея начала, связаны между собой все события, так точно и связаны соответствующие ряды приказаний.

Итак, восстанавливая необходимое условие времени, мы видим, что между событиями и приказаниями находится строгая зависимость.

Для того, чтобы понять, в чем состоит эта зависимость, необходимо восстановить другое упущенное условие всякого приказания, [1958] исходящего не от божества, но от человека, состоящее в том, что сам приказывающий человек участвует в событии. Это-то отношение приказывающего к тем, кому он приказывает, и есть именно то, что называет-

ся властью.

При каждом совокупном действии людей они складываются в известные группы таким образом, что [1959] наибольшее число людей [1960] принимают наибольшее прямое участие в самом действии и, всё уменьшаясь и уменьшаясь, число людей, принимающих прямое участие в действии, доходит до очень малого числа лиц или большей частью до одного [1961] лица.

Такое соединение есть вечная и неизбежная форма, в которой совершаются все совокупные действия людей.

Явление это повторялось и повторяется всегда, везде. Люди, для совершения совокупных действий: [1962] общих работ, суда, управления гражданского или церковного, войны — всегда складываются в группы, которые не только могут быть уподоблены, но совершенно верно выражены фигурами полушара, пирамиды или конуса, в которых наибольшее участие в самом действии распределяется в широком основании и наименьшее прямое участие на вершине.

Другое, не только подобие, но и намек на

необходимость этой формы, мы находим в распределении частиц воды, принимающей всегда форму капли, и частиц песку, принимающих форму конуса, когда они сыплются сверху, и в форме полушара или конуса, который принимают муравьи или пчелы в своих совокупных действиях, или форму пирамиды, принимаемую идущей саранчюю.

* № 362 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. IX, X).
[1963]

[1964] признает, что существо, нанесшее ему оскорбление, невиновно, [1965] потому что тотчас же [1966] видит причину, производящую действие.

Это то основание, вследствие которого [1967] мы можем почти верно предсказать по ступки детей, стариков, [1968] больных или [1969] людей весьма ограниченных, как скоро нам известна причина, должная произвести действие. На этом основании [1970] свобода и необходимость поступков людей, с одной стороны, представляется нам тем большею и меньшею, чем глупее и ближе рассматриваемый человек к животному, [1971] —

и, с другой стороны, чем способнее судящий видеть причины поступка.[1972] На этом основании строится существующая во всех законодательствах невменяемость для детей, стариков и сумасшедших и уменьшающие вину обстоятельства. Вменяемость представляется большей или меньшей, смотря по большей или меньшей доступности причин действия и по большему или меньшему пониманию причин.

Как в случае высшей доблести, так и высшего злодейства, мы признаем наибольшую свободу.[1973] Когда[1974] поступок того или другого рода подлежит нашему суждению, мы говорим: не понимаю, как он мог быть так велик и гениален или так ужасен и жесток. Все мученичества людей, стоявших выше своего века, основаны только на наибольшей степени вменяемости, то есть свободы, признаваемой за теми действиями, причин которых не могли понимать люди, судившие их. Чем понятнее нам причина поступка, тем менее мы признаем свободу. Самоотвержение чужого человека без видимой цели представляет в наших глазах наибольшую свободу и

потому заслугу. Самоотвержение отца, матери, самоотвержение с возможностью награды, более понятное, представляется менее заслуживающим сочувствия, менее свободным.

Если причины, произведшие поступок, [1975] совершенно непонятны нам, то на вопрос, отчего он сделал это? мы отвечаем только: захотел и сделал, то есть причиной поступка признаем одну свободную волю. Но если хоть одна из причин известна нам, мы говорим: он захотел этого потому что... и уже некоторая доля необходимости занимает место свободы. Если же мы знаем и характер человека, необходимость представляется нам еще в большей степени. Если же характер этот несложен, как у дурачка или ребенка, и причины, как голод или гнев, совершенно очевидны, и кроме того, мы обладаем опытностью и знанием людей, то мы уже допускаем самую малую часть свободы и видим наибольшую необходимость.[1976]

XI

Итак, рассматривая представление наше о свободе и необходимости,[1977] мы находим, что представление[1978] это постепенно уве-

личивается и уменьшается,[1979] смотря по большей или меньшей связи с внешним миром, по большему или меньшему отдалению времени и большей или меньшей зависимости от причин, в которых находится рассматриваемое явление жизни человека.[1980]

Постепенность этого представления о свободе и необходимости увеличивается и уменьшается, смотря по точке зрения, с которой мы рассматриваем явление, но никогда ни в том, ни в другом случае не уничтожается ни понятие свободы, ни понятие необходимости.[1981]

1) Действительное понимание жизненных явлений невозможно без этих двух крайних полюсов — свободы и необходимости.

Для того, чтобы придти к полной необходимости, без свободы, мы должны знать все условия зависимости человека, а это невозможно, ибо как бы ни увеличивалось наше знание тех пространственных условий, в которых находится человек, знание это никогда не могло бы быть полное, ибо число этих условий бесконечно велико, так же как бесконечно пространство.

2) Как бы мы ни удлиняли период времени от того явления, которое мы рассматриваем, до времени суждения, период этот будет конечен, а время бесконечно. И

3) Как бы ни была [1982] доступна цепь причин, которые нам известны, мы никогда не будем знать [1983] всей цепи, так как она бесконечна. [1984] Но кроме того, если бы даже, допустив остаток наименьшей свободы равным нолю, мы бы признали в каком-нибудь случае, как, например, в умирающем человеке, в зародыше, в идиоте, полное отсутствие свободы, мы бы тем самым уничтожили самое то понятие человека <которое составляло предмет наблюдения>: как только нет свободы, нет человека.

И потому [1985] представление необходимости без малейшего остатка свободы — невозможно. [1986]

Точно так же никогда мы не можем придти к представлению свободы без необходимости, ибо: 1) как бы мы ни представляли себе человека исключенным от влияний внешнего мира, влияние это всегда будет. Для того, чтобы представить его себе вне влияния

окружающего, мы должны представить его себе или неспособным воспринимать эти влияния, то есть уже не человеком, или вне пространства.

[Далее от слов: 2) Как бы мы ни приближали время суждения *кончая*: Как бы ни была непостижима для нас причина выражения воли в каком бы то ни было своем или чужом поступке, первое требование ума есть предположение причины *близко к печатному тексту*. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. X.][1987]

Если бы мы признали[1988] в каком-нибудь действии человека отсутствие причины, то этим самым мы бы признали, что действие это, не имея причины, находясь вне закона причинности, не может иметь и последствий, то есть уничтожили бы понятие свободы, как силы производящей.

Итак, для того, чтобы получить понятие необходимости без свободы, мы должны допустить *бесконечное* количество пространственных условий, *бесконечно* великий период времени и *бесконечный* ряд причин.

Для того, чтобы получить понятие свободы без необходимости, человек должен быть

один, то есть вне пространства, вне времени и вне зависимости от причин.[1989]

Только при соединении двух отвлечений обоих источников познания получается[1990] представление о[1991] жизни человека.[1992]

Только взаимно определяющиеся эти два понятия (Wechselbegriffe) свободы и необходимости или сущности жизни и разума дают нам представление о[1993] жизни человека.

Свобода, ничем не ограниченная, есть воля человека в его сознании.

Свобода, подчиненная закону необходимости, есть воля[1994] человека в своем проявлении. Необходимость без содержания есть три отвлеченные закона разума. Необходимость, имея содержанием свободу, есть <только> приложен[ие] к ней законов разума. Свобода, воля есть то, что рассматривается, необходимость, разум есть то, что рассматривает. Свобода, воля есть содержание; необходимость, разум есть форма.

Свобода и необходимость отдельно суть взаимно исключаются и одинаково недоступные понятия, так как понимание жизни одинаково невозможно без формы и без со-

держания; но свобода ограниченная — воля людей, проявляющаяся в пространстве, времени и зависимости от причин,[1995] рассматриваемая законами разума, есть всё то, что мы знаем о жизни человека.[1996]

Понятие большей свободы и меньшей необходимости или меньшей свободы и большей необходимости есть только определение большего или меньшего приложения законов разума к рассматриваемому им содержанию.

Понятие свободы существует только в сознании и может составлять предмет наук отвлеченных (метафизика, трансцендентная философия, антропология). Свобода же в проявлении своем есть[1997] воля, подлежащая законам разума.

Признание свободы человека в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин есть[1998] только отречение от законов разума, есть только признание в своем незнании.

История рассматривает проявления воли человека в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин, то есть определяет эту волю законами разума и потому

для истории не может существовать понятия свободы.

Для истории существуют только линии движения человеческих воль, один конец которых скрывается в неведомом, а на другом конце которых движется в[1999] пространстве, во времени и в зависимости от причин сознание свободы людей в настоящем.

Чем более раздвигаются перед нашими глазами с обоих концов[2000] эти линии движения прошедшего, тем очевиднее законы этого движения.[2001]

Уловить и определить эти законы составляет задачу истории.

ДОБАВЛЕНИЯ

✱ № 1 (рук. № 49. Т. I, ч. 1, гл. I).

[2002] Annete Д., напротив, была вся преисполнена оживления и порывов, которые она, видимо, долгим опытом едва приучила сдерживать в рамке придворной обдуманности, приличия и discrétion. Annete Д. уже, видимо, прошла тот возраст, когда [2003] интимные интересы молодой женщины [2004] — желание выдти замуж — невольно [2005] стоят на первом плане и поглощают всё остальное, и пылкость ее характера, видимо, вся перенесена была на интересы придворные и политические. Всякую минуту она, видимо, [2006] готова была сказать лишнее, но [2007] хотя она и на волоске была от того, это лишнее не прорывалось, и вследствие этого разговор ее, постоянно угрожая крайностью, приобретал больше оживления. Она была нехороша, но приятный огонь глаз и оживление улыбки, [2008] выражавшей тонкую насмешку [2009] как будто над своею [2010] пылкостью, придавали особенную привлекательность ее умному лицу.

По словам и выражению князя Василья видно было, что в том кругу, в котором они оба обращались, давно установилось всеми признанное мнение об Annete Д., как о милой и доброй энтузиастке,[2011] патриотке, которая берется немножко не за свое дело, но которая, хотя и часто вдается в крайность, мила искренностью и пылкостью своих чувств. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лице Annete, выражала, как у балованных детей, постоянно сознание своего любезного и милого недостатка от которого она не хочет, не может и не находит нужным исправляться.

Содержание депеши от Новосильцева, поехавшего в Париж для переговоров о мире, было следующее: Приехав в Берлин, Новосильцев узнал, что Бонапарт издал декрет о присоединении Генуэзской республики к Французской империи в то самое время, как он изъявлял желание мириться с Англией при посредничестве России.

Новосильцев, остановившись в Берлине и предполагая, что такое насилие Буонапарте может изменить намерение императора,

спрашивал разрешение его величества, ехать ли в Париж, или возвратиться. Ответ Новосильцеву был составлен[2012] и должен [был] быть отослан завтра. В ответе сказано:

«Nous ne voulons plus traiter avec *un homme*, qui tout en protestant de son désir pour la paix, continue se envahissement».[2013]

— Ну, к чему все эти переговоры? — сказала Annete Д. по-французски, как и весь разговор, происходивший там. — Разве не ясно, что этот злодей хочет только выиграть время? Разве можно договариваться с убийцей и изменником? — перебила Annete Д.,[2014] краснея и дрожа от одушевления. — Всё равно война и война. Война неизбежна, не переговоры, а смерть за смерть нужна злодею, — сказала она, раздувая ноздри,[2015] поворачиваясь на диване.[2016]

—[2017] Вы слишком кровожадны, *ma chère*, в политике не делается всё, как в гостиной. Il y a des ménagements. [2018]

— Но к чему они нас повели?

— А к тому, что Австрия теперь[2019] должна[2020] принять неизбежность войны. Все другие пути истощены.

[Далее от слов: «Не говорите мне про Австрию!» — кончая последними словами рукописи: — А rporos, — прибавила она, опять успокоиваясь, близко к печатному тексту. Т. I, ч. 1, гл. I.]

*** № 2** (рук. № 70а. Т. I, ч. 2, гл. XIV).

В то время, как по Цнаймской дороге, давя друг друга, бежали обозы и[2021] вся Кутузовская армия, войска, составлявшие отряд Багратиона, обреченные на верную гибель, стояли в боевом порядке перед Шенграбеном, в виду неприятеля.[2022] Серединой позиции французов была большая деревня Шенграбен, вчера еще занятая русскими войсками, а теперь видневшаяся на горизонте и окруженная сплошными массами французов. Серединой позиции русских было возвышение перед деревней Грунт.

На этом возвышении стояла русская полевая рота, артиллерия, снятая с передков, вокруг нее рассыпались костры, балаганчики и солдаты 6-й егерской. Правее стояли Киев[ские] гренад[еры], и еще правее виднелись коновязи драгунов. Налево, у леса, стояли По-

доль[ские] и Азовские и где-то далеко Павлоградские гусары.

<В самой деревне> Перед самой деревней стояли батареи Нерве и Нови и в од[них] р[убахах][2023] работали укрепления. Несмотря на туманный, сырой день, солдаты, как белые муравьи,[2024] в одних рубахах, с песнями, разрывали немецкую пашню. И одна за другой сыпалась на вал красная глинистая земля.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Варианты к четвертому тому, чч. 1–4	
I. Варианты из черновых автографов и копий	9
II. Варианты из наборных рукописей	165
III. Варианты из корректур	176
Варианты к эпилогу, чч. 1 и 2	
I. Варианты из черновых автографов и копий	185
II. Варианты из наборных рукописей	304
III. Варианты из корректур	322
Добавления	333

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Автотипия отрывка из чернового автографа Толстого к гл. X, ч. 2 эпилога — между 250 и 251 стр.

Примечания

Автограф.

[^^^]

[тетушка.]

[^^^]

3

Зачеркнуто: тетка Ма[лвинцева]

[^^^]

Зач.: И главное она

[^^^]

5

Зач.: не любовь, а связь неразрывного чувства.

[^^^]

мой друг,

[^^^]

мой друг. Ты слишком ухаживаешь за той белокурою.

[^^^]

На полях: Княжна Марья, фонарь.

[^^^]

Автограф.

[^^^]

На полях конспект, развитый в дальнейшем тексте: Сватовство. Везде сводят. Nicolas возмущается и мирится с этим, как в Тильзите.

Известие из Москвы. Хитрое письмо к Nicolas от Сони.

Фаталистическое. Как женился по любви и несчастен.

Он говорит княжне Марье, что не судьба — и дружбу.

Княжна Марья счастлива и жертвой и признанием в любви. —

[^^^]

Зачеркнуто: были и теперь то же самое. Но

[^^^]

12

Зачеркнуто: вам сказать

[^^^]

Зач.: с радостью, но я знаю, что это убьет татап, и правда, что ежели дом и подмосковная не продадутся, наши дела совсем расстроились. И для Софи какая же жизнь будет — мать в отчаянии, в бедности. Но

[^^^]

— Дружок мой.

[^^^]

15

Зач.: <ее уби[ть]> жениться на другой

[^^^]

16

*Зач.: Les mariages d'amour [браки по любви].
Это беда и надписана след. фраза.*

[^^^]

Зач.: вопрос

[^^^]

Зач.: На другой день приехал курьер из Москвы и привез известие о ее оставлении. Известие это взволновало город, в особенности тех, которые имели дома и родных в Москве.

Nicolas <в этот же день> с тем же курьером получил письмо от матери накануне отъезда, в котором она между прочим [писала] о том, что последняя надежда их рушилась, что дом и подмосковная остались не проданы и что теперь всё именье должно пойти за долги.

Невольно, получив это известие, Nicolas вспомнил о разговоре накануне с губернаторшей.

Вместо зач. вписан следующий абзац.

[^^^]

Зач.: другой

[^^^]

Зач.: Соне она писала

[^^^]

Зач.: говорила, что

[^^^]

Зач.: уст[роила]

[^^^]

На полях конспект: <Неделя жизни. Фонарь. Неделя сватовства. Письмо Сони о князе Андрее и Наташе и объяснение <и от>.

Приезд княжны Марьи. Смерть князя Андрея.>

[^^^]

Зачеркнуто: Маленький и вписано след. слово.

[^^^]

25

Зач.: <яркий ясный свет> и <свет>

[^^^]

Зач.: свет

[^^^]

Зач.: Княжна Марья всё носила

[^^^]

Зач.: краси[вою]

[^^^]

Зач.: теплый

[^^^]

30

Зач.: приняла

[^^^]

В рукописи: обхватившего

[^^^]

Зач.: Губернаторша не медлила и на др[угой]

[^^^]

Зачеркнуто: волн[овало]

[^^^]

Зач.: Целая неделя прошла таким образом. Губернаторша не говорила более с Nicolas о занимавшем их деле. Она ждала ответа на письмо, которое она написала Соне. В письме этом она, объясняя Соне положение Nicolas, всего семейства и выгоды брака с княжной Болконской, обращалась к ее великодушию. В конце недели с 2-м курьером пришел ответ. Соня писала, что она понимает всю его жертву и что она никогда не примет ее и просит его жениться и быть счастливым. С этим же курьером Nicolas получил письмо от матери, в котором описывались отъезд из Москвы, свиданье Наташи с князем Андреем и возобновление прежних отношений. В присутствии губернаторши прочтя письмо, Nicolas решил ехать к княжне Марье и объявить ей о ране князя Андрея и о том, где он находился.

На полях: Княжна Марья растрогана раной князя Андрея, искренно рада его возвращению к Наташе и счастлива жертвой.

Начало — копия конца предыдущего варианта.

Зач.: Бессознательно он и надписано рукой Толстого: Николай

[^^^]

Зач.: тут что-то нехорошо, но потом вдруг он рассердился на себя и на всех и и надписан рукой Толстого весь конец фразы.

[^^^]

Зач.: свахами

[^^^]

Зач.: здесь не позволил себе мудровать, а предоставил *и вписан рукой Толстого* дальнейший текст, кончая: последнее и предоставил

[^^^]

Зач.: желанием

[^^^]

Зач.: тоже и вписаны рукой Толстого след. четыре слова.

[^^^]

Зачеркнуто: <что> как<-то все-таки> делается то, что он без подлости женится на княжне Марье и что бороться против этого напрасно.
Далее автограф до конца варианта.

[^^^]

Зач.: серьезное и

[^^^]

Зач.: ухаживал

[^^^]

Зачеркнуто: в то время, когда Москва

[^^^]

Зач.: характер

[^^^]

Зач.: Получив <Прочтя свое> письмо, Соня

[^^^]

[Николай и ваш двоюродный брат.]

[^^^]

Зач.: ожидает

[^^^]

[зная ваше великодушие и благородство ва-
шего сердца,]

[^^^]

[прелестная княжна Марья Болконская,]

[^^^]

Зач.: подро[бности]

[^^^]

Зачеркнуто: лелеянной [?]

[^^^]

Зач.: разру[шить]

[^^^]

Зач.: <Граф на> Во вре[мя]

[^^^]

Зач.: что он отказывается от этого только потому, что боится умереть, но что она, Наташа, без этого

[^^^]

Зачеркнуто: Монахи выходили

[^^^]

Зач.: церкви

[^^^]

Зач.: Соня была умилена и размягчена всем.
Когда она

[^^^]

Зач.: домой

[^^^]

Зач.: Лицо его

[^^^]

Зач.: Послали княжне Марье письмо, да

[^^^]

Зач.: тот[час]

[^^^]

Зачеркнуто: как хочет

[^^^]

Зач.: вопросы[тельный]

[^^^]

Зач.: было также

[^^^]

Зач.: пов[елителя]

[^^^]

Зач.: умилена

[^^^]

Зачеркнуто: окончив свою покупку лошадей,
собирался уех[ать]

[^^^]

Зач.: соверш[енно]

[^^^]

Зач.: он собрался ехать и делал прощальные визиты

[^^^]

Зач.: (Новая глава)

Приезд курьера во всю эту осень 1812 года был событие; но приезд курьера 8 сентября был для всех воронежских жителей событием необычайным. Курьер этот привез известие о убитых и раненых в Бородинском сражении и известие об оставлении Москвы и оставлении неприятелем

<Получив письмо Сони, губернаторша, уже давно покушавшаяся это сделать, тотчас поехала к княжне Марье и сделала ей предложение от имени>

На полях: <Письмо Сони, написанное из Троицы. Отношения Nicolas к княжне Марье, что-то грозное и ужасное. Он никогда не думает и не мечтает о ней и в ее присутствии (и она также) его охватывает власть чья-то.>

[^^^]

Зач.: сведшая

[^^^]

Зач.: новое

[^^^]

Зачеркнуто: где и с кем

[^^^]

75

Зач.: убежала и вписаны след. два слова.

[^^^]

Зач.: пред[лагая]

[^^^]

[— Княжна, я привез вам хорошие известия. Иначе я не осмелился бы. Вот.]

[^^^]

[— Милый мой друг, милый мой,]

[^^^]

[Как я вас люблю, какой вы прекрасный человек. И как я счастлива,]

[^^^]

Зачеркнуто: лицо и вписаны след. два слова.

[^^^]

[— Правда ли это?]

[^^^]

[благодарю вас, благодарю вас, милый Николай, как я счастлива.]

[^^^]

Зач.: Mar[ie]

[^^^]

[— Да, княжна, мы теперь — брат и сестра, и я по праву могу называть вас Мари, заботиться о вас и любить вас, милая Мари. И я уж давно вас люблю,]

[^^^]

На полях: Nicolas спрашивал.

[^^^]

[— Да, милая Мари, я полюбил вас с той минуты, как в первый раз увидел. Но есть одно препятствие, и я счастлив, что всё случилось именно так. Тем лучше, тем лучше...]

[^^^]

[— Прощайте, Николай,]

[^^^]

[— Прощайте, милая Мари, и до свидания на свадьбе Наташи,]

[^^^]

[МИЛЫЙ МОЙ,]

[^^^]

Зачеркнуто: отпу[скала]

[^^^]

Автограф на полях зачеркнутой копии первоначального черновика конца романа (см. т. 14, вар. № 183).

[^^^]

Зачеркнуто: две

[^^^]

Зач.: видел

[^^^]

Зач.: две

[^^^]

Зач.: <С тем свойственным ему безумием> Он с безрассудным упрямством <поддерживал при всех допросах, которые ему делали> <продолжал говорить, что он не скажет, кто он такой, и вследствие этого положение его в плену> на первом допросе, который ему делали, продолжал говорить, отрекаясь от всякого намерения поджигательства. Так как он не хотел сказать, кто он такой, он содержался в плену наравне с низшим сословием русских пленных.

[^^^]

Зач.: было так же ужасно, как

[^^^]

Зач.: и благодаря гордому сознанию того, что от его воли зависело бы улучшить свое положение, открыв французам, кто он такой,

[^^^]

Зач.: и совершенно невольно для него изменили весь его взгляд на жизнь.

[^^^]

Зач.: бился

[^^^]

тем, который не хочет назвать своего имени,

[^^^]

Далее в рукописи следует текст, относящийся к гл. XII, ч. 2. Был опубликован в сб. «Лев Николаевич Толстой», изд. АН СССР, М. 1951, стр. 624–626.

[^^^]

Зачеркнуто: Ему

[^^^]

Зач.: давно

[^^^]

Дальше текст зачеркнутого автографа.

[^^^]

Исправлено из: неиспытанное

[^^^]

Зач.: насла[ждение]

[^^^]

Зач.: Как будто просеяв все

[^^^]

Зачеркнуто: И это так легко было

[^^^]

*Автограф, написанный вместо зачеркнутого
конца вар. № 255.*

[^^^]

Зач: Пьер до половины сентября

[^^^]

Зач.: во время сражения и после в Москве во время выхода народа за Трехгорную заставу

[^^^]

Зачеркнуто: и он особенно сблизился с одним раненым унтер-офицером

[^^^]

Зач.: на пожаре Гостиного двора. Унтер-офицера этого

[^^^]

Зач.: ЭТО БЫЛ

[^^^]

115

Зач.: Коротко об[стриженная]

[^^^]

Зач.: правиль[ные]

[^^^]

Зач.: шел полукругом вниз

[^^^]

Зач.: толстые

[^^^]

119

Зач.: ноги стремились к изогнутому наружу в коленях круглому положению.

[^^^]

Зач.: Даже самый рост небольшой, фигура его, широкая во все стороны при небольшом росте, приближалась к кругу.

[^^^]

Зач.: Суворовских

[^^^]

Зач.: не менее

[^^^]

123

Зач.: <и голосом> и беспрестанно прибавляя
народные ласкательн[ые]

[^^^]

Зач.: Все не то что любили его, но всем очевидно было так легко с ним, что его присутствия не замечали, как не замечают присутствия света. Он говорил с тем

[^^^]

Зачеркнуто: усвоил свои старые мужицкие приемы.

[^^^]

На полях рукописи рукой Толстого записан ряд народных пословиц и поговорок. См. т. 13, «Планы и заметки к «Войне и миру», вар. № 33, стр. 46–47.

[^^^]

Зач.: казалось

[^^^]

Зач.: на свете

[^^^]

Зач.: час

[^^^]

Зач.: особенно

[^^^]

Зач.: редко

[^^^]

Зач.: и умел

[^^^]

Зачеркнуто: подошел

[^^^]

Зач.: подходя к нему и подавая ему руку не тем приемом, которым пожимают руки выучившиеся тому от господ, где пожатие это имеет различные оттенки, а тем простым, мужицким приемом, который выражает неотвержаемую ласку.

[^^^]

Зач.: Мы живем

[^^^]

Зач.: здесь

[^^^]

Зач.: Сюда, сюда

[^^^]

Зач.: говорил он, провожая его в угол подле своего места. В лице его была жалость и желание помочь и <разве[селить]> рассеять испуганного Пьера.

[^^^]

Зач.: один раз пр[ибавил]

[^^^]

140

Зач.: вздохнув

[^^^]

Зач.: принялся

[^^^]

Зач.: послушался

[^^^]

Зачеркнуто: Важно

[^^^]

Зач.: <батюшке в> набор, нашу семью на первую очередь поставили. Хорошо.

[^^^]

145

Зач.: украл лошадъ у мужика

[^^^]

Зач.: всё рассказывал своим приятным голосом.

[^^^]

Зачеркнуто: солдатскими

[^^^]

Далее текст переходит на листы копии с авторскими исправлениями.

[^^^]

След. четыре слова вписаны рукой Толстого.

[^^^]

Зач.: Но независимо от этой одежды

[^^^]

Зач.: много и надписано: очень

[^^^]

Зач. текст копии: Он с другими перелаживал балаган, то он учил колодника грамоте, на песке балагана рисуя буквы, то он учил приходивших к нему солдат русским словам, то варил кашу или пек картофель. Без лишений и страданий быть заняту ему казалось так просто теперь, когда круг занятий был так ограничен и лишений было так много, что выбор занятия не представлял трудности; но он забывал, что чем меньше лишений, тем меньше потребности к занятию, чем больше удобств жизни, тем больше круг выбора занятий и потому тем меньше возможности занятий.

Далее в копии следует текст, переписанный с зачеркнутого автографа, см. вар. № 255, стр. 26, от слов: Тихий уголок где-нибудь... кончая: доставляли ему огромное наслаждение.

Следующая фраза — автограф над зачеркнутым текстом копии.

Зачеркнуто: теперь, но он заблуждался. Это ограничение свободы и мечтаний, эти лишения и страдания, эти надежды и ужасы были лучшее счастье, которое испытывал Пьер до того времени. Теперь же он считал себя несчастным, но *и вписаны след. три слова.*

[^^^]

След. два слова исправлены из: ЭТОТ месяц пле-
на.

[^^^]

Далее зачеркнута копия автографа первой редакции (см. т. 14, вар. № 183) от слов: 1-го октября в Покров, на Девичьем поле... (стр. 140), до слов: веревочками на щиколках и надписаны след. десять слов. На полях: Бился, искал пути <жизни> совершенствования сов[естью], умом и нашел делом, сам не зная того.

[^^^]

Зач. текст копии: и потом пошел к своей шинели, на котором лежала деревянная чурочка и ножик, и стал резать ее. Солдат, его сосед, посторонился. *Вместо зач. надписан над строками и на полях дальнейший текст, кончая:* и завернулся опять в свою шинель (стр. 33).

Зач. начало автографа: Бессознательно для него

[^^^]

Зач.: для него

[^^^]

Зач.: кафтан

[^^^]

Зач.: 2-й

[^^^]

Зач.: не кончено

[^^^]

Зачеркнут текст копии с первоначального черновика от слов: шинелью. А другому старику... кончая: и этот взгляд спас Пьера (т. 14, вар. № 183, стр. 140–142) и надписан рукой Толстого текст до конца абзаца.

[^^^]

Переделано из: свою и далее зач.: палочку

[^^^]

Следующие восемь слов — автограф.

[^^^]

Зач.: в свой угол и надписаны следующие три слова.

[^^^]

[— Высокий малый, мы зовем его большой волосатый. Должно быть, это ваш человек, капитан.]

[^^^]

[— Ну-ка, капрал, дайте взглянуть,]

[^^^]

Зач.: нежный женский и надписаны след. два слова.

[^^^]

Следующие три слова — автограф.

[^^^]

Зач.: маленький красавчик брюнет с приятными кончая: обнял его и поцеловал (см. т. 14, вар. № 183, стр. 146). Вместо зач. вписана рукой Толстого след. фраза.

[^^^]

[— Наконец-то я вас отыскал, мой дорогой Пиллад,]

[^^^]

Следующие три слова — автограф.

[^^^]

Зач.: Пончини и надписано рукой Толстого:
Рамбаля

[^^^]

Зач.: стал ходить с ним по <комнате> б[алагану] и надписаны след. четыре слова.

[^^^]

Рамбаль, *переправлено из*: Пончини.

[^^^]

Зач.: Пончини бледнел, слушая его, и останавливался, жал его руку и целовал его, как женщина или как красавец, каким он и был, и который знал, что поцелуй его всегда награда.

— Но надо это кончить, — говорил он. — Это ужасно. Пончини *Вместо зач. надписан текст до конца абзаца и след двенадцать слов следующего абзаца.*

[^^^]

[— Надо всё это кончить... Это ужасно.]

[^^^]

Зач. текст первой редакции: Ежели я останусь жив... *кончая:* всё это, — говорил Пончини (см. т. 14, вар. № 183, стр. 146). *Вместо зач. вписан дальнейший текст, кончая:* Рамбаль, улыбаясь и

[^^^]

[— Не так страшен чорт, как его малюют. За это время я пережил много приятных минут,]

[^^^]

[— А знаете, милый друг, что я с трудом вас узнал,]

[^^^]

След. три слова — автограф, после которого следует зач. копия, кончая: я не могу видеть вас в таком положении quoique и вместо зач. вписано рукой Толстого, кончая: сказал он, опять улыбаясь.

[^^^]

[— Рано или поздно, это должно кончиться...
В один прекрасный день война кончится, и
два месяца страданий в сравнении со всей
жизнью...]

[^^^]

[— Можете ли вы мне что-нибудь сказать о том, что делается в войсках? Что ждет нас, война или мир?]

[^^^]

[— Наделали глупостей и ужасов!.. Мне кажется, что император потерял голову. И всё, это пойдет к чорту — вот всё, что я могу вам сказать.]

[^^^]

Зачеркнут дальнейший текст копии от слов: Но вот что... и Пончини... кончая: не хотят идти, будут расстреляны (см. т. 14, вар. № 183, стр. 147–148) и написан дальнейший текст — автограф.

[^^^]

[— Но, знаете, у вас очень здоровый вид. Вы — превосходный человек! Я бы желал, чтобы вас в этом положении увидела та... вы понимаете. Ах, к несчастью, мое время не принадлежит мне,]

[^^^]

[— Я тотчас же отправляюсь к коменданту и сделаю всё, что возможно, чтобы вас освободили, а пока — вот вам; здесь вы найдете шубу, сапоги, полную зимнюю одежду и разные мелочи.]

[^^^]

[— Итак, я видел ваш дворец у ворот, как они там называются. Неделю назад он был цел. И видеть вас, вас, владельца всех этих богатств, здесь, в таком состоянии. Ах, мы живем в ужасное время. Кто-то ответит Франции за всё то зло, которое было сделано. Прощайте, милый друг, до свидания при более благоприятных обстоятельствах,]

[^^^]

Зачеркнуто: добрым и искренн[им]

[^^^]

На полях: Мервиль грустен. Теперь ваш черед.

[^^^]

Следующие три слова печатаются по копии.

[^^^]

[разные мелочи,]

[^^^]

Последние четыре слова — по копии.

[^^^]

Автограф на полях зачеркнутой копии вар. № 256.

[^^^]

Зач.: в балаган пленных.

[^^^]

Зач.: на другой и заменено: в

[^^^]

Зачеркнуто: три

[^^^]

На полях конспект: Смех. Бл[агодаря?] Христа. Хочется плакать, [?] все добрые. Быстрое изображение.

Далее переработанный текст копии вар. № 256.

[^^^]

Зач.: и остался

[^^^]

[— Хорошо, хорошо, когда капрал придет,]

[^^^]

В автографе: поразившая

[^^^]

Зачеркнутый автограф на полях копии части вар. № 259.

[^^^]

*Зач. текст переработанной копии вар. № 257:
(Новая глава)*

На другой день Пьера <перевели из разряда подсудимых в разряд пленных в балаган на Девичьем поле> с другими подсудимыми отвели назад в сарай на Крымском броде. В первую ночь <Пьер> он не мог закрыть глаз без того, чтобы не видеть перед собою всё те же

Вместо зач. написан рукой Толстого дальнейший текст, кончая словами: он слышал треск ружей и видел перед собой (стр. 38).

[^^^]

Зач.: на гауптвахте

[^^^]

Зачеркнуто: гауптвахте, на том месте

[^^^]

205

Зач.: два часа не шевелил[ся]

[^^^]

Следующие одиннадцать слов — исправленная Толстым копия.

[^^^]

Зач.: и простые

[^^^]

Зач.: и испуганные

[^^^]

Зач.: И по ночам на него <несколько>, как только смерклось, <нашел> находил, как в детстве суеверный страх чего-то сверхъестественного. <В сновидениях ему представлялось, что его убивают, что он убит уже.> Во сне он видел эту ночь только одно: он видел, что его и что он убивает кого-то. Но зато <всякое> первое пробуждение после этой страшной ночи и радостное сознание того, что это было только во сне, доставили <ему> неизвестное ему прежде наслаждение. С этого же дня только в первый раз Пьер вполне оценил полное и сильное наслаждение еды, когда хотелось есть, питья, когда хотелось пить, сна, когда хотелось спать, тепла, когда было холодно, разговора с товарищами, когда хотелось поговорить и послушать человеческого голоса.

<Когда <его на другой> он в этот первый день перевода из разряда подсудимых в разряд военнопленных перед вечером вышел из балагана на Девичьем поле>. Выйдя на воздух, Пьер вдруг очнулся. Он понял, что он

жив и что его ведут теперь не на казнь, а к новым товарищам. Он оглянулся вокруг себя, увидел блестящие в лучах заходящего солнца купола и кресты Новодевичьего монастыря, увидел лесистые холмы Воробьевых гор и извивающийся над рекою и скрывающийся в синей дали лесистый берег, <он ощутил> почувствовал прикосновение свежего воздуха, увидел голубое небо с чешуйчатыми облаками и услышал звуки летевших домой в Кремль через поле галок, он в первый раз понял условность <случайность> тех зол и вечность тех благ, которые окружали его. Пьер почувствовал новое, не испытанное им радостное умиление жизни, и благодарность за обилие <этих> благ, которое <окружало его> охватило его.

Чего же еще нужно?

«Как это я не знал прежде, как это всё хорошо», думал он. Ему вдруг захотелось и есть, и спать, и говорить. Он обратился к солдатам, спрашивая их, можно ли ему будет поехать там, куда его ведут. <Ему отвечали, что он всего найдет в балаганах и что пленных офицеров хорошо содержат. Солдат, отвечавший

Пьеру, показался ему необыкновенно добрым и веселым.> Ему не отвечали. Пьер понял, что ему не отвечали только оттого, что им не велено было говорить с пленным, но что эти солдаты жалели его и рады бы были помочь ему, потому что и они были такие же прекрасные и добрые, как солнце и небо.

Но все эти неоценимые, вдруг открытые наслаждения были ничто в сравнения с теми бесчисленными нравственными наслаждениями, с каждым днем открывавшимися ему <с того же> после дня казни. В казни, при которой он присутствовал, был казнен, казалось, тот старый человек, которого так тщетно пытался победить в себе Пьер посредством мasonicких упражнений.

На душе у него было ясно и чисто. Те страшные минуты, которые он пережил, как будто смыли

[^^^]

Зачеркнуто: уж яркое солнце садилось

[^^^]

Зач.: Благо[даря?] Христа, борода не пуста: три волоска и те взъерошимшись, — сказал один насмешливый голос и в балагане

[^^^]

Зач.: при звуке которого, как солнечным светом, радостью обдало душу Пьера. В то же

[^^^]

Зач.: расспрашивая его, рассказывая про свое житье в плену и предлагая ему чаю, похлебки, говядины, хлеба, водки.

[^^^]

Зач.: Все знали уже, что он был присужден на казнь, и все с любопытством и участием спрашивали его.

[^^^]

Зач.: Он чувствовал, что все они его братья

[^^^]

Пьер *исправлено из:* Пьеру. *Далее зачеркнуто:*
не только неприятно было говорить о даль-
нем и прошедшем

[^^^]

Зач.: НО

[^^^]

Зач.: сам

[^^^]

Зач.: <ОН> Его

[^^^]

Зач.: Вообще расспрашивали о том, что было с ним в самое последнее время, а не о том, что было прежде.

[^^^]

Зачеркнуто: имя

[^^^]

Зач.: С этого дня Пьер в первый раз <в еде> узнал наслаждение еды когда был голоден.

[^^^]

Зач.: в одной, солдатской, стороне балагана

[^^^]

На полях: Офицер добрый, сказочник.

[^^^]

Зачеркнуто: Как будто все

[^^^]

Зап.: куда ж я уберу работу-то

[^^^]

В рукописи: Миронову

[^^^]

Зач.: говорил, что

[^^^]

Зач.: Пьер оглянулся на указанного солдата и увидел того, кого называли П[латоном] К[аратаевым].

[^^^]

230

Зач.: круглый

[^^^]

231

Зач.: чрезвычайно

[^^^]

Зач.: Солдат имел во всей своей фигуре что-то успокоительное и круглое.

[^^^]

Зачеркнуто: темноте

[^^^]

Далее переработанная копия автографа, см. вар. № 256, стр. 27.

[^^^]

Зач.: морщины на лице все были круглые

[^^^]

Зач.: но руки он держал в округленном положении, как будто собирался обнять что-то. Над зачеркнутым рукой Толстого на полях вписан дальнейший текст до конца абзаца. Далее также автограф вместо зач. копии.

[^^^]

Зач.: строгать

[^^^]

Зач.: Построгав

[^^^]

Зач.: ВЗЯЛ

[^^^]

Зач.: чтобы

[^^^]

Зачеркнуто: — Что, спишь, соколик? Спите, барин? — спросил солдат <почти> осторожным шопотом.

— Нет, я не сплю, — ответил Пьер, приподнимаясь.

[^^^]

Зач.: быстротой

[^^^]

Зач.: Так-то.

[^^^]

Зач.: Не так живи, как хочется, а как бог велит.

[^^^]

Зач.: которые составляют всегда

[^^^]

Зач.: некоторых почти [?]

[^^^]

В рукописи повторено слово: недели

[^^^]

Заново переработанная копия.

[^^^]

Зачеркнуто: Из 23 человек пленных самых разнообразных званий и характеров (офицеров, солдат, чиновников), которые были в ба-лагане, недоверчиво, [1 неразобр.] любопытно оглянули большого, толстого человека в кучерском кафтане, с испуганным, преступным лицом введенного к ним, и никто первым не хотел обратиться к нему.

Выражение лица Пьера стало еще более робкое и жалкое, когда

[^^^]

Зачеркнуто: небольшого

[^^^]

Зач.: с <круглым лицом> круглой, отраставшей бородкой

[^^^]

Зач.: Он круглыми, большими, добрыми глазами ласково смотрел на Пьера и в

[^^^]

Зач.: невольно улыбнулся в ответ на его слова.

[^^^]

Зач.: круглый

[^^^]

255

Зач.: чего-то доброго и круглого

[^^^]

Зач.: и два полукруга белых, крепких зубов
виднелись из-под

[^^^]

Зач.: заскорузлую

[^^^]

Зач.: которому от высших классов выучились дворовые, но то

[^^^]

Зач.: Солдат

[^^^]

Зач.: Каратаевым прозвали

[^^^]

Зач.: офицер стал

[^^^]

Зач.: взяли и

[^^^]

Зачеркнуто: и они остались вдвоем

[^^^]

Зачеркнуто: И ты не тужи.

[^^^]

В рукописи: наружу

[^^^]

Зач.: Пьер не только в своих

[^^^]

Зачеркнуто: Из всех бывших в балагане

[^^^]

Зач.: Первое [время] пленных содержали хорошо *На полях*: Простота офице[ра]. Пьер со всеми его...

[^^^]

Зач.: пленных стали кормить дурно и карательные

[^^^]

Переработанная копия второй части предшествующего варианта.

[^^^]

Зач.: Его называли все Петр Кирилыч и барин, ценили и считали его чудаком.

[^^^]

Исправлено из: сближался

[^^^]

Зач.: Он дорожил своим уединением. Что-то такое было в Пьере, что всем этим самым разнообразным людям внушало к нему уважение. Ему не мешали, не заговаривали с ним, когда он того не хотел, и обращались с ним почтительно. Его звали Петр Кирилыч и никогда не говорили с ним про его прежнее житье.

[^^^]

Далее зач. автограф, написанный на полях зач. копии: Жизнь его как будто началась с того <вечера> <первого разговора с Платоном Каратаевым> вечера, как он, вслушиваясь во мраке балагана в слова <этого кр[естьянина]> своего соседа, <смутно> начал чувствовать значение того божьего суда, который руководил человеческим умом, как говорил Каратаев, и еще более почувствовал это Пьер, когда на другое утро он, со всеми другими пленными, поднимавшимися рано, проснулся <до> еще в сумерках рассвета и вышел к двери балагана <День> <Погода была ясная, хорошая и теплая, солнце вставало на ясном небе. Пьер давно не видал этого> в то время, как ясно и торжественно всходило солнце за далекими <горами> горизонтами Воробьевских гор. *Далее на полях новый автограф.*

[^^^]

Зачеркнуто: их, оставалось в бездействии и

[^^^]

Зач.: чтобы нужда

[^^^]

Зач.: находилась в сожженной Москве
<неожи[данно]> <в>, но чувствовалось

[^^^]

Зач.: человек

[^^^]

Зачеркнуто: но он нич[его]

[^^^]

Зач.: гения

[^^^]

Зач.: как он отдавал из Москвы приказания о
Парижском театре и

[^^^]

Зач.: что

[^^^]

Дом моей матери

[^^^]

Зач.: relevent l'emploi... [возмещающая употребление...] Ср. т. 16, стр. 12–13.

[^^^]

Зачеркнуто: сдвинуться

[^^^]

В рукописи: знаю

[^^^]

Зач.: Вместе с тем

[^^^]

Зач.: работа в высших сферах, как той, так и другой <русской> армии продолжала свое дело и вписано до конца фразы.

[^^^]

Зач.: И в Петербурге и в армии с б. обсуживали

[^^^]

Зач.: Кутузов

[^^^]

Зач.: Бенигсена

[^^^]

Зач.: Бенигсен

[^^^]

Зач.: Кутузова

[^^^]

Зач.: Ермолов

[^^^]

Зач.: Бенигсена <Толя> <Коновниціна>

[^^^]

Зач.: интригах

[^^^]

Зач.: Бенигсена

[^^^]

Зач.: <между> с своей стороны

[^^^]

Зачеркнуто: В французской армии происходило то же.

[^^^]

Автограф.

[^^^]

Зач.: Приготовления к Тарутинскому сражению и самое сражение благодаря запискам некоторых очевидцев со всех

[^^^]

Зач.: я вижу

[^^^]

Зач.: никогда

[^^^]

Зач.: готовы жер[твовать]

[^^^]

Зач.: любят

[^^^]

На полях след. листа конспект:

Французов никогда не перещеголять нам во лжи, в единодушии лжи — веры — у них Тарут[ино] победа.

Но зато и нам не постигнуть нашей правды и вот наша победа.

Faites venir les popes. [Верните попов.]

Переход на Калугу требовал и государь.

Герои пускай, да молодежь не вводи во искушение.

Офицеры говорят, что Ермолов хотел подкатить Коновницына.

С брюшком.

Как разбирать дело между драчунами.

Таково положение историка.

79 стр. М[ихайловского]-Д[анилевского].
(Письмен. Бенигсен нужно.)

Багавут с Толем. Кутузов на Ермолова.

Атака Тар[утинская] оттого, что л[евый] ф[ланг] не защищен.

Одни казаки. Казаки стали грабить. Был 14

[?] разъезд.

[^^^]

На полях рукой С. Л. Толстой заметка: Бауценовскую и Люценовскую. (См. далее сноску 1 на стр. 54.)

[^^^]

Зачеркнуто: уехал из армии.

[^^^]

В автографе: упоминать

[^^^]

[вернули попов,]

[^^^]

Слово: припасами взято из наборной рукописи. В автографе его нет, а стоит знак . Далее зачеркнуто: Но так как

[^^^]

След. четыре слова в автографе неразборчивы. Восстанавливаем их по наборной рукописи и по записи С. Л. Толстой на полях (см. сн. 2 на стр. 53).

[^^^]

Зачеркнуто: Историки объясняют всё это. Тьер говорит, что, получив известие о Тарутинском нападении, на смотре корпуса Нея он решил punir les Russes et faire une belle manœuvre и т. д. — слова без малейшего смысла. Тьер решил это, так как все объяснения не имеют никакого смысла.

[^^^]

Зач.: Между тем французская армия продолжала дограблывать Москву. Состояние

[^^^]

См. наборн. рук., вар. № 292, стр. 172–173.

[^^^]

Зач.: народа, при[казал]

[^^^]

[привести назад попов,]

[^^^]

См. наборн. рук., вар. № 292, стр. 173.

[^^^]

*См. оконч. текст, т. 12, ч. 2, гл. X, стр. 91,
строки 5–8.*

[^^^]

Зач.: зверя, не зн[ающего]

[^^^]

Зачеркнуто: и ранеными

[^^^]

Автограф.

[^^^]

323

Зач.: 1-х числа октября

[^^^]

Зач.: еще

[^^^]

[волосатый великан]

[^^^]

Зач.: унтер

[^^^]

Зач.: Унтер

[^^^]

Зач.: очень

[^^^]

Зач.: (Этот другой солдат, про к[оторого]

[^^^]

Зач.: Поговорив с Пьером, француз ушел, а Пьер остался

[^^^]

След. слово вписано над строкой.

[^^^]

Зачеркнуто: в Каратаеве

[^^^]

Зач.: ничего не

[^^^]

Зач.: Без малейшего сомнения, <или> борьбы или надежды, помощи или страха, он шел ложиться, лежал, покоряясь болезни, ложился и потом вставал, как будто никогда не был болен.

[^^^]

На полях конспект: Похож на Наташу, но туп. В опере [1 неразобр.] заверяет [1 неразобр.]

Зач.: <Из числа> Караульные солдаты и офицеры вообще во всё это время обращались с пленными хорошо. Пьер же пользовался, как и между своими товарищами, так и между ними особенным, ласковым уважением.

[^^^]

Исправлено из: всю и зач.: НОЧЬ

[^^^]

Зач.: укладывались повозки французов

[^^^]

Зач.: подъезжали

[^^^]

Зач.: так же, как и обыкновенно, заступил новый караул. Офицер этого караула *и вписаны след. пять слов.*

[^^^]

Зач.: был

[^^^]

Зач.: молодой и тихой

[^^^]

Зач.: бесед[овал] под [ходил]

[^^^]

343

Зач.: вероятно, скучая в карауле

[^^^]

Зач.: В первый раз

[^^^]

345

Зач.: очень

[^^^]

На полях заметка: Ген[ерал]-интен[дант].
Вправо девки

[^^^]

Зач.: видимо, был поражен историей Пьера и

[^^^]

348

Зач.: узнать как и донести генералу и

[^^^]

Зач.: Пьер спросил его однажды

[^^^]

Зачеркнуто: Из

[^^^]

351

Зач.: средний

[^^^]

Зач.: <Офицер этот очевидно> Вообще

[^^^]

Зап.: непостижимая

[^^^]

Зач.: Армии его были бесчисленны, и следить за ними было невозможно, а надо было делать свое дело и собирать лавры под его покровительством и вписано до конца фразы.

[^^^]

355

Зач.: рано вышел к и вписаны след. четыре слова.

[^^^]

Зач.: ожидая встр[ечи] с тем, чтобы расспросить кого-нибудь из французов о выступлении. Пончини скоро, расставив часовых, подошел к нему.

[^^^]

Зач.: все

[^^^]

Зач.: французы

[^^^]

Зач.: Пончини присел с Пьером на лавочку у двери балагана, и они разговорились.

[^^^]

На полях: сирен[евые] кусты у Алсуфьева дома.

[^^^]

361

Зачеркнуто: Против входа

[^^^]

Зач.: Пьер

[^^^]

Многоточие в автографе.

[^^^]

Зач.: ра[достоно]

[^^^]

Зачеркнуто: и несмотря

[^^^]

Зач.: начальнику

[^^^]

Зач.: и как бы не по[няв]

[^^^]

Зач.: испугался

[^^^]

369

Зач.: il faut marcher [надо идти]

[^^^]

[— Ну, скорее, поторапливайтесь.]

[^^^]

[— На место, чорт возьми, раз приказано,]

[^^^]

[— Меня зовет поручик,]

[^^^]

[— Ну, живо,]

[^^^]

[— Ну, что такое?]

[^^^]

Зачеркнуто: ране [ных]

[^^^]

[— Они могут идти, чорт возьми,]

[^^^]

[— Ну что ж, его оставят на месте, только и всего,]

[^^^]

[— Не суйтесь не в свое дело, собирайте скорее ваши вещи и идите, вот и всё.]

[^^^]

[— Проходите, проходите,]

[^^^]

Переработанная копия предшествующего варианта.

[^^^]

Зач.: исключая тех, которые умели шить сапоги и рубахи

[^^^]

Зач.: теплое, как

[^^^]

Зачеркнуто: веселые

[^^^]

Зач. автограф на полях: Пьер видел, как прошел Карат[аев] / за угол караул французов на смену тех, которые стояли вчера, и ждал <что-бы> новых караульных с тем, чтобы расспросить у них про <новости дня> то, что слышно о выходе и о пленных.

Со всеми караульными, и солдатами и офицерами, сменявшимися и раза по три бывавшими в карауле за этот месяц, Пьер, благодаря своему знанию языков, находился в самых дружеских отношениях. Караульные, и солдаты и офицеры, со всеми пленными обращались хорошо <снисходительно и добродушно> (в особенности французы), но к Пьеру все одинаково были не только ласковы, но уважительны <как> <почему-то признавая в нем что-то особенное от других. И всякий раз офицеры подолгу беседовали с ним>.

Из всех офицеров, сменявших в карауле, один провансалец Alphonse Senequier <коренастый, румяный>, сухощавый, нахмуренный и желчный, круглолицый человек <был> особенно <приятен Пьеру своим добродушием и

простою. Он всегда приходил к Пьеру и по-долгу разговаривал с ним> сблизился с Пьером. Офицер этот был чрезвычайно строг и требователен в деле службы, <но раз разговарившись с Пьером, он>

Далее автограф на полях и над зачеркнутым текстом копии.

[^^^]

Зач. вписанное Толстым на полях: 7-го октября Сенекие заступил в караул и Пьер с удовольствием увидал своего старого знакомого, выходящего из-за угла балагана. <Вслед за солдатом к двери подошел Сенекие и окликнул Пьера.> Окончив служебные

[^^^]

[— Ну как вы поживаете, дорогой месье?]

[^^^]

Зачеркнуто: он, подходя к Пьеру и пожимая ему руку — Il fait bien beau, n'est ce pas [погода хороша, не правда ли]. И он, прислонившись к двери балагана, достал трубку и стал набивать ее.

[^^^]

Далее знак переноса: × на исправленную копию
и зач.: и он сел рядом с Сенекие на пригоро-
женную у двери лавку.

[^^^]

Зач.: пришел в ужас от этой несправедливости, которая была оказана Пьеру, и

[^^^]

Зач.: и освободить его.

[^^^]

Зач.: Сенекие казался смущенным и

[^^^]

Зач.: и только казался особенно ласковым с Пьером и подолгу всякий раз беседовал с ним о разных предметах, не касавшихся войны и службы.

[^^^]

Зач.: свято

[^^^]

Зач.: с умным и образованным человеком.

[^^^]

Зач.: Наполеон <в его глазах>, которого он никогда не видел, в его глазах была отдаленная, великая сила, о которой судить нельзя было. Служил же он потому, что служить было похвально и выгодно.

[^^^]

Зач.: Когда

[^^^]

Зач.: Сенекии

[^^^]

Зач.: Сенекии

[^^^]

Зач.: Тулоне

[^^^]

Далее на обороте листа зач.: 7-го октября Сенские заступил в караул. Два солдата его роты прошли мимо Пьера в балаган <к Каратаеву>. Пьер спросил у них, что слышно про выступление, но солдаты ничего не могли сказать ему. Один из них подошел к караулу, спрашивая, готова ли его рубашка.

Далее текст переходит к автографу на полях и над зачеркнутой копией со знаком: ×.

[^^^]

Зачеркнуто: и Сенекии

[^^^]

Зач.: <Закурив> Достав и набив трубку, офицер присел на лавочку, собираясь побеседовать. Два солдата прошли в балаган, и Пьер слышал, как замолкла песня Каратаева и он ста

[^^^]

Зач.: Сенекии

[^^^]

Зач.: сказал

[^^^]

Зач.: Сенекии

[^^^]

Зач.: Сенекии

[^^^]

Зач.: Да, это

[^^^]

Зач.: Они помолчали, и Сенекие начал тот разговор, который ему хотелось завести.

— Чудная погода.

[^^^]

[— Мне это напоминает сбор винограда у нас. Ах, как это красиво! У моего деда, фермера, два виноградника,]

[^^^]

Далее после зач. двух листов копии текст исправленной копии. Зач.: Новая глава.

[^^^]

411

Зач.: из остатков шитых рубаш

[^^^]

412

Зачеркнуто: Другой солдат только стонал, но

[^^^]

[— Ну, скорее, поторапливайтесь.]

[^^^]

[— Меня зовет поручик,]

[^^^]

[— Ну, живо, чорт возьми...]

[^^^]

— Ну, что еще?

[^^^]

— Они пойдут, чорт возьми,

[^^^]

— Да нет же, он умирает,

[^^^]

[— Ну что ж, его оставят на месте,]

[^^^]

[— Надо хотя бы...]

[^^^]

[— Не суйтесь не в свое дело, собирайте ваши вещи и идите, вот и всё.]

[^^^]

422

Автограф на двух листах.

[^^^]

423

Исправлено из: того таинственного порядка

[^^^]

На полях конспект: Спасительный клапан.
Погнали. Шитье рубах, обозы. Пьер не видит,
смотрит, куда поставить ногу. Снег. Жюно
обоз задержали. Жалели, не расстреливали.
Зима началась поздно. 27 октября первый
снег.

[^^^]

425

Зачеркнуто: этот порядок

[^^^]

Зач.: Выводы свои Пьер делал не из разговоров товарищей и караульных. Разговоры эти были самые странные и непоследовательные. То говорили, что французы уже в Петербурге, то говорили, что они <всю> <пер[езимуют]> зимуют в Москве, то что <Наполеон уехал> заключен мир. Но выводы свои Пьер делал из самых мелких, незаметных

[^^^]

427

Зач.: рубахами

[^^^]

Зач.: все были засажены

[^^^]

429

Зач.: сказал положительного

[^^^]

Зач.: что фр[анцузы]

[^^^]

431

Зач.: куда

[^^^]

Зачеркнуто: не скрывая того, что ф[ранцузы]

[^^^]

Зач.: предложил

[^^^]

Зач.: сияло лазурью

[^^^]

Зач.: Была та осенняя погода нерешительности и ожидания

[^^^]

Зачеркнуто: в ярких

[^^^]

Зач.: и она

[^^^]

Зач.: с повод[ырями]

[^^^]

[— Хороша шутка, Руссель!]

[^^^]

Зач.: боль[шие]

[^^^]

441

Зач.: вдруг

[^^^]

Зач.: ливреях

[^^^]

Зачеркнуто: но он не мог у[слышать]

[^^^]

444

Зач.: <Ты только> Дай размочим, вот важно

[^^^]

Автограф на полулисте.

[^^^]

446

Зач.: поспешности и стремительности

[^^^]

В рукописи осталось не подчеркнутым: что
Пьер чувствовал

[^^^]

В подлиннике: неопреодолимое

[^^^]

Зачеркнуто: ПОВОЗКИ

[^^^]

450

Зач.: исчезали

[^^^]

451

Автограф на двух листах.

[^^^]

Зач.: зашло солнце, и холодные сумерки стали сгущаться над ними *и вписано, кончая:* вечера,

[^^^]

453

Зач.: не сразу дойдешь куда-нибудь и что

[^^^]

Зач.: испытывал это же чувство. Он

[^^^]

455

Зач.: ноги его болели

[^^^]

Зач.: воспоминание об оставленном больном
и слова к[апитана?], к[оторые] он слышал,

[^^^]

Зач.: <Ему некогда однако было останавливаться на своих мыслях, да и он не хотел этого делать; его [то] туда, то сюда беспрестанно звали, чтобы служить переводчиком. Когда же он и освободился, он ни на минуту не позволял себе опускаться и выдумывал себе занятия, чтобы не предаваться своим мыслям. Он помогал> <Кроме того> перед ужином полковник, имевший высшее начальство над пленными, призвал к себе Пьера и велел ему передать своим товарищам, что всех тех, которые вздумают отставать или попытаются бежать — велено пристреливать. Услыхав это приказание, Пьер нахмурился и сказал, что он приказания этого не намерен передавать и, не отвечая полковнику, говорившему еще что-то, ушел от него.

Солдаты и офицеры стояли все вместе. Солдаты пленные <все> таскали дрова для костров и готовили котлы. Пьер помогал им <и, столкнувшись с Каратаевым, подошел к его костру>. Каратаева он не встретил в этой большой толпе пленных, хотя шавка несколь-

ко раз подбегала к Пьеру. Поужинав похлебкой из ржаной муки с лошадиным мясом, Пьер <устроился у костра на ночь рядом с товарищем чиновником, бывшим с ним в балагане, и другими двумя незнакомыми офицерами. Офицеры говорили о разорении Москвы и бранили французов>, поговорив с товарищами, улегся на ночь у костра с пленными офицерами. Пьер разговорился с ними. Один старичок, с отросшей щетиной седой бороды на сморщенном подбородке, рассказывал Пьеру свою историю.

[^^^]

458

Зачеркнуто: оживленным и свежим

[^^^]

Зач.: не поддаваясь тому унынию, которое начинало находить на него, подбадриваясь,

[^^^]

460

Зач.: покуда

[^^^]

461

Зач.: говор. Далее зач. текст вар. 269.

[^^^]

462

Зач.: еще красный только что

[^^^]

463

Зач.: на рост человека

[^^^]

Зач.: <огонь> красный свет его играл с красным светом костров и вписано до конца фразы.

[^^^]

Зач.: странно, как ни

[^^^]

Зач.: лежала на

[^^^]

467

Зач.: хотели они ненавидеть друг друга и вписаны след. шесть слов.

[^^^]

468

*Зач.: <любовная> <величественная> любовь и
вписаны след. два слова.*

[^^^]

469

Зач.: сливала их в одно прекрасное целое.

[^^^]

470

Зач.: Костры тухли, люди засыпали.

[^^^]

471

Зач.: говорил

[^^^]

На обороте листа написан конспект: Отпор пленных весельем. Французы грубы за то, что лошадиное мясо.

Увидав месяц, ждет тоски и напротив — успокоение.

Не понимает и не ищет понять, босые ноги. Каратаев, месяц.

Собака не знает, чья и как зовут, а хвост крючком.

[^^^]

См. сн. 4 на стр. 70.

[^^^]

Зачеркнуто: <привыкшая> Платона Каратаева

[^^^]

475

*Зач.: несколько раз подбегала и вписаны след.
три слова.*

[^^^]

476

Зач.: на этом привале.

[^^^]

477

Зач.: встав от костра

[^^^]

Зач.: в темноте уверенный, что она приведет его к своему хозяину. Действительно

[^^^]

Зач.: Ведь что сделали идолы, — говорил один солдат, — крест с церкви стащили, из икон мишень для пальбы сделали

[^^^]

480

Зач.: Тоже и вписаны след. два слова.

[^^^]

481

Зач.: Стадо большая.

[^^^]

Зач.: Видали, как анерал к нам подъехал на мосту. Так хорошо говорил.

[^^^]

Зач.: СОКОЛОВ

[^^^]

Зач.: пошел дальше

[^^^]

Автограф, перемежающийся с почти сплошь зачеркнутой копией предшествующей редакции.

[^^^]

Зачеркнуто: как будто

[^^^]

Зач.: Некоторые сели на земле отдыхая, некоторые подвинулись вперед, чтобы видеть, но конвойные не пустили <их> этих любопытных к дороге.

[^^^]

Зач.: по которой в несколько рядов нагруженные фуры, телеги непрерывно дребезжали, грохотали колеса, двигались войска и обозы, блестя своими [пушками? *Ср. стр. 73, строка16*], стучали копыты и нерусский говор [*1 неразобр.*], гудело <бесчисленное> огромное количество повозок, лошадей и людей.

[^^^]

Зачеркнуто: Вид этого обоза напомнил Пьеру разъезд с майского гулянья в Сокольниках. Тот же было яркое, теплое солнце, тот же красивый

[^^^]

[— Послушайте-ка, дружище,]

[^^^]

[— Прощайте, друг, говорю вам. Надеюсь никогда не иметь удовольствия с вами увидеться.]

[^^^]

Зач.: крестьянских

[^^^]

В подлиннике: прекрасных серых лошадей.

[^^^]

[— Хороша шутка, Руссель,]

[^^^]

[— Вам будет хорошо, сударыня, вам ничего не сделают,]

[^^^]

На полях: <Пошел искать Каратаева; по морде лошади.>

[^^^]

[— Плохо дело, если он действительно болен.
Надо идти, дорогой господин, надо идти.]

[^^^]

На полях оборота листа: благообразие выезда. Церкви. Москва.

[^^^]

Автограф.

[^^^]

На полях конспект: Болховитинов от Дорохова. Кутузов по ночам не спит. Бенигсена прогнал — посвободнее. К[утузов] атаковал в Бородине, но не после. Малоярославец, комедия.

[^^^]

501

Зачеркнуто: он один

[^^^]

Зач.: и, как опытный охотник, подстрелив зверя, спокойно ждал действия раны. *Вместо зач. вписано на полях до конца абзаца.*

[^^^]

Зач.: наверно

[^^^]

Зач.: И деятельность была

[^^^]

Зач.: доказывавшие, что он <имел д[ивизию]> был в близости с какою-то частью двигавшегося французского войска. Но разноречивые, лживые донесения приходили так часто, что на эти донесения после Тарутинского сражения не было обращено особенного внимания.

[^^^]

Зачеркнуто: Дохтуров и Дорохов

[^^^]

Зач.: подошел к нему с конвертом.

<Поручение, которое я даю тебе, извест[ить]> <важнее всего, что было> большой важности *и вписано до конца абзаца.*

[^^^]

508

Зач.: ведшим

[^^^]

Зачеркнуто: Болховитинов подошел к

[^^^]

Зач.: Другой спящий офицер поднял голову.
Это был Щербинин.

— Что, что такое?

Всё это было в темноте.

[^^^]

511

Зач.: тотчас

[^^^]

512

Зач.: генерал

[^^^]

Зач.: его современников

[^^^]

Зач.: исполнительный и

[^^^]

Зач.: ни сведений.

[^^^]

516

Зач.: во всё время исполнения

[^^^]

На обороте рукописи зачеркнуто: качиваясь легким шагом подошел к ним. Первое впечат[ление]

Далее набросок-конспект: Государь из Петербурга имел известия о том, что французские войска растянуты и раздроблены, требовал, чтобы Кутузов атаковал. Он писал:

Мих[айловский]-Дан[илевский], 133, 134 стр.

На полях: Чичагов.

Но в то же самое время Кутузов <т. е. р[усские] в[ойска], не дожидаясь>, еще не получив этого приказания <атаковали Мюрата 5 октября еще>, 3 октября <атаковал французов> сделал распоряжение об атаке французов при Тарутине. Т. е. так говорят историки. В сущности же не Кутузов сделал это распоряжение (он даже вовсе не желал его делать), а положение армии стало таково, что необходимо было атаковать, и необходимость эта выразилась и поимкой пленных, и интригой генералов, и советами, и соображениями. Но атаковать было необходимо и, несмотря на

всё нежелание Кутузова и на все препятствия, делаемые разными лицами, через два дня после вынужденного у Кутузова приказа-ния, атаковали.

Новая глава

4-го октября были именины генерала Кикина. Вне нашей линии был дом.

Далее на полях конспект: Наполеон получает на смотре известие. Выход бляди. Распоряжение. Боговск[ой]. Щербинин. Кутузов. (Бессмысленное после Малоярославца.) Действительно, что бежали и только просили, чтобы их взяли. Пьер <идет> видит это.

[^^^]

Зачеркнуто: подвига

[^^^]

Зач.: Но к несчастью

[^^^]

520

Зач.: встал и

[^^^]

521

Зач.: распечатал

[^^^]

Зач.: распечатал

[^^^]

523

Зач.: достал из печурки

[^^^]

Зачеркнуто: и не медлите[льно]

[^^^]

525

Зач.: сиживал

[^^^]

526

Зач.: сидел

[^^^]

Можно прочесть: больную

[^^^]

528

Зач.: как опытный охотник

[^^^]

Зачеркнуто: Они не знают, что такое время.

На полях: Они же и рады физически.

[^^^]

530

Зач.: выраж[ения]

[^^^]

531

Зач.: придумывал

[^^^]

Зач.: случайности

[^^^]

Зач.: слухи из Москвы

[^^^]

Зачеркнуто: как может след. слово исправлено
из: желать далее зач.: человек

[^^^]

Зач.: и начинал

[^^^]

В подлиннике: Болг[овскому]

[^^^]

В подлиннике: Болговской

[^^^]

В подлиннике: Болговской

[^^^]

Зачеркнуто: нашими ист[ориками]

[^^^]

540

Зач.: Мысль Коновницына

[^^^]

541

Зач.: смешно

[^^^]

Зач.: То же самое

[^^^]

Зачеркнуто: Точно так же, как при отступлении от Мало-Ярославца русское войско только отходило туда <Но> и вписана след. фраза.

[^^^]

Зач.: Я полагаю, что было бы, если бы весной была осень.

[^^^]

Зач.: <После> Набравшись

[^^^]

Зачеркнуто: <Объясняется даже и то, почему>
<Но соображения эти не могут такое> Это бы-
ло бы непостижимо, ежели бы каждый чело-
век не знал присущего каждому и особенно
заметного в хитрости сумасшедших свойства
человеческой природы рассуждениями
оправдывать наибессмысленнейшие поступ-
ки.

[^^^]

Зач.: C'est grand! — говорят нам

[^^^]

548

Зач.: Великий, grand, есть то, что

[^^^]

Зач.: величия богов

[^^^]

Автограф.

[^^^]

Зач.: необ[ходимо]

[^^^]

Зачеркнуто: понемногу

[^^^]

Зач.: Казалось, чего бы было желать и какой другой образ действий можно было предписать русской армии, как тот, за который стоял Кутузов *и вписан на полях след. абзац.*

[^^^]

Зач.: Его не слушали и не понимали, и не могли понять современники. Они не зна[ли]

[^^^]

Далее от слов: Но они жили, кончая словами: смотри Тьера, Михайловского-Данилевского, Bernhardi и т. д. (стр.88) обведено чертой (частью зачеркнуто) и рукою Толстого на полях сделана помета: Не надо.

[^^^]

Зачеркнуто: Понятно, людям

[^^^]

557

Зач.: сделал много

[^^^]

Зач.: том, что французы

[^^^]

Зач.: что ежели бы

[^^^]

Зач.: Но понятно, что учителю несуществующей науки неприятно, когда оказывается, что его наука не существует, но непонятно, что такое значит это суждение о кампании 12-го года *и вписана след. фраза.*

[^^^]

Зач.: (как и вся книжка, по Высочайшему повелению написанная, есть переписка всего чужого), но

[^^^]

562

Зач.: бессмысленное

[^^^]

563

Зачеркнуто: решились

[^^^]

Зач.: что-то

[^^^]

565

Зач.: еще

[^^^]

566

Зач.: Вязьме.

[^^^]

Зач.: Отряды эти

[^^^]

568

Зач.: по мере

[^^^]

Зачеркнуто: которые

[^^^]

570

Зач.: ДОЛОХОВ

[^^^]

Зач.: Кроме того, сам Долохов приобрел себе за это время репутацию

[^^^]

572

Автограф на двух листах F^o.

[^^^]

573

Зач.: отыскивают законы

[^^^]

Зач.: показал очевидно, что выигранное сражение не есть причина покорения народа, а есть только случайный признак и

[^^^]

Зач.: те вечные вопросы человечества: что такое война? что такое покорение одного народа другим? Почему Рим покорен после того, как Аннибал выиграл одно сражение, т. е. убил одну десятитысячную Римского народа? Этот

[^^^]

Зач.: который в особенности делают дети и неученые люди — <какое зна[чение]> что такое сражение.

[^^^]

577

Зач.: задавал себе странного вопроса

[^^^]

578

Зачеркнуто: отвечает история.

[^^^]

579

[ужасный ребенок?]

[^^^]

580

Зач.: настоящей

[^^^]

Зач.: Очевидно, правило и вывод неверны. Отчего же, одержав победу, без новых сражений французы погибли? Оттого, что Александр не хотел мира, оттого, что сгорела Москва, оттого, что был сделан фланговый марш, оттого, что у французов не было фуража — отвечают историки. Итак, <правило> вывод о том, что <сражение> победа покоряет народ, будет справедлив только тогда, когда прибавить, что после сражения не сгорит город, не согласится на мир император, не сделает флангового марша главнокомандующий и мужики будут привозить фураж. Понятно, что для правильности вывода надо включить еще бесчисленное количество условий и что потому вывод неверен. <И потому> Победа, как ее разумеют, не есть не только причина покорения или завоевания, но даже не есть постоянный признак, а признак случайный. Причина же завоевания, покорения или истребления армии, сила, решающая судьбы армии и народов, лежит не в войне, выражающейся сражениями, а вне ее. И отыскать и определить

эту силу есть задача действительно науки. *Далее написано на полях и вновь зач.:* Французы одержали победу и сами погибли. Стало быть, не всегда победа есть причина завоевания, стало быть, факт покорения или непокорения не зависит от сражений и побед, от войны. Стало быть, сражение и война ес[ть]

[^^^]

Зачеркнуто: лошадей и скота

[^^^]

Зач.: Без сомнения, нельзя сказать, чтобы погибель французов была причинена только тем, что мужик такой-то и такой-то не вез сено в Москву, несмотря

[^^^]

Автограф.

[^^^]

585

Зач.: отбежал назад, чтобы взять и вписаны след. два слова.

[^^^]

Зач.: и с этой дубиной набежав на <прот[ивника]> врага, противно всем правилам искусства, согнувшись и с боку, начал <драться> ворочать дубиной и весьма скоро выбил шпагу из рук удивленного противника, избил и прогнал его. Теперь *и вписано до конца абзаца.*

[^^^]

Зач.: кроме того

[^^^]

Зач.: откинувший все правила искусства, считает однако <по установившемуся убеждению> по преданиям рыцарства, что этот его поступок откинутой шпаги и взятой дубины несколько постыден. Таким же считают <это впоследствии> этот эпизод дубины в особенности тот, который пострадал от нее, и все те, которые рассказывают про это <т поединок> событие. Рассказчики, описывая это событие, стараются умолчать о неправильностях отступления, поднятия дубины и обращения с нею, а подробно рассказывают о положениях терции, кварты, квинты, которыми парированы были удары противника, и теми различными правильными мнимыми ударами, которыми была одержана победа, так [как] результатом <победы> поединка была победа.

Поверх зачеркнутого написано и опять зачеркнуто: Представив себе это ясно, [поймем?], каким образом в рассказах об этом событии будет постоянная неясность и неточность. Умалчивая о дубине и обращении с нею, рассказчики будут описывать события и

вписано на полях, кончая: описания происшедшего поединка.

[^^^]

Зачеркнуто: Хотя

[^^^]

590

Зач.: воюя

[^^^]

591

Зач.: то я действ[ительно?]

[^^^]

В автографе: одного

[^^^]

Людвиг Бенедек — австрийский генерал, разбитый пруссаками под Кёниггрецем 3 июля 1866 г.

[^^^]

Зач.: Почему же так выгодно

[^^^]

Зач.: Бессмыслица эта происходит от того, что так называемые науки суть пустая болтовня, что решает участь войн не стратегия и тактика, а дух войска. И что до тех пор, пока не будут найдены законы, управляющие этим дифференциалом] силы, не будет науки.

Партизанская война всегда приносила огромные результаты, п[отому] ч[то] она начиналась тогда, когда дух войска находился на высшей степени напряжения. Для войны за границей, за прусского короля, как говорят французы, необходимы массы, удерживающие своей притягательной силой войска, для войны у себя дома <движущая сила лежит> сила отпора лежит одинаково в каждом отдельном человеке. *Вместо зач. вписан на полях текст след. обзаца.*

[^^^]

Зачеркнуто: люди, над к[оторыми]

[^^^]

597

Зач.: ВЫШЕ

[^^^]

Зач.: тем больше

[^^^]

В рукописи: то

[^^^]

Зач.: и чем больше раздробление, тем очевиднее выгода.

С легкой руки Д. Давыдова партизанские отряды стали размножаться, и несомненно, что одно из главных условий гибели французов была деятельность этих людей. В противность тактическому правилу о выгодах наступления в массах и защиты в раздроблении нельзя не видеть, что, действуя <Действуя в раздроблении> <Ежели не принимать во внимание>

[^^^]

Зач.: Очевидно, что

[^^^]

Далее зач.: Эта деятельность бесчисленного количества неизвестных русских людей <принявшая> <облекшаяся в форму> и назвалась партизанской войной.

[^^^]

603

Зач.: победителю

[^^^]

Начало — автограф на копии зачеркнутого первого чернового автографа продолжения «Войны и мира» (см. т. 14, вар. № 183).

[^^^]

*На полях: К. Б. Е. Далее зач. копия от слов: На-
конец явился кончая: сама отдавалась в плен.*

[^^^]

Зачеркнуто: Около него еще соблюдался кой-какой десогит и *вписано, кончая:* заведенный порядок,

[^^^]

*Далее зач. текст той же копии и вместо него
вписано над строкою и на полях рукой Тол-
стого и опять зачеркнуто до конца варианта.*

[^^^]

Зач.: <Но и> Но историки, здесь приведенные
к тупику, опасаются

[^^^]

Переработку и развитие этой части варианта см. в рук. № 97, вар. № 280.

[^^^]

610

Переработанная копия.

[^^^]

611

Зач.: другим

[^^^]

След. фраза — автограф.

[^^^]

Зач. в копии: Кроме этих партий, рыскали еще в этом же пространстве недалеко партия одного польского графа в русской службе и немца-генерала *и вписано:* 6 октября

[^^^]

Зачеркнуто в копии: на полу, на коврах, в разваленной избе, с бородой, в армяке и с образом Николая Чудотворца на цепочке, и писал быстро, треща пером, изредка попивая из стакана налитого до половины ромом чая. *Дальнейший текст — автограф на полях копии.*

[^^^]

В рукописи далее по ошибке: штаны.

[^^^]

616

Зач.: писал, что

[^^^]

617

Зач.: земле

[^^^]

Далее, кончая: синие кавалерийские рейтузы — исправленная копия.

[^^^]

Далее по зачеркнутой копии — автограф Толстого.

[^^^]

620

Зач.: Как и всегда почти без исключения

[^^^]

621

Зач.: Денисов впереди

[^^^]

Зач.: сказал ему несколько милостивых слов, вроде тех, которые Наполеон в Аустерлице сказал Репнину: *Vous êtes venu bien jeune, vous froterer à nous* [Молоды же вы сунулись биться с нами] и потом, когда мальчик что-то проговорил про *ma pauvre mère* [мою бедную матушку], Денисов обласкал его.

[^^^]

Зач.: одели <и покормили> в русский мужицкий

[^^^]

Зачеркнуто: Бумага эта было в почтительной форме написанное донесение одному из начальников больших партизанских отрядов. В донесении было написано, что, несмотря на сильное желание служить под начальством его превосходительства, Денисов должен был лишиться себя этого счастья, потому что он находился уже под командой Е[го] С[иятельства] — другого начальника партизанского отряда.

След. два абзаца — исправленная копия.

[^^^]

Зач. текст исправленной копии: Таким образом, Денисов отделялся от обоих и намеревался сам захватить депо и славу, и чин, и крест.

[^^^]

626

Зач.: к их представлению

[^^^]

627

Зачеркнуто: вышла

[^^^]

Зач.: и долго не мог успок[оить]

[^^^]

629

Зач.: роб[кими]

[^^^]

[командира,]

[^^^]

[своей бедной матушке;]

[^^^]

[— Слушаюсь, господин командир,]

[^^^]

[— Слушаюсь, господин командир, спасибо,
господин командир,]

[^^^]

Зач.: занимало

[^^^]

Зач.: Тотчас же позвали <денщика> людей, одели мальчика в сапоги и кафтан, и Vincent вдруг повеселел — видимо, покорился своей участи и тотчас же принялся оказывать различные услуги.

[^^^]

Зачеркнуто: нескольких лошадей, и чей-то голос, чужой голос, говорил, что-то называя Денисова.

[^^^]

Зач.: Это кто?

[^^^]

638

Зач.: пожалуйста

[^^^]

Зач.: Сметливый француз выбежал в сени и тотчас же вернулся.

— Un officier superieur avec sa suite, commandant [Штаб-офицер со своей свитой, господин командир], — доложил он.

Подъехавший офицер был Долохов. Он <велел> вошел в избу.

[^^^]

Зач. текст исправленной копии: Денисов, склонный играть в службу и Наполеона, еще более был поощрен к этому твердой верой Пети в его Наполеонство. Шаги принадлежали <Тихону Шестипалому, которого ввел Петя> длинному человеку в лаптях.

[^^^]

641

Зач.: вводя его в избу.

[^^^]

Зач.: <Ну> Тихон Шестипалый был тот мужик, которого он посылал нынче утром для разведки в депо Бланкара. *Далее текст исправленной копии.*

[^^^]

Зач. в копии: тогда же, пробуя свою власть и свое умение управлять, но предварительно разгорячившись, велел *и вписано, кончая:* присудил

[^^^]

644

Зач.: простил его и вписаны след. шесть слов.

[^^^]

645

Зач.: в свою и вписаны след. шесть слов.

[^^^]

Зачеркнуто: и ворожея сказала ему, что, ежели он отрубит один из этих пальцев, то он пропадет, и Тихон берег эти уродливые кусочки мяса больше головы.

[^^^]

647

Зач.: Лицо у него было изрыто чем-то, длинное и вписаны след. три слова.

[^^^]

648

Зач.: с казанской пуховой шляпой на голове и в лаптях *и вписано окончание фразы.*

[^^^]

Зач.: туда, где стояли парки, разведать.

— А, из Шамшева? *и вписано, кончая:* прибавил он.

[^^^]

Зач.: Тихон засмеялся, и Денисов и Петя
невольно тоже *и вписано, кончая:* засмеялись.

[^^^]

651

Зач.: громко расхохотались.

[^^^]

652

Зач.: смеючись и вписаны след. пять слов.

[^^^]

Зачеркнуто: Он замолчал и вписана след. фраза.

[^^^]

Зач. текст исправленной копии первого черновика (см. т. 14, вар. № 183): Тихон ушел, и вслед за ним в комнату вошел Долохов, приискавший за 55-ть верст к Денисову. Долохов был озабочен тем же, чем занят был и Денисов — желанием одному взять депо Бланкара. Он приехал к Денисову под предлогом дружбы, но цель его состояла в том, чтобы отвести его от депо и самому взять его. Долохов поговорил с Тихоном и вошел в комнату. Долохов был одет просто в военный гвардейский сюртук без эполет и в большие щегольские ботфорты.

— Что ж это мы стоим, море караулим, — заговорил Долохов, подавая руки Денисову и Пете. — Что ж ты не возьмешь их из Ртищева, ведь там триста пленных наших, — говорил он.

— Да я жду помощи на депо напасть...

— Э, вздор, депо не возьмешь, там четыре батальона пехоты, спроси-ка, вот твой привел.

Денисов засмеялся.

— Ну, понимаем, понимаем вас, — сказал он. — Хочешь пуншу?

— Нет, не хочу. А вот что, у тебя пленных набралось много, дай мне человек десять, мне натравить молодых казачков надо.

Денисов покачал головой.

— Что ж ты, не бьешь их? — просто спросил Долохов. — Нежинка, посмотрю я на тебя.

Посидев вечер у Денисова, Долохов уехал в ночь, и на другой день Денисов к огорчению своему узнал, что Долохов обманул всех, <и двух генералов и Денисова, он> и, не дожидаясь никого, напал <на другой день> на депо Бланкара и, разумеется, взял всё то, что только дожидалось случая отдаться.

(Новая глава)

Пьер находился в этом депо в числе пленных. С первого перехода от Москвы с него сняли валенки, и есть им ничего не давали, кроме лошадиного мяса с порохом, ночевали они под открытым небом. Становились заморозки. На втором переходе Пьер почувствовал страшную боль в ногах и увидел, что они растрескались. Он шел, невольно припадая на одну ногу, и с этого времени почти все силы

его души, вся его способность наблюдения сосредоточились на этих ногах, на этой боли.

Он забыл счет времени, забыл место, забывал свои опасения и надежды.

Вместо зач. вписан на полях рукой Толстого текст двух следующих абзацев.

[^^^]

655

Зач.: неб[ольшой]

[^^^]

656

Зачеркнуто: предприятие

[^^^]

657

Зач.: <напасть> выступить на другой день

[^^^]

На полях зачеркнутый автограф:

В общем. Страдания — сознание ничтожности личности.

Общее: Спасительный клапан страдания. Отвернулся от Кар[атаева], к[огда] убивали его.

Пьера губит и убивает порядок.

Оставить не оставить? Взять.

(На гору в грязи.) (Нет, не пойду дальше.)

Понемногу приходил в бедственное положение и не заметил Каратаева, всё шел.

Послали. Вид обоза, растрескались ноги.

Каратаев: прощай, П[етр] К[ирилыч], красное солнышко. Бог души не возьмет, сама не выйдет.

[^^^]

Первые два абзаца — автограф, вписанный на полях копии.

[^^^]

660

Зач.: по деревням

[^^^]

661

Зач.: забегЛЫХ

[^^^]

Зач.: Денису Давыдову, который потом в своих сочинениях так старательно хочет выка-
заться европейцем, знакомым со всеми евро-
пейскими правилами войны, принадлежит
слава

[^^^]

Зач.: лучшего

[^^^]

Далее копия. Опубликовано впервые до конца варианта в сб. «Лев Николаевич Толстой», изд. АН СССР, М. 1951, стр. 626–640.

[^^^]

665

Зач.: приятное и вписано: веселое

[^^^]

666

Зачеркнуто: Приятное и вписано: Веселое

[^^^]

Зач. вписанное Толстым: и что все люди, участвовавшие в этой войне, испытывали чувство, подобное охоте,

[^^^]

668

Зач.: они одни

[^^^]

669

Зач.: десятки и вписано: сотни.

[^^^]

Далее зачеркнута копия (см. вар. № 276), кончая словами: в тоне подчиненности шпильки, на которые он считал себя великим мастером (стр. 94–96).

Вместо зач. над строками на полях копии и продолжении на отдельном листе написан дальнейший текст. Начало его зачеркнуто: Васька Денисов в начале сентября был одним из <партизанов> первых партизанов.

[^^^]

На полях конспект: Охота за людьми — бессмысленная, от этого дельная. Т[ихон] с кавалеристами бегают, соперничает с казаками. Сначала Денисов, как в тумане, но всё делается, как само собой — его учат, а он притворяется. Врассыпную отступать и т. д., убить, да уйти. Учат мужиков, как бить. Бежал солдат. Т[ихон] привел его. Он был полезен. Он описывался. Петя удивляется, как он видит линии, опрокидывает их, как [будто] ничего не было. *400 пленных, ранено 3 казака.*

Устали вечером, возвращаясь, а нечего делать, опять надо идти. Выпивали, хотят идти сейчас и пошли уже. Спрашивают у урядника. П[ете?] совестно жалеть.

[^^^]

672

Зач.: во время ее отступления

[^^^]

673

Зачеркнуто: определительных

[^^^]

674

Зач.: неясную

[^^^]

675

Зач.: героев

[^^^]

676

Зач.: половине

[^^^]

Зач.: нашел его и участвовал с Денисовым в поиске на французов, который Денисов сделал нарочно, чтобы угостить молодого человека.

[^^^]

678

Зач.: Денисова

[^^^]

679

Зач.: подъезжающую

[^^^]

Зач.: <24 октября был пасмурный, сырой, осенний день. В 30 верстах от Смоленска, в 10 верстах от большака, в небольшой господской деревне, в лучшем маленьком помещицьем дворе>

<24 октября на двор небольшого помещицкого домика перед вечером въезжала партия человек 20 верх[ом]. Несколько> Перед вечером 24 октября к воротам небольшого помещицкого домика подъезжала кавалерийская партия человек в 100. Впереди ехал Д[енисов].

[^^^]

Осталось не зачеркнутым: Рядом с ним ехал Петя *Далее зачеркнуто:* Ростов, несколько дней тому назад поступивший из адъютантов, куда его поместили, в партизанский отряд, которым командовал Денисов. Снегу еще не было, но день был сырой и пасмурный.

[^^^]

Зач.: лицо его обросло черной бородой и всё похудело и почернело — агатовые глаза его казались еще чернее и светлее.

[^^^]

Зач.: казачьему

[^^^]

Зач.: казаки

[^^^]

685

Зач.: Петя

[^^^]

Зач.: в бурку и папаху

[^^^]

Зач.: Петя с своими широкими скулами, крупным лицом и длинными, хорошими членами

[^^^]

688

Зач.: офицеры

[^^^]

Зач.: Позади кавалеристов ехали запряженные мужицкими лошадами в дышло две зеленые фуры, за ними шло человек 30 французов. <И сзади шла вокруг> <В числе этих людей>

[^^^]

690

Зач.: солдат очевидно

[^^^]

Зач.: <Вся> <Часть> Партия <ходила> эта возвращалась с рекогносцировки, как называл Денисов, но, наткнувшись на толпу французов

[^^^]

Зачеркнуто: совершенно неожиданная, была особенно приятна и вписаны след. девять слов.

[^^^]

693

Зач.: пропустил всех людей и остано*ви*[лся]

[^^^]

Зач.: <посмотреть> с народом подсо[бить]

[^^^]

Зач.: и поехал во двор к крыльцу домика, у которого, дожидаясь его, стоял казак, исправлявший должность его дворецкого.

— Гречук, — сказал Петя солдату, везшему пленного мальчика, — сюда, на двор. — И, слезши с лошади, пошел за Денисовым.

Редко удавалось Денисову с его партией иметь такое хорошее помещение, как в этот день в <маленькой> неразоренной деревушке в 15 верстах от большака. Казак Лихачев, исправлявший должность дворецкого, с свойственной казакам практичностью и щегольством, исполнял свое дело, но в нынешний день он, казалось, превзошел себя. В небольшой избе, служившей конторой помещика, были сделаны на сошках койки с сеном, а покрытый ковром стол был накрыт скатертью и было два графина, один с водой, другой с водкой, и было пять вилок и ножей, и лавочки поставлены вокруг стола, и изба чисто выметена, и на столе сало и две жареные курицы и в печи похлебка и баранина.

— Ай да Лихачев! Вот так банкет! Ну, мо-

лодчина, — сказал Денисов.

Лихачев только улыбнулся и сказал, что стаканов не мог достать больше двух.

Через час Денисов, Петя и три офицера, раскрасневшись от жара <усталости: они с утра выехали>, рвали и грызли курицу, запивая кто водой, кто водкой, и громко и весело разговаривали. Предметом разговора были подробности нынешнего поиска и предположения о завтрашнем важном предприятии. Предприятие состояло в том, что на смоленской дороге должен был ночевать большой французский транспорт кавалерийских вещей и партия наших пленных. Предполагалось напасть на этот транспорт. Но <сила его была не вполне известна> при транспорте и пленных было, как говорили, два полка французов, и с одной партией в 200 человек трудно было что-нибудь сделать. Для этого Денисов послал к Долохову, тоже партизану, ходившему недалеко от него, предлагая ему общими силами напасть на транспорт. Кроме того, чтобы исследовать настоящую силу этого отряда французов, был послан туда нынче мужик, Тихон Шестипалый, исправлявший

должность рекогносцирующего отряда в партии Денисова. Перед обедом никто и не думал о возможности атаки одними своими силами, но теперь, разгорячившись водкой и едой, офицеры уже поговаривали о том, что незачем ждать Долохова и с ним делиться. И Денисов, казалось, склонялся на это мнение. Петя, с первых дней своего поступления в партизаны боявшийся и опасности, и жестокости, теперь уже вполне усвоил себе тот охотничий дух, который чувствовался во всех этих людях. С первого же дня, когда он с казачьим офицером и 50 человеками засел в лес и выжидал французов, он, увидав их, почувствовал то же чувство, которое он испытывал в Отрадном, выжидая из острова лисицу. Убивать людей и подставлять свою жизнь было бы невозможно, ежели бы не было этого бессмысленного чувства охоты — охоты на людей. Он испытал то же, как в охоте, поглощение всех других чувств и мыслей одним желанием: взять его — зверя, а теперь человека. И желание это было так сильно, что нельзя было думать о себе и о нем: надо его взять во что бы то ни стало. И как настоящий охотник бо-

ится медведя или льва, когда думает о нем, перестает думать об опасности, как видит зверя, и, жалея зверя, когда думает о нем, перестает жалеть, когда надо взять, так точно было с Петей и в этой охоте за людьми.

Но в охоте за зайцем с Петей случилось, когда откалываемый заяц вдруг запищит или заяц мал, — случилось, что ему, хотя и совестно было признаться в этом, было жалко зайца. Так точно и случилось с ним в охоте за людьми, в которой он никогда не убивал сам людей, но содействовал к их убиванию.

Когда Петя вскакал в середину казаков, крича, чтобы они не били, а брали в плен, он увидел маленького французского барабанщика, которого держал казак.

Пете вдруг стало ужасно жалко мальчика. Но то, что самому ему, Пете, было 16 лет и мальчику было столько же, сделало то, что Пете показалось стыдным выказать свое участие к мальчику. Заметив, что казак, обшарив мальчика, не намеревался сделать ему ничего дурного, а посадил его на лошадь с собой, Петя отъехал от него, ничего не сказав.

Но когда, выехав за лес, стали пересчитыв-

вать пленных, Денисов, не считавший этого стыдным, расспросил мальчика, как его зовут, откуда он, обласкал его и решил его взять с собой.

[^^^]

[Тебе ничего не сделают плохого, Винцент.]

[^^^]

[— Слушаюсь, господин командир.]

[^^^]

Зачеркнуто: и потому, что храбрость мальчика понравилась ему

[^^^]

699

Зач.: транспорт

[^^^]

700

Зачеркнуто: <Начал> В то же время

[^^^]

Здесь, как и ниже, буква «р» в словах Денисова сохранена.

[^^^]

702

Зач.: вчистую

[^^^]

Зач.: Нынче что, это — так, рекогносцировочка и вписано, кончая:

в наших руках будут,

[^^^]

На полях: <Мальчик поразил Петю>

[^^^]

705

Зач.: дома

[^^^]

Зач.: Тот опыт партизанской войны, который он видел нынче, очень понравился ему.

Его <удивляла> пугала прежде опасность этой войны, где можно быть не только убитым, но взятым в плен и быть казненным французами, так как говорили, что французы расстреливали партизанов, и ужасала мысль о жестокости этой войны, где побивали и забирали в плен разрозненных, незащищающихся людей, но нынче он понял, в чем состояла прелесть этой войны. Когда они нынче утром <засели в лесу> крадучись въехали в лес и стали в кустах, пропуская мимо себя толпы французов, и когда казачий офицер <несколько раз шопотом> плачущим шопотом заговорил Денисову: — В[асилий] Ф[едорович], велите. Ну, пожалуйста, только гикнем — всё заберем, — и когда Денисов сказал: — Ну, с богом! — и всё с криком поскакало вперед, он <понял> испытал чувство, подобное тому, которое он испытывал в Отрадном, ожидая зверя из острова. Он испытал то же, как и на охоте, всепоглощающее, бессмыс-

ленное желание: на охоте — взять зверя, здесь взять человека. И так же, как на охоте за зверем, чувство это было так сильно, что всякая мысль о личной опасности исчезала при этом и также исчезало всякое соображение о том, хорошо ли или дурно ловимому зверю. Так же, как и на охоте, чувство сострадания к зверю в особенности уничтожалось тем, что так трудно <и опасно> было поймать зверя, что все силы внимания были сосредоточены на одном достижении цели — и человек делает жестокие вещи, потому что ему некогда видеть их жестокости. Петя в этот день никого не рубил и не стрелял, но смутно видел, что нескольких человек убили, и, как всегда это бывает, не заметил этого, потому что в то время, как расправлялись с пленными, с двух сторон бежали, стреляя, французские солдаты и надо было как можно скорее, захватив повозки и пленных, уходить в лес. Но как случается на охоте, что вдруг при <виде детенышей> жалостном крике дичи или при виде детенышей вдруг возбуждается сострадание с удвоенной силой, так и случилось <теперь> это с Петей.

Это случилось с ним нынче с маленьким барабанщиком. Когда Петя подскакал к казакам, барабанщика только что взяли и он жалостно кричал.

Петя поговорил с ним, узнал, что его зовут Vincent Bosse, и сказал про него Денисову. Денисов, увидав мальчика, покачал головой и по привычке говорить по-французски, чтобы его не понимали, сказал: *le pauvre garçon* [бедный мальчик], и барабанщик, поняв это, заплакал.

Теперь, во время разговоров старших, Петя, хотя и принимал в них участие, не переставал думать о барабанщике. Куда его дели? Дадут ли ему есть? Позвать ли его сюда? Спросить ли Денисова? Ежели бы он сам не сказал *pauvre garçon*, я бы не думал. Что, очень стыдно будет, ежели я спрошу Денисова? Можно ли его позвать сюда? Ну, что будет, то будет, спрошу. И Петя, вперед покраснев и внимательно изучая взгляд Денисова в то время, как говорил — не будет ли насмешки, — сказал, стараясь казаться равнодушным.

707

Зачеркнуто: спросить Денисова

[^^^]

Зач.: «Ежели бы он сам не пожалел его, я бы и не думал».

[^^^]

709

Зач.: внимательно

[^^^]

710

Зач.: барабанщик. Вы хотели... я думал

[^^^]

711

Зач.: я думаю

[^^^]

712

Зач.: Vincent Bosse, — он сказал.

[^^^]

Зач. вставка в след. фразу копии, также зачеркнутую: Дай ему ба'анину, — и Пете показалось, что была насмешка в его тоне и во взгляд[ах] других

[^^^]

714

Зачеркнуто: сам

[^^^]

715

Зач.: радостно вскочив.

[^^^]

Далее текст копии с многочисленными поправками Толстого.

[^^^]

717

Зач.: русском кафтане

[^^^]

Зач.: Но Денисов ласково улыбнулся ему. Далее зачеркнут текст исправленной копии: Молоденькому барабанщику не нужно было говорить о раувге теге, его несложившееся, растущее тело, его без пушку на губе, но истощенное красивое лицо, нетвердый голос, его видимо напущенная солдатская хватка, из-за которой еще резче выказывалась детская незаглушенная невинность, сами собою напоминали о матери, которая еще так недавно должна была носить и кормить его. Это чувствовали все, и не только Денисов и Петя, но и все офицеры и денщики и казак Лихачев, который поднес ему водки.

[^^^]

719

Зач.: пил вод[ку]

[^^^]

Зачеркнуто: Петя подтвердил ему то же по-французски, и барабанщик выпил, и опять глаза его уставились на Денисова.

[^^^]

721

Далее автограф.

[^^^]

722

Зач.: вдруг

[^^^]

На полях заметка: <Ничего не пьет; лимонад; степенный вид. Разговор о пленных>.

[^^^]

Зач.: Перегов[орим?]

[^^^]

Так в рукописи.

[^^^]

726

Зачеркнуто: слухи в штабе

[^^^]

727

Зач.: на него смотрел и вписаны три след. слова.

[^^^]

Зачеркнуто: мой друг

[^^^]

[Послушайте, подите, вот вам.]

[^^^]

730

Зач.: у тебя старик отец или мать мучается, умирает, ведь ты ее не добьешь же и вписано окончание фразы.

[^^^]

Зач.: — Не знаю, — сказал он. — Так, на постели, не добыю, а коли бы эта старушка от меня утекала, да угрожала бы мне, что она меня вздернет на осину — не знаю. Ведь что вздор говорить.

[^^^]

Далее — исправленная копия.

[^^^]

733

Зачеркнуто: <Шестипалый> Неверный

[^^^]

Зач.: под Москвою

[^^^]

735

*Зач.: осведомляясь у мужиков и вписаны след.
пять слов.*

[^^^]

Далее — автограф на полях, кончая словами:
Денисов взял с собой Тишку Щербатого.

[^^^]

На полях: Тихон уж охотится и чуть не убил Денисов[а], приняв его за француза.

[^^^]

Зач.: и показал

[^^^]

739

Зач.: русские

[^^^]

740

Следующий абзац — автограф на полях

[^^^]

741

Исправлено из: здоровенный

[^^^]

742

Зачеркнуто: посапывал

[^^^]

Далее автограф, кончая: редко отставал от кавалерии.

[^^^]

След. два абзаца — автограф.

[^^^]

Зач.: Тихон был награжден <за свои заслуги> Денисовым, но оценить его заслуги в первое, тяжелое время, когда партия скрывалась по лесам и <нельзя было> никто не знал, что было можно и что нельзя <Одно, за что>

[^^^]

Зач.: стоило отвернуться от него, чтобы Тихон приколол или пристрелил француза.

[^^^]

747

Далее текст исправленной копии.

[^^^]

748

Зачеркнуто: Долохов засмеялся.

[^^^]

Далее автограф вместо текста зачеркнутой копии, кончая словами: проехали за цепь французов.

[^^^]

750

Зач.: — Мальчонка-то взяли, — сказал он, — здорово, — сказал он барабанщику.

[^^^]

751

Зачеркнуто: А кто ж его взял-то?

[^^^]

Зач.: — Неужели убили другого?

[^^^]

753

Зач.: лагерь

[^^^]

Далее до конца варианта — автограф на отдельном листе.

[^^^]

755

Зач.: как бы забавляясь его страхом

[^^^]

756

Зач.: Командир был в другой деревне. Офицеры были у другого костра.

[^^^]

Зач.: тот ужас,

[^^^]

«Противное дело таскать за собой эти трупы.
Лучше бы расстрелять эту сволочь»,

[^^^]

[«Прощайте, господа»,]

[^^^]

760

Зачеркнуто: желтые

[^^^]

761

Зап.: <были одними> и те минуты, когда Долохов, стоя в несколько театральной

[^^^]

Зач.: <Чувство сострадания и мести, и чего-то непостижимого>

<Когда в это утро <пленные взятые 300 человек французов <были заперты> по приказанию Долохова пропускали мимо его, пока он считал их>

Петя испытывал странное чувство и сострадания, и мести, и сознания справедливости того, что происходило, когда в это утро с одной стороны улицы толпы наших пленных, окруженные солдатами и казаками, кормившими их и раздававшими им платье, все радостно и слезно лопотали что-то, а с другой стороны

Далее автограф на полях зачеркнутой копии со знаком переноса и пометой рукой Толстого: В конце

[^^^]

*Далее конец автографа на отдельном листе.
Сбоку помета рукой Толстого: В конец.*

[^^^]

Зачеркнуто: <опираясь> сидя на бревне у ворот и играя

[^^^]

765

Зач.: и приговаривал: filez, filez

[^^^]

Зач.: В числе освобожденных партией Денисова и Долохова пленных находился Пьер Безухий.

— Filez, filez, — приговаривал Долохов.

[^^^]

767

*Переработанная копия предшествующего
вар. № 277 (стр. 102).*

[^^^]

768

Далее зачеркнут текст копии и вписан рукою Толстого новый текст.

[^^^]

Этот абзац и два следующие отчеркнуты и Толстым сделана помета: После. (См. печатный текст, гл. VII.) Далее текст копии, кончая: где его теперь

[^^^]

770

Далее — автограф на полях.

[^^^]

771

Зач.: Один

[^^^]

Следующие четыре слова — копия. Далее от слова: желая — автограф на полях зачеркнутой копии.

[^^^]

773

Зачеркнуто: с тем, чтобы предложить

[^^^]

774

Зач.: Расспрашивая у встре[чавшихся]

[^^^]

775

Зач.: к вечеру

[^^^]

Зач.: у караулки большого казенного леса. То
время, в которое Петя застал партизанск[ую]

[^^^]

777

Зач.: как забеглые

[^^^]

778

Зач.: определенные

[^^^]

В автографе: МНОГОГО

[^^^]

780

Зачеркнуто: моло[дчества]

[^^^]

781

Зач.: чувство, служившее главной пружиной их деятельности. Это было странное чувство

[^^^]

782

Зач.: какое-то молодечество, то же

[^^^]

783

Зач.: страстном

[^^^]

Зач.: всех и далее: человеческих чувств переделано на: человеческого чувства

[^^^]

Зач.: и исполнявших

[^^^]

786

Зач.: человеческие души

[^^^]

В автографе слова: и слепота написаны дважды

[^^^]

788

Зач.: в виде молодецкого

[^^^]

Зач.: и молодецкого партизанства.

Петя застал Денисова в самом разгаре партизанской страсти. В тот день, как приехал Петя <узнать подробности о французском транспорте>, Денисов с своей партией выслеживал этот транспорт <утром> и стоял <теперь> в двух верстах от дороги, по которой шел тот самый транспорт, подробности о котором приехал узнать Петя, и <в ночь> <утром сделав> в это утро отбив из него две фуры, ждал только того, чтобы транспорт стал на место, чтобы ночью атаковать его. На поляне за караулкой стояло человек сто кавалеристов, казаков и странно разнообразно одетых людей. В середине их стояли две французские фуры.

Денисов <окруженный> с тремя офицерами сидел у дверей караулки и горячо спорил о чем-то с одним из офицеров.

Увидев Петю в форменном сюртуке и не узнав его, но признав за штабного, которых ненавидел Денисов, он нахмурился. Но только что Петя заговорил, передавая свое поруче-

ние и еще не успев назвать его, как Денисов вскочил, глаза его весело блеснули, и он обнял Петю и поцеловал его.

— Вот не узнал бы, каким молодцом стал! — закричал Денисов. — Так у него? Господа, какво? Приглашают меня. *Вместо зач. написан новый автограф на восьми страницах.*

[^^^]

790

Зачеркнуто: с помощью мужика из деревни

[^^^]

791

Зач.: после многих исканий, наконец,

[^^^]

Слово: котором *исправлено из:* который *Далее*
зач: сбирался атаковать ген[ерал]

[^^^]

Зач.: содействия

[^^^]

Зач.: Иногда

[^^^]

Зач.: казаков и Пети

[^^^]

796

Зач.: дичь

[^^^]

797

Зач.: подъехать с своей партией

[^^^]

798

Зач.: Денисов

[^^^]

Исправлено из: был оставлен и далее зач.:
разъезд казаков

[^^^]

800

Зачеркнуто: армии

[^^^]

На полях: Петя смотрит на них. Петю все ласкают.

[^^^]

802

Зач.: Какая-то жижа

[^^^]

803

Зач.: маленькими каплями

[^^^]

Зачеркнуто: Денисов был одет в папаху с висевшим по лицу мокрым курпеем, в чекмень, на который накинута была бурка, которую он беспрестанно распахивал, делая жесты руками.

[^^^]

Зач.: казался тоже особенно оживлен и весел.

[^^^]

806

Зач.: **самодовольным**

[^^^]

На полях: Под Денисовым был <донской, худой, костлявый конь>.

[^^^]

808

Зач.: как всегда медлителен

[^^^]

Зач.: маленькими

[^^^]

810

Зач.: разгильдяйскими

[^^^]

Зачеркнуто: Но Денисов, не слушая его, продолжал <разговор на> то, что он смеясь говорил эсаулу. Вообще во весь этот день Петя замечал, что ни Денисов, ни эсаул, ни даже и солдаты и казаки — никто не говорил про дело, которое предстояло, исключая крайней необходимости, а все говорили о посторонних предметах. Денисов говорил про то, как он отделается от предложения соединиться, которое присылал ему генерал Пети.

[^^^]

812

Зач.: оставив партию на перекрестке дороги

[^^^]

Зач.: накрытые *На полях*: <Он привел. Да нет же [?]. Он полез опять. Выстрелы. Вон он. Хотот. Петя. Н. Г. [?] Долохов. Весенний. Шашку.> Петя просится. Ради бога.

[^^^]

Зач.: привел

[^^^]

Зачеркнуто: шагах

[^^^]

816

Зач.: Много их

[^^^]

Зачеркнуто: с новым для него и сильным физическим ощущением волнения смотрел на этих близких, беззаботно двигавшихся врагов,

— Как же вы будете атаковать? — спросил он Денисова.

— Атаковать к[ак] и *и вписано, кончая:* как будто с улыбкой

[^^^]

818

Зач.: то на того, то на другого

[^^^]

Зач.: Денисов смотрел тоже молча и, оглянувшись, вдруг начал говорить эсаулу о том

[^^^]

820

Зач.: <Тут> Болото

[^^^]

821

Зач.: попался

[^^^]

822

Зач.: расхохотались.

[^^^]

Зач.: Эсаул, посмеиваясь, отъехал от опушки и <повернул> поехал назад к караулке.

[^^^]

Зачеркнуто: казак.

[^^^]

825

Зач.: Что, скрючило, дядя!

[^^^]

826

Зач.: Такой молодчина

[^^^]

827

Зачеркнуто: И силы страшной

[^^^]

828

Зач.: 70

[^^^]

Первый абзац — автограф вместо зачеркнутой копии вар. № 277 (см. стр. 113–114).

[^^^]

Далее — текст копии.

[^^^]

Зачеркнуто: привел

[^^^]

Далее — автограф, кончая: в один голос эсаул и Денисов вместо зач. текста копии.

[^^^]

Зач.: поладнее

[^^^]

Далее текст переработанной копии.

[^^^]

Далее, кончая: засопел пронзительно *автограф.*

[^^^]

Зач.: узнать

[^^^]

След. абзац — автограф.

[^^^]

Далее — автограф-вставка на трех страницах.

[^^^]

Зачеркнуто: Листья

[^^^]

840

Так в автографе.

[^^^]

841

Зач.: зажига́л

[^^^]

842

Зачеркнуто: двух

[^^^]

В автографе; поднятое

[^^^]

Зачеркнуто: выбегали

[^^^]

845

Зач.: <стреляла> стояла

[^^^]

Автограф.

[^^^]

847

Зачеркнуто: Ничего уж не было похожего на

[^^^]

848

Зач.: партия эта и вписаны след. четыре слова.

[^^^]

849

Зач.: не получала и вписаны след. четыре слова.

[^^^]

Зач.: сплошной толпой войск Нея и Мюрата, итальянцев и поляков, и впереди ее ехали

[^^^]

851

Зач.: сзади

[^^^]

Зач.: После Вязьмы прежде шедшие 3-мя колоннами французские войска шли теперь кучей.

[^^^]

Зач.: держались

[^^^]

Зачеркнуто: и до морозов

[^^^]

Зач.: и за себя и за

[^^^]

856

Зач.: <чре[звычайно]> не замечая

[^^^]

Зачеркнуто: Он был почти позади всех. Пьер опять стал смотреть на ноги.

[^^^]

[— Старик больше не может идти.
— Ну, оставь его.]

[^^^]

[— Будь покоен. Мы ничего бедняге не сделаем. Пусть умрет спокойно.

— Но]

[^^^]

— По местам!

[^^^]

861

Зач.: Два офицера, гово[рившие]

[^^^]

862

Зачеркнуто: из депо поравнялись с ним

[^^^]

Зач.: ели что-то и громко говорили. Пьер поднял голову, посмотрел на них, прислушался. Они жаловались друг другу, ругались на свое положение. Пьер хотел отвернуться, как вдруг он заметил, что оба француза *и написаны след. два слова.*

[^^^]

864

Зач.: впереди

[^^^]

865

Император, император, император!

[^^^]

866

Да здравствует император! Да здравствует император!

[^^^]

Что он сказал? [Я ведь говорил. О, раз он возьмет-
ся!]

[^^^]

Зач.: повернул

[^^^]

Зачеркнуто: Солдата-то

[^^^]

870

Зач.: Пьер поднял голову, хлопья снега

[^^^]

871

Зач.: саван

[^^^]

872

Зач.: шавка была там

[^^^]

873

Зач.: на ночлег среди поля

[^^^]

874

Зач.: пленные и, утревшись,

[^^^]

*Автограф обрывается; последнее слово: за-
снул по копии.*

[^^^]

На полях: Фигнер.

[^^^]

Зач.: все чувствовали, что они бедные, гадкие люди, нажившие себе горя, упреков совести и безвыходное несчастье.

[^^^]

*Далее до конца варианта — автограф на двух с половиной страницах. На полях: <М. Д. Бер-
тье.>*

[^^^]

Зач.: МОСКВЫ

[^^^]

880

Зач.: бессмыслицей

[^^^]

Зачеркнуто: подобна игре вследствие быстроты

[^^^]

882

Зач.: обозначить то ме[сто]

[^^^]

Зач.: под

[^^^]

Зач.: От этого-то ни в какой войне не было такой простоты движения войск, как в эту кампанию, и все попытки историков по заведенному ими порядку приписывать какие-то планы, марши и маневры своим героям, падают сами собой, при этой продолжавшейся всю кампанию и особенно ясно выразившейся при выступлении Наполеона из Смоленска игре в жмурки.

[^^^]

Зач.: сообразить

[^^^]

Зач.: идя к Вильне

[^^^]

Зачеркнуто: Они бежали

[^^^]

Фраза не закончена.

[^^^]

Зач.: мар[шалов]

[^^^]

Зач.: <на бегстве> во время бегства уничтожения

[^^^]

891

Зач.: (известно как далеко)

[^^^]

Зач.: Все шли, сами не зная куда и зачем они идут. Еще менее других знал это <Постояв там по>

На полях конспект: [1 неразобр.] Французы идут до Смоленска врозь. Грабят. [2 неразобр.] в Вильну. [1 неразобр.] Подвиг Нея. $\frac{1}{10}$. Под Кр[асным] путаница. Идут дальше как в жмурки. Березина, сам бежит [1 неразобр.] На бегу нельзя взять армию и еще меньше можно взять армию расстроенную, или из которой бежит главнок[омандующий]. Берут только благодаря страданиям [?].

Взять нельзя, потому что самим есть нечего. Ежели не кажется победы, то только оттого, что все хотят драться.

Костер после Красного. Кутузов после Красного. — Богданович.

Красное, торжество К[утузова]. Богд[анович]. У костра. Полк [1 неразобр.] о смотре. М. и в. И. Приход. Жалуются на него [?]. Vive H[enri] IV.

Н[аполеон] мужествен, по показанию Т[ьера], остается в Кр[асном] и все-таки бежит.

Лимон [?] поговор[ка?] Кудашева. Пехота В.
К. полож[ит] оружие.

Опять диспозиции. Толь die 1-e Colonne
mar[schier].

Если бы все эти расч[еты]

Но точно никогда

Потеряв всю армию.

Милорадович [?] подарил колонну.

[^^^]

Автограф.

[^^^]

На полях: Глаза болят и привычнее

[^^^]

Зачеркнуто: весь вид

[^^^]

Зач.: даны

[^^^]

897

Зачеркнуто: Ермолов

[^^^]

Зач.: сде[лать]

[^^^]

В автографе: не имеющих

[^^^]

Автограф на полях и над строками копии предыдущего варианта после слов: Захарченко и Петрова (стр. 142).

[^^^]

Зачеркнуто: А между тем стоит только забыть на минутку про план, присланный из Петербурга и составленный внимательно, и взглядеться в сущность дела, в солдат, в их положение, в те условия, в которых они были, и вдруг ясный свет осветит всё дело. И всё просто и понятно.

От Москвы до Красного отсталыми и большими растаяло на половину русское войско. Отчего это произошло? Какова была пища солдат? Не всегда полная порция сухарей — редко мясо и никогда водка. Какова была одежда? Полушубков не было у трети, сапог не было теплых у половины. Холодные сапоги были худы. Где ночевали войска? В поле биваками. Какая была погода? <Морозы> Сырая осень, метели, метели и морозы до 18 градусов. *Вместо зач. вписан дальнейший текст.*

[^^^]

902

Зач.: присут[ствием]

[^^^]

Автограф.

[^^^]

Весь первый абзац — вставка, написанная при последующем просмотре первого наброска.

[^^^]

905

Зачеркнуто: моего

[^^^]

906

Зач.: сделанный

[^^^]

907

Зач.: <Иногда, когда любимый> И рана

[^^^]

Зач.: как рана иногда убивает, а когда залечивается, то залечивается только изнутри самой жизни.

[^^^]

Зач. начало первого наброска: Прошло две недели со времени смерти князя Андрея. Наташа и княжна Марья были неразлучны. Они редко выходили из маленькой угловой комнаты, отведенной княжне Марье, и над зачеркнутым вписана первая фраза след. абзаца.

[^^^]

910

*Зач.: Они сидели большею частью Позднее
вписаны вместо зач. след. семь слов.*

[^^^]

911

Зач.: и графиня

[^^^]

912

Зач.: когда

[^^^]

913

Зач.: оставались одни, они

[^^^]

Зач.: и им мешают и вписано позднее окончание фразы.

[^^^]

Зач.: Княжна Марья

[^^^]

Зач. позднее: скрыв лицо и надписано: зажмурившись

[^^^]

Зач.: так или

[^^^]

918

Зач. позднее: поднять головы и

[^^^]

Зач.: Всякое участие в вольной жизни представлялось им кощунством испытанного чувства.

[^^^]

Зач. позднее: на каждом шагу встречались оскорбительные, недостойные воспоминания, как пьяный смех <над> в середине *Вместо* *зач. вписаны след. восемь слов, а затем четыре исправлены из:* таинственного, величественного, дальнего хора

[^^^]

921

След. слово вписано позднее.

[^^^]

Исправлено из: напряжением и далее зачеркнуто: продолжали прислушиваться. И поэтому

[^^^]

Зач. позднее. Они жили только тогда, когда они были вдвоем. <Они> <И> Это сближение между ними породило в них взаимное чувство, сильнейшее, чем дружба <Они часто были вдвоем> <Они большей частью были вдвоем>. *Дальнейший текст — позднейшая вставка на полях.*

[^^^]

Зач.: невидимый голос

[^^^]

925

Зач.: они затихали, <направляя> давая

[^^^]

926

След. фраза вписана позднее.

[^^^]

*Зач. позднее: Им было легко вместе и вместо
зач. вписано до конца абзаца.*

[^^^]

928

Зач. вписанное позднее: так же согласно

[^^^]

929

След. два слова вписаны позднее.

[^^^]

Зач.: обо всем, что могло в прошедшем интересоваться одну или другую и подписаны след. три слова.

[^^^]

931

Зач.: ТОЛЬКО

[^^^]

932

Зач.: ни одного раза во все эти две недели они

[^^^]

933

Зач.: нем

[^^^]

Зач.: прошлом только

[^^^]

Зач.: МЫСЛЬ

[^^^]

936

Зачеркнуто: полюбив

[^^^]

937

Зач.: думала вовсе о б[удущем]

[^^^]

Зач.: уте[шительное]

[^^^]

Зач.: стала <читать> тайно, прячась от

[^^^]

Зач.: «Нет, я не понимаю ее», сказала она себе.

<Я по>

— Мари, — сказала она ей. — Я читала вчера ночью.

— Я видела, — отвечала княжна Марья. — Я боюсь, ты *и вписана след. фраза.*

[^^^]

941

Зач.: глядела

[^^^]

*Зач.: взяла из этой книги и надписаны след.
десять слов.*

[^^^]

943

Зач.: радость страдания

[^^^]

Далее вписано на полях и зач. позднее, кончая:
был лишен ее новый друг.

[^^^]

Зачеркнуто: <вере> <высо[те]> том

[^^^]

946

Зач.: но <ежели бы> она любила и знала ее

[^^^]

Зач.: необходимость

[^^^]

948

Зач.: величав[ой]

[^^^]

949

След. два слова вписаны позднее.

[^^^]

950

Зач.: Княжна Марья решила

[^^^]

Зач.: <Они ни> <Они никогда, всё также, как и прежде> Дружба

[^^^]

Автограф.

[^^^]

Зач.: Наташа вышла в коридор и в столовую.
<В> Граф Илья

[^^^]

Зачеркнуто: и с досадой

[^^^]

Зач.: Отец <стоял у противу> сидел на стуле у окна и, положив свою плешивую голову на сжатые кулаки, всхлипывал.

[^^^]

956

Слово она вписано позднее.

[^^^]

Зач.: Наташа, он поднял мокрое от слез лицо.
«Бог мой, бог мой! — проговорил он. — Петя»
и вписано до конца абзаца.

[^^^]

Зач.: вот — и он подал ей письмо.

[^^^]

Зач.: спра[шивая]

[^^^]

960

Зач.: окруженная Соней и девушками и страшно и надписаны след. пять слов.

[^^^]

Зач.: руками и

[^^^]

*Зач.: и кричала: Наташу! и надписаны след.
одиннадцать слов.*

[^^^]

963

Зач.: строго

[^^^]

Так в автографе.

[^^^]

Зачеркнуто: видели, что силы Наташи изменят ей

[^^^]

Зач.: На третий день, когда графиня стала плакать и когда ей приведен был <духовник ее> монах, который должен был исповедывать и причастить ее, она вспомнила о Наташе и велела ей идти к себе и отдохнуть. Но Наташа не чувствовала ни малейшей усталости и желания спать. <В ночь с ней сделались конвуль[сии]> Но в ночь она сама тихо вышла из комнаты матери, ушла к себе, и с ней сделались конвульсии, разрешившиеся рыданиями и слезами.

[^^^]

967

Зач.: но уже

[^^^]

Зач.: <Когда княжна Марья, на месяц отложившая свой отъезд, теперь, в половине января, собиралась ехать,> Вскоре

[^^^]

Исправлено из: страшно и далее зач.: то

[^^^]

970

Зач.: хочешь всю жизнь отдать

[^^^]

971

Зач.: Потеря

[^^^]

972

Зач.: И она славная

[^^^]

973

Зач.: хор[ошая]

[^^^]

Автограф.

[^^^]

975

Зачеркнуто: Костроме.

[^^^]

976

Зач.: и вышел с своим полком вме[сте]

[^^^]

[КОНИНА,]

[^^^]

[что ловко выпутался из беды,]

[^^^]

[великой арррмии]

[^^^]

[бодрым видом.]

[^^^]

Зач.: БЫЛО ПЛОХО

[^^^]

982

Зач.: чувствовал

[^^^]

[«На этот раз от меня не уйдут русские графини. Я наверстаю то, что мне не удалось в Москве. Они очень... милы,»]

[^^^]

984

Зач.: одной

[^^^]

[княжне и графине]

[^^^]

[Княжна и графиня, княжна Буг... Чорт победи эти русские имена... и графиня Роситордова. Балекин утверждает, что Роситордова мила. Тем лучше.]

[^^^]

Зачеркнуто: Вскоре после похорон Ростовы и княжна Марья с ними вместе переехали в Кострому.

[^^^]

И исправлено из: но

[^^^]

Зач.: ничего не могли обещать и вписано до конца фразы.

[^^^]

990

След. три слова вписаны позднее.

[^^^]

Зач.: тоже не решалась оставить Наташу, к которой она привязалась чувством, гораздо сильнее, чем дружба *и вписано, кончая:* жизни без Наташи.

[^^^]

992

того *исправлено из: тех и зач.:* минут

[^^^]

Зач.: <нич> любя

[^^^]

994

Зач.: постоянно находясь с нею

[^^^]

995

Зачеркнуто: переломлен

[^^^]

Зач.: Но впечат[ления]

[^^^]

Зач.: Она боялась

[^^^]

998

Зач.: увеличивали ее горе

[^^^]

Зач.: то, что <воспоминание> впечатление смерти было так сильно, что заглушало все другие

[^^^]

1000

Зач.: для того

[^^^]

1001

В автографе: делали

[^^^]

1002

Зач.: сделали то

[^^^]

1003

Зач.: вдруг

[^^^]

На полях конспект: Приезд Веры и известие о Пете. Вдруг: 1) злоба на судьбу, 2) презрение к Вере, 3) потребность usefulness [полезности], 4) <любовь к> проснулась и увидела, какая прелесть княжна Марья, и полюбила, как любят чужое.

Как оно затихло, но затихало. Жили в Москве. Болезнь, в Москву и вдруг приехал Пьер и неожиданная краска.

Пьер — легко, и всё ясно. В Москву. Приехал к Наташе и вечером — готово волнение.

Разговор княжны Марьи с Наташей; из бани чистый [?], нет, жени[x].

[^^^]

1005

Зачеркнуто: После

[^^^]

1006

Зач.: к Рамбалью

[^^^]

1007

[великой арррмии,]

[^^^]

[— Да, я его знал. Но, сударыня, он мне больше, чем друг: этот человек спас мне жизнь.]

[^^^]

[— Ах, это был один из вечеров, которые не забываются. Одни среди развалин Москвы, мы пустились в задушевные признания, в нежные думы о любви. Да, сударыни. Милый бедный друг, которому суждено было погибнуть, он говорил мне о своей любви, он говорил мне о девушке, которую любил, не признаваясь ей в своей любви. Прелестная молодая девушка, она совершила ошибку, но он любил ее еще нежнее за радость прощения. Наталья, так он называл ее...]

[^^^]

1010

Автограф.

[^^^]

На полях конспект: Плен[ные]. Бород[ино].
Погоним из земли русской. 80 лет. Неприят-
ны. Вид солдат.

[^^^]

1012

Зач.: накануне

[^^^]

1013

Зач.: погибель

[^^^]

1014

Зач.: чувства

[^^^]

1015

Зач.: зна[л]

[^^^]

1016

Зач.: разру[шена]

[^^^]

1017

Зач.: хотел

[^^^]

1018

Зачеркнуто: лица

[^^^]

1019

Зач.: перед

[^^^]

1020

Зач.: распустив, осталось незачеркнутым:
офицеров

[^^^]

1021

Зач.: Толпы офиц[еров]

[^^^]

1022

Зач.: Трудно было и еще

[^^^]

1023

Зачеркнуто: и то

[^^^]

1024

Зач.: КТО

[^^^]

Зач.: бессмысленное, грубое, но для всякого русского человека имеющее такое определенное, добродушно стариковское ругательство. И опять затрепались знамена и тысячи голосов заревели ура. По звуку голоса, по виду его, по непонятным почти речам каждый человек чувствовал отражение своих лучших чувств в этом старом толстом человеке.

В этот же вечер

[^^^]

1026

Зач.: сначала СМЫСЛ

[^^^]

1027

Зач.: речи

[^^^]

1028

Зач.: ЧУВСТВО

[^^^]

1029

Зач.: ничтожества и

[^^^]

1030

Автограф, продолжение предыдущего.

[^^^]

1031

На полях: А не будешь ходить в Москву
О Кутузове рас[сказ]
Холодно!

[^^^]

1032

Зач.: В одном

[^^^]

1033

Зачеркнуто: кашей

[^^^]

1034

Зач.: начался для солдат тот период задушевной жизни, когда

[^^^]

1035

Зач.: досталось

[^^^]

Зач.: и шел оживленный разговор. Офицер, завернутый в шинель, сидел на чурке, которую подложили ему, и

[^^^]

1037

Зач.: не обходили его, <ока[зывали]> поправляли перед ним костер, подавали огня ему в трубку, но

[^^^]

На полях: Рассеян. Людей любили и уважали.

К[няжну] о матери, ее любовь. Пленный француз Рамбаль; усмешка.

Решился не строить, а надо.

Смысл жизни от того [?], что вокруг себя.

В Москву и Петербург.

У Растопчина. Хотят, чтоб я лгал. Но нет, свою свободу и готовность.

Ходит по комнате на Царицыно.

Ну, нечего делать. Письмом.

[^^^]

Зач.: были приятные, радостные гости.

Терешка, молодой лакей, с его рассказами о том, как он побил двух французов, как он мужественно защищал Савельича в церкви, несмотря на то, что Пьер чувствовал, что Терешка лжет, доставляли Пьеру удовольствие, и он часто заставлял его рассказывать и слушал с чуть заметной улыбкой. Строгий, непроницаемый вид Игната и его преданность составляли другой предмет бесконечных радостных наблюдений во время болезни Пьера. Старшая княжна, <прежде бывшая> с детства знакомая Пьеру только как княжна с деревянным лицом, теперь, во время его болезни, вдруг в его глазах распустилась <как цветок> живым прекрасным цветком <из какой-то мертвой куклы. Пьер не только> Пьер невольно заставил ее говорить, вспоминать, думать вслух и из наимертвейшего существа, каким она представлялась не только ему, но и всем, знавшим ее, понемногу стал перед ним выступать образ божий, столь же великий и бесконечный, как и в каждом своем

проявлении. Княжна приехала к Пьеру, как к своему кормильцу, к наследнику покойного, с намерением исполнить свой долг, как она его понимала, и с намерением дать почувствовать, что она делает должное, но не нуждается ни в привязанности, ни в благодарности. <И вдруг понемногу <Пьер увлек, заставил> она почувствовала, что к> И первое время своего пребывания в Орле она была суха и холодна с Пьером. Но чем дальше, тем больше <она невольно увлекалась> <ее> Пьер вызвал княжну на рассказы из прошедшего.казалось, главным чувством княжны за всю ее жизнь была зависть и гордость. Она хотела быть права всегда и ненавидеть всех; но Пьер видел в ее зависти желание любить, в ее гордости

Вместо зачеркнутого на полях написан дальнейший текст, кончая: где в ней живая душа человека.

[^^^]

1040

Зачеркнуто: даже не надея[лся]

[^^^]

На полях: Ревность. Пьер ревнует и говорит:
Не могу. Я б[уду] мучать ее. Н[аташа?] зарас-
тает трава.

[^^^]

1042

Зач.: имея мало

[^^^]

1043

Зачеркнуто: вторичную

[^^^]

1044

Зачеркнуто: горд[остью]

[^^^]

1045

Зач.: Вскоре после его

[^^^]

1046

Зач.: Я знаю его од[ного]

[^^^]

1047

Зачеркнуто: Его лучшее

[^^^]

1048

Зач.: стала б[леднеть]

[^^^]

1049

Зач.: А любить должен всякий.

[^^^]

1050

Зач.: И вдруг

[^^^]

Зач.: Он писал, что обстоятельства, в которых находится теперь Наташа, воспрепятствуют ему открыть ей свои чувства, но что он просит графа согласия на этот брак.

[^^^]

1052

Зачеркнуто: но что он

[^^^]

1053

Зач.: костлявую

[^^^]

1054

Зачеркнуто: знаменитый

[^^^]

1055

Зач.: необыкновенного

[^^^]

1056

Зач.: гениальном

[^^^]

1057

Зач.: не принимающего всё на веру и

[^^^]

1058

Зач.: шар *Далее переправлено:* русского войска
на: русское войско

[^^^]

Зач.: откатывавшегося по направлению толчка, данного ему во время всей кампании и в Бородинском сражении, при уничтожении силы толчка *Над* *зач.* *вписано* *рукой Толстого,* *кончая* *словами:* прямого направления

[^^^]

1060

Зачеркнуто: получаю новых толчков и надписаны рукой Толстого след. четыре слова.

[^^^]

1061

Зач.: отклонился *и* *надписано:* подалось

[^^^]

В рукописи: отступление

[^^^]

В рукописи: заведывавшего

[^^^]

1064

Зач.: сообщения

[^^^]

Зач.: Оттолкнутый шар, когда перестали действовать на него *Вместо зач. вписан рукой Толстого дальнейший текст, кончая словами:* шар русского войска

[^^^]

1066

След. три слова вписаны рукой Толстого.

[^^^]

След. четыре слова исправлены из: глубоко-мысленный, гениально-стратегический по-двиг

[^^^]

1068

Зачеркнуто: виделась

[^^^]

1069

Зач.: и боится

[^^^]

1070

Зач.: он и вписан след. текст, кончая словами:
в детстве своем

[^^^]

1071

Зач.: Из этого детского свойства человеческого ума вытекает потребность кумиров-героев, <которых> воля которых принимается за причину событий, <и поклонение им.>

[^^^]

Далее, кончая словами: отвечает: потому вписано рукой Толстого.

[^^^]

1073

Зач.: и потому это совершилось.

[^^^]

Зач.: что причина всякого события одна, и эта причина всех причин недоступна нам; но есть *Над* *зач.* *вписаны* *рукой Толстого след.* *четыре слова* и *далее* *законы исправлено на:* *законам*

[^^^]

Зач.: по которым совершается историческое событие, и что признание этих законов исключает признание одной какой-либо причины. *Надписано Толстым и вновь зач.:* что причина всякого события — одна и что эта причина всех причин недоступна уму человеческому. *Далее автограф до конца фразы.*

[^^^]

1076

*Зач.: признанием совершенно и вписано след.
слово.*

[^^^]

1077

Зач.: исторических

[^^^]

Зачеркнуто: Русское войско по тем естественным причинам, по которым всякое животное стремится туда, где оно может найти себе лучшее пропитание, передвинулось с Рязанской на Калужскую *След. фраза, кончая:* потом на Калужскую *вписана над зачеркнутым.*

[^^^]

1079

Зач.: в обильном, разрушенном городе

[^^^]

1080

Зач.: пропитать Далее, кончая словами: не двигалось и как будто автограф.

[^^^]

1081

Зач.: Но войско это

[^^^]

1082

Зач.: как можно

[^^^]

След. четыре слова исправлены из: Вся французская армия *Далее зач.:* находилась в сожженной Москве не в конце

[^^^]

1084

*Зач.: ожидавшие в Москве конца кампании
След. одиннадцать слов вписаны вместо зач.*

[^^^]

1085

Зач.: неожиданно в самой середине ее и надписаны след. пять слов.

[^^^]

1086

Зач.: уже вбежав наверх

[^^^]

1087

Зач.: и совеcтнo

[^^^]

1088

Три последних слова вписаны рукой Толстого.

[^^^]

1089

Зачеркнуто: Хотя *и* *надписано:* Но гениаль-
ный

[^^^]

1090

Зач.: хотя и весьма гениален, может быть, он

[^^^]

В рукописи после письма Наполеона к Кутузову (см. т. IV, ч. 2, гл. II) следует текст варианта.

[^^^]

1092

Взятое в скобки вписано рукой Толстого.

[^^^]

1093

След. четыре слова вписаны рукой Толстого.

[^^^]

Зач.: которые останутся вечною *Далее вписано*
рукой Толстого, кончая: прочтет всякий рус-
ский.

[^^^]

1095

Я был бы проклят, если бы на меня смотрели как на первого зачинщика какой бы то ни было сделки: *такова воля нашего народа.*

[^^^]

1096

Зач.: и присылка Лористона в русскую армию
для переговоров о мире,

[^^^]

1097

Зачеркнуто: а именно Тарутинское сражение.

[^^^]

В рукописи ошибочно: что

[^^^]

1099

Зач.: тогда

[^^^]

1100

Зач.: смертельно

[^^^]

1101

След. три слова — вставка рукой Толстого.

[^^^]

1102

Зач.: Коновницын и надписано рукой Толстого до конца фразы.

[^^^]

1103

В рукописи: Бенигсену

[^^^]

В рукописи: КИКИНУ

[^^^]

В рукописи: всему войску

[^^^]

Зачеркнуто: и написал государю донос на Кутузова, не забыв упомянуть о том, что Кутузов с собой возил девку, переодетую казаком.

[^^^]

1107

[попы были возвращены,]

[^^^]

Зачеркнуто: Мы видим, напротив, что, несмотря на то, что ему казалось, что он сам командует всем миром и своей армией, а сам, так же, как и последний солдат своей армии, оставался в Москве, грабя ее до тех пор, пока нужда, осень, перехваты обозов на Смоленской дороге и нападение русских под Тарутиным не заставили его повернуться на этой 20-й ступеньке лестницы и стремглав не побежать вниз, не зная, как и куда приведет его его бегство.

Даже Тьер, то есть тот Тьер, который ни перед чем не останавливается, чтобы найти смысл в действиях своего героя, признает, что он не имел никакого определенного намерения, выходя из Москвы, и не выходил из нее только потому, что ему было стыдно.

Итак, для нас личность Наполеона и все подводимые потом под его случайную деятельность историками мнимые, разумные причины не могут иметь интереса, потому что, допустив, что один человек мог иметь власть на других, мы не

[^^^]

Зач.: Потому-то им и не может быть интересно то, что происходило в голове и душе этого человека, а мы видим, что он, не имея ни больше власти, ни ума, чем последний солдат его войска, составлял часть *Вместо зач. рукой Толстого вписан дальнейший текст, кончая словами:* состояния и воли

[^^^]

1110

Зач.: всей этой армии.

[^^^]

Зач.: Состояние этого войска только имеет для нас значение. Далее вписан рукой Толстого дальнейший текст, кончая: и делал то же самое.

[^^^]

Зач.: так как армии уже нечего было есть <написано было и распространено следующее воззвание:> и пометка Толстого: на стр. 50 —

[^^^]

[«Солдаты питались мясом ворон и кошек. Даже в самой Москве линейные полки охотились за тем же по крайней нужде. Лошадиное мясо невозможно было есть и, несмотря на то, за неимением лучшего, его изредка варили».] След. абзац — автограф.

[^^^]

1114

[приказал привести назад попов.]

[^^^]

«Священник, которого я нашел и пригласил начать служить обедни, вычистил и запер церковь. В ту же ночь пришли опять ломать двери и замки, рвать книги и производить другие беспорядки, 5 октября».

[^^^]

Зачеркнуто: несколько раз приказывал *Дале,* *кончая:* было приказываемо *вписано* рукой Толстого.

[^^^]

1117

Зач.: вся

[^^^]

«Ничего нового, только что солдаты позволяют себе грабить и воровать, 9-го октября.

Воровство и грабеж продолжаются. Существует шайка воров в нашем участке, которую надо будет остановить сильными мерами. 11-го октября».

[^^^]

1119

Зач.: Император нашел

[^^^]

1120

Зач.: бросаюсь к нему.

[^^^]

1121

Зач.: она тебя

[^^^]

1122

След. четыре слова вписаны рукой Толстого.

[^^^]

1123

Зач. автограф: Наташа вбежала в дверь <по-
дошла к двери> матери.

— Убит! — <говорила> сказала она.

След. абзац — автограф.

[^^^]

Зачеркнуто: угадала Наташа, входя в спальню матери. *Далее зач. вписанный автограф:* и горло ее дрожало от рыданий, и глаза были полны слез.

Но вдруг она увидела мать. <Как> <Она> <Как будто сильный> Рыдания и слезы остановились. Она задрожала всем телом <и быстро подошла к графине>, потом глубоко вздохнула и подбе[жала]

[^^^]

1125

Зач.: <подбежала к ней> на мгновение замер-
ла на месте

[^^^]

1126

Зач.: ручку кресла и надписано рукой Толстого: стену.

[^^^]

1127

Зач.: несчастья

[^^^]

Зач.: Все события жизни, все люди были только принадлежности одного существа — Наташи, в которой был центр всего существующего.

[^^^]

1129

Зач.: Да и кроме того

[^^^]

1130

Зачеркнуто: не только и вписаны след. восемь слов.

[^^^]

1131

Зач.: но и был

[^^^]

1132

Зач.: многих периодов

[^^^]

1133

Зачеркнуто: описывала Соне

[^^^]

1134

Зач.: тем, что

[^^^]

1135

Зач.: главная

[^^^]

1136

Зач.: для поправления

[^^^]

[Дорогая Софи, благородному сердцу приятно жертвовать собой. Верните ему свободу, этим вы выиграете его сердце и тихую радость самоотречения.]

[^^^]

1138

Зач.: говорила

[^^^]

1139

Зач.: были их

[^^^]

1140

В рукописи: работы

[^^^]

1141

Зачеркнуто: наитончайшими сте[нками]

[^^^]

1142

Зач.: и смотрел, и слушал.

[^^^]

Зач.: Эка погода нынче, ребята. Равно весна, — сказал в это время голос с другой стороны. Пьер оглянулся. Среднего

Вместо зач. на полях вписан следующий текст, кончая: небольшого

[^^^]

1144

Зач.: строгий и вместе

[^^^]

1145

Зач.: несколько сутуловатый в груди и плечах человек

[^^^]

1146

Зач.: ТОЛЬКО

[^^^]

Зач.: с другой стороны и смотрел на него большими карими глазами. Вместо зач. на полях гранки вписано до конца фразы.

[^^^]

Зач.: Что ж, положим у себя, места много; со-
лома нынче свежая, — тотчас же после этого
Вместо зач. вписаны на полях след. девять
слов.

[^^^]

Зач.: обращаясь к Пьеру. Слова его вылетали из него так, как будто они уже были тут, во рту; как будто они нечаянно, переполняя его, выскакивали из него. Только что он кончил говорить, он *Вместо зач. на полях вписан текст, кончая:* пойти за ним,

[^^^]

Зачеркнуто: приглашая жестом Пьера следовать за собой.

[^^^]

1151

След. два слова вписаны на полях гранки.

[^^^]

1152

След. три слова вписаны на полях.

[^^^]

1153

След. слово исправлено из: встал.

[^^^]

1154

Зач.: говорили и говорят люди

[^^^]

1155

Зач.: еще более

[^^^]

1156

*Зач.: лишены способности и вписаны след.
пять слов.*

[^^^]

1157

Зач.: офицер

[^^^]

1158

В корректуре: неприятелями

[^^^]

Первый, зачеркнутый слой корректуры (верстки). Вместо него на полях написан рукой Толстого новый, окончательный текст гл. VI.

[^^^]

1160

Зачеркнуто: от

[^^^]

1161

Зач.: деятелей.

[^^^]

1162

Зач.: бесчисленного

[^^^]

1163

Зач.: должен исполнять

[^^^]

1164

Зач.: остались

[^^^]

1165

Зач.: третьего

[^^^]

Зачеркнуто: необходимо объяснить, каким образом воля масс подчиняется воле одного, сильнейшее слабейшему, или каким образом свободный произвол исторического деятеля подчиняется воле многих или совпадает с ними, совпадает с общими законами, управляющими миром, и чем руководится эта воля для достижения целей истории *и вписано до конца абзаца.*

[^^^]

1167

Зач.: сделала

[^^^]

Зач.: (Вольтер — Лиссабон) особенно резко по теории выразилось разногласие новых историков с древними, так как было признано и *вписаны след. два слова.*

[^^^]

1169

Зач.: ТОГО

[^^^]

Зач.: так как других матерьялов история почти не имела, а продолжала идти по прежнему пути. <Изучение же деятельности героев, исторических деятелей, при этом воззрении теряло смысл и требовало объяснений, каким образом влиял один человек на тысячи и чем руководилась его воля. История в теории не дала этих объяснений, на практике же своей бессознательно продолжала идти по прежнему пути.>

[^^^]

1171

Зач.: истории

[^^^]

1172

Зачеркнуто: прогресса цивилизации.

[^^^]

1173

Зачеркнуто: участие божества в делах человечества.

[^^^]

1174

Зач.: благодетель человечества

[^^^]

1175

Зач.: движение и вписаны след. три слова.

[^^^]

1176

Зач.: Штейном и Бернадотом, и Метернихом,
и

[^^^]

1177

Зач.: и т. д.

[^^^]

1178

Зач.: Штейном и Армфельдом

[^^^]

1179

Зач.: изменяла своему нормальному напи

[^^^]

Зач.: <производивших видоизменения масс.>
<Историческая наука — старая и естественная, как нам говорят, для самопознания человечества, и потому, не отвергая ее данных и потому вероятно> Не получая другого ответа, мы должны и может быть

[^^^]

1181

Зач.: вполне выражают в себе де[ла]

[^^^]

Зачеркнуто: <и мы> Рассмотрим же данные истории, эти описания доисторических лиц

1) по отн[ошению]

[^^^]

1183

Зач.: исторические лица и вписано след. слово.

[^^^]

1184

Зач.: получаем

[^^^]

1185

Зач.: движение

[^^^]

Зач.: <Ежели действительно таково свойство отношения исторических лиц к массам, то изучение истории весьма облегчается и станов[ится] тем самым> <Но посмотрим, таково ли свойство отношения исторических лиц к массам.> <Так до сих пор понимала свое назначение история. Посмотрим на свойства дей[ствительного]>

Справедливо ли это

[^^^]

1187

Зач.: допускающими, что

[^^^]

Последний абзац в рукописи отчеркнут.

[^^^]

1189

Зач.: <Но> О противуречии этом мы будем говорить впоследствии

[^^^]

1190

Зач.: видят интерес

[^^^]

1191

Зач.: Общий взгляд этот имеет в свою пользу
весьма много доводов.

[^^^]

1192

Зачеркнуто: отдельных

[^^^]

Зач.: Доводы эти весьма сильны, <но потому мы обязаны> несмотря на <то> те нелогические результаты, которые в своем дальнейшем развитии нам дает история, заставляют сомневаться в справедливости основного взгляда истории на влияние <отдельных> деятелей истории на массы.

Рассмотрим это влияние исторических лиц <на> <по существенным свойствам этих исторических лиц> по <их> отношению этих лиц к массам, по результату этих отношений в действительности — по существенным их свойствам и по значению, приписываемому им в истории. Да *Вместо зач. вписана след. фраза.*

[^^^]

1194

Можно прочесть: влияния

[^^^]

Зач.: Разрабатывая всю историю огромного исторического лица Наполеона, Тьер и Lanfrey приходят к совершенно противоположным выводам, и мы узнаем, что Булонский лагерь и приготовления к высадке в Англию не имеют последствий, безумное

[^^^]

1196

Зачеркнуто: недоверие

[^^^]

1197

Зач.: То же

[^^^]

1198

Зач.: Но это только предположение

[^^^]

1199

Зач.: и многое

[^^^]

1200

Зачеркнуто: МИЛЬОНЫ ИМЕЮТ В

[^^^]

1201

Зач.: совершается

[^^^]

1202

Зач.: Но несмотря на неизбежность

[^^^]

1203

Зач.: история

[^^^]

1204

Зач.: других.

[^^^]

1205

В рукописи знак переноса: (×)

[^^^]

1206

Зач.: старым и новым

[^^^]

1207

Зач.: человек[ество]

[^^^]

Далее запись, видимо рабочего порядка, о начале эпилога: Стало быть, общее начало. Какое же это

[^^^]

1209

Автограф.

[^^^]

1210

Зачеркнуто: личное

[^^^]

1211

Зач.: каждого

[^^^]

1212

На полях: Не образовались, а секрет. Роль сыграна, но не раздева[ется]

[^^^]

1213

Зач.: небесное тело

[^^^]

1214

Зач.: есть

[^^^]

1215

Зач.: И СВОИ

[^^^]

1216

Зач.: Взглянув общее

[^^^]

1217

Зач.: Еще общее

[^^^]

1218

Зачеркнуто: яснее ему

[^^^]

1219

Зач.: мнимой и далее целями личностей исправлено из: целью личности

[^^^]

1220

Зач.: забывают не только

[^^^]

1221

Зач.: что такое и вписаны след. три слова.

[^^^]

1222

Зач.: конца.

[^^^]

1223

Зач.: <испытал> подчинился

[^^^]

1224

Зач.: или

[^^^]

1225

Зач.: Ежели

[^^^]

1226

Зач.: человечества

[^^^]

1227

Зачеркнуто: Ежели

[^^^]

1228

Зач.: то нам надо постараться понять, почему это нужно.

[^^^]

1229

Зач.: лучей

[^^^]

1230

Зач.: Москва

[^^^]

1231

Зач.: послал ему

[^^^]

1232

Зачеркнуто: на кот[орые]

[^^^]

1233

Зач.: фигура

[^^^]

1234

Зач.: справедливой

[^^^]

1235

Зач.: Для чувства же <деятельность> фигура эта представляется в высшей степени <поучи[тельной]> трогательной и величественной.

[^^^]

1236

Зач.: В

[^^^]

1237

В автографе: Безухового

[^^^]

1238

Зачеркнуто: вскоре после приезда Безухова в Ярославль и вписаны след. три слова.

[^^^]

1239

Зач.: после приезда своего в Ярославль, не переставая ежедневно видел

[^^^]

1240

Зач.: до возвращения

[^^^]

1241

Зач.: удара

[^^^]

1242

Зач.: видел

[^^^]

1243

Зач.: тру[диться]

[^^^]

На полях: Княжна Марья, чувствуя его робость, сама предлагает ему руку.

[^^^]

1245

Зач.: и высказав то, что он, кроме склонности к ней, нуждается в ее деньгах

[^^^]

На полях: Что Соня? Имуществу дастся, у неимущего отнимется. Все, даже княжна Марья и даже сама она, это чувствовали. Она была пустоцвет. Bourienne нашла князя-старичка, и графиня Марья дала ей именье. (Женитьба Nicolas была тем нужнее, что княжну Марью обирали.)

[^^^]

1247

*Зачеркнуто: к посеву, к бурмистру, к сходкам.
Он был счастлив, когда он был с ними и впи-
саны след. два слова.*

[^^^]

1248

Зач.: несомненно и вписано след. слово.

[^^^]

1249

Зач.: любимых им самим и вписано след. слово.

[^^^]

1250

Зач.: покупал

[^^^]

1251

Зачеркнуто: и семейной жизни

[^^^]

1252

Зач.: Гостеприимство

[^^^]

1253

Слово: был исправлено из: была Далее зачеркнуто: Наташа с детьми, живущая с начала осени с мужем

[^^^]

1254

Зачеркнуто: широкие сапоги

[^^^]

1255

Зач.: После обеда

[^^^]

1256

Зач.: длинный

[^^^]

1257

Исправлено из: 20

[^^^]

1258

Зач.: Наташа

[^^^]

*Далее в рукописи по ошибке повторено: M-lle
Bourienne,*

[^^^]

На полях: <Помирившись, начинает ей рассказывать про дела. Она про детей.

— Вася, поди к нам.

— Ma tante, можно мне?

Она жалеет, что он один.

По постелям судят друг друга и оба чувствуют полноту.

Николушка мечтает славу — добро, плачет.

Мечты Андрюши о лошадке.

Наполеон о велик[ом].>

[^^^]

1261

Зачеркнуто: способной

[^^^]

1262

Зач.: представлялся

[^^^]

На полях: (о скупости)

[^^^]

Зачеркнуто: Пьер со времени своей женитьбы, после необычайных открытий, сделанных им, о том, что <такое есть> настоящее супружество есть подвластность, с удовольствием покорился своей участи и в этой подвластности нашел новые силы и опору. Он был постоянно с женою, она не отпускала его от себя настойчиво, уверенно (Пьер видел, что она имеет право на это, так как сама ничего не желает, кроме его) и так [как] надо было что-нибудь делать, Пьер, вместо езды по клубам и обедам, стал читать и увлекся <исключительно> особенно политической экономией и химией и получил в них <огромные> большие сведения.

[^^^]

1265

На полях: Он услышал музыку, смех; беспокойство.

[^^^]

1266

На полях: Старая графиня свой мир, подарки.
Покупки.

[^^^]

1267

Далее по недосмотру осталось не подчеркнутым: не и далее: знают исправлено на: зная

[^^^]

На полях л. 171: Наташа и Пьер в постели. Пьер рассказывает свою записку. Вместе начинают говорить.

— Ты что?

— Я — глупости. Точно глупости.

Про Н[иколеньку] забыли. А шейка, воротничок. Слушает и спрашивает про отца и чтит. Не кстати: У него идет своя [жизнь].

На полях л. 171 об.: Трубки не курили. Восторг старушки и детей. Чулки готовы. (Дети все разные.)

На полях л. 175: <Княжна Марья, дневники детей, о Николинке. Ты Пьера не понимаешь. Она объясняет.

Наташа хвалит княжну Марью за ее тонкость.

Я в пеленках. Знаешь, какая разница. Я всех отдам за тебя, а она нет.>

Соня жила с Пьером и Наташей. Ревнует Наташа к одной, про которую Пьер сдуру рассказал.

Как обжились.

На полях л. 177: Каратаев что дольше, то

лучше. Похоже[?] на те[?] глупости.

Князь Андрей, сон, двери.

[^^^]

1269

Зачеркнуто: судя о Nicolas и хваля его

[^^^]

1270

Зачеркнуто: отвечая на первый вопрос, поцеловал ТОЛЬКО

[^^^]

Автограф. Начинается лист текстом с пометой X, относящейся к неизвестной рукописи: та личность, которая должна стоять оправданием для всех личностей, действующих позади ее, как будто по ее воле, <Личность эта заключает в себе глубокий интерес, но не в том смысле, в котором она имела его для современников и для историков, удерживавших современное воззрение на личность, — власти силы и величия; личность эта заключает глубокий интерес по тому, как необходимо она образовывалась для исполнения своей страшной <роли в> нечеловеческой роли в истории.> личность, долженствующая исполнить самую страшную нечеловеческую роль в истории.

[^^^]

На полях конспект: Не оправдывая, не обвиняя. Тихон идет сзади, продает сапоги. Вспоминает о своем времени, миродеров. *Зачеркнуто:* <Французы, начавшие> Люди, совершавшие движение с запада на восток и с востока на запад <сопровождаясь бесчисленным количеством злодеяний>, убивали, мучали себе подобных. Но они были все люди, с свойственной каждому человеку искрой божественной любви к человеку, — более того, все они верили в божественное откровение любви к ближнему, но все они <участвовали в бесчисленных злодеяниях> должны были участвовать в предназначенном злодейском движении.

Каким образом христиане — люди, в которых вложено отвращение к убийству, могли совершать эти злодеяния? Вот единственный, вечный вопрос истории! *На полях вписан текст первых двух абзацев, а дальнейший текст автографа, кончая:* было движение с запада на восток *отчеркнуто вертикальной чертой.*

[^^^]

1273

Зач.: Посмотрим

[^^^]

1274

Зачеркнуто: совершенно

[^^^]

В рукописи: Солдаты

[^^^]

1276

Зач.: также

[^^^]

1277

Зач.: несколько

[^^^]

Зач.: С этой точки зрения посмотрим на <Наполеона> вершины одной из величайших пирамид истории: Н[аполеона] и А[лександр].

[^^^]

1279

Зач.: отчаянная дерзость

[^^^]

1280

Зач.: из грязи

[^^^]

1281

Зачеркнуто: непостиж[имых]

[^^^]

1282

Зач.: и гибнет.

[^^^]

1283

Зачеркнуто: движения

[^^^]

1284

Зач.: по странным, необъяснимым случайностям

[^^^]

1285

Зач.: движением.

[^^^]

Далее знак переноса к другому, несохранившемуся автографу. Восстанавливаем этот кусок текста по копиям.

[^^^]

1287

Зач.: опять

[^^^]

Зач. в копии: странная случайность — миллионы случайностей приводят этого человека на корабль англичан, на остров св. Элены и ему *и вписано на полях, кончая:* теперь актеру этому

[^^^]

1289

Зач.: Но опять по какой-то странной случайности *и вписано:* И

[^^^]

1290

Далее автограф.

[^^^]

1291

Зачеркнуто: добру

[^^^]

Зач.: и обвиняли

[^^^]

1293

Зач.: злодея и

[^^^]

Автограф.

[^^^]

1295

Зач.: Историки расска[зывают]

[^^^]

1296

Зач.: страшные

[^^^]

1297

Зачеркнуто: отечеством,

[^^^]

В автографе: умирающим

[^^^]

1299

В автографе: передающим

[^^^]

1300

Зач.: усталым, почти озлобленным, не вмещающимся больше

[^^^]

1301

На полях: Время пришло [?] *Второе слово*
можно прочесть: причи[на]

[^^^]

1302

Зач.: Почему

[^^^]

1303

Зач.: Александр не шел [?]

[^^^]

1304

Зач.: и взяв Наполеона

[^^^]

1305

Зач.: почему

[^^^]

1306

Зачеркнуто: закрыл

[^^^]

1307

Зачеркнуто: Только

[^^^]

1308

Зач.: этого пос[тупка]

[^^^]

1309

Зач.: бескон[ечно]

[^^^]

1310

Зач.: говор[ю]

[^^^]

1311

Зач.: связанными

[^^^]

1312

Автограф.

[^^^]

1313

Зач.: в де[ятельности]

[^^^]

1314

Зач.: и из этой

[^^^]

1315

Зачеркнуто: Даже

[^^^]

1316

Зач.: То же самое видим в исторически

[^^^]

1317

Зач.: героических

[^^^]

1318

Зач.: героических

[^^^]

1319

Зач.: И объяснения эти представляет нам так называемая

[^^^]

1320

Зач.: в трудах

[^^^]

1321

Зач.: не одну

[^^^]

1322

Зач.: участвуют

[^^^]

1323

Зач.: видоизменениях

[^^^]

1324

Зач.: Гервинус, н[а]п[риимер], признав

[^^^]

1325

Зачеркнуто: произволы

[^^^]

1326

Зач.: Эти историки беспрестанно наты-
ка[лись]

[^^^]

Зач.: Признавая то, что из совпадения различных произволов вытекает общее событие, историки эти не признают общее событие за предмет изучения, а признают таковым произволы участников, произнося суд над ними.

[^^^]

1328

Зачеркнуто: критикуя

[^^^]

Зач.: Приказы: Александр приказывает посадить Людовика XVIII на трон Франции, и его сажают.

[^^^]

Зач.: Из этого вечного существенного противоречия, лежащего в самом взгляде этих историков на свой предмет, историки эти спасаются в произвольно взятых отвлечениях, которые они выдают за смысл истории, и в признании какого-то исторического таинства, делающего исторического человека человеком своего времени. <Отвлечения эти:> То <это> падение 3[ападной] Римской Империи, то возрождение науки и искусства, реформация, монархическая власть, среднее сословие, феодализм, революционные идеи, свобода народов, конституционализм, национальности и наконец самое общее и темное отвлечение — прогресс, цивилизация.

Но все эти отвлечения не затрагивают вопросов истории о движении масс. Все эти отвлечения суть только отвлечения из известной нам деятельности государей и министров, которые в этих отвлечениях признаются роковыми деятелями; вопросы же богатства, бедности, переселения народов, войн, убийств — находятся вне этих отвлечений.

Почему вопрос о развитии монархической власти будет для меня интереснее вопроса о истреблении лесов, о средствах пеленать детей, о напитке, вошедшем в употребление, и т. д.

Отвлечения эти суть только удобства того исторического изложения, которое не захватывает жизни. <Лудовик XIV был человек своего времени, основатель силы государства. Лудовик XIV>

Последнее отвлечение, на которое стремится мерить история, есть прогресс цивилизации, определение которого мы тщетно бы стали искать у историков.

Но какого бы взгляда ни держались историки, все согласны, что массы движутся по воле некоторых.

<Ежели не> Или герои руководят действиями масс, или массы руководят действиями героев, или герои вместе с массами подчиняются одним общим законам. <Нельзя себе представить, чтобы> Историки же говорят, что несколько человек, связанных между собою законом необходимости <руководили действиями масс>, т. е. сами подчиненные зако-

нам, руководили действиями масс.

[^^^]

1331

Зачеркнуто: Героические

[^^^]

1332

Зач.: прагматические

[^^^]

1333

Зач.: подчиняясь законам

[^^^]

1334

Зач.: Несмотря на посл[еднее] <Вся>

[^^^]

1335

Зач.: сам собою как бы решает

[^^^]

1336

Зач.: слабого

[^^^]

1337

Зач.: <того периода, который> Наполеонов-
ского пери[ода].

[^^^]

1338

Зачеркнуто: отсутствия всего

[^^^]

1339

Зач.: отсутствие свободного времени

[^^^]

Зач.: И история, не оставившая ни одного героя, не разоблачив его, и изучение среды, в которой <вырастают> действуют исторические лица, заставляют признать, если не <равенство сил духа исторических лиц во всяком> преимущество сил духа всякого частного лица с историческим лицом, то по крайней мере равенство; и потому вопрос о том, каким образом один человек, равный с другим по силе духа, заставляет подчиняться себе миллионы, <остаётся во всей> своей силе и не может иметь другого решения, как то, что исторические люди имеют сверхъестественную силу или что влияние их на других людей не существует, а только кажется.

Вместо зач. вписано на полях и вновь зач.: Кроме того, не говоря об исторических героях — Кесарях, Наполеонах <своей> <о которых могут быть различные мнения>, мнимой гениальностью достигших власти, о которых могут быть различные мнения, люди, по наследству пользующиеся властью: Лудовик XI, австрийские императоры и бесчисленное ко-

личество исторических лиц, известных нам по ничтожеству своей силы ума и души, имеют власть над миллионами людей.

Следовательно, лица, имеющие власть, не имеют ее вследствие <своей> силы своего духа и не имеют ее вследствие преобладания той среды, в которой всегда находятся власти-тели, и, следовательно, так как мы не признаем бож[ественного] подчинения народов царям, — мы должны признать, что влияние единичных лиц на массы невозможно и потому не существует.

[^^^]

1341

Зачеркнуто: Но мы видим, что лодка <бежит> стоит, а берега бегут мимо нас.

[^^^]

1342

Зач.: нашего признания

[^^^]

Зач.: Справедливо ли, что воля, приказание Наполеона суть причина движения миллиона людей? Одинаковые причины производят одинаковые следствия, <И в самом деле, если воля Наполеона заставила действовать 600 тысяч> *Вместо зач. вписан на полях текст след. абзаца.*

[^^^]

1344

Зач.: с этой точки зрения

[^^^]

Зач.: что Наполеона вталкивают 18 брюмера в залу собрания и он <считает свое дело>, не желая, не ожидая того, делается консулом и только потом утверждает, что он хотел этого и предвидел.

[^^^]

1346

Зачеркнуто: Союзники желают

[^^^]

1347

Исправлено из: войну и далее зач.: в Крите

[^^^]

Зач.: Это есть выраженная воля человека. В каждую данную минуту существуют бесчисленное количество таких выраженных решений. Когда одно из этих решений исполняется, мы говорим, что это было <приказание> исполненное решение. Что бы ни случилось из взаимодействия людских произволов, всегда это будет чье-нибудь решение. Но почему решение это большей частью бывает решение Наполеонов?

[^^^]

Зач.: слова эти, в форме приказания, положим, выступить в поход 12-го года, могли быть сказаны только в один бесконечно малый момент времени.

[^^^]

Зачеркнуто карандашом: Событие никогда не может быть руководимо одним приказанием, а оно вытекает из тысячи признаков [?] и причин [?] Далее — вставка-автограф на одном листе.

[^^^]

1351

Зач.: <Мираж власти состоит пре[жде]> Но
главное

[^^^]

1352

Зач.: Весь обм[ан]

[^^^]

В автографе осталось по ошибке неисправленным: Главная же и далее зач.: ошибка

[^^^]

Зачеркнуто: <идти> двинуться в Россию в июне,

[^^^]

Далее — новая вставка-автограф на отдельном листе.

[^^^]

1356

Зач.: море

[^^^]

1357

Зач.: и даже прежде

[^^^]

1358

Зач.: ВОЛН

[^^^]

1359

Зач.: ВОЛНЫ.

[^^^]

1360

Зачеркнуто: плывущая по

[^^^]

1361

Зач.: событий

[^^^]

*Зач.: В чем же состоит назначение этих лиц?
Служить временным обманом. Далее — про-
должение основной рукописи.*

[^^^]

1363

Зач.: Итак, деятельность лиц ка[жется]

[^^^]

1364

Зач.: дейст[виям]

[^^^]

1365

Зач.: но сами неразрывно связаны с ними и покоряются воле масс.

[^^^]

1366

Зач.: и прием изучения исторических лиц

[^^^]

1367

Зачеркнуто: она продолжает

[^^^]

1368

Зачеркнуто: Крестовые походы

[^^^]

1369

Зач.: говоря

[^^^]

1370

Зач.: умнее все и надписаны след. два слова.

[^^^]

1371

Зач.: не могущих интересовать никого, ибо с тех пор, как существует мир, никто никогда не устраивал отношений власти и вписаны след. пять слов.

[^^^]

1372

Зачеркнуто: Это

[^^^]

1373

Зач.: власти, хотя и совершенно гипотетическое и вписаны след. пять слов.

[^^^]

1374

Зач.: признается

[^^^]

1375

Зач.: противуреч[ий]

[^^^]

1376

[сущность]

[^^^]

1377

[вещь в себе]

[^^^]

1378

[умопостигаемая воля]

[^^^]

Зачеркнуто: <Вопрос этот с древнейших времен занимал и занимает все лучшие умы человечества. И странное дело, вопрос этот разрешался и разрешается не только различно, не только противоположно одним мыслителем другому, но одни и те же мыслители разрешают его различно, и <часто> почти всегда соединяя вместе и положительное и отрицательное решение. Аристотель признает вместе свободу и необходимость. Святой Августин говорит: *Nunc autem homo non est bonus nec habet in potestatem ut bonus sit sive non videndo* [Человек теперь не добр и не может быть добрым, если он не знает].>

Вопрос этот с древнейших времен занимал и занимает лучшие умы человечества, и с древнейших времен для богословия, права, истории и философии разрешался и разрешается различно, как богословием, так и философией. Пророки

В рукописи осталось неисправленным: ГОВО-
рят

[^^^]

1381

Зач.: и вместе с тем предписывает казнь за преступления.

[^^^]

Зач.: <Апостолы учат> Учители церкви учат о тщете мечтания о свободе и <требуют> налагают ответственность на дела людей.

Contra liberum arbitrium pugno [*1 неразобр.*] scripturae testimonio quosmos de Christo loquantur, — говорит Лютер. [Свидетельства писания опровергаются, когда свободны рассуждения о Христе.]

Nunc homo non est bonus nec habet in potestatem ut bonus sit sive non videndo qualem esse debet sive videndo et non volendo esse <sive> qualem debere esse si videt [Человек теперь не добр и не может быть добрым, если он не знает, каким он должен быть, или он знает, но не хочет быть таким, каким должен быть], — говорит Августин.

Вместо зач. под строкой надписаны след. четыре фразы.

[^^^]

1383

Зач.: рассматривают вопрос и

[^^^]

1384

Зач.: начиная с

[^^^]

1385

*Зачеркнуто: разрешают вопрос и различно
решают его и надписано окончание фразы.*

[^^^]

1386

Зач.: человек должен

[^^^]

[сущность,]

[^^^]

1388

[вещь в себе,]

[^^^]

[ВОЛЯ.]

[^^^]

1390

*Зач.: философ, Шопенгауер и вписаны след.
три слова.*

[^^^]

1391

Зач.: других явлений мира и вписаны след. два слова.

[^^^]

1392

Зач.: der Wille, которая в сущности есть не что иное, как та свобода и вписаны след. девять слов.

[^^^]

[Свободный от предрассудков (философски
необразованный) человек,]

[^^^]

Зач.: Вопрос этот, предполагающийся решенным как историею, так

[^^^]

1395

Зач.: и просто

[^^^]

Зач.: до сих пор не решен ни в философии истории, ни права, ни богословии, ни этики, то есть <науке> учении об нравственности.

[^^^]

1397

Зачеркнуто: под влиянием необходимости
точно

[^^^]

Зач.: Были времена в истории европейского человечества, когда вопрос этот был несознаваем. <Такова> Языческая философия древних греков и римлян <редко и случайно касается этого вопроса> как бы не сознает еще всей важности вопроса. <Так> Аристотель в «Этике» и Цицерон в книге о Судьбе только слегка касаются этого вопроса. Только с христианством вопрос этот отцами церкви постановляется во всей его значительности. Святой Августин и за ним схоластики <приводят> очевидно сознают всю важность вопроса <лежащего в основе как богословия>. После них вопрос из исключительной богословской сферы переходит в область философии. Все глубокие мыслители останавливаются на этом вопросе и различно разрешают его: Гоббес, Спиноза, Кант, Шеллинг, Шопенгауер.

Со времени Августина и схоластиков, со времени знаменитого софизма Буридана обосле вопрос перешел в сознание человечества и только откладывался.

[^^^]

Зач.: и опять вышел [?] из сознания человечества. Произошло ли это

[^^^]

1400

Зач.: <Они> Единственное возражение

[^^^]

1401

Зач.: И так

[^^^]

Зач.: занимая человечество с древних времен, разрешался и разрешается различно, что, несмотря на кажущееся полное разрешение его, следующий мыслитель начинает дело сначала. Что последний мыслитель, окончательно и успешно разреш[ая] вопрос, признает; что *der rohe Mensch* [необразованный человек], видя [?], скажет: *aber ich kann was* [но я могу] [*1 неразобр.*] — видим, что он признает *intelligible Wille* [умопостигаемую волю], который свободен, видим, что разрешение вопроса не переходит в области масс, и, главное, видим вечно неопровержимый довод в пользу свободы, заключающийся в том, что если воля моя ограничена, то сущность ее свободна.

[^^^]

1403

На полях: Сознание и рассуждение

[^^^]

Зачеркнуто вписанное на полях: Не судя о том возможном или невозможном решении вопроса в области отвлеченного мышления, история, как наука опытная, находя и, в истории философии и в действительности два решения этого вопроса, принимает их оба. Но для истории разрешение его неизбежно.

Далее зач. в тексте: Вопрос (не судя о том, возможно или невозможно его разрешение) остается неразрешен.

В области философии, богословия, права, истории одни признают, другие не признают свободы воли.

История <для того, чтобы быть наукой, должна быть наукой опытной>, как опытная наука <история> для разрешения <вопроса> его имеет орудие, которого не имеют другие науки: опыт и наблюдения.

История не только может, не решая вопроса о том, свободна или не свободна воля человека, допуская оба явления, рассматривать эти свободные и несвободные проявления воли во времени

[^^^]

1405

Зач.: Сама философия, богословие, право, сама история *Вместо зач. вписано на полях, кончая:* более или менее свободной.

[^^^]

1406

Зач.: личной жизни

[^^^]

1407

Зач.: человеческому мышлению

[^^^]

1408

Зач.: описывать и наблюдать которые составляет ее задачу.

[^^^]

1409

*Зач.: или несвободна эта воля и вписаны след.
шесть слов.*

[^^^]

1410

*Зач.: это явление, допуская и то и другое и
вписано окончание фразы.*

[^^^]

Зач.: Как исторический, так и личный опыт показывают, что есть проявления воли, всеми признаваемые за свободные, и наоборот.

Когда Наполеон III в своей речи или записках говорит, что он, жертвуя своими наклонностями для общего блага, совершил такое-то действие, или когда я <вспоминаю> говорю, что я написал известные слова потому, что я из всего, что я мог написать, выбрал те слова, которые считал лучшими, и Наполеонов и мой поступок представляются несомненно свободными. Но если я описываю переселение народов, руководимое отчасти Аттилою, или вспоминаю поступок, совершенный мною в первом детстве, когда я <под влиянием одной жадности, без борьбы и выбора> съел стоявшие фрукты, и деятельность Аттилы, и моя представляются мне уже не столь свободными. Я вижу, что стремление народов с востока на запад имело другие причины, чем воля Аттилы, и что Аттила только подчинялся общему движению; то же самое я вижу и в своем детском поступке. Я вижу, что один

мотив жадности руководил мною и что я без борьбы и колебаний, без заметного участия воли, поддался ему. Так что, не говоря об абсолютной свободе или несвободе, посредством наблюдения исторических явлений и личного опыта, мы придем к заключению, что существуют известные степени свободы (мнимой или действительной). Так [как] предмет истории есть выражение воли людей во времени, то, и наблюдая во времени большую или меньшую степень свободы, мы убедимся, что эта большая или меньшая свобода (или представление о ней) зависит от времени.

Как бы то ни было, как для философии, так и для науки права <для богословия, истории>, для этики, <для богословия даже> вопрос не решен. Каждый новый мыслитель передает следующему <свои> только свои попытки, размышления, и следующий

Вместо зач. на полях вписан дальнейший текст до конца варианта.

[^^^]

Зачеркнуто: Итак, мы пришли к выбору: признать, что мнение [?] одного человека, или то, что мы называем волей, из событий, в которых принимают участие 1 000 000 людей. Действительно непонятно, чтобы один человек заставлял убивать друг друга 1 000 000 людей, но ясно, что 1 000 000 людей в своей деятельности могли увлечь деятельность одного человека.

[^^^]

Зачеркнуто: называемой историю. История новейшая как бы признает это, ставя свой идеал в личности; но идеал личный

[^^^]

1414

Зач.: и главное

[^^^]

1415

Зач.: Скажем le grand mot [великое слово]
<Весь>

[^^^]

1416

Зач.: Мос[кву]

[^^^]

1417

Зачеркнуто: Мне кажется, я свободен.

[^^^]

1418

Зач.: неизбежно

[^^^]

1419

Зач.: Сознание

[^^^]

1420

Зач.: говорит Кант

[^^^]

1421

Зач. есть тол[ько]

[^^^]

1422

Зачеркнуто: как оно относится к божеству

[^^^]

На полях: Какие малости [?] божество, излишек свободы? Вопросы богослов[ия] стали прошлым, но в сфере [?] истории нет выбора.

[^^^]

1424

Зач.: людей

[^^^]

1425

Зач.: И стоит допустить (что и нельзя иначе) отсутствие произвола, и отпадают все бессмыслицы, и уничтожается тот произвольный критериум, который берет история. Непонятно, почему история не держится бессмыслицы и отвергает истину. На это 4 причины.

[^^^]

1426

[гуманитарные:]

[^^^]

1427

Зач.: уголовная

[^^^]

1428

Зач.: законов

[^^^]

На полях: Как в а[строномии], так и в истории ошибка в том, чтобы большее заставить вернуться вокруг меньшего.

[^^^]

1430

Зачеркнуто: боръба

[^^^]

1431

Зач.: религия

[^^^]

1432

Зачеркнуто: наибольших телах

[^^^]

1433

В автографе: неподвижно

[^^^]

1434

Зачеркнуто: стоит на

[^^^]

1435

Зач.: ТОЛЬКО

[^^^]

1436

Зач.: ТОМ

[^^^]

1437

Зач.: История теперь есть наука народного самопознания

[^^^]

Зач.: Нет периода в истории, в котором бы необходимые связи эти являлись с такой поразительностью, как в истории начала нынешнего столетия.

[^^^]

1439

Зачеркнуто: говорит: Александр велик, добр, хотел того-то, Наполеон добр, дурен, хотел того-то.

[^^^]

1440

Зач.: И как ясно. (Актер.)

[^^^]

Зап.: Мы видим, что

[^^^]

1442

В автографе ошибочно: ГОЛОВ.

[^^^]

1443

Дальнейший текст написан на отдельном листе.

[^^^]

1444

Зачеркнуто: ИХ СВЯЗЬ

[^^^]

1445

Зач.: Совершается событие

[^^^]

1446

Конспект-автограф на полях вместо зачеркнутого конспекта (см. вар. № 316).

[^^^]

1447

Автограф на том же листе, что и зачеркнутый конспект (см. вар. № 316).

[^^^]

1448

Зачеркнуто: Я не заблуждаюсь

[^^^]

1449

Зач.: я <останусь один> <своего> не найду сочувствия к высказанному мною взгляду, я считаю нужным ответить на могущее <Когда>

[^^^]

1450

Зач.: этого взгляда

[^^^]

1451

Зач.: нового <нашего> моего

[^^^]

1452

Зач.: о котором они не говорят

[^^^]

1453

Зач.: могу не

[^^^]

Зачеркнуто: Фатализм, к которому приводит нас

[^^^]

1455

Зач.: <Сущность свободы вне времени есть
без> Сущность свободы есть душа, сущность

[^^^]

1456

Зач.: Свобода вне времени есть смерть

[^^^]

1457

Записи не расшифрованы.

[^^^]

1458

Зачеркнуто: Я знаю

[^^^]

1459

Зачеркнуто: дурно

[^^^]

1460

Зач.: что

[^^^]

1461

Зач.: Перед этими читателями

[^^^]

1462

Последние два слова разобраны предположительно.

[^^^]

1463

[Я ручаюсь, что нельзя,]

[^^^]

Зачеркнуто: Я желал бы, чтобы значение высказанного мною взгляда на историю было понимаемо читателями так же, как я его понимаю.

[^^^]

1465

Зач.: это относительно воззрения на историю

[^^^]

1466

Зач.: написать

[^^^]

1467

Зач.: бы желал

[^^^]

1468

Зач.: Я не могу признать первого и потому

[^^^]

1469

Зач.: радостное волнение, то мучительное
упорство

[^^^]

1470

Зачеркнуто: по их мнению

[^^^]

1471

Зач.: поставлен

[^^^]

1472

Зач.: Для того, чтобы убедиться в том, что

[^^^]

1473

Зач.: давным-давно

[^^^]

1474

Зач.: Стоит познакомиться

[^^^]

1475

Зач.: противуречия

[^^^]

1476

Зач.: <про> сознания свободы

[^^^]

1477

Зач.: греха

[^^^]

1478

Зачеркнуто: во время своей деятельности

[^^^]

Зач.: Не при каких ст. и. в. так неясно раз. р. и. н. несв[ободное] сознание свое В чем состоит созн[ание], не допуск[аемое] ни К[антом], ни Ш[опенгауэром]? А оно есть в опыте. Но сознание, сознание и раз[ум] не тот я — и почему не может быть.

[^^^]

Зачеркнуто: над жизнью людей и рассуждении об этом, основанном на этом наблюдении,

[^^^]

1481

*Зач.: рассуждение об этом сознании и вписаны
след. четыре слова.*

[^^^]

1482

Зач.: грехе

[^^^]

1483

Зач.: Следовательно

[^^^]

Зач.: Кант в своей третьей антиномии Критики чистого разума и
вписано след. слово.

[^^^]

Зач.: к <разрешению> постановлению и разрешению вопроса этого в чистой области мышления в

[^^^]

1486

Зач.: вопроса возможностью

[^^^]

1487

[«Сочинении о свободе воли»]

[^^^]

[«Мир, как воля и представление»,]

[^^^]

1489

Зач.: может

[^^^]

1490

Зач.: зависеть

[^^^]

1491

Зач.: длинным

[^^^]

1492

[вещью в себе,]

[^^^]

1493

[воля в природе]

[^^^]

[«Мир, как воля и представление» и «Основные проблемы этики»]

[^^^]

[ВОЛИ К ЖИЗНИ,]

[^^^]

1496

[«Сочинение о свободе воли»]

[^^^]

[искреннему (несведущему в философии человеку),]

[^^^]

1498

Зачеркнуто: философии истории, постановляе-
емом

[^^^]

1499

Зач.: Есть только два пути познания — рассуждения и сознания.

[^^^]

1500

Зачеркнуто: <инте> Intellegible Wille

[^^^]

1501

Зач.: которая лежит в нас

[^^^]

1502

Зач.: понятие

[^^^]

1503

Зач.: ВИДИМ

[^^^]

Зач.: Но кроме <метафизических> доводов разумом сознание свободы воли доказывается опытом.

[^^^]

1505

Зач.: Философ говорит, что

[^^^]

1506

Зач.: вытекающее из возмож[ности]

[^^^]

Зачеркнуто: Сознание по самому смыслу своему не может быть ошибочно. Наблюдения, со всех различных сторон приводящие к одному и тому же выводу, тоже еще менее могут быть ошибочны. Ошибка, следовательно, должна лежать в рассуждении. Рассматривая *и вписано, кончая:* того и другого рассуждения, рассмотрим

[^^^]

1508

Зач.: основанные на наблюдениях

[^^^]

1509

Зач.: с самых различных сторон

[^^^]

1510

Зач.: сознании

[^^^]

1511

Зач.: СВОЙСТВ

[^^^]

1512

Зач.: имеют только один источник сознания,
ничем другим не подтверждаются и

[^^^]

1513

Зач.: главное зависимости

[^^^]

1514

Зачеркнуто: человек сознает себя свободным

[^^^]

1515

Зач.: и всегда, напротив, подлежит условиям

[^^^]

1516

Зач.: другими и вписаны след. два слова.

[^^^]

1517

Зач.: в среде его соседей и вписаны след. четыре слова.

[^^^]

1518

Зач.: члена лите[ратурного] общества

[^^^]

1519

Зач.: другими людьми.

[^^^]

Зач.: <Если бы мы могли также ясно <представить> уяснить себе ту связь> Кроме того, член европейского общества еще менее, известной церкви еще менее и, наконец, кроме всего этого, член всего человечества — еще менее. Чем больше мы будем распространять существующую связь человека с внешним миром, тем достоверность понятия о его свободе будет уменьшаться. Дойдя таким путем до последней, самой общей связи человека со всем <остальным человечеством> существующим, уничтожится не только какая-нибудь достоверность или вероятие свободы, но и самое понятие свободы; ибо малейшее

Вместо зач. на полях вписан текст след. абзаца.

[^^^]

1521

Зач.: связь человека

[^^^]

1522

Зачеркнуто: <Если мы спросим> Вывод

[^^^]

1523

Зач.: несомненное

[^^^]

Зач.: необходимо ли это сознание для понимания явлений?

[^^^]

1525

Зач.: что сознание это не есть необходимое условие явлений, не одинако[во] и под[лежит]

[^^^]

1526

Зач.: человек, рассматривая

[^^^]

1527

Зачеркнуто: тому же

[^^^]

1528

*Зач.: которому при серьезном мышлении
Вместо зач. написаны след. пять слов.*

[^^^]

1529

Зач.: зако[нах]

[^^^]

1530

Зач.: вне рассуждения

[^^^]

1531

Зач.: делами

[^^^]

Зач.: как невозможно представление о двух предметах, наполняющих одно и то же пространство <вне времени>.

Необходимость и свобода несовместимы вне времени; но жизнь человека происходит во времени или, по объяснению Канта, мы мыслим только посредством формы мышления — времени.

Свобода и необходимость могут быть понятия, зависящие от времени или от того, прилагаем ли мы к явлению форму времени или нет.

[^^^]

Зачеркнуто: увеличивается и уменьшается наша достоверность о свободе, мы увидим, что понятие это <не существует> само собою уничтожается.

Расширяя точку зрения связи человека с в[нешним] м[иром], мы пришли к очевидно-му полю понятия свободы; но как бы мы ни суживали ее, мы никогда не получим понятия <величины> свободы. Человек находится в полном уединении и <совершает какой-нибудь поступок> мыслит или движется. Свободен ли он? Какое бы ни было уединение, в каком находится человек, что-нибудь окружает его. То, что окружает его, имеет влияние на его мысли и движения. *Вместо зач. вписан на полях дальнейший текст, кончая:* это всегда будет.

[^^^]

1534

Зач.: в первом случае

[^^^]

Зач.: человек, но такое существо, для которого возможен выбор между тем или другим поступком.

Рассматривая человека во времени, отдаляя и отдаляя период времени от поступка до суждения, мы как для одного человека, так и для человечества, пришли к детству, зародышу человека и зародышу человечества при котором не может быть понятия о свободе, но *Вместо зач. вписано окончание фразы.*

[^^^]

Зач.: <Уясняя> Всё более, всё более уясняя причины действия воли, мы пришли к совершенному отсутствию понятия свободы в ребенке и сумасшедшем. Но

[^^^]

1537

Зач.: добродетельном или злодейском и вписаны след. восемь слов.

[^^^]

1538

Зач.: отыскание

[^^^]

1539

Зачеркнуто: другого

[^^^]

Зач.: т. е. другими словами признали бы отсутствие <воли> свободы, т. е. действие

[^^^]

Зач.: Итак, наблюдение показало нам, что <понятие> представление свободы уступает <в действительности> место <понятию> <закону> представлению необходимости и наоборот, представление о большей или меньшей степени свободы и необходимости зависит <только> от 3-х условий:

1) большей или меньшей связи с миром, в котором мы рассматриваем явление, 2) от большего или меньшего промежутка времени, в котором мы рассматриваем событие и 3) от большей или меньшей ясности причины. *Последние восемь слов остались незачеркнутыми.*

Приложив эти условия: 1) связи с внешним миром, времени и причины к общему понятию свободы, мы нашли, что понятие это не существует и немислимо для деятельности человека в внешнем мире, во времени и в зависимости от причин.

Мы нашли, что при наи<большей необходимости> меньшей свободе необходимость представляется наибольшею, но никогда не

представляется полною, ибо для того, чтобы быть полною <она необход[имо]>, должно <постигнуть> допустить бесконечно великое число условий пространства, времени и причинности. Понятие же бесконечно-великого числа есть *contradictio in adjecto* [противоречие само в себе], ибо всякое число есть какое-нибудь $x + 1$ и что при наименьшей необходимости свобода никогда не представляется полною, ибо, чтобы быть полною, она должна быть вне пространства, вне времени и вне причин.

Бесконечное пространство, время и бесконечность цепи причин есть <основной и единственный закон> основное свойство разума. <Сознание вне> Вне пространства *Далее вписано на полях, кончая зачеркнутым: 1) разума и 2) сознания (сноска 9).*

[^^^]

1542

Зач.: понятие свободы и представление необходимости не существуют сами по себе.

[^^^]

1543

Зач.: Но если бы даже возможно было <знание> представление бесконечного конечным и тогда бы

[^^^]

1544

Зач.: мы должны допустить единство человека, отсутствие <быть одн[им]>

[^^^]

Зач.: что точно так же невозможно.

А между прочим те самые невозможные условия необходимости, бесконечности пространства, времени и причин суть основные свойства разума и те самые невозможные условия единичности, существования вне времени и причин, суть то самое, что говорит сознание каждому человеку.

[^^^]

1546

Зач.: подчинить явле[ние]

[^^^]

Зач.: Понятия свободы и необходимости, следовательно, <не существуют сами по себе, а> суть только Wechselbegriffe, взаимно определяющиеся понятия, суть взаимные разности <друг от друга> от какой-то третьей величины.

Суть понятия положения какой-то точки на какой-то линии, так что чем ближе она к одной стороне, тем дальше она от другой.

Для того, чтобы понятие свободы могло представиться полным, необходимо, чтобы оно не зависело от внешнего мира, от времени и от причин. И такое представление о свободе дает сознание человека.

Понятие относительности тепла, холода, зависящие от двух источников знания: 1) разума и 2) сознания.

[^^^]

Зачеркнуто: Итак, рассуждение доказало, что свобода немислима в пространстве для деятельности человека во внешнем мире, как части целого, для человека во времени и для деятельности человека без причины.

Чтоб быть свободной, воля человека должна быть одна и вне времени и не иметь причины. *Я один и вне времени и не имею причины*, говорит сознание человека и говорит только это. И только в этом одном состоит метафизический узел понимания жизни.

Человек всякий момент настоящего чувствует себя одним владеющим своей жизнью вне времени, т. е. в момент настоящего. *В рукописи знак переноса: к неизвестной рукописи.* Всё отдаляя и отдаляя во времени период наблюдения,

Сознание <наше> <мое> только это самое и говорит мне, говоря, что я свободен.

Зач.: Я не имею причины, ибо эта причина я сам. Разум говорит мне, что я подлежу влияниям одновременно существующего времени и причины; но сознание говорит мне, что я один вне времени и не имею причины, что я свободен в каждый момент. Противуречия не существует, ибо разум рассматривает явления всего существующего, сознание видит одного себя. <Противуречие> Ошибка умозаключения состояла в том, что из того, что я сознаю себя свободным, я вывел [не] то, что я <свободен> сознаю и признавал и все признают себя свободными, а то, что все люди свободны.

Люди признают себя свободными, но рассматриваемые в связи с другими явлениями мира во времени и в зависимости от причин, <понятия свободы не существует>.

Я вхожу в область разума и подлежу основным свойствам разума, пространства, времени и причины.

Человек свободен в сознании и подлжит законам в представлении. История имеет

предметом представление человека о себе в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин.

Вместо зач. вписан на полях и вновь зач. след. вариант.

[^^^]

1550

Зачеркнуто: Как только я из области сознания с неопровержимым

[^^^]

1551

Зач.: Сознание <вид> мое

[^^^]

1552

Зач.: есть существенное свойство разума

[^^^]

1553

[противоречие само в себе.]

[^^^]

В рукописи: друг другу, сами и себе.

[^^^]

1555

Зач.: мысл[и], значени[и]

[^^^]

Далее вписано окончание фразы вместо зач.:
понятия жизни <из> <каждое>, из которых
каждое определяет одно другое. Если мы <го-
ворите свобода> более своб[одны],

[^^^]

Зач.: Мы никогда не можем сказать: свободен и необходим, но можем сказать: более свободен и тогда разумеем только менее необходим, и наоборот. <То, что> Мы называем свободой, необходимостью только известное отношение воли к разуму, ту точку зрения, с которой мы рассматриваем <действия людей> жизнь и человека. <Если, выходя из сознания, мы раздв[игаем] единого себя, находящегося в настоящем> Если мы рассматриваем их из их сознания единого <свободного момента>, отрешенного от мира в момент настоящего и вне зависимости от причин, то мы видим их более свободными <если мы> <чем более мы>, смотря по представляющейся цели ума человеческого. Если цель наша состоит в отыскании законов сознания <и выражении>, мы ограничиваем отношение человека к миру, период времени и зависимость от причин <и рассматриваем>, тем свободнее нам представляются действия людей, чем в большей связи с миром во времени и в зависимости от причин, тем необходимее.

Рассматривая себя в своем единстве в момент настоящего вне причин, мы распространяем область свободы и настолько нарушаем область необходимости наших поступков и законы свободы вообще, имеем дело с сознанием и отыскиваем его законы. Так поступает философия, антропология, психология, искусство.

Если цель наша состоит в отыскании законов разума, рассматривая человека в связи с внешним миром <мы имеем дело с законами разума>, временем и пространством, мы, подчиняя им явления жизни <находим необходимое>, настолько увеличива[ем] область необходимости, насколько уменьша[ем] область свободы.

История рассматривает человека в его связи с внешним миром, во времени и в зависимости от причин и потому она <может рассматривать> не имеет дела до сознания свободы и стремится только к <раздвижению> отысканию законов необходимости.

Для истории существуют только линии движения человеческих воль, один конец которых скрывается в неведомом и на другом

конце которых движется в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин сознание свободы человека.

Далее зачеркнуто на полях: Две границы разума и сознания из разумного вывода.

[^^^]

1558

Зач.: Но как скоро

[^^^]

1559

Зач.: воля проявляется в жизни в связи с
внешним миром во времени

[^^^]

Зач.: Но как скоро воля человека проявляется в связи с миром во времени, в прошедшем и в зависимости от причин, так свобода воли есть только отношение этой воли к законам разума, к закону необходимости.

Единственный путь для постижения той воли есть подчинение ее законам разума, то есть необходимости. Как *Вместо зач. вписано на полях и опять зач.:* Воля в проявлении своем есть то, что мы рассматриваем. Разум есть то орудие, посредством которого мы рассматриваем. *Далее зач. в основном тексте:* И как скоро воля человека проявляется в связи с внешним миром, во времени, в прошедшем и в зависимости от причин, то существует только отношение этой воли <свободы> к законам разума <необходимости>, т. е. закон необходимости, определяющий значение <свободы> воли.

Вместо зач. вписан над строкою и на полях текст след. абзаца.

1561

Зач.: приложение

[^^^]

1562

Зачеркнуто: стремится только к отысканию законов необходимости, определяющих волю человека. *Вместо зач. вписан текст до конца фразы.*

[^^^]

Зач.: <историю на самой действительности. Мы <видели, что> признаем основания, на которых строятся оба противоположные умозаключения, неопровержимые, но умозаключения, выводимые из них, имеют ли такую неопровержимую достоверность? Одинаково ли достоверны доводы разума и сознания и в противуречиях своих не уступают ли одни другим?

Рассматривая с точки зрения достоверности доводы разума и сознания, мы увидим, что первые имеют характер несомненности.

Достоверность вывода нашего о свободе представляется <нам зависящею от> то большею, то меньшею и очевидно находящеюся в зависимости от некоторых других условий. Необходимость, как вывод разума, не может представляться большей или меньшей и зависящей, кроме тех условий, которые принимаются ее причинами; но свобода, как вывод сознания, представляется большей и меньшей и более или менее зависимою.>

Каким образом в действительности соеди-

няются эти два противуречия? Всегда ли одинаково достоверен закон необходимости разума и сознания и в противуречии своем не уступают ли одни другим.

Доводы разума имеют логическую достоверность и никогда не уступают противоположным доводам. Свобода и необходимость каждого рассматриваемого нами поступка представляется нам то большею, то меньшею и всегда тем более свободною, чем менее необходимою, и наоборот.

Далее на полях вместо зач. вписан текст варианта до слов: мы видим свободу. И наоборот.

[^^^]

1564

Зач.: видим, что

[^^^]

1565

Зач.: том, что первый человек

[^^^]

1566

Зачеркнуто: очевиднее

[^^^]

1567

Зач.: вменяемости, т. е. и вписаны след. два слова.

[^^^]

Зач.: Ребенок, пьяный, человек в сильном раздражении очевидно менее свободны, чем человек взрослый, трезвый и спокойный.

Далее вписано позднее и зач. на полях:

Есть поступки, как, например, убийство на войне или сумашедшим, которые нам представляются совершенно несвободными; есть такие, как убийство в гневе, которые нам <кажутся> представляются более <свободны[ми]>, и такие, как убийство с холодно обдуманым расчетом, которые нам кажутся <совершенно> еще более свободными.

Далее следует зач. текст на листах:

Понятие вменяемости, то есть свободы, очевидно имеет известную постепенность.

<Вникая> Рассматривая условия, от которых зависит эта постепенность, мы найдем <их два> их три:

1) большую или меньшую зависимость человека от других людей,

2) большой или меньший промежуток времени, прошедший со времени совершения поступка до времени суждения о поступке

и 3) большую или меньшую доступность для нас причин, руководивших человеком.

Всякая степень большей или меньшей вменяемости и большей или меньшей достоверности о свободе человека зависит только от этих <двух> трех условий.

Далее вписано и исправлено позднее:

Поступок <совершаемый человеком, находящимся в связи с большим количеством людей, солдатом в войске, человеком в толпе, представляется менее свободным, чем поступок, совершенный <одним> человеком в одиночестве>, при котором мы видим те <условия> возбуждающие обстоятельства, которые вызвали его, <тем менее> представляется нам менее свободным, чем тот, при котором мы не видим этих <условий> обстоятельств, как поступок убийства на войне или в гневе.

Поступок, совершенный нами или другим человеком долгое время тому назад, представляется нам менее свободным, чем тот, который совершен недавно.

След. абзац вписан позднее на полях.

Поступок, совершенный ребенком или сумасшедшим, представляется менее свобод-

ным, чем поступок взрослого и здорового.

Рассматривая условия, от которых <они происходят> зависит большая или меньшая достоверность понятия нашего о свободе, мы найдем их три:

1) большую или меньшую видимость для нас <зависимости> связи человека с <другими> внешним миром. Это то условие, на основании которого убийство <на войне представляется нам не преступным, так как действия солдата почти не свободны> в рядах войска или во время революции, в толпе представляется нам менее свободным и потому вменяемым, чем действия человека, рассматриваемого одиноко;

2) больший или меньший промежуток времени от совершения поступка до суждения о нем. Это то условие, на основании которого существует во всех законодательствах давность для преступлений и на основании которой поступок, совершенный 10 лет тому назад нами или другим человеком, представляется нам менее свободным, чем поступок, совершенный нынче,

и 3) большая или меньшая доступность

для нас причин, <руководивших человеком> производших действие. Это то условие, на основании которого человек тотчас же умеряет поднимающийся в нем гнев на камень, упавший ему на голову, на собаку, подвернувшуюся ему под ноги, на ребенка, не дающего ему спать, и на дурачка или сумасшедшего, совершающего вредный поступок. Во всех этих случаях мы тем менее считаем существо свободным, чем яснее причина его действия [?].

[^^^]

1569

Зачеркнуто: другого

[^^^]

Зач.: совершают действия, подлежащие наибольшей необходимости и имеющие наименьшую свободу

[^^^]

1571

Зач.: 30 лет тому назад

[^^^]

Зач.: <убийство, или женщина, падшая тому назад 30 лет, или ребенок> <преступления, из последствий которых вытекают целые ряды событий> преступление и раскаявшийся и ведущий честную жизнь с семьей,

[^^^]

1573

Зач.: совершающий вредные и злые поступки

[^^^]

Зач.: <невиновными, имеющими наименьшую> подлежащими наибольшей необходимости и имевшими наименьшую

[^^^]

1575

Зач.: преступными

[^^^]

Зач.: Понятие о виновности основано на понятии вменяемости.

Вменяемость же как для преступления, так и для всякого другого действия, есть только признание большей или меньшей степени свободы и необходимости.

Чем большую мы признаем свободу, тем большую прилагаем вменяемость, чем большую необходимость, тем меньшую вменяемость.

[^^^]

1577

Так в автографе.

[^^^]

Зачеркнуто: Большой или меньший промежуток времени, прошедший со времени совершения действия до суждения о нем. Это то основание, вследствие которого <умерший человек> поступок

[^^^]

1579

Зач.: супружество

[^^^]

1580

Зачеркнуто: И так

[^^^]

1581

Зач.: <большей или меньшей доступности для нас> большего или меньшего понимания влияний, руководивших поступком человека.

[^^^]

Зач. вписанное на полях: Но так как доступность влияний, руководивших поступками, зависит и от степени проницательности рас­судка, то и очевидно, что понятие нашей сво­боды зависит и от нашего рассуждения о ней. Для сумашедшего поступок другого сумашед­шего не есть несвободный поступок, для де­тей поступки их товарищей кажутся столь ра­зумно свободны, как и для нас действия ан­глийского парламента.

Для одного человека кажутся действия На­полеона свободными, для другого нет. Но как скоро существует закон постепенности, то за­кон этот должен привести нас к

[^^^]

1583

Зач.: большей или меньшей проницательности судящего о свободе субъекта.

[^^^]

1584

Зач.: И действительно

[^^^]

1585

Зач.: влияние на человека существует всегда,
НО МЫ

[^^^]

1586

Зач.: их влияние

[^^^]

Зачеркнуто вписанное на полях: Ошибка умо-
заключения о <нашей> свободе состояла в
том, что из того, что человек <чувствует> со-
знает себя свободным, сделан был вывод, что
он свободен. Единственно возможный вывод
был следующий: если я сознаю себя свобод-
ным, то и всякий человек сознает себя свобод-
ным.

[^^^]

Зач.: Всё отдаляя и расширяя предмет наблюдения, мы пришли к очевидности отсутствия свободы человека в связи с миром и во времени. Но всё приближая и суживая предмет наблюдения, мы придем к математической точке сознания человеком своего единства и к той же математической точке настоящего, то есть к сознанию.

[^^^]

1589

Автограф на полях зач. копии, также зачеркнутый.

[^^^]

1590

Автограф между строк и на полях копии.

[^^^]

1591

Зачеркнуто: бесполезна

[^^^]

1592

Зач.: Одно, что мы можем сказать, это то, что жизнь того и другого в

[^^^]

1593

Зач.: Но

[^^^]

1594

Зач.: и ищет личного и вечного

[^^^]

Зач.: Значение их огромно, но не в смысле историческом, не в выражении воли масс, а в смысле человеческом, в смысле изучения свойств человеческой природы.

Далее конспект: <В чем назначение их? Везде, где событие, и великий человек? Отчего и зачем и какое же их значение?>

[^^^]

1596

Далее копия с поправками Толстого.

[^^^]

Зач.: и не оправдывая и не обвиняя тех людей, которые стоят в фокусе освещения исторических лучей, людей

[^^^]

Зач.: <Взглянем> и взглянем на значение их деятельности с этой точки зрения, взглянем на 20-летний период истории от появления Наполеона до падения его. С этой точки зрения в этот период времени

[^^^]

Зачеркнуто: <что поразит> мы, отрешившись от знания цели, должны признать предметом изучения в этот период истории только самое крупное — обнимающее наибольшее количество произволов людей — явление *и вписаны след. шесть слов.*

[^^^]

Зач.: Две крайние точки этого движения суть Париж и Москва. До 12-го года перед началом движения происходит брожение в крайней точке, с которой начинается движение — в Париже. И та сила, которая должна увлечь народы запада до Москвы, несколько раз устремляясь к востоку и сталкиваясь с начинающимся движением с востока на запад, собирается и нарастает. Сообразно с нарастанием и выработкой силы, вырабатывается и та личность Наполеона, которая должна стать во главе первого движения с запада на восток.

[^^^]

1601

Зач.: с тою личностью, которая станет во главе его движения

[^^^]

1602

Зач.: и та личность Александра, которая должна будет руководить противудвижением.

[^^^]

Зач.: до своего крайнего предела — Москвы, поднимается новая, неведомая никому сила — народ, нашествие бежит и гибнет, поднимается другая волна, с востока на запад, и точно так же, как в первом движении, увлекая с собой срединные народы, доходит до точки исхода движения — Парижа. Как первому большому движению от Парижа до Москвы предшествовали по тому же направлению порывы движения 1805-го, 7-го, 9-го года, доходившие до середины Европы и, наконец, выразившиеся в большом движении до Москвы, точно так же за последним противудвижением от Москвы до Парижа следовал порыв движения 1815-го года.

[^^^]

Зач.: И так как предмет нашего изучения составляют не отдельные лица государей и министров, а всё, участвующее в движении человечества, то мы не можем личные причины деятельности нескольких людей признать причиной всего исторического явления.

[^^^]

Зач.: (Мы до такой степени привыкли к объяснению истории о том, что войны совершаются по воле высших властей, что вопрос этот для большинства людей покажется бессмыслицей. Тогда как бессмыслица лежит в отсутствии этого вопроса.) Как только мы вполне отрешимся от знания цели истории, вопрос этот представится первым и неизбежным.

[^^^]

1606

Зачеркнуто: совершают бесчисленные зло-
действия?

[^^^]

Зач.: Изучая исторические явления во всем их объеме, без знания цели, во всех подобных исторических явлениях, где люди отступают от свойств своей природы, мы находим всегда одинаковые условия. Соединяясь в большие сборища для совершения такого рода совокупных преступлений, и вписаны след. пять слов.

[^^^]

1608

Ср. вар. № 308, стр. 206.

[^^^]

1609

Зач.: Страшное

[^^^]

Зач.: Казалось бы, роль человека, стоявшего на вершине нашествия, кончена, но он еще нужен и Провидение для того, чтобы не вырабатывать новое лицо, когда это готово, бережет его и ореол, окружающий его и скрывающий его ничтожество и бедность.

Вместо зач. вписан рукой Толстого текст до конца следующего абзаца.

[^^^]

1611

Зач.: Конус изменя

[^^^]

1612

Зач.: опять нужен человек

[^^^]

1613

Зач.: С востока

[^^^]

1614

*Исправлено из: другой Далее зач.: пирамиды и
вписаны след. четыре слова.*

[^^^]

1615

Автограф на полях копии.

[^^^]

В рукописи: деятелей

[^^^]

1617

Зачеркнуто: убедились

[^^^]

1618

Зач.: есть только ми[раж]

[^^^]

1619

Зач.: Весь вопрос лежит в одном

[^^^]

Зач. текст копии вар. № 309 от слов: Потом описывают нам опять разговоры государственных людей, кончая: императора Александра, великодушного виновника (стр. 209). Вместо зач. вписан текст первых двух абзацев.

[^^^]

1621

Зач.: у вас соста[вится]

[^^^]

1622

Далее текст исправленной копии того же варианта.

[^^^]

Дальнейший текст вписан вместо зачеркнутого текста копии того же варианта от слов: Как ни привычно это описание для человека мыслящего, кончая: переходят от рассказа фактов к объяснению их значения (стр. 209–210).

[^^^]

1624

Зачеркнуто: не ищет, другого

[^^^]

1625

Далее поперек поля написан след. новый текст и опять зачеркнут.

[^^^]

1626

Переработанная копия вар. №№ 309 и 310.

[^^^]

1627

Зачеркнуто: Пчела.....

[^^^]

Зач.: Историк не может и не должен осуждать исторические силы, а исследовать их.

[^^^]

1629

Зачеркнуто: настоящую минуту,

[^^^]

1630

Зач.: этот бесконечный

[^^^]

Далее — автограф вместо зач. копии от слов:
Как трудно представить себе *кончая*: Так по-
ступает в отношении Наполеона Тьер,
Lanfrey.

[^^^]

1632

Зач.: и единственные

[^^^]

1633

Зач.: и серьезные

[^^^]

1634

Далее текст переработанной копии.

[^^^]

1635

След. абзац — автограф на полях копии.

[^^^]

Здесь эта часть рукописи обрывается.

[^^^]

Вар. №№ 336 и 337 представляют собой дополнительные вставки-автографы во время работы над текстом, отнесенным потом к гл. I и II ч. 2 эпилога.

[^^^]

1638

В начале стоит знак переноса к другой рукописи: ×.

[^^^]

Зачеркнуто: для человечества; из того обстоятельства, что

[^^^]

Зач.: а продолжает *Далее зач. вписанное позднее:* Сущность вопроса истории есть следующая: какой силой в 12 году убили моего отца и сожгли дом? Можно ли также теперь мне и детям [?] и как именно это сделать. Вы говорите государство, произвол [?]

[^^^]

1641

Зач.: <и прежде> были

[^^^]

1642

Зач.: причиной

[^^^]

Зач.: Историки этого рода как будто радуются, когда они нашли связь между Наполеоном и <средним сословием> Штейном и т. д. и очень довольны, что Наполеон — не одна причина события. Но если не он, то кто же? Их положение хуже первых, тогда была власть, а теперь еще новая сила журналиста? Они не замечают того, что влияние Штейна и M-me Stahl вместе с Наполеоном трудн[ее] объяснить, чем одного Наполеона.

Составной [?]

Тьер пишет и прекрасно, Lanfrey пишет и прекрасно. Но что хочет сказать Гервинус: то мог, то не мог. Каким путем журналисты? Ничего понять нельзя.

Конус. Монета.

[^^^]

Зачеркнуто: противуречие писателя самого с собой. Наполеон — хорошо, дурно сделал, вполне [?] хорошо, дурно мыслил, стало быть он мог думать иначе.

[^^^]

△

Далее в рукописи знак переноса на другой лист:

[^^^]

1646

Зач.: употребляют два следующие приема.

[^^^]

1647

В автографе знак переноса на другой лист: ×

[^^^]

Зачеркнуто: например, описывая жизнь народа в XIX столетии, на каждой странице раза два противуречат сами себе, то говоря, что Наполеон есть произведение своего времени, то доказывая, что Наполеон совершил это только [?] своей властью.

[^^^]

1649

Зач.: и имеют власть только как произведения других [?]

[^^^]

Зач.: «Наполеон был произведение своего времени», — говорит Гервинус.

И сейчас же говорит, что Наполеон поступил дурно, увлекшись завоеваниями. Из последнего положения очевидно, что историк видит причину завоевательной деятельности в его воле. Из первого же видно, что историк полагает, что Наполеон имел власть только для исполнения воли народа и своего общего исторического призвания.

[^^^]

1651

Зач.: Смотри Гервинуса, Шлоссера

[^^^]

Далее знак переноса:

[^^^]

1653

В начале автографа стоит знак переноса.

[^^^]

1654

Зачеркнуто: философские и наивные вопросы человечества и вписано окончание фразы.

[^^^]

1655

Копия — переработка вар. №№ 334 и 336.

[^^^]

1656

Зач.: предлагаемые здравым смыслом человечества и надписаны след. два слова.

[^^^]

Зач. текст копии начала вар. № 336, кончая: уже нельзя объяснять события (стр. 271) и вписан дальнейший текст, кончая: но власти этой мы не признаем больше (стр. 275).

[^^^]

Зач.: Точно так же, как сущность вопроса о воздушном электричестве лежит в том, что такое та сила, которая в моих глазах сожгла и расщепила дуб, так и

[^^^]

1659

Зачеркнуто: и Наполеоном, и Лудовиками, и писателями

[^^^]

В рукописи: власть

[^^^]

1661

*Далее автограф над зачеркнутым текстом
копии вар. № 336 и на полях.*

[^^^]

Зач.: В действительности же сущность этой новой, небожественной власти не только неизвестна и непонимаема всеми одинаково, но и историками или вовсе не объясняется или понимается совершенно различно.

Частные историки понимают власть, как несомненное свойство героев и монархов, как причину событий, очевидно предполагая, что сущность того, что есть власть, всем известна и одинаково понимаема.

Общие же историки признают как будто, что власть не есть несомненное свойство героев и монархов и не есть исключительная причина событий, а что сама власть не есть основание силы, а только произведение многих сил. Кроме того, к понятию власти общие историки присоединяют понятие влияния. Так что иногда причиной события они выставляют власть, производную из некоторых сил, иногда влияние.

Так ли это?

Зач. вписанное на полях: Число матерьялов о наполеоновском времени громадно. Все исторические матерьялы того времени могут быть подразделены [*в автографе:* может быть подразделено] на два большие отдела. В первом заключаются писатели мемуаров, биографий, историй отдельных народов. Во втором заключаются общие истории того времени, истории культуры.

[^^^]

1664

Зачеркнуто: Оказывается, что

[^^^]

Зач. во вписанном на полях: Тьер утверждает, что он не потерял бы власть, если бы дал конституцию, Lanfrey говорит, что и т. д.

В частных историях разногласие о том, что такое есть власть, встречается беспрестанно и очевидно основано на личном вкусе историка.

[^^^]

1666

Зач.: исходят из того положения, что власть не есть сила сама по себе, но есть произведение многих сил.

[^^^]

1667

Зач.: немецких патриотов

[^^^]

1668

Зач.: уже совершенно

[^^^]

1669

Зач.: отношений

[^^^]

1670

В автографе, очевидно, описка: 1784

[^^^]

Зачеркнуто: Поступая таким образом, историки принимают за причины один из самых случайных признаков. То, что они признаком этим выбирают умственную деятельность, заключается только в том, что историю пишут ученые.

[^^^]

Зач. текст копии: Я полагаю, что торговцы, если бы кто-нибудь списал с их слов историю, объясняют все причины событий торговлей и деньгами. Земледельцы — земледелием. *Далее зач. вписанное на полях:* <Сапожники> Чиновники — администрацией, солдаты — войной и т. д.

Нет сомнения, что между развитием умственной деятельности и <жизнью> движением народов есть связь, точно так же, как связь эта существует между всем живым.

Связь с движением народов можно найти и в торговле, и в ремеслах, и в науках, и даже в природе. Можно сказать, что причина похода французов в Москву состояла в том, чтобы содействовать совершающемуся с востока на запад [движению] растений, так как французы на возвратном пути занесли с собой во Францию не существовавшее прежде сорное растение; но прежде чем заключить, что весь смысл истории заключается в содействии переселения растений или разнесения идей, надо показать, что всегда <идеи производят со-

отве[тствующую]> потребность переселения
репейника или <разнесения> идей суть при-
чины соответствующих событий.

[^^^]

Зач.: только очевиднее всего доказывает неизбежность понятия власти для объяснения исторических явлений.

Без понятия власти <невозможно объяснить никакого исторического явления, иначе> при существующем приеме истории — описывания единичных людей, а не всех вместе, нет возможности объяснить ни одного исторического явления. Если же понятие это есть та

[^^^]

1674

[с большим усилием,]

[^^^]

1675

Зачеркнуто: право представительства

[^^^]

1676

Начало — копия вар. № 310 после слов: оставили по себе письменные памятники (стр. 212).

[^^^]

Зачеркнуто: Существенное же противуречие этих историков лежит в самом взгляде их на делателей истории.

Вместо вач. вписан текст до конца абзаца.

[^^^]

Зач.: всегда служащее признаком неясной срединности основного положения. Далее до конца абзаца — текст исправленной той же копии. Затем зачеркнут текст копии, кончающийся словами: что было хорошо и что было дурно (см. вар. № 310, стр. 213) и вместо этого вписан дальнейший текст до конца варианта.

[^^^]

Автограф над зач. текстом копии: древних; но как скоро мы отрицаем его, вопрос этот представляется во всем своем громадном значении и <одно постановление вопроса уже есть ответ. Без понятия подчинения божеству воли людей возможно ли влияние воли одного человека на воли миллионов> (см. вар. № 310, стр. 215) и далее зач. автограф: До разрешения его <мы не можем> нельзя сделать ни одного шага в истории. Справедливо ли то, что без непосредственного участия божества воля одного человека может управлять

[^^^]

1680

Зачеркнуто: <слаб> физически слабее

[^^^]

1681

Зачеркнуто: Большая

[^^^]

1682

Зач.: духовной

[^^^]

Зач.: гениальности. *Далее зач. вписанное на полях:* <Не признавая> Признав одинаковую свободу воли за каждым человеком или вовсе не признав ее, предположение это одинаково несправедливо. Если люди одинаково свободны, то воля Наполеона не может насиловать волю миллионов, заставляя их отступать от сущности свободы, добра, заставляя их убивать себе подобных. Если же люди одинаково несвободны, то воля Наполеона должна подлежать одним и тем же законам, которым подлежат и воли других людей, и весь интерес истории переносится с изучения воли Наполеона на изучение тех законов, которым он подлечит вместе с массами.

История предполагает людей свободными. Описывая исторических деятелей, история оправдывает и осуждает их, говоря, что в таком и таком-то случае историческое лицо должно было то-то и то сделать, тем самым предполагая исторических деятелей, как и всех других людей, свободными.

Следующий абзац — второй слой зачеркну-

того текста начала предыдущего абзаца.

Если же воли людей не равны по своей силе и воля одного человека может преобладать над другим, то в свойствах этих людей и их деятельности должны быть условия, объясняющие это преобладание.

<Влияние же исторически[x]> И потому влияние исторических деятелей на массы по воззрению истории может быть объяснено только неравенством [в автографе: неравенства] силы воли людей и такого преобладания силы духа исторических деятелей над другими, что это-то преобладание духа покоряет себе массы.

И потому объяснение это не может быть допущено. Тем более, что *Далее текст исправленной копии.*

[^^^]

*Дальнейший текст — автограф вместо зач.
текста копии.*

[^^^]

В автографе: МИЛЛИОНЫ

[^^^]

1686

Зач.: сама

[^^^]

Окончание фразы по копии на предыдущем листе.

[^^^]

1688

Зачеркнуто: и другая часть, новая историческая

[^^^]

Зач. вписанное на полях: Несмотря на очевидную продуманность этой гипотезы, ибо из миллионов людей, мнимо отрешающихся от своих произволов и переносящих свою волю на одного человека, редко один имеет какое-нибудь смутное понятие о том человеке, в пользу которого он отрешается от своей воли, допустим это объяснение.

Власть исторических лиц имеет источником совокупность воль масс, перенесенных на это лицо. Гипотеза эта как будто объясняет государственную жизнь одного народа в короткие мирные периоды времени; но как только из области мирной государственной жизни народ переносится в область жизни общей — человеческой, являются бесчисленные неразрешимые вопросы. Воля народов Рейнского союза была ли также перенесена на Наполеона во время его могущества? Воля русского народа в 1809 году имела ли также своим представителем Наполеона? и т. д. Но кроме этих недоразумений является еще другой ряд еще более неразрешимых вопросов.

Была ли передана народами власть Наполеону условно <и срочно> или безусловно <и бессрочно>? Если <бессрочно и> безусловно перенесена была на Наполеона воля всех людей, подчинявшихся ему, то тогда одна воля Наполеона была причиной всех переворотов, совершившихся в Европе, и всякое выражение его воли должно было быть исполнено.

Но <мы видим, что> этого не было. Не только во время его падения, но и во время его могущества воля его не только не всегда, но весьма редко исполнялась.

Далее вместо зачеркнутого, судя по следующей рукописи — наборной — следует текст автографа на двух листах.

[^^^]

Зач.: как только в народе совершаются события, которые нужно объяснить, так теория эта оказывается несостоятельна.

[^^^]

1691

Зач.: ничего

[^^^]

1692

Зачеркнуто: что-нибудь

[^^^]

1693

Зач.: обяснила

[^^^]

1694

Зач.: изменяются

[^^^]

1695

Зач.: бессрочно и

[^^^]

Зач.: как полагают некоторые историки, полагая весь интерес истории в описании деятельности героев,

[^^^]

1697

Зач.: в истории

[^^^]

Так в рукописи.

[^^^]

1699

Зач.: срочно и

[^^^]

1700

Зач.: то, как думают новейшие историки

[^^^]

1701

Зач.: определить те сроки и условия, которые назначаются историческим лицам, необходимо

[^^^]

Зачеркнуто: В неопределенности и туманности воззрений новой истории на то отношение, которое существует между историческими лицами и массами

[^^^]

1703

Зач.: том, что власть исторических лиц основана на совокупности воле, переносимых с масс на историческое лицо.

[^^^]

*Автограф на полях копии конца текста вар.
№ 310 после слов: мы видим, что отдаляемся
от цели (см. стр. 223).*

[^^^]

1705

Зач.: и потому не представляет интереса для изучения.

[^^^]

Зачеркнуто: <Новая история по неопределенности своего <воззрения и> приема, та самая, которая выработала этот взгляд на исторических деятелей, <иногда> то как будто признает <иногда как будто>, то как будто не пр[изнает] <его, в сущности же своей отрицает его>.

Новая история как будто признает то, что <исторические лица суть только выражения> воля исторических лиц не есть причина событий, что воля эта исполняется только тогда, когда она совпадает с другими причинами <и что потому исторические лица суть выражения своего времени>.

Но, казалось бы, признав это, история бы должна была <отрешиться> от изучения этих лиц перейти к изучению тех <сил, которых лица эти служат необходимым выражением> причин, по которым исполняется или не исполняется воля исторического лица; но история не делает этого.

Она <продолжает изучать ист> присоединяет только к тем немногим лицам владык

мира, составлявшим прежде интерес истории, еще новых деятелей: писателей, ораторов, философов, художников (всё, что оставило по себе памятники) и рассматривает всех этих людей, как свободных деятелей истории, оправдывая и осуждая их, смотря по предвзятому историком идеалу.

В ответ на запросы человечества о законах видоизменения масс история продолжает отвечать описанием исторических деятелей.

[^^^]

1707

*В копии, сделанной с этого автографа
С. А. Толстой, слово разобрано: мнимо Однако
можно прочесть: многие*

[^^^]

1708

Зачеркнуто: необходимо прежде знать, в чем состоит воля народа.

[^^^]

1709

Зач: <свободу, равенство, цивилизацию, уничтожение феодализма> <падение в> свободу, равенство, цивилизацию.

[^^^]

1710

Зач.: ЭТОМ

[^^^]

Автограф вместо зачеркнутого текста копии от слов: что воля этих людей не есть кончая: интерес исторического лица? (вар. № 342, стр. 286).

[^^^]

1712

Зач.: неизвестны

[^^^]

1713

Зач.: прогрессу, просвещению и что люди эти
всегда служат представителями этого движе-
ния

[^^^]

Зач.: Если условия эти известны, то желательно бы было знать, в чем они состоят. Но история не показывает этого.

[^^^]

1715

Зач.: человечества

[^^^]

Зач.: равновесии [*1 неразобр.*], то в национальности, то в прогрессе цивилизации и т. д.

[^^^]

1717

Зач.: состоящая в равенстве, свободе, просвещении и т. д.

[^^^]

Зачеркнуто: равенстве, свободе, просвещении народов

[^^^]

1719

Зач.: Почему воля народа предпочитает Наполеона Лудовику XVI и Наполеона III Лудовику Филиппу и т. д.

[^^^]

1720

Зач.: весьма просто

[^^^]

1721

Зач. обвиняя в

[^^^]

*Далее следует исправленная копия текста
вар. № 342 от слов: Исторические лица, гово-
рят эти историки (стр. 286).*

[^^^]

1723

Начало — автограф на зачеркнутой копии.

[^^^]

1724

Зач.: случайного

[^^^]

1725

Зач.: вникнув

[^^^]

1726

Зач.: туча <иногда> не всегда идет против ветра, но

[^^^]

1727

Зач.: случайных

[^^^]

1728

Зач.: поверкой

[^^^]

1729

Зачеркнуто: случайный

[^^^]

1730

Зач.: случайным признаком

[^^^]

1731

Зач.: случайным

[^^^]

1732

Зач.: Что ж говорила история?

[^^^]

Зач.: Или я должен допустить, что миллионы свободных волю покоряются одной или наоборот.

Допустив свободу воли Наполеона, приводящего к убийству миллионы, я должен отрицать свободу миллионов, и это самое говорит история.

Далее зач. текст копии вар. № 314, кончая словами: великое слово, стоящее на пути истины (см. стр. 231).

[^^^]

1734

*Далее автограф вместо зач. копии вар. № 314
(стр. 231).*

[^^^]

1735

Зач.: основаны

[^^^]

1736

Зачеркнуто: на каждом шагу встречающегося
в истории, наука

[^^^]

Далее текст автографа на двух отдельных листах, кончая словами: не могло быть другое (см. стр. 292).

[^^^]

1738

Зач.: ничем не может быть объяснено

[^^^]

В рукописи: обсуживая

[^^^]

1740

Зачеркнуто: прошло несколько часов, условия, при которых я находился, изменились

[^^^]

1741

Зач.: событие более отдаленное представляется уже нам последствием

[^^^]

Зач. бывший на этом листе отрывок другого автографа: В чем же состоит она: <слова> приказание ли зависит от события или событие от <слов> приказания? Для того, чтобы рассматривать эту зависимость, должно прежде ясно определить себе, что мы разумем под приказанием и событием. Мы видели, что приказание — это слова. Событие — это физическое движение человека или людей.
Слова

[^^^]

1743

Зач.: произволу

[^^^]

1744

Зачеркнуто: и мысли

[^^^]

1745

Далее текст исправленной копии.

[^^^]

Зачеркнуто: Свободы же в прошедшем не существует и не может существовать, и потому история не может рассматривать людей иначе, как несвободными и подлежащими общим законам необходимости. И то, что то, что предшествующий признак каждого события есть представление о свободе человека, не должно останавливать историка, так как представление это ложно.

[^^^]

1747

Зач.: человек

[^^^]

*Далее конспект на полях след. листа копии:
Общая всем. Значение исторических лиц. За-
кон большей и меньшей степени свободы.*

*На основании этого конспекта и след. ко-
пии (наборной) дальнейший текст печатает-
ся по автографу-вставке на двух листах.*

[^^^]

1749

Зач.: история древних об

[^^^]

1750

Зач.: должна была допустить

[^^^]

1751

Зачеркнуто: несколькими людьми

[^^^]

1752

Зач.: сотни

[^^^]

1753

Зач.: одаренных

[^^^]

1754

Зач.: необходимости, равную несвободу всех людей

[^^^]

1755

Зач.: и понятие о добре или зле поступков людей

[^^^]

1756

Зач.: влиять более, чем другой

[^^^]

1757

Зач.: свободы, в котором

[^^^]

1758

Зач.: одинаково

[^^^]

1759

Зач.: частицы

[^^^]

1760

Зач.: отыскивая законы

[^^^]

1761

Зач.: бесконечно малой

[^^^]

1762

Зач.: <сосредот[очиваются]> закл[ючаются]

[^^^]

В рукописи: то

[^^^]

1764

Зачеркнуто: делениям

[^^^]

1765

Зач.: То же

[^^^]

1766

Зач.: интересных

[^^^]

1767

Зач.: отрешиться от понятия

[^^^]

1768

Зач.: пока история так идет

[^^^]

1769

Зач.: сделано

[^^^]

1770

Исправлено из: та новая почва, на

[^^^]

1771

Переработанная копия вар. № 322.

[^^^]

1772

Зачеркнуто: в жизни человека отношение воли к разуму, свободы к необходимости. В этом

[^^^]

1773

Зач.: человека

[^^^]

1774

Зач.: им, то есть жизнь, закон

[^^^]

1775

Зач.: в сознании

[^^^]

1776

Зач.: необходимость

[^^^]

1777

Зач.: Свобода

[^^^]

1778

Зач.: необходимость

[^^^]

Зач. вписанное на полях: В <действительно-сти> <в возможности, в> соединении своем свобода есть воля, необходимость есть разум.

Воля, как свобода, познается только сознанием.

Разум, как необходимость, познается только <независимо от содержания самим разумом> отвлеченным разумом.

[^^^]

1780

Зач.: воля

[^^^]

1781

Зач.: <в> внешне определяемая законами

[^^^]

Зач. вписанное на полях: Понятие <полной> свободы есть только понятие воли в существе своем — в сознании <понятие же большей или меньшей свободы есть только понятие> Понятие <полной> необходимости есть только выражение общих законов разума.

[^^^]

1783

Зач.: весь мир человека.

[^^^]

1784

Зач.: т. е. чем более воля огра[ничена]

[^^^]

1785

Зачеркнуто: к рассматриваемому явлению.

[^^^]

1786

Зач.: <вообще> в проявлении воли

[^^^]

1787

Зач.: имеющих целью сознание

[^^^]

1788

Зач. вписанное: <Существуют> Двигаются перед нами фигуры и линии

[^^^]

1789

Зач.: Познать законы движения этих линий составляет

[^^^]

1790

Исправлено из: развивается

[^^^]

1791

Зач.: ЭТОТ СВИТОК

[^^^]

1792

Зач.: этих <фигур> линий движения

[^^^]

Зач. текст копии: или трансцендентная воля к жизни Шопенгауера, все без исключения признают ее.

[^^^]

*Зач. в копии: что воля и свобода в сознании
нашем одно и то же и надписано до конца аб-
заца.*

[^^^]

Зач. вписанный на полях автограф: Никакая сила логических доводов, никакой <бесконечный> ряд опытов и наблюдений не могут доказать человеку того, что он не свободен; ибо знание своей свободы <вытекает> получается человеком из совершенно другого источника, чем всякое другое знание: оно получается из сознания, не подлежащего законам разума.

[^^^]

1796

Зачеркнуто в копии: говорят: я могу сказать всё, что хочу, и человек не может говорить и *вписаны след. семь слов.*

[^^^]

Зач. в копии: Ни опыт, ни рассуждения не могут доказать ему противного. Несмотря на то, что опыт и рассуждение показывают ему с самых различных сторон, что всякое действие его предопределено, зависимо от внешних условий, что при тех же условиях и том же характере он неизбежно совершает *и вписанный текст, кончая:* он неизбежно совершит

[^^^]

1798

Зач.: а из сознания

[^^^]

1799

Зач. в копии: неотразимо достоверно показывают человеку, что он может и не может сделать, показывают, что он не может поймать дым, летать.

[^^^]

1800

Далее автограф, кончая: ТОЛЬКО ИЗ ОПЫТА И

[^^^]

1801

Далее автограф до конца фразы.

[^^^]

Зач. текст копии: чувствует себя свободным и необходимо предполагает бессмысленное, именно возможность совершить бесчисленное количество разнообразных поступков при одних и тех же условиях. Мало того: человек не может представить себя и другого человека *и вписано, кончая:* чувствует, что

[^^^]

1803

Зач.: себя вполне свободным

[^^^]

Зачеркнут текст исправленной копии: Если бы человек мог убедиться в том, что в следующую минуту он не будет свободен, он перестал бы жить. Все стремления людей имеют только одну цель — поставить себя в такое положение, в котором возможно бы было наибольшее представление различных поступков при одних и тех же условиях. <Следовательно> Очевидно знание человека о своей свободе и всякое другое знание <подчиняющееся опыту и рассуждению, и знание о своей свободе, не подчиняющееся им, имеют два различные источника: источником первого есть разум, другого — сознание> вытекают из двух различных источников. Первое вытекает из сознания, второе из разума. Первое не подчиняется опыту, второе подчиняется ему.

Вместо зач. вписан рукой Толстого текст до конца след. абзаца, после чего снова идет текст копии, кончая зачеркнутым: понятие общей жизни (см. сн. 3).

1805

Зач.: выводимое из него рассуждение

[^^^]

Зач. текст копии: Человек есть результат многих сил. Каким образом он сознает эти силы? Вот вопрос философии. Рассматривая проявления воли людей в связи с внешним миром и между собой, мы не только видим, что воли людей подлежат законам необходимости, но что и самое понятие общей жизни *Далее следует текст исправленной копии, кончая зачеркнутыми словами:* следовательно, все люди свободны (см. сн. 5).

[^^^]

1807

Зач.: мы чувствуем эту волю свободною.

[^^^]

Зач.: и основанное на нем рассуждение показывает нам людей свободными.

Мне кажется, что ни в одной области мышления, в которых разрабатывался этот вопрос, он не представляется с такою основательностью и потому ясностью, с которой он поставлен здесь по отношению к истории.

Общее умозаключение закона необходимости следующее: всё в мире подлежит законам необходимости. Я есть часть всего мира и потому подлежу закону. Общее умозаключение о свободе следующее: я сознаю свою свободу. Все люди такие же, как и я, следовательно, все люди свободны.

Основания, на которых строятся оба умозаключения, неопровержимы, несмотря на то, что они противуречат друг другу. Соединение этих двух противуречий (субъекта и объекта) составляет неразрешенный узел метафизики; для истории же соединение этих противуречий должно существовать в действительности, ибо если бы соединение этих противуречий было бы невозможно, невозможно бы бы-

ло и понимание каких бы то ни было исторических явлений. На опыте же мы видим, что ум человеческий понимает их. *Вместо зач. вписано, кончая:* понятия свободы и необходимости?

[^^^]

1809

Зачеркнуто: в проявлении своем

[^^^]

1810

Зач.: философия

[^^^]

Зач. в копии: <падении первого человека, мы не видим ни малейшего противуречия в это[м] представлении. Точно так же ни малейшего противуречия не представляет для нас поступок человека, вышедшего из двери, подумавшего секунду о том, куда ему идти, и пошедшего не налево, а направо.> *и далее во вставке-автографе:* <жестокости> деятельности полудикого, завоевавшего край и жившего *и вписано до конца абзаца.*

[^^^]

1812

Зачеркнуто: <составляют противу[речия]> исключают друг друга.

[^^^]

Зач. в копии: Во всех действиях людей мы всегда видим известную долю свободы и известную долю необходимости.

[^^^]

1814

Зач.: СТОЛЬ

[^^^]

1815

Зач.: А между тем, не разрешив этого вопроса, мы не имеем права говорить, что убивать и грабить людей дурно.

[^^^]

Зач.: Кто были эти люди? <Это было войско>
Люди эти были <военные> войско, раздроб-
ленное на различные слои и разряды, из ко-
торых каждый разряд имел своего рода по-
буждения для совершения того, что они со-
вершили. Кто

[^^^]

Зач.: Но как в этом случае Наполеоновского похода, так и во всех других подобных случаях совокупных преступлений, люди отрываются от дома и складываются в известные группы, составляющие одно общее соединение, называемое войском. И только как члены войска люди получают возможность совершать совокупные преступления.

Наблюдение

[^^^]

1818

Зач.: совокупных преступлений

[^^^]

1819

Зач.: называемые государственной властью,
войском.

[^^^]

1820

Зач.: можем не рассматривать

[^^^]

1821

Зачеркнуто: большую или меньшую <связь>
зависимость масс

[^^^]

1822

Зач.: непосредственное отношение вершины к основанию.)

[^^^]

1823

Зач.: по отношению нравственного вопроса:

[^^^]

1824

Зач.: взятый из св[оей]

[^^^]

1825

Зачеркнуто: Прошло 7 лет. Зимой 1820 года Наташа, жена Пьера Безухова, гостила со всем своим семейством в имении своего брата. Имение это было заново после разорения отстроенные Лысые Горы, взятые Николаем в приданое за княжной Марьей.

[^^^]

1826

Зач.: совершенно раззоренный, но не веровавший в это

[^^^]

Зач.: поражал всех, знавших его, своей умственной слабостью и детской предприимчивостью. С неоплатными долгами в Опекунский совет, с <поданными на него ко взысканию частными векселями> огромным количеством частных долгов, он предпринял постройку *и вписано, кончая:* занимался постройкой

[^^^]

Зач.: по совету Митеньки, в одном из имений винокуренного завода огромных размеров, полагая им *и вписано, кончая:* должны были, по его словам,

[^^^]

1829

Зач.: СВОИ

[^^^]

1830

*Зач.: что надобно было жить иначе, но не мог
измениться и шел прежнею дорогою и вписа-
но окончание фразы.*

[^^^]

1831

Зач.: и упорством

[^^^]

1832

Зачеркнуто: <притворяясь верующей в успех его планов и особенно нежна была к нему> и даже иногда как будто интересовалась *и вписано окончание фразы.*

[^^^]

1833

Зач.: предприятиями.

[^^^]

Зач.: момент, долженствовавший обнаружить несоразмеримость долгов с состоянием, должен был наступить; перед наступлением этого кризиса к графу возвратилась болезнь, прежде проходившая без всяких последствий, от которой он умер *и вписано до конца абзаца.*

[^^^]

Далее автограф с исправленной авторской пагинацией: 4, 5, переложенный из другого автографа, на двух листах, кончая словами: вдруг стало близким, возможным, неизбежным (стр. 308).

[^^^]

1836

Зач.: в нравственном

[^^^]

1837

Зач.: и обмануло его и ввело в неясность с самим собой.

[^^^]

1838

Зач.: отказе

[^^^]

1839

Зач.: боялся, как

[^^^]

Зач.: Но мысль о княжне Марье, <не> как о средстве выдти из этого положения, <когда> никогда не приходила ему. Он понимал, что он мог жениться на какой-нибудь неизвестной ему богатой девушке, но только не на княжне Марье. В отношении ее у него были другие чувства и, когда мать напоминала ему о ней, он сердито хмурился.

В середине зимы 1813 года

[^^^]

1841

Зач.: но в число этих богатых неизвестных девушек он не включал княжну Марью.

[^^^]

1842

Зач.: так тяжело, что он начал

[^^^]

1843

*Зачеркнуто: В это самое время и вписаны след.
три слова.*

[^^^]

1844

Зач.: <жившая> приехавшая в Москву и узнавшая о Ростовых, приехала к графине. <Прием> <Встреча Николаем> Княжна Марья была поражена той встречей, которую сделал ей Николай *и вписано до конца след. фразы.*

[^^^]

1845

Зач.: Княжна в первую минуту почувствовала отчаяние, потом, вдруг вспыхнув, она призвала на помощь свою гордость, говоря себе, что она и не ждала ничего другого и что ей *и вписано, кончая:* «Мне

[^^^]

1846

Исправлено вместо: об ней

[^^^]

1847

Зач.: поговорив с этой, почти сумасшедшей
<безумной> <помешенной> старухой

[^^^]

1848

Зач.: с своим чутьем нравственного добра, поняла всё и почти <угадала его положение> и *вписано, кончая:* была уверена, что

[^^^]

1849

Зач.: <кот> сухости Николая

[^^^]

Зач.: Робким и вопросительным взглядом княжна смотрела на него, но его взгляд ничего не отвечал ей.

[^^^]

Зачеркнуто: поняла вполне настроение души человека, которого она любила и вписано окончание фразы.

[^^^]

1852

Зач.: жить, как он жил свою молодую жизнь для матери, без надежды на улучшение.

[^^^]

1853

Зач.: на свое положение.

[^^^]

1854

Зач.: вполне

[^^^]

1855

Зач.: эти усы, лицо его и <откры> молодцова-
тость, не

[^^^]

1856

Зач.: любит меня, он удаляется и не хочет соединять дело расчета с чувством? *и вписано,*
кончая: удаляется от меня?

[^^^]

1857

Зач.: Он шел по тротуару в старой бекешке, опустив голову. Он не заметил ее.

[^^^]

1858

Зач.: и на лице его мелькнула улыбка и вписано окончание фразы.

[^^^]

1859

Зач.: казался ей в своем бобровом картузе и немодной бекеше и вписано до конца абзаца.

[^^^]

1860

Зач.: и, сказав несколько слов, вышел. <Перед> Выходя и и вписаны след. пять слов. Далее зач.: встал и собираясь исправлено на: собирался.

[^^^]

1861

Зач.: Ему стало больно за нее, совестно за себя. Он *и вписано, кончая:* сказал он себе

[^^^]

1862

Зачеркнуто: вину и вписаны след. три слова.

[^^^]

1863

Зач.: чувствовала теперь потребность *и вписа-*
но, кончая: неудержимую потребность

[^^^]

1864

Зач.: и ценит

[^^^]

1865

Зач.: сказал он, сердито хмурясь.

[^^^]

1866

Зач.: мягко

[^^^]

1867

Зач.: И он грустным глубоким взглядом посмотрел ей в глаза.

[^^^]

1868

Зач.: почему

[^^^]

1869

Далее автограф на полях, перемежающийся с текстом исправленной копии.

[^^^]

1870

Зач.: (M-lle Bougienne вышла замуж)

[^^^]

1871

На полях: <У них умерло 2. Книги.>

[^^^]

1872

*Зачеркнуто: часть вписано след. слово и дол-
гов исправлено на: долги*

[^^^]

1873

Зач.: неожиданное и вписано след. слово.

[^^^]

1874

Зач.: уплатил последнее и всю часть наследства предоставил Пете, продолжавшему служить в военной службе. В <шесть> семь лет, прошедшие со времени его женитьбы, *и вписано, кончая:* к 1820-му году

[^^^]

1875

Зач.: весь

[^^^]

Зач.: <устроил так свои дела, что считался одним из лучших хозяев и самых богатых людей губернии и, главное, считался одним из самых <дельных> лучших хозяев. Он не увлекался теми нововведениями> не только заплатил долги, равные по стоимости всему имению же[ны], но увеличил <даже> это имение, прикупив небольшую деревню около Лысых Гор и собрав небольшой капитал, который он намеревался употребить на исполнение своей любимой мечты — выкупа родового Отрадного *и вписано, кончая:* не любил нововведений,

[^^^]

1877

Зач.: всеми

[^^^]

1878

Зач.: но имел в высшей степени тот такт хозяйственности, который нужен всегда и в особенности был нужен в то время и вписано на полях до конца абзаца.

[^^^]

1879

Зач.: тот человек и вписаны след. три слова.

[^^^]

1880

Зач.: хозяин и вписаны след. восемь слов.

[^^^]

Зач.: работник — тогда крепостной мужик. Ежели бы у Николая спросили, в чем состояла его, принесшая столь блестящие результаты теория хозяйства, он не сумел бы сказать; но все действия его показывали, что он <показал, что вся сила в мужике> хорошо и твердо знал, в чем была эта сила. Ему показал это и здравый смысл, и еще более чувство, потому что, наказывая, отдавая в солдаты, заставляя их изо дня в день работать, он любил этих мужиков той сильной, непоколебимой любовью, которой любят только свое. Всё искусство Николая, приносившее необыкновенные результаты, состояло только в том, что он любил мужика *и вписано до конца след. фразы.*

[^^^]

1882

Зачеркнуто: мужика

[^^^]

1883

Зач.: Мироедов, эксплуатирующих бедных, и

[^^^]

1884

Зач.: исправлять или

[^^^]

1885

Зач.: руководясь при этом только требованиями всего общества.

[^^^]

Зач.: В мелочные подробности хозяйства он не входил; не любил посевов дорогих хлебов, не любил мастеровых дорогого производства: всё было просто; поля засеивались обыкновенными хлебами и луга скашивались во-время. Как благоразумный извозчик <понимая, что конь его> не нуждается в чувствах нежности для того, чтобы <хорошо возить, задает ему корму вволю> холить <кормить> свою лошадь, так и Nicolas делал добро своим мужикам, зная, что они принесут ему наибольшую пользу только в той форме, которая им была естественна и привычна. Если он отказывал своей жене облегчить работу того или другого, если он сам себе не позволял никогда вмешиваться в дела крестьян, то происходило это от того, что форма, в которой ведено было хозяйство, была барщина и, следовательно, облегчая одного, он утруждал других. *Вместо зач. надписан рукой Толстого текст, кончая словами:* в его душе было твердо и непоколебимо.

[^^^]

Зач.: но он счел бы за мечтателя того, кто сказал бы ему, что он добродетельный помещик, заботящийся о благе своих подданных. «Избави господи», говорил он Пьеру, хотевшему внушать ему добродетель, «мне чорт

[^^^]

1888

После текста наборной рукописи ч. 1 эпилога на последнем листе (60) — автограф Толстого, носящий характер конспекта.

[^^^]

1889

Зачеркнуто: испытывающий на себе каждую минуту своей жизни

[^^^]

1890

Зачеркнуто: при своих условиях жизни

[^^^]

Автограф обрывается. На обороте того же листа — новый автограф, видимо одного из начал эпилога.

[^^^]

1892

Зач.: Нико[му?]

[^^^]

Зач.: Бессмысленность ответа не требовала бы возражений, ежели бы не было твердо установлено мнение, как мнение о утверждении земли.

Но отчего установилось это мнение? И отчего, если оно ложно, никто не обратил на это внимания?

[^^^]

1894

Зач.: хотя в другой форме

[^^^]

Зач. текст исправленной копии: те же верования. Они отвергают мнимое знание древних, ограниченных целей, к которым ведется народ, они не признают того, что иудеям предназначено богом придти в обетованную землю, они отвергают то, что избранники божества божественной силой подчиняют себе волю народа, но говорят то же самое, когда определяют ту цель, к которой идет человечество, и когда описывают деятельность единичных людей, ведущих человечество к этой цели. (Иногда, смотря по взгляду историка, такими руководителями признаются то цари и министры, иногда философы, публицисты, поэты.) Все исторические сочинения самых различных школ имеют в своей основе эти

[^^^]

1896

Зачеркнутый текст исправленной копии.

[^^^]

1897

Зач.: если вы имеете смелость думать своим

[^^^]

1898

Далее автограф над зач. текстом копии.

[^^^]

1899

Зачеркнуто: и богом руководима была его воля.

[^^^]

1900

Зач.: и чем руководится эта власть. Вместо этого надписан на полях и вновь зач. текст следующего варианта.

[^^^]

1901

Зач.: я полагаю, что

[^^^]

1902

Зач.: (в наше время)

[^^^]

1903

Зач.: Так что

[^^^]

1904

Зач.: выражается личностями исторических лиц, мы

[^^^]

1905

Зач.: к историческим лицам;

[^^^]

1906

Зач.: мы прежде должны и вписаны след. два слова.

[^^^]

1907

Зач. автограф на полях копии, л. 25.

[^^^]

1908

Зачеркнуто: власти

[^^^]

1909

Исправленная копия.

[^^^]

1910

Зачеркнуто: историки обыкновенно

[^^^]

Зач. текст копии: Но ближе всматриваясь в отношения явлений, мы замечаем: 1) что слова, одни слова не производят движения масс, и история показывает нам бесчисленные примеры слов, не производивших никакого действия; 2) что большая часть слов, которые нам выдают за причину события, выдуманы впоследствии, и нам неизвестны подлинные слова, сказанные перед событием; 3) *Вместо зач. вписан на полях дальнейший текст, кончая словами:* В действительности же мы видим

[^^^]

Зач. текст копии: 4) то, что мы видим бесчисленное количество примеров слов, не производивших события, но не видим ни одного примера события без слов, которые бы не относились к нему, как вперед выраженная воля — приказание и 5) то, *Над* *зач. вписан* *дальнейший текст до конца абзаца.*

[^^^]

1913

Зач.: напротив, замечаем, что всякий раз, когда совершается какое-нибудь событие, в котором принимают участие несколько людей, событию всегда <предшествуют слова> предшествует выраженная воля <одного из людей> человека или людей, которая относится к событию, как приказание.

[^^^]

1914

Зачеркнуто: Эти слова никогда не были сказаны.

[^^^]

1915

Зач.: с событием,

[^^^]

1916

Зач.: <с ходом событий> с событием

[^^^]

1917

Зач.: И в этом случае надо найти и вписаны след. три слова.

[^^^]

1918

Зач.: придя в лес, где рубят, сказал бы: хочу, чтобы это дерево, которое вы пилите, было срублено *и надписано, кончая:* рабочим и т. д.

[^^^]

1919

Зачеркнуто: спиленным, а

[^^^]

1920

Зач.: пришел в лес, где рубят, выбрал бы дерево и сказал срубить его *и надписан конец фразы.*

[^^^]

1921

Зач. текст исправленной рукописи: <Итак, мы видим, что> Событие совершается не потому, что были приказания, а приказания <были даваемы> даются потому, что <совершалось> совершается событие. Приказания суть только известные отражения всякого события.

[^^^]

1922

Зач.: <Итак> Событие не может зависеть от слов, слова же, хотя и предшествующие всегда, зависят от события. В чем же состоит эта постоянная зависимость слов от события?

[^^^]

Зачеркнуто вписанное на полях: <Итак: приказание не есть причина события, ибо из большого количества приказаний исполняются только>

За приказанием весьма редко следует <исполнение его> совершение события. Но когда совершается событие, ему всегда предшествует приказание.

Событие совершается не потому, что были приказания; а приказания даются потому, что совершается событие.

Приказания суть только известные отражения каждого события в области выражения мыслей.

[^^^]

1924

Переработка конца вар. № 344 (см. стр. 293) и дальнейших копий гл. XI–XII.

[^^^]

1925

Зачеркнуто вписанное на полях: всех людей, так как во времени произволы всех людей равны между собою и неразрывно связаны.

[^^^]

1926

Зач. вписанное на полях: <Все люди> Каждый человек обладает только бесконечно малым моментом свободы, следовательно элементы свободы всех людей равны между собою.

[^^^]

1927

Зачеркнуто: и тяготения

[^^^]

1928

Автограф-вставка в корректуру.

[^^^]

Зачеркнуто: Только с этой точки зрения, глядя на <свойства, характер и> обстоятельства жизни этого человека, каждая черта его характера, <каждая так называемая случайность его жизни, его насморк одинаково, как и его завладение консульством или приказ об убийстве Энгийенского> каждое событие будут представляться нам все без малейшего исключения одинаково значительными, ибо все будут, очевидно, одинаково необходимы. Только при этом воззрении нам не будет нужно употреблять слова гениальность и случайность, играющие такую важную роль в описаниях всех героев и в особенности Наполеона.

Если допустить, как говорят одни историки, что всё было произведено его волей, то весь европейский мир представляется поприщем капризов одного человека.

[^^^]

1930

Зач.: другие

[^^^]

1931

Зач.: событий было величие Франции, всемирная монархия или даже равновесие Европы, то очевидно, что и та, и другая, и третья цель могла быть достигнута другими путями, и для того, чтобы объяснить, почему это всё было так, а не иначе, надо *и вписано, кончая:* а и не иными путями, должны

[^^^]

1932

Зач.: следующего понятия

[^^^]

1933

Зач.: есть парифраза следующего.

[^^^]

1934

Зачеркнуто: ТОЛЬКО

[^^^]

Зач.: следующего: <я не знаю, хорошо ли это, или дурно, но это удалось,> он гений не оттого, что он разумнее всех, а оттого, что он — гений, всё, что он делает, всё — разумно. Воробей, которого отгоняют от овса, рассыпанного курам, приписывает свою неудачу и удачу кур или случаю, или гениальности, или тому и другому вместе. *Вместо зач. надписан текст конца абзаца и следующего.*

[^^^]

1936

*Зач.: куры накормлены, а воробьи отогнаны и
надписаны след. пять слов.*

[^^^]

1937

Зач.: кормят кур

[^^^]

1938

Зач.: Наполеона и вписаны след. два слова.

[^^^]

1939

Зач.: поставив

[^^^]

1940

Зач.: Наполеона

[^^^]

1941

Зач.: без малейшего необ.

[^^^]

1942

Зач.: самый

[^^^]

1943

Зач.: извест[ен]

[^^^]

1944

Зач.: ПОТОМ

[^^^]

1945

Зачеркнуто: Невозможно придумать другого человека и всего его прошедшего такого, к[оторый] бы мог исполнить свое назначение так, как Наполеон.

[^^^]

1946

Далее зач. автограф на полях гранки № 8 (23).

[^^^]

1947

Зач. автограф на полях гранки № 13 (31).

[^^^]

1948

*Зач. текст автографа на полях гранки № 13
(31).*

[^^^]

1949

*Зач.: намерен до последних сил враждовать и
вписаны след. семь слов.*

[^^^]

1950

Зачеркнут текст копии: хозяин один, сидя дома, скажет: «хочу, чтоб упало дерево». Упадёт ли оно? Нет. Если он скажет приказчику через десять лет срубить это дерево, упадёт ли оно через 10 лет? Вероятно, нет. Если хозяин не имеет денег, чтобы заплатить рабочим, если он не пришёл в лес днем и не указал рабочим и т. д., дерево останется несрубленным. *Над зачеркнутым вписано рукой Толстого до конца фразы и далее зач.:* а связан с другим приказанием о том, чтобы мне дали кружку кваса.

[^^^]

1951

Далее текст исправленной копии.

[^^^]

1952

*Зач.: воля хозяина, вписано след. слово и далее
была исправлено на: было*

[^^^]

1953

Зач.: он имел лес, имел деньги и мог бы прийти в лес, когда там рубят, и т. д., то есть надо было, чтобы хозяин *и вписано след. слово.*

[^^^]

1954

*Зач.: сруба одного дерева и надписаны след.
восемь слов.*

[^^^]

1955

Зач.: в ту минуту, как хозяин велел срубить это дерево и далее могли исправлено на: могут

[^^^]

1956

Зач.: человек приказывающий, никогда не зная, исполнится или не исполнится его приказание, приказывает гораздо более того, что может быть исполнено, часто невозможные вещи. *Над зач. надписано рукой Толстого окончание фразы.*

[^^^]

1957

*Зач.: те же, которые одни и надписаны след.
восемь слов.*

[^^^]

1958

Зачеркнуто: не относящегося к, надписаны след. три слова и далее божеству исправлено на: божества

[^^^]

1959

След. два слова вписаны позднее.

[^^^]

1960

Зач.: имеющих наименьшую власть, всегда наибольшее число, имеющих более власти — меньшее, еще высших — еще меньше и т. д.

Над зач. надписано, кончая словами: в действии, доходит

[^^^]

1961

Зач.: имеющего наибольшую власть и надписано: лица.

[^^^]

1962

Зач.: в особенности тех, в которых они действуют противно свойствам своей личной природы и признаваемых ими нравственных законов, как то в войне и убийствах, они *Вместо зач. вписано след. восемь слов.*

[^^^]

1963

Копия (см. вар. №№ 324–328).

[^^^]

1964

Зачеркнуто: чувствует и надписано: признает

[^^^]

1965

невиновно *переправлено из:* невиновен *Далее*
зач. текст копии: ибо имеет наименьшую
свободу и подлежит наибольшей необходи-
мости, которая так же очевидна, как и в дей-
ствии камня или собаки. *Над зач. вписан*
текст до конца фразы.

[^^^]

1966

Зач.: признает

[^^^]

1967

Зач. текст копии: очевидно, что ребенок, поджегший дом, был руководим только желанием повеселиться и потому подлежал закону необходимости и имел наименьшую свободу, человек же взрослый, здоровый, поджегший дом, смотря по тому, более или менее понятны нам причины, произведшие это действие, представляется нам более или менее свободным. *Вместо зач. вписано окончание фразы.*

[^^^]

1968

Зач.: или вообще людей

[^^^]

1969

Зач.: сумашедших очень

[^^^]

1970

Зач. текст копии: чем образованнее и умнее человек, тем более он терпим и Вместо зач. вписан текст, кончая словами: большею и меньшею,

[^^^]

1971

Зач. текст копии: чем доступнее для каждого причины его поступков, тем менее он нам кажется свободным и далее вставки-автографа: <и тем более необходимым> и с другой стороны, чем спо[собнее] Вместо зач. вписан текст до конца фразы.

[^^^]

1972

Зач. вписанное: поступок представляется

[^^^]

1973

Зач. текст копии: восторгаясь ею в первом случае и карая его в последнем.

[^^^]

1974

Зач. текст копии: мы не понимаем причин действия и и надписаны след. девять слов.

[^^^]

1975

*Зачеркнуто в копии: есть свободная воля и
надписаны след. шесть слов.*

[^^^]

1976

Зач. текст копии: Всё упрощая характер человека и увеличивая возбуждающую <силу> причину, мы дойдем, как в диком или пьяном человеке, где мы математически верно можем определить действия причины и где получается бесконечно малая свобода и наибольшая необходимость.

Напротив, всё усложняя и усложняя характер человека и причины, действующие на него, мы придем к обратному заключению.

[^^^]

1977

Зач. в копии: по отношению связи человека с
внешним миром, мы ко времени и к причи-
нам

[^^^]

1978

Зач.: это взаимно и вписаны след. два слова.

[^^^]

Зач. в копии: постепенно и смотря по той точке зрения, с которой рассматривается. Расширяя точку зрения связи человека с внешним миром, отдаляя период времени и уясняя причины, мы приходим к представлению о наибольшей необходимости и <бесконечно малой> наименьшей свободе. Наоборот, суживая точку зрения связи человека с внешним миром, сокращая период времени и увеличивая недоступность причин, мы придем к наибольшей свободе и <к бесконечно малой> наименьшей необходимости. Ни в том, ни в другом случае мы никогда не придем ни к полной необходимости, ни к полной несвободе. Ибо 1) как бы *Вместо зач. вписан текст, кончая словами:* а это невозможно, ибо как бы (*стр. 329*).

[^^^]

1980

Зач. вписанное рукой Толстого на полях: Рассматривая человека в самой большой связи со всем окружающим, за самый возможно далекий период времени, в самой доступной для нас зависимости от причин, мы придем к <наибольшему> представлению о наибольшей необходимости и наименьшей свободе. <Представив себе такого> Но никогда мы не получим представления о полной необходимости без малейшего участия свободы, ибо если мы допустим такую необходимость, как ту, которой подлежит умирающий или рождающийся человек или совершенный идиот, мы этим самым допущением уничтожаем самое то явление, которое мы рассматриваем, то есть человека. Но как скоро человек есть человек, то он не мыслим для нас без свободы, то есть возможности сделать то или другое <как бы ни ограничена была эта возможность с другой стороны> И возможность эта никогда не может не существовать для нас.

Мы скажем, что свобода человека ограничена в высшей степени, что воля его была так

же зависима, как воля животного, но никогда не поймем поступка человека без участия его воли; <точно так же как не можем понять поступка животного без участия его воли. Ибо если бы могли представ[ить]>

Допустив даже, что при знании [?] всех условий, <деятельность> в которых она проявляется, воля человека так же определена, как и <деятельность> воля животного, мы будем иметь наибольшую необходимость и наименьшую, но не полную необходимость, ибо воля человека <подобная в этом случае воле животного> все-таки будет представлять некоторую долю свободы, ту самую, которую мы называем жизненной силой в животном и растении и которая не может быть подведена под законы необходимости; ту самую сущность жизни, которую мы не знали и не можем определить. Если даже допустить, что воля человека могла быть так же определена, как проявление жизненной силы в растении или даже в неорганической природе, мы никогда не придем к полному отсутствию свободы, ибо сила тепла, движения эфира, электричества, тяготения в сущности своей остается

неподлежащей закону необходимости и представляет известную степень свободы.

[^^^]

1981

Зачеркнуто: каждого поступка.

[^^^]

1982

Зач.: велика и надписано: доступна

[^^^]

1983

Зач.: ее всю, ибо и надписаны след. четыре слова.

[^^^]

1984

Далее до конца абзаца вставка-автограф.

[^^^]

1985

Зачеркнуто: мы никогда не придем к далее
представлению *исправлено на:* представление
и зач.: полной

[^^^]

1986

Зач.: не только для человека, но и для всего существующего.

[^^^]

1987

В текст этой рукописи вклеен кусок корректуры (гранка).

[^^^]

1988

Зач.: совершенно недостижимость для нас причины действия человека, мы бы признали, что действие это не имело причины, то есть имело причиною силу, действовавшую извне, то есть отрицали бы свободу. *Вместо зач. вписано рукой Толстого до конца абзаца.*

[^^^]

Зач.: В первом случае необходимо, отрешившись от сознания, рассматривать явления только по отношению к законам разума и от большей или меньшей ясности причин.

Свобода, ничем не ограниченная, в сущности своей вне пространства, времени и причин, есть воля, сознаваемая человеком. Необходимость, как связь пространства, времени и причин, есть разум человека с его тремя законами. Понятие свободы есть только воля, в существе своем постигаемая только сознанием, понятие необходимости есть только выражение законов разума. Воля есть содержание, разум есть форма. Воля есть то, что рассматривается, разум есть то, что рассматривает.

Понимание жизни одинаково невозможно без формы и без содержания.

[^^^]

1990

Зачеркнуто: ясное

[^^^]

1991

Зач.: не только

[^^^]

1992

Зач.: <состоящее в отношении воли и разума. Жизнь человека понимается только как соединение свободы и необходимости.> но и всего существующего, свободы и необходимости, или нами познаваемого,

[^^^]

Зач. вписанное: всем том, что мы знаем и *текст копии:* Понятия свободы и необходимости не суть понятия сами по себе, но выражают только отношение воли к разуму. Это отношение включает в себя всю жизнь человека.

И только в соединении своем понятие свободы <есть воля> и понятие необходимости <есть разум> получают определенное значение.

В действительности в возможности понимания существует только свобода в своем проявлении, то есть воля, рассматриваемая разумом по закону необходимости, то есть определяемая по законам пространства, времени и причины.

[^^^]

1994

Зач.: людей, воля животных, жизненная сила растений, химическое сродство, законы электричества, тепла, тяготения.

[^^^]

1995

Зач. в копии: и необходимость, не доведенная до последнего конца, т. е. законы разума, суть те два данные, из которых составляется всё миросозерцание и вписаны след. одиннадцать слов.

[^^^]

1996

Зач. в копии: Воля, подлежащая законам разума, есть всё, что мы знаем. Чем более проявления воли понятны для нашего разума, т. е. чем более воля ограничена, тем более мы знаем.

[^^^]

1997

Зачеркнуто *вписанное*: сущность жизни, представляющаяся более или менее свободной волей в человеке, жизненной силой в органических и силой природы в неорганических веществах.

[^^^]

1998

Зач. вписанное: то же, что признание свободы
растения, воды, небесных тел, есть

[^^^]

1999

Зач.: связи с внешним миром

[^^^]

2000

Зач.: фигуры и вписаны след. три слова.

[^^^]

2001

Зач.: моментов и точек сознания

[^^^]

2002

⊗

В начале автографа знак , означающий перенос к тексту вар. № 1 (см. т. 13, стр. 201) после недостающего листа.

[^^^]

2003

Зачеркнуто: природные и вписано след. слово.

[^^^]

2004

Зач.: любовь и вписаны след. три слова.

[^^^]

2005

Зач.: поглощают все

[^^^]

2006

Зач.: была на[готове]

[^^^]

2007

Зач.: <всегда была в> никогда

[^^^]

2008

Зач.: говорившей как будто

[^^^]

2009

Зач.: над холодностью других и

[^^^]

2010

Зач.: горячностью

[^^^]

2011

Зач.: которая

[^^^]

2012

Зачеркнуто: следующий

[^^^]

2013

[«Мы не хотим более вести переговоров с человеком, который изъявил желание мириться, а сам начал вторжение».]

[^^^]

2014

Зач.: с раздутыми ноздрями

[^^^]

2015

Зач.: и блестя глазами

[^^^]

2016

Зач.: но вслед за тем улыбаясь над <своей вос-
торженностью> своим одушевлением.

[^^^]

2017

Зач.: Как

[^^^]

2018

[Необходима осторожность в поступках.]

[^^^]

2019

Зач.: бюджет за

[^^^]

2020

Зач.: обЪЯВИТЬ

[^^^]

2021

Зач.: <колонны войск> вся масса армии

[^^^]

2022

Зач.: не зная всей опасности своего положения и не думая о ней.

После ночного перехода <без дороги, по горам, из Эцельдорфа> 1-го Ноября, в котором <они> войска эти растеряли около трети своих людей отсталыми, после <работ полевых укреплений> передвижений, построений, отступлений в виду неприятеля, которые предшествовали перемирию, они только к вечеру 3-го Ноября <успели в первый раз сварить и> остановились на местах, получили отдых, успели сварить кашу, разложить огни и нагородить, как бобры, балаганчики <из сучей> по всему <протяжению> занимаемому ими протяжению.

Утром 4-го Ноября <все видели, как за неприятельскую цепь для переговоров проехал русский генерал, разнесся слух об перемирии, даже об мире> подошли отставшие в переход 1-го Ноября повозки с водкой и провиантом, и отряд повеселел. Со всех сторон трещали топоры и костры, гремели котлы, воздвигались новые шалаши и слышались

песни. *Вместо зач. вписан и вновь зач. текст до конца варианта.*

[^^^]

2023

Далее в тексте несколько начальных букв слов, не поддающихся расшифровке.

[^^^]

2024

Зачеркнуто.: КОПОШИЛИСЬ

[^^^]